

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЖИВОТНЫЙ ЭПОСЪ

НА ЗАПАДѢ

И

У СЛАВЯНЪ.

Л. Колмачевскаго.

Die Geschichte der Poesie kennt keine Verjährung des Irrthums.
J. Grimm Kl. Schriften V, 180.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1882.

Печатать по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Казанскаго Университета дозволяется 17 апрѣля 1882 г.

Деканъ *Н. Буличъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ наше время странно было бы распространяться о важности того или другаго научнаго вопроса, о необходимости его изученія, притомъ изученія сравнительнаго и т. п. Все это уже устрѣлыя истины: никому не приходитъ въ голову высказывать свои сомнѣнія или поднимать по этому поводу споры. Въ виду этого здѣсь достаточно ограничиться немногими лишь замѣчаніями.

„Никакой сюжетъ въ средніе вѣка“, говоритъ Потвэнъ по поводу романа о Ренарѣ, „не занималъ стольких поэтовъ, не породилъ стольких произведеній, не удостоился стольких изданій на всѣхъ языкахъ“.

Мы не въ состояніи провѣрить этого взгляда на всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ въ области литературы вообще. Но если Потвэнъ (ук. ниже соч. стр. 7), проф. брюссельскаго университета, имѣвшій, допустимъ, возможность заняться провѣркой подобнаго вопроса, рѣшался высказать это мнѣніе съ небольшимъ лѣтъ 20 тому назадъ, то можно безъ преувеличеній сказать, что съ тѣхъ поръ до настоящаго момента вся литература, касающаяся романа о Ренарѣ, увеличилась покрайней мѣрѣ на треть своего объема. Стало быть, оказывается полный embarras des richesses. Притомъ послѣднее двадцатилѣтіе дало преимущественно рядъ критическихъ изслѣдованій и изданій, установлявшихъ весьма оригинальныя точки зрѣнія. Такъ какъ всѣ эти воззрѣнія представляли между собою рѣзкіе контрасты и нетрудно было потеряться въ этомъ хаосѣ противорѣчій, то трудъ, предпринятый съ цѣлью свести результаты, добытые различными учеными, представить настоящее положеніе вопроса, — едва ли можетъ казаться лишнимъ.

Но помимо такого опредѣленія окончательныхъ результатовъ, животный эпосъ возбуждалъ также весьма живой самостоятельный интересъ. Съ этой точки зрѣнія отвѣтъ на тему о животномъ эпосѣ, на которую любезно обратилъ наше вниманіе А. Н. Веселовскій, представляется не только не лишнымъ, но даже необходимымъ. Это важно замѣтить преимущественно въ виду того, чтобы обратить по-крайней мѣрѣ вниманіе на несостоятельность господствовавшей, такъ сказать, санкціонированной гипотезы, которая удерживалась до сихъ поръ путемъ традиціи и признавалась непреложной истиной. Это т. наз. индогерманская гипотеза, которую провозгласилъ знаменитый Я. Гриммъ. Обаяніе имени этого ученаго, обаяніе его теоріи держало въ оковахъ умы даже лучшихъ ученыхъ. А между тѣмъ это пристрастіе, эта вѣра на слово породили массу ошибочныхъ воззрѣній. Объ этомъ можно судить по первой главѣ настоящаго труда, служащей вмѣстѣ съ тѣмъ введеніемъ къ разсматриваемому вопросу.

Рѣшеніе вопроса казалось тѣмъ болѣе заманчивымъ, что представлялась возможность введенія въ кругъ сравнительнаго изученія совершенно новой области, именно животнаго эпоса славянскаго міра. Западнымъ ученымъ эта область оставалась совершенно недоступной и неизвѣстной, словомъ, книгой за семью печатями. Одна сербская сказка о животныхъ, которая была извѣстна Я. Гримму, конечно, не могла способствовать знакомству съ этой невѣдомой областью. Со стороны русскихъ ученыхъ, правда, нерѣдко сопоставлялись животныя сказки славянъ съ животнымъ эпосомъ запада и констатировалось ихъ взаимное сходство; но серьезной попытки опредѣлить отношеніе славянскаго животнаго эпоса къ западному и восточному, указать на степень тожества, опредѣлить—самостоятельное ли явленіе животный эпосъ славянъ или нѣтъ, и,—въ случаѣ отрицательнаго отвѣта и признанія зависимости, — установить пути перехода отдѣльныхъ моментовъ животнаго эпоса, — подобныхъ попытокъ, сколько намъ извѣстно, не было. Скажемъ болѣе — и не могло быть, такъ какъ исходнымъ пунктомъ было не изученіе непосредственное самихъ животныхъ сказокъ у славянъ и восхожденіе къ извѣстнымъ выводамъ, а, наоборотъ, непосредственно прилагалась индогерманская гипотеза и къ явленіямъ въ области славянскаго жи-

вотнаго эпоса. Притомъ упускалась изъ виду [illegible] т. е. невозможность, примѣненія индогерманск[illegible] [illegible] къ явленіямъ славянскаго эпоса безъ предвари[illegible] провѣрки на основаніи аналогичныхъ явленій въ [illegible] сферахъ животнаго эпоса.

Въ предлагаемомъ трудѣ мы постарались дать отвѣт[illegible] на послѣдній вопросъ. Если отвѣтъ этотъ многимъ по[illegible] отступленіемъ отъ господствовавшихъ у насъ воззрѣній, [illegible] этого нельзя поставить намъ въ укоръ: рѣшеніе вопр[illegible] было продиктовано намъ по возможности тщательнымъ и вполнѣ безпристрастнымъ изученіемъ источниковъ и пособій.

Установляя литературное заимствованіе, мы старались притомъ строго слѣдовать ея теоріи, главныя требованія которой А. И. Кирпичниковъ (Св. Георгій и Егорій Храбрый [1879] стр. 175) формулируетъ въ слѣдующихъ мѣткихъ выраженіяхъ: „Теорія литературнаго заимствованія тогда только имѣетъ доказательную силу, когда, указывая сходство между отдаленнымъ и близкимъ, древнимъ и новымъ, въ то же время указываетъ и пути перехода; но если и нѣтъ посредствующихъ звеньевъ, не безполезно указать на разительное сходство, хотя только въ видѣ вопроса, на пользу будущаго“.

Мы впрочемъ очень хорошо сознаемъ, что предлагаемый трудъ, какъ и всякое подобное изслѣдованіе, посвященное сравнительному изученію предмета, заключаетъ въ себѣ недостатки и пробѣлы. Могутъ, напр., указать на то, что не исчерпанъ весь матеріалъ. Въ извиненіе мы готовы высказать увѣренность, что даже въ любомъ столичномъ городѣ, не говоря уже о провинціальныхъ университетскихъ городахъ, не окажется на лицо весь матеріалъ необходимый для извѣстнаго научнаго вопроса. Наконецъ, при сравнительномъ изученіи предмета матеріалъ всегда будетъ представляться въ видѣ неисчерпаемаго источника. Чѣмъ больше будетъ собрано матеріала, тѣмъ нагляднѣе обнаружится его неисчерпаемость, что невольно наводитъ на мысль сравненіе съ песочной ямой, которая становится тѣмъ больше, чѣмъ больше изъ нея выбрасываютъ земли. Мы покрайней мѣрѣ стремились къ возможной полнотѣ въ собираніи матеріала, и въ этомъ смыслѣ, надѣемся, намъ не сдѣлаютъ упрека, что выводы построены на двухъ-трехъ фактахъ.

Допущенныя нами сокращенія въ цитатахъ такъ просты или общеприняты, такъ часто встрѣчаются, что распространяться о нихъ подробнѣе - значило бы даромъ тратить время.

Въ заключеніе мы спѣшимъ выразить искреннюю признательность тѣмъ русскимъ и заграничнымъ ученымъ, которые содѣйствовали нашему труду совѣтами, указаніями или книгами: Н. Н. Буличу, А. Н. Веселовскому, Н. П. Дашкевичу, А. И. Кирпичникову, Е. Коскэну, проф. А. Лескину, М. П. Петровскому, проф. Е. Теца и мн. др.

Посвящаю этотъ трудъ моей матери и моему дядѣ, А. В. Минятову.

Казань
17 іюля 1882 г.

Л. К.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Гл. I. Гипотезы о происхожденіи развитіи и распространеніи животнаго эпоса 1 слл.

Индогерманская или миѳологическая гипотеза Я. Гримма 2. Воззрѣнія Гервинуса 5 и Герцберга 7. Индѣйская гипотеза Вакенера 8. Греческая гипотеза Вебера 9. Воззрѣнія Бенфея 11. Принципъ естественности, обоснованный О. Келлеромъ 15. Взгляды Поленъ Пари 16, Ютвэна 17 и Вакернагеля 18. (Мюлленгоффъ 20). Взгляды Мейснера, основанные на изученіи памятниковъ искусства 20. Критика означенныхъ гипотезъ 23. Выводы 53.

Гл. II. Отношеніе славянскаго животнаго эпоса къ западному 55 слл.

Главныя группы животныхъ сказокъ: 1) Кража рыбы 57. 2) Рыбная ловля 68. 3) Лиса-Исповѣдница или Похищеніе пѣтуха лисою 93. („Перехитряемость“ 105). 4) Неравный дѣлежъ жатвы и 5) Избавленіе человѣка отъ хищнаго звѣря 111. 6) Звѣри странники 123. 7) Лиса-судья или Старая хлѣбъ-соль забывается 135. 8) Волкъ-дурень 139. 9) Дроздъ-кормилецъ 152. Отдѣльно стоящія животныя сказки и отношеніе ихъ къ даннымъ группамъ 163. Выводы 173.

Гл. III. Главнѣйшіе вопросы въ сферѣ средневѣковыхъ поэмъ о животныхъ 174 слл.

Изданія „И з е н г р и м а“ и „Р е й н а р д а“ 174. Содержаніе „Изенгрима“ 175. Ecbasis 177. „Рейнардъ“ 182. Изданія р о м а н а о Р е н а р ѣ 194. Рукописи 195. 1-я—19-я вѣтви 196—210. 20-я вѣтвь и иностранные ея истоки („Р е й н а р т ъ“ I и „Р а й н а р д о“) 210—221. 21-я—

23-я вѣтви 221—224. 24-я вѣтвь и ея индерландск. истокъ („Р е й н а р т ъ" II) 224—235. 25-я — 36-я вѣтви 235—259. Позднѣйшія сатирическія поэмы о Ренарѣ 259. Общія замѣчанія 261. Отношеніе вѣтвей между собой въ связи съ вопросомъ объ авторѣ ихъ по Іонкблуту и Кнорру 263. Отношеніе и соотвѣтствіе вѣтвей въ изд. Мартина и Меона 267. — „Р е й н г а р т ъ" Г е н р и х а Л и ц е м ѣ р а и „Рейнгартъ" въ обработкѣ анонима 268 — 277. „Р е й н а р т ъ" В и л л е м а и „И с т о р і я Р е й н а р т а" 277 — 287. „Р е й н к е" 287 — 294. Слѣды утраченныхъ приключеній 294.—Чертежъ развѣтвленій литературныхъ обработокъ животнаго эпоса (къ стр. 296).

Гл. IV. Сатирическій элементъ въ предѣлахъ животнаго эпоса 297 слл.

Воззрѣнія Эккарда 297, Моне 298 и Я. Гримма 299. Взглядъ Мейснера 300. Характеръ сатиры въ данныхъ поэмахъ 302. 306. Монашество волка 304. Выводы 311.

ДОПОЛНЕНІЯ 132.

I.

Гипотезы о происхожденіи, развитіи и распространеніи животнаго эпоса.

Bei unseren deutschen Forschern [den Brüdern Grimm]... ward die Vorliebe für alle Volksdichtung, ward die Voraussetzung volksthümlicher Unterlagen bei aller möglichen Dichtung allzu einseitig übertrieben.
Gervinus Gesch. d. Deut. Dichtung I[5] [1871] 206.

Первымъ и самымъ существеннымъ вопросомъ въ области животнаго эпоса представляется вопросъ о его происхожденіи. Первоклассные ученые, прибѣгая къ обширному запасу знаній или необыкновнинному остроумію, рѣшали этотъ вопросъ крайне разнообразно. Изучаемый предметъ представлялся каждому изъ нихъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, опредѣляемымъ весьма ограниченнымъ и узкимъ субъективизмомъ.

Односторонность взглядовъ въ значительной мѣрѣ обусловливалась патріотическими тенденціями или недостаточнымъ знакомствомъ съ національными произведеніями или преданіями другихъ народностей, преимущественно же славянскаго міра. Впрочемъ, послѣдній упрекъ значительно ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что лѣтъ за двадцать тому назадъ не было еще той массы накопившагося матеріала, который въ настоящую пору поражаетъ своимъ объемомъ и тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ случаяхъ все еще недостаточенъ для окончательнаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Что же касается патріотическихъ симпатій, то ими нерѣдко опредѣлялись научныя воззрѣнія. Подчасъ играли роль даже спеціальныя занятія, предъ которыми долженъ былъ преклоняться научный вопросъ, рѣшавшійся вслѣдствіе этого

не объективно, а пристрастно. Честь „изобрѣтенія" животнаго эпоса, первые фазисы его развитія, постепенное его осложненіе и т. п. — все это то переносилось на тотъ или другой народъ, то приписывалось его вліянію, то пріурочивалось къ извѣстной странѣ.

Какъ бы то ни было разнообразныя точки зрѣнія не замедлили вызвать цѣлый рядъ гипотезъ или противорѣчащихъ другъ другу взглядовъ. Изъ длинной вереницы мнѣній только за весьма немногими возможно признать притязаніе на достовѣрность; большинство же взглядовъ не заключаетъ въ себѣ даже ничтожной доли вѣроятности или правдоподобія.

Всѣ вопросы, входящіе въ составъ животнаго эпоса, впервые обстоятельно разсматривалъ Я к о в ъ Г р и м м ъ. Онъ создалъ, такъ сказать, вопросъ о животномъ эпосѣ вообще. Въ извѣстномъ своемъ изслѣдованіи (Reinhart Fuchs. Berlin 1834) Я. Гриммъ, конечно, подробно касается и вопроса о происхожденіи животнаго эпоса, прослѣживаетъ пути, по которымъ шло его распространеніе и т. п.

Источникъ животнаго эпоса, по мнѣнію Я. Г р и м м а, заключается въ поэтическомъ созерцаніи народа, усматривавшаго въ разнообразныхъ способностяхъ и качествахъ звѣрей множество чертъ, общихъ съ природой людей. Все это непремѣнно должно было установить интимныя отношенія между первобытнымъ человѣкомъ и міромъ звѣрей (R. F. стр. j сл.). Отсюда вѣра въ превращеніе людей въ животныхъ и наоборотъ, вѣра въ переселеніе душъ, убѣжденіе, что звѣри— существа вѣщія, обладающія чародѣйственной силой, что звѣри одарены предвидѣніемъ человѣческой судьбы, не лишены возможности говорить человѣческимъ языкомъ или обладаютъ своимъ собственнымъ, таинственнымъ говоромъ (стр. iij слл.). Все это вело къ тому, что человѣкъ поспѣшилъ дать звѣрямъ больше простора, вводя ихъ въ сферу собственныхъ дѣйствій, въ кругъ событій человѣческой жизни (стр. jv). Вслѣдствіе этого, естественно, долженъ былъ образоваться родъ „сказаній о животныхъ", коренящихся въ незапамятной, устойчивой традиціи (стр. v сл. xvj сл. xjx. lxjx. lxxvij. ccxvj. cclxviij и др.), разроставшихся съ теченіемъ времени и видоизмѣнявшихся смотря по мѣстности и обстоятельствамъ времени (стр. v сл.). Весь циклъ „сказаній" о Рейнгартѣ основанъ, такимъ образомъ, на народномъ сказаніи, которое сохранялось и развивалось

среди германскаго племени и обнаруживается, слѣдовательно, какъ чисто „нѣмецкая животная сага“ (deutsche Thiersage, стр. xlviij. lij. cclxviij. cclxxv и мн. др.). Она расцвѣла въ Нидерландахъ, сѣверной Франціи и западной Германіи и не выходила за предѣлы этого тѣснаго района: не проникала она ни на югъ Франціи, ни въ Испанію и Италію, ни къ кельтамъ, ни въ Англію и Скандинавію, ни въ славянскія земли (стр. xvj). Въ пользу мнѣнія о „нѣмецкой животной сагѣ“ прежде всего краснорѣчиво говоритъ кумовство, встрѣчающееся между животными, согласно воззрѣніямъ животнаго эпоса (стр. xxvj слл.); затѣмъ, приписываніе лисѣ и волку роли главныхъ героевъ, роли, въ которой они выступали искони (стр. vjx слл.; его-же Kleinere Schriften V [1871] 459); изображеніе непримиримой вражды между волкомъ и лисою (R. F. стр. cclxviij Kl. Schrift. V, 459); приписываніе царской власти среди животныхъ медвѣдю, которая на первыхъ порахъ принадлежала исключительно ему, а не льву (R. F. xliij слл. Kl. Schr. V, 174. 459). Помимо всего этого самымъ важнымъ доказательствомъ въ пользу нѣмецкаго происхожденія „животной саги“ являются собственныя имена героевъ животнаго эпоса, преимущественно Рейнгарта и Изенгрима, ясно обличающія свою германскую основу (R. F. стр. ccxxij. ccxl слл. Kl. Schr. V, 174. 459 слл.). Одного имени Рейнгарта достаточно, чтобы вывести заключеніе о распространенности этихъ сказаній между франками уже въ IV—VI вв., когда еще не могло быть и рѣчи о вліяніи галльскаго языка на ихъ германское нарѣчіе (R. F. ccxlij). Что касается общаго сходства всѣхъ видовъ животнаго эпоса у разныхъ народовъ, то оно очень просто объясняется на основаніи общихъ преданій составляющихъ основу „животной саги“, на основаніи исконнаго родства арійскихъ племенъ, на основаніи „флуктуаціи первобытнаго элемента сказаній“ (R. F. cclxviij. v. cclxxij, cclxxjx. ccxciij. Kl. Schr. V, 462). О заимствованіи не можетъ быть и рѣчи (R. F. cclxvj сл. cclxjx. cclxxjx. ccxciij. Kl. Schr. V, 175); оно возможно только въ крайне рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ (R. F. cclxxij. cclxxxj). Независимость „нѣмецкаго“ животнаго эпоса отъ восточныхъ вліяній обнаруживается, между прочимъ, въ томъ, что въ восточныхъ сборникахъ отдѣльныя сказки вставлены въ рамку и не представляютъ

между собой внутренней связи, тогда какъ въ нѣмецкомъ эпосѣ, который въ случаѣ заимствованія сохранилъ бы и форму восточныхъ рамокъ, ничего подобнаго не замѣчается (Kl. Schr. V, 458). Кромѣ того подтвержденіемъ нѣмецкаго происхожденія служатъ также извѣстныя народныя вѣрованія и миѳическія черты (R. F. ccxcv сл. Kl. Schr. V, 461 сл.), свидѣтельствующія въ пользу глубокой древности „животной саги".—Басни грековъ и римлянъ представляются только скудными осколками первобытной „животной саги" (R. F. xv). Въ нѣкоторыхъ, весьма рѣдкихъ случаяхъ сходство нѣмецкихъ и греческихъ басенъ можетъ быть объяснено заимствованіемъ изъ Византіи благодаря посредничеству готовъ, лонгобардовъ и франковъ. Но эта устная передача довольно сомнительна и допущеніе возможности такой передачи еще не доказываетъ, что она имѣла мѣсто на самомъ дѣлѣ (R. F. cclxvj. lij).

Этимъ исчерпываются основные взгляды Я. Гримма на происхожденіе и развитіе животнаго эпоса и взаимное отношеніе его видовъ.

Гипотеза Я. Гримма, которой можно приписать названіе миѳологической или индогерманской, изложена послѣднимъ съ такимъ искреннимъ увлеченіемъ, такъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о его учености и остроуміи, что на первыхъ порахъ невольно подкупаетъ всякаго въ свою пользу. Въ дѣйствительности же трудъ Я. Гримма долженъ считаться, пользуясь выраженіемъ А. Л. Мейснера (въ Archiv f. d. Studium d. neueren Spr. u. Lit. LXV [1881] 203), „въ высшей степени занимательнымъ филологическимъ романомъ и одной изъ остроумнѣйшихъ вѣтвей нескончаемаго романа о Ренарѣ". Неудивительно, что столь увлекательно изложенныя мнѣнія были немедленно признаны не только почти всѣми нѣмецкими учеными, но и весьма многими иностранными изслѣдователями. Мнѣнія эти въ видѣ догматовъ перешли во всѣ руководства исторіи литературы, проникали въ каждое новое изданіе, распространялись съ каждымъ новымъ учебникомъ, словомъ, казались такой непреложной истиной, противъ которой ратовать—значило бы донкихотствовать.

Дѣйствительно, на первыхъ порахъ индогерманская гипотеза оставалась неприкосновенной. Мало того, многіе уче-

ные принялись за расширеніе или болѣе прочное обосновываніе доводовъ Я. Гримма. Даже такой самостоятельный изслѣдователь какъ Гервинусъ соглашался съ его взглядами и ограничился только болѣе точнымъ разграниченіемъ опредѣленія животной сказки отъ басни: и тотъ и другой видъ Я. Гриммъ считалъ вырожденіемъ разложившагося животнаго эпоса.

Возражая на взглядъ Я. Гримма, Гервинусъ (Geschichte der Deutschen Dichtung von G. G. Gervinus I[5] [1871] [1-е изд. появилось въ 1835 г.]) считаетъ басню „первичнымъ проявленіемъ древняго Востока" (стр. 207). Какъ только у человѣка появилось сознаніе о пропасти, отдѣлявшей его отъ животныхъ, то первое впечатлѣніе этого сознанія выразилось въ признательности по отношенію къ животнымъ за оказанную ему помощь или высказалось въ благодарности за поученія, извлекаемыя человѣкомъ въ столкновеніяхъ съ міромъ животныхъ, служившихъ ему во многихъ случаяхъ образцомъ. Болѣе древняго отношенія человѣка къ міру животныхъ невозможно себѣ и представить. Поэтому-то древнѣйшими пословицами оказываются именно тѣ, которыя прилагаютъ различныя состоянія и свойства животныхъ къ человѣческимъ нравамъ, причемъ легко замѣтить, какъ естественно и просто назидательный элементъ присоединяется къ сдѣланному надъ міромъ животныхъ наблюденію. Извлеченная изъ басни пословица, нравоучительная сентенція, представляется повидимому вполнѣ народной чертой; даже въ испорченныхъ браншахъ романа о Ренарѣ пословица постоянно удерживается обокъ съ разказомъ. Слѣдовательно, во всѣхъ видахъ животнаго эпоса замѣчается одна основная черта: общежитейскія отношенія, добродѣтели и пороки, обыденная житейская мудрость составляютъ основу его, всю суть его поученія (стр. 207). Такимъ образомъ, изъ первыхъ отношеній человѣка къ міру животныхъ неизбѣжно слѣдуетъ, что поученіе является первичнымъ элементомъ въ басни, а басня примитивнымъ элементомъ въ „животной сагѣ". Весьма мирнымъ характеромъ, соотвѣтственно миролюбивому настроенію той отдаленной эпохи, отличается басня на Востокѣ. Первые фазисы ея развитія восходятъ къ незапамятнымъ временамъ, когда общественная жизнь не подвергалась сильнымъ треволненіямъ. Тогда, наоборотъ, проявлялась весьма мѣткая наблюдательность

по отношенію къ самымъ разнообразнымъ проявленіямъ; всему придавалась остроумная форма изложенія, форма притчъ. Высшую стадію развитія баснь достигла уже въ болѣе позднюю, утонченную эпоху, которой вполнѣ отвѣчаетъ эпоха Эзопа, значительно опередившая старинный востокъ въ культурномъ отношеніи (стр. 208). На первыхъ порахъ своего возникновенія произведенія о животныхъ носили нравоучительный характеръ, представлялись жанровой поэзіей, которая впослѣдствіи достигла болѣе свободнаго развитія въ животномъ эпосѣ (стр. 209). Такимъ образомъ, мораль вовсе не является признакомъ позднѣйшаго наслоенія или вырожденія (стр. 210).—Рядомъ съ баснью въ Индіи и Греціи существовала животная сказка, которая оттѣснялась своей соперницей на задній планъ и оставалась въ тѣни. Главная цѣль животной сказки—страсть къ повѣствованію, что впрочемъ вовсе не исключаетъ примѣненія морали. Въ позднѣйшее время и притомъ у народовъ сѣверной Европы преобладала сказка, хотя рядомъ съ ней, напр., у славянъ, встрѣчается и баснь. Прослѣдить исторію этихъ народностей за предѣлы военнаго положенія, смѣнившаго періодъ мирныхъ отношеній въ человѣческомъ быту,—нѣтъ возможности; вслѣдствіе этого въ пересказахъ „животной саги"—все борьба да война и, по той же причинѣ, все передается обстоятельнѣе, такъ какъ только періодомъ войнъ начинается эпоха событій и исторіи. Вскорѣ животная сказка, не довольствуясь сравнительно обширнымъ объемомъ, стремится къ еще большему расширенію, стремится къ сліянію съ другими сказками (стр. 211).—Зависимость западныхъ разказовъ отъ восточныхъ Гервинусъ признаетъ только въ томъ случаѣ, если факты слишкомъ очевидно обнаруживаютъ слѣды заимствованія. Сходство различныхъ сказаній онъ болѣе склоненъ объяснять „одинаковыми природой и развитіемъ человѣческаго духа", словомъ, единствомъ послѣдняго (стр. 213).—Относительно главныхъ героевъ животнаго эпоса слѣдуетъ замѣтить, что въ древнѣйшую пору первенствующую роль игралъ волкъ, который впослѣдствіи замѣненъ былъ лисою. Это доказываетъ посредственная, нерѣдко невыгодная роль лисы въ древнѣйшихъ произведеніяхъ (стр. 216).

Дальше этихъ возраженій Гервинусъ не пошелъ. Къ остальнымъ взглядамъ Я. Гримма, ко всей его сис-

темѣ Гервинусъ выказываетъ полное сочувствіе. Тѣмъ не менѣе онъ далъ первый толчекъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ въ его духѣ и съ него слѣдуетъ вести начало протеста противъ миѳологической гипотезы Я. Гримма.

Мало по малу относительно достовѣрности извѣстныхъ взглядовъ Я. Гримма стали высказываться сомнѣнія довольно рѣшительнаго свойства. Однимъ изъ первыхъ, отнесшихся скептически къ существеннымъ пунктамъ индогерманской теоріи,—былъ В. Герцбергъ (Babrios Fabeln übersetzt in deutschen Choliamben. Nebst einer Abhandlung über den Begriff der Fabel und ihre historische Entwickelung bei den Griechen von W. Hertzberg. Halle 1846). Онъ полагаетъ, что гипотеза Я. Гримма рѣшительно нуждается въ существенномъ видоизмѣненіи.

Весьма невѣроятно, по мнѣнію Герцберга, чтобы разительное сходство отдѣльныхъ чертъ животнаго эпоса у грековъ и нѣмцевъ могло быть объяснено на основаніи общаго достоянія сказаній, существовавшихъ, будто бы, въ предѣлахъ прародины индоевропейцевъ, вообще, чтобы умѣстно было объясненіе существованіемъ такъ наз. праарійской „животной саги". Объясненіе совпаденій существованіемъ сказаній о животныхъ у грековъ въ до-гомеровскую эпоху невѣроятно уже потому, что всѣ свидѣтельства указываютъ на сравнительно позднее проникновеніе животнаго эпоса въ Грецію, гдѣ онъ получилъ только новый толчекъ къ дальнѣйшему развитію. Впрочемъ, это еще вовсе не свидѣтельствуетъ въ пользу теоріи Я. Гримма объ общемъ достояніи первобытной старины, такъ какъ миѳъ распространяется совершенно иначе, нежели басня, точнѣе—животная сказка. „[Миѳъ] заключаетъ въ себѣ частью самыя священныя религіозныя убѣжденія народа, частью самыя дорогія воспоминанія о его происхожденіи и о представителяхъ этого происхожденія, царскихъ и богатырскихъ родахъ" (стр. 150). Животная же сказка, „которая служила не сосудомъ для столь драгоцѣннаго содержимаго, а только цѣлямъ невиннаго развлеченія", поражаетъ именно своей замѣчательной неподвижностью, устойчивостью, сохранявшейся и въ теченіи самыхъ грандіозныхъ переворотовъ въ народной жизни (стр. 151). Идентичность отдѣльныхъ частей животнаго эпоса у грековъ и германцевъ объясняется инымъ путемъ: Прежде всего должна была играть извѣстную роль устная пере-

дача сюжетовъ, проникавшихъ изъ Византіи при посредствѣ готовъ, лонгобардовъ и франковъ. Помимо страсти византійцевъ къ морализаціи, къ сказочнымъ сюжетамъ и болтливости, устное посредничество значительно облегчалось военной службой и лагерной жизнью германскихъ племенъ въ предѣлахъ Византіи (стр. 153). Съ другой стороны необходимо допустить непосредственно заимствованіе басенъ Эзопа при посредствѣ римлянъ изъ разнообразныхъ латинскихъ сборниковъ. Въ этомъ легко убѣдиться по басни о больномъ львѣ (Fabulae Aesopicae collectae, ex rec. C. Halmii. № 255 = Басни Езоповы, перевед. съ Греческаго Иваномъ Мартыновымъ [Спб. 1823] № 72), котораго лиса вылѣчиваетъ шкурой, содранной съ живаго волка. Баснь эта составляетъ исходную точку всѣхъ средневѣковыхъ литературныхъ обработокъ животнаго эпоса, начиная съ латинской поэмы Isengrimus; такъ какъ въ послѣдней царемъ звѣрей является левъ, а не медвѣдь, который свойственъ, какъ доказываетъ Я. Гриммъ, древне-германскому животному эпосу, то понятно левъ могъ удержаться въ поэмѣ Isengrimus единственно благодаря заимствованію изъ басенъ Эзопа (стр. 151 сл. 154). Позднѣйшіе авторы, принимавшіеся за литературную обработку животнаго эпоса, ограничивались расширеніемъ сюжета этой латинской поэмы (стр. 152 сл. 155). Принимая же во вниманіе баснь о больномъ львѣ въ довольно полномъ изложеніи Бабрія (№ 95),—относительно распространенности и общеизвѣстности которой косвеннымъ путемъ постарался представить доказательства самъ Я. Гриммъ (R. F. стр. xlviij сл.),—становится весьма сомнительнымъ существованіе среди германскаго племени „животной саги", какъ наслѣдія глубокой древности, и возможность объясненія отдѣльныхъ басенъ дробленіемъ, а небольшихъ эпопей „скромнымъ выборомъ изъ великаго цѣлаго" (стр. 155).

Еще рѣшительнѣе высказался А. Вахенеръ. Въ своемъ изслѣдованіи (Essai sur les rapports qui existent entre les apologues de l' Inde et les apologues de la Grèce, par A. Wagener, въ Mémoires couronnés et mém. des savants étrangers, publiés par l' Acad. royale des sciences etc. de Belgique. XXV [1854] 1—126) онъ выступилъ въ качествѣ защитника индѣйской гипотезы о происхожденіи животнаго эпоса.

Вахенеръ между прочимъ доказываетъ, что древнѣйшими сборниками басенъ являются отчасти Махабхарата (стр. 21 сл.), главнымъ же образомъ Панчатантра и Гитопадеса (стр. 22 слл.). Многія греческія басни, въ которыхъ сами греки усматриваютъ восточное происхожденіе, представляютъ замѣчательное сходство съ индѣйскими баснями (стр. 56 слл.). Сопоставленіе цѣлаго ряда примѣровъ доказываетъ, что родиной животнаго эпоса должна считаться Индія (стр. 122 слл.). Къ этому заключенію привело примѣненіе слѣдующаго правила: если извѣстная басня у какого нибудь народа нелѣпа, неестественна, а у другаго, наоборотъ, естественна, то она должна быть приписана той національности, которой принадлежитъ лучшая редакція (стр. 112). Такъ какъ извѣстныя греческія басни сходны съ соотвѣтствующими индѣйскими „не только по основѣ, по общей идеѣ, но представляютъ также очевидныя аналогіи по формѣ и даже по мельчайшимъ подробностямъ", и такъ какъ, кромѣ того, замѣчается, что чѣмъ древнѣе греческая басня, тѣмъ болѣе она приближается къ соотвѣтствующей индѣйской басни, то необходимо вывести заключеніе, что „въ извѣстную эпоху между Индіей и Греціей существовали литературныя отношенія, покрайней мѣрѣ по отношенію къ басни". Литературную связь можно отнести къ III в. до Р. Х., хотя она, по всей вѣроятности, восходитъ къ болѣе отдаленному времени (стр. 122). Греческія свидѣтельства и географическія пріуроченія говорятъ въ пользу восточнаго происхожденія басни, созданной вѣроятно индусами, такъ какъ одни индусы почти ничего не заимствовали у сосѣдей и мѣтко подмѣчали характеристическія особенности животныхъ, не говоря о томъ, что они придерживались метемпсихозы (стр. 124) и что многія греческія басни носятъ индѣйскій отпечатокъ (стр. 125). Пути литературнаго заимствованія установились при посредничествѣ ассирійцевъ и персовъ (стр. 125 сл.).

Главнымъ противникомъ изложенный теоріи явился А. Веберъ, который выдвинулъ на сцену новую теорію, такъ называемую греческую. Онъ впрочемъ не столько озабоченъ вопросомъ о происхожденіи животнаго эпоса, сколько опроверженіемъ Вахенера. Съ первой же страницы своего труда (A. W[eber] Ueber den Zusammenhang indischer Fabeln mit griechischen, въ Indische Studien III

[1855] 327—373) Веберъ заявляетъ, что Вахенеръ стоитъ на устарѣлой точкѣ зрѣнія.

Допуская возможность вполнѣ самостоятельнаго развитія животнаго эпоса у разныхъ народовъ (стр. 332. 369), Веберъ утверждаетъ, что индѣйскія басни за весьма немногими исключеніями заимствованы у грековъ (стр. 333 слл.) при посредствѣ буддистовъ (стр. 360). Проводя свои взгляды, Веберъ, подобно Вахенеру, опирается на правилѣ, что естественность и послѣдовательность извѣстной басни обыкновенно является единственно рѣшающимъ критеріемъ ея примитивности или покрайней мѣрѣ древности. Шакалъ индѣйскихъ сказокъ явился только позднѣйшимъ замѣстителемъ лисы въ заимствованныхъ у грековъ басняхъ; онъ оказался самымъ подходящимъ къ ея характеру животнымъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не отличается хитростію, а только воемъ, трусостію и обжорствомъ (стр. 335 сл.). Впрочемъ этимъ не устраняется фактъ, что у индѣйцевъ, независимо отъ грековъ, сталъ рано развиваться животный эпосъ (стр. 361 сл.).—Съ индогерманской теоріей Я. Гримма Веберъ не въ состояніи примириться. Онъ полагаетъ, что совпаденія въ сказаніи о Рейнгартѣ съ греческими баснями частью восходятъ къ великому переселенію народовъ, вообще, къ сношеніямъ германцевъ съ Византіею, частью должны быть объяснены непосредственнымъ заимствованіемъ изъ басенъ Эзопа при помощи образованныхъ клериковъ, къ званію которыхъ нерѣдко принадлежали и относящіеся сюда поэты. Менѣе рѣзкое сходство германскихъ разказовъ съ индѣйскими,—при отсутствіи ихъ въ области греческой поэзіи,—должно быть объяснено частью столкновеніемъ съ арабами въ Испаніи, частью непосредственно переводомъ изъ Бидпая, частью, наконецъ, крестовыми походами (стр. 363). Если Я. Гриммъ (R. F. стр. cxcv сл.) и доказалъ, что фабула о Изенгримѣ и Рейнгартѣ пользовалась популярностью уже въ 1112 г., когда сборникъ Бидпая едва ли былъ особенно распространенъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ ней тогда уже заключалось все то, что въ обработкахъ, возникшихъ два-три столѣтія спустя. Кромѣ того, Я. Гриммъ доказываетъ, что левъ чуждъ нѣмецкому эпосу: „Какимъ же образомъ спеціально касающіяся его басни могли принадлежать индогерманской старинѣ? Развѣ тутъ всюду левъ заступилъ мѣсто медвѣдя? И въ тѣхъ [басняхъ],

гдѣ греки и индусы имѣютъ льва?“ Напротивъ, эти басни столь же чужды нѣмецкому животному эпосу, какъ и самъ левъ, привнесенный извнѣ (стр. 364). Въ этомъ убѣждаетъ цѣлый рядъ эпизодовъ изъ цикла „сказаній“ о Рейнгартѣ (стр. 364 сля.), которые при сличеніи съ восточными разказами обличаютъ часто индѣйское происхожденіе. „Производство отъ индогерманской старины, помимо его невѣроятности въ другихъ отношеніяхъ“, достаточно устраняется приведенными доводами (стр. 367).

Хотя возраженія Вебера главнымъ образомъ направлены противъ Вахенера, тѣмъ не менѣе послѣдній вовсе не является первымъ защитникомъ индѣйской теоріи: онъ только первый обратилъ на нее серьезное вниманіе. Однимъ изъ первыхъ, высказывавшихся въ пользу индѣйской теоріи, былъ Луазлёръ Дэлоншанъ. Онъ посвятилъ свой любопытный трудъ (Essai sur les fables indiennes et sur leur introduction en Europe par A. Loiseleur Deslongchamps. Paris 1838. На стр. 6 сл. 38. 45 и др. онъ является приверженцемъ послѣдней теоріи) изученію литературныхъ отношеній между востокомъ и западомъ, но самъ признавалъ необходимость болѣе основательныхъ изслѣдованій для окончательнаго рѣшенія этого вопроса.

Этому требованію постарался удовлетворить Бенфей въ своемъ введеніи къ переводу Панчатантры (Pantschatantra: Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen. Aus d. Sanskrit übers. mit Einleitung u. Anmerk. von Theodor Benfey. I [1859]). Подвергая вопросъ о заимствованіи сказочныхъ сюжетовъ всестороннему разсмотрѣнію, Бенфей пришелъ къ извѣстнымъ выводамъ, которые съ теченіемъ времени онъ долженъ былъ, впрочемъ, подвергнуть нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ. Обусловливалось это частію появленіемъ въ свѣтъ новыхъ изслѣдованій, открывавшихъ иныя точки зрѣнія, частью обнародованіемъ неизданныхъ раньше памятниковъ. Дополненія и поправки онъ помѣщалъ преимущественно въ различныхъ рецензіяхъ и въ введеніи къ сирійскому переводу Калилы и Димны (Kalilag und Damnag. Alte syrische Uebersetzung des ind. Fürstenspiegels. Text u. deutsche Uebers. v. Gustav Bickell. Mit e. Einleitung von Theodor Benfey. Leipzig 1876).

Бенфей, выступая въ качествѣ посредника между индѣйской теоріей и греческой, склоняется однако болѣе на сторону первой.

Признавая за Панчатантрой въ примитивной ея формѣ буддійское происхожденіе (Pantschat. I, xj сл.; особ. 585 слл. Kalilag u. Damnag стр. jx), Бенфей eo ipso признаетъ его за огромнымъ большинствомъ басенъ, сказокъ и повѣстей, входящихъ въ ея составъ (Pantsch. I, xj сл. xjv. 20. 91. 592 и мн. др.). Большинство басенъ проникло съ запада (Pantsch. I, xxj. 95. 120 и др.) и онѣ представляются притомъ болѣе или менѣе видоизмѣненными баснями Эзопа (I, xxj. 210. 382 слл. 425 и др.). Нѣкоторыя басни впрочемъ столь разнообразны, что ясно обличаютъ чисто индѣйское происхожденіе и сложились до появленія басенъ Эзопа въ предѣлахъ Индіи. Отличіе индѣйской басни отъ греческой заключается лишь въ томъ, что въ послѣдней животныя дѣйствуютъ сообразно свойственной имъ природѣ, тогда какъ въ первой они дѣйствуютъ какъ люди, скрывающіеся только подъ маской животныхъ (I, xxj. 324 сл.); послѣднее обстоятельство объясняется частью исключительно дидактическимъ характеромъ индѣйской басни, частью вѣрой въ переселеніе душъ (I, xxj. 327). Наоборотъ, повѣсти и преимущественно сказки чисто индѣйскаго происхожденія; всѣ онѣ отъ исходнаго пункта – Индіи распространились въ огромномъ количествѣ почти по всему міру (I, xxij). Переходъ этотъ совершался уже до X в. п. Р. Х. не только при посредствѣ устной передачи (I, xxiij. 417. 213), которая преимущественно господствовала среди славянскихъ племенъ (I, xxvj. 401), но и при помощи заимствованій литературнымъ путемъ (его же въ Götting. gelehrte Anzeigen 1860 стр. 874) (¹). Притомъ сказки и повѣсти переходили изъ об-

(¹) Мнѣніе свое (въ послѣдней цитатѣ) Бенфей выразилъ слѣдующимъ образомъ: Ihre [indischer Conceptionen] litterarische Ueberleitung beginnt also nicht erst durch die nähere Bekanntschaft der islamitischen Völker mit Indien; schon vorher ist ein—vielleicht selbst reicher—Strom indischer Litteratur nach dem Westen geführt und der geistige Einfluss Indiens auf den Westen bis zu Europas Westgrenzen, welcher schon vor dem 10 ten Jahrhundert bestimmt und deutlich hervortritt, beruht nicht bloss auf vereinzelten mündlichen Communicationen, sondern hat ebenfalls eine litterarische Schicht zur Unterlage und zwar eine solche, welche ganz geeignet ist, die Einflüsse indischer Conceptionen auf die christlichen Heiligenlegenden und die Uebertragung einzelner religiöser Gebräuche zu erklären. Изменіе взгляда Бенфея обусловливалось от-

ласти литературы въ народъ, затѣмъ обратно въ литературу, чтобъ снова спуститься въ народную среду и т. д. (Pantsch. I, xxvj. 207. 216. 452. 454. 483. 501. 525. 597). Индѣйскіе сборники повѣстей и сказокъ распространялись съ необыкновенной быстротой съ одной стороны мусульманами (I, xxiij. xxjv) и отчасти евреями (I, 26. 406), съ другой буддійскими монголами (I, xxjv. 24. 116. 161. 370. 497 и мн. др.). Благодаря мусульманамъ индѣйскія произведенія проникали въ предѣлы западной Азіи (I, 442. 480. 508), въ Европу (I, 162. 169. 172 сл 206 сл. 213 и мн. др.) и не только въ сѣверную Африку (Kalilag стр. vj. Pantsch. I, 265), къ обитателямъ Сенегамбіи (Pantsch. I, 102), къ племенамъ туарегъ (I, 354), борну и др. (его же въ Orient u. Occident II [1864] 167 сл.; ср. его же въ G. G. A. 1871 стр. 2093 сл.), но и на югъ Африки, къ бечуанамъ (Pantsch. I, 182 сл. 354), и готтентотамъ (его же въ G. G. A. 1871 стр. 2093 сл.). Передаточными пунктами при переходѣ восточныхъ сказаній въ Европу были Византія, Италія и Испанія (Pantsch. I, xxiij его же въ Ausland 1858 № 41 стр. 974). Въ болѣе раннюю эпоху и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ индѣйскія произведенія распространились къ сѣверу и востоку отъ Индіи; на югѣ они перешли въ Сіамъ (его же Beiträge zur Gesch. d. Verbreitung d. ind. Samml. v. Fabeln etc. въ Orient u. Occident III [1864] 171 слл. и 479[1])). Въ связи съ буддійской литературой они, начиная съ I в. по Р. Х., безпрерывно проникали въ Китай и Тибетъ, сначала при посредствѣ Китая, а затѣмъ при помощи прямыхъ сношеній съ индусами (Pantsch. I, xxiij). Далѣе, выступивъ за предѣлы Тибета, индѣйскія произведенія попадали въ руки монголовъ (I, xxjv. 213. 417. 481 и др.), которые въ теченіи двухсотлѣтняго владычества въ Европѣ были постоянными посредниками между Индіей и восточной Европой (I, xxjv. 116. 213 и др.). Притомъ монголы передавали сказочный матеріалъ главнымъ образомъ славянамъ, именно, русскимъ (I, 393. 509; ср. 401. 425. 483; его же въ Ausland 1859

крытіемъ въ буддійской литературѣ прототипа легенды о Варлаамѣ и Іоасафѣ, восходящей къ VII или VIII в. Честь открытія принадлежитъ Либрехту (Felix Liebrecht Die Quellen des «Barlaam und Josaphat» въ Jahrbuch f. roman. u. engl. Liter. II [1860] 314—334 = его же Zur Volkskunde [1879] стр. 441—460).

№ 22 стр. 511),—въ свою очередь сообщавшимъ ихъ литовцамъ (I, 509),— сербамъ (323), чехамъ (491), затѣмъ, помимо славянъ, киргизамъ (II, 545). Такой переходъ восточныхъ произведенiй на западъ непреложенъ, и только частные случаи не могутъ быть закрѣплены за этимъ общимъ правиломъ съ той же убѣдительностью за недостаткомъ данныхъ (I, 25).

Въ такой формѣ выразилось, по мнѣнiю Бенфея, взаимодѣйствiе Востока и Запада въ области сказокъ и повѣстей.

Историческiй взглядъ Бенфея относительно литературнаго влiянiя Востока, взглядъ, щедро подкрѣпляемый вѣскими данными, являлся прямо противоположнымъ миөологической гипотезѣ Я. Гримма и не преминулъ обратить на себя вниманiе ученыхъ. Одни отнеслись къ его теорiи враждебно, хотя и не могли не поступиться значительной долей своихъ воззрѣнiй, другiе—сочувственно. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести и Келлера (Untersuchungen über die Geschichte der griechischen Fabel von Dr. Otto Keller, въ Jahrbücher für class. Philol. 4. Supplementband [1862] стр. 309 слл.).

Воззрѣнiя Келлера, въ строгомъ смыслѣ, не могутъ претендовать на оригинальность: всѣ они высказывались уже другими учеными. Указать на нѣкоторые его взгляды необходимо однако потому, что онъ первый развилъ ихъ съ большей подробностiю, указывалъ на нихъ болѣе настойчиво, снабдилъ возможно значительнымъ числомъ доводовъ и даже возвелъ въ принципы.

Келлеръ считаетъ родину басни, какъ утверждалъ уже Гервинусъ,—Индiю и доказываетъ это мнѣнiе на основанiи „принципа естественности“ (das Princip der Naivetät). Чѣмъ естественнѣе и болѣе соотвѣтственно природѣ изображается характеръ животныхъ и отношенiя ихъ къ человѣку, тѣмъ примитивнѣе должна быть басня и тѣмъ легче выдѣлить ее изъ ряда неудачныхъ версiй. Опираясь на этотъ принципъ, Келлеръ приходитъ къ заключенiю, что основные сюжеты эзоповыхъ басенъ проникли въ Грецiю изъ Индiи задолго до Бабрiя, тогда какъ уже послѣ Р. Х. нѣкоторые апологи прослѣдовали по тому же пути изъ Грецiи въ Индiю (стр. 335). Выводъ этотъ подтверждается именно „принципомъ естественности“, свидѣтельствующимъ въ

пользу вѣрности изображенія въ греческихъ басняхъ характера животныхъ, если разсматривать послѣднихъ какъ обитателей Индіи. Все это примѣнимо и по отношенію къ „сказкамъ о животныхъ“ (Märchenfabeln, стр. 337). Примѣромъ можетъ служить главный представитель индѣйскаго животнаго эпоса—шакалъ и его отношеніе ко льву. Служебное отношеніе шакала ко льву, изображаемое въ сказкахъ о животныхъ, оправдывается дѣйствительностью. Шакалъ, точно слуга, является постояннымъ спутникомъ льва и слѣдуетъ за нимъ въ почтительномъ отдаленіи въ надеждѣ полакомиться остатками его обѣда. Хриплаго лая шакала достаточно для заключенія о присутствіи льва или для опредѣленія пути, по которому онъ слѣдуетъ. Эти отношенія были вѣрно подмѣчены индусами и выражены въ рядѣ сказокъ, въ которыхъ левъ, рано уже признаваемый въ Индіи царемъ звѣрей, получалъ въ совѣтники или министры шакала; притомъ слабый, но хитрый шакалъ одерживаетъ верхъ надъ сильнымъ, но ограниченнымъ львомъ. „Поэтому для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что древнія эзоповы басни о лисѣ, слѣдовательно, зерно всей нашей басенной литературы, происходятъ изъ первоначальныхъ санскритскихъ сказокъ о животныхъ“ (стр. 338). Перенесеніе же роли шакала на лису объясняется незнаніемъ дѣйствительныхъ отношеній шакала ко льву, вслѣдствіе чего послѣдовала замѣна шакала лисой, пользовавшейся репутаціей самаго хитраго животнаго уже въ старину (стр. 338); этой замѣнѣ могла способствовать и идентичность названія лисы (ἀλώπηξ) и прозвища шакала (lôpâça, d. h. Aasfresser, стр. 339). На основаніи того же принципа извѣстная басня о л и с ѣ, п о ж и р а ю щ е й с е р д ц е о л е н я и оправдывающейся передъ львомъ тѣмъ, что у оленя не было сердца (H a l m № 243), въ пересказѣ Бабрія (№ 95) представляетъ больше древнихъ чертъ; она болѣе приближается къ предполагаемому индѣйскому оригиналу, чѣмъ въ пересказѣ Панчатантры (Pantschat. II, 295 сл.); но только при помощи обѣихъ версій возможно возстановленіе этой предполагаемой древне-индѣйской примитивной формы (стр. 340 сл.). Сказка объ и с ц ѣ л е н і и л ь в а ш к у р о й, содранной съ живаго волка (H a l m № 255; въ переводѣ М а р т ы н о в а № 72), какъ и цѣлый рядъ другихъ басенъ и сказокъ о животныхъ на основаніи принципа естественности оказываются индѣй-

скаго происхожденія (стр. 342 сл.). Все въ виду того же пріема приходится непремѣнно вывести заключеніе, что царемъ звѣрей искони могъ быть только левъ, а не неуклюжій медвѣдь, не только не производящій впечатлѣнія царя, но и не находящійся въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ къ лисѣ, какъ это замѣчается по отношенію шакала ко льву (стр. 323). Признавать эзоповы басни за „осколки первобытной животной саги" можно только въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ допустить, что „въ весьма раннюю пору на индѣйской почвѣ образовались болѣе значительныя связныя животныя сказки, отрывки которыхъ сохранились еще въ нѣкоторыхъ басняхъ Эзопа" (стр. 323; ср. 313 сл.). Эти первобытныя сказки основываются на „поэтическомъ созерцаніи естественныхъ явленій" (стр. 313). Сначала онѣ являлись ничѣмъ инымъ, какъ эпической группировкой сценъ изъ міра животныхъ, разительныя аналогіи которыхъ (т. е. сценъ) съ бытомъ людей еще значительно пріукрашены фантастическимъ колоритомъ. Сказки эти не исключаютъ впрочемъ нѣкоторой доли дидактизма, который съ теченіемъ времени беретъ перевѣсъ надъ ея наивнымъ элементомъ; сказка разрастается тогда въ обширный восточный романъ, становясь рамкой для морализацій, или она разбивается,—вслѣдствіе устной передачи или продолжительности странствованія,—на такія мелкія части, что удерживается только отдѣльный моментъ дѣйствія, обыкновенно уже въ сопровожденіи нравоученія, словомъ, возникаетъ басня (стр. 314).

Таковъ принципъ, развитый Келлеромъ и прилагаемый имъ къ опредѣленію первобытности отдѣльныхъ эпизодовъ изъ области животнаго эпоса.

На вопросъ о происхожденіи средневѣковаго животнаго эпоса рѣшительнѣе многихъ отвѣтилъ Поленъ Пари. Онъ изложилъ свои взгляды въ небольшомъ изслѣдованіи (Nouvelle étude sur le roman de Renart), составлявшемъ академическое чтеніе въ 1860 г. и присоединенномъ имъ впослѣдствіи къ сдѣланному имъ прозаическому переводу (вѣрнѣе—передѣлкѣ) избранныхъ мѣстъ и вѣтвей романа о Ренарѣ. Въ этомъ видѣ книга носитъ заглавіе: Les aventures de maître Renart et d'Ysengrin son compère... suivies de nouvelles recherches sur le roman de Renart par A. Paulin Paris. Paris 1861.

Отмѣтивъ фактъ преобладающаго значенія латыни въ средневѣковой Европѣ, Полэнъ Парй указываетъ на вторженіе классической басни въ тогдашнія школы, гдѣ она подвергалась различнымъ видоизмѣненіямъ вслѣдствіе разнообразныхъ передѣлокъ въ прозѣ и въ стихахъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ дополненій, присоединенія нравоученій и т. п. (стр. 324 сл.). За сочиненіе басенъ и разсказовъ о подвигахъ волка и лисы принялись духовныя лица (стр. 326); но постепенно изъ тѣснаго кружка школы сюжеты эти переходятъ въ руки труверовъ, которые вводятъ ихъ въ предѣлы народной поэзіи (стр. 327). Басни Эзопа, сдѣлавшіяся первымъ источникомъ, изъ котораго черпали труверы, (стр. 346), и различные разсказы, возникавшіе въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, составили собственно романъ о Ренарѣ (стр. 327), а новыя подражанія рядъ новыхъ вѣтвей (стр. 355). Только вражда и война Ренара съ Изенгримомъ не обязаны своимъ происхожденіемъ античному міру (стр. 328), а составляютъ достояніе среднихъ вѣковъ (стр. 329), составляютъ измышленіе какого нибудь латинскаго версификатора первой половины XII в., по происхожденію, повидимому, французу (стр. 330). „Во второй [же] трети XII в. какой-то труверъ произвелъ родъ революціи въ [области] народной французской легенды о Ренарѣ, обработавъ впервые сюжетъ великой войны, возникшей между лисой или Ренаромъ и волкомъ или Изенгримомъ" (стр. 346). Иностраннымъ подражателямъ романа была знакома только обширная вѣтвь о судѣ (le Jugement, стр. 356; ср. 360). За собственными именами главныхъ героевъ можно, пожалуй, признать довольно древнее и притомъ франкское происхожденіе, но весьма сомнительно, чтобъ имя Ренаръ было избрано только потому, что на древне-нѣмецкомъ оно означало совѣтникъ, а Изенгринъ потому, что почти отвѣчало значенію желѣзный запоръ (barre de fer) (стр. 348).

Любопытно, что почти одновременно съ П. Парй, независимо отъ него, къ подобнымъ же выводамъ относительно нѣкоторыхъ вопросовъ пришелъ Потвэнъ въ своемъ введеніи къ сдѣланному имъ переводу одной изъ браншъ романа о Ренарѣ (Le roman du Renard mis en vers... précédé d'une introduction et d'une bibliographie par Ch. Potvin. Paris, Bruxelles 1861).

Признавая за животнымъ эпосомъ восточное происхожденіе (стр. 44), Потвэнъ указываетъ на распространенность т. наз. физіологовъ, бестіаріевъ и т. п. въ средніе вв.,—возникшихъ на основаніи зоологическихъ свѣдѣній, помѣщенныхъ у Аристотеля и встрѣчавшихся въ библіи (стр. 46 слл.),—и на необыкновенную популярность басенъ Эзопа, которому безъ разбора приписывали самые разнообразные сборники басенъ (стр. 50). Къ латинскимъ баснямъ стали примѣшиваться сказки изъ восточныхъ сборниковъ и евангельскія морализаціи; поэмы изъ цикла о Ренарѣ возникли на основаніи латинскихъ басенъ: въ первыхъ встрѣчаются не только цѣлые эпизоды, но и главныя идеи этихъ басенъ (стр. 51 слл.). Рядъ вѣтвей изъ цикла о Ренарѣ, составленныхъ позднѣйшими труверами оказывается только подражаніемъ или развитіемъ немногихъ основныхъ сюжетовъ (именно, трехъ: Изенгримусъ, поэма Пьера де Сэнъ-Клу и собраніе при дворѣ; стр. 51) съ присоединеніемъ заимствованій изъ Эзопа и Бидпая (стр. 53)

Взгляды Потвэна и особенно П. Парй вскорѣ подверглись критикѣ со стороны Іонкблута (Étude sur le roman de Renart par. W. J. A. Jonckbloet. Groningue, Leipzig, Paris. 1863). Іонкблутъ опровергаетъ Потвэна (стр. 22. 26) и П. Парй (стр. 23 слл. 28 слл. 36 слл. и др.) съ точки зрѣнія миѳологической гипотезы, слѣдовательно, въ безусловной зависимости отъ взглядовъ Я. Гримма, поэтому къ его воззрѣніямъ могутъ быть отнесены тѣ же критическія замѣчанія, какія были и будутъ сдѣланы по отношенію къ теоріи послѣдняго.

На оригинальность могутъ претендовать только тѣ взгляды, которые Іонкблутъ высказалъ относительно предполагаемаго автора извѣстныхъ браншъ романа о Ренарѣ и эпохи, устанавливаемой за нимъ. Съ этими выводами придется познакомиться ниже.

Не менѣе ревностнымъ защитникомъ теоріи Я. Гримма, чѣмъ Іонкблутъ, является В. Вакернагель. Онъ старается дополнить взгляды Гримма частью болѣе обстоятельнымъ развитіемъ ихъ, частью новымъ подборомъ данныхъ. Слѣдуя этимъ путемъ, Вакернагель дѣйствуетъ осторожнѣе Іонкблута. Онъ даже рѣшается дѣлать извѣстныя уступки въ пользу мнѣній противнаго лагеря. Уступки эти такого свойства, что не могутъ быть отнесены къ

средствамъ, упрочивающимъ основы индогерманской теоріи. Въ его изслѣдованіи (Wilhelm Wackernagel Von der Thiersage u. d. Dichtungen a. d. Thiersage, въ Kleinere Schriften II [1873] 234—326 [статья написана въ 1867 г.]) любопытенъ взглядъ по вопросу о причинахъ, обусловливавшихъ развитіе и процвѣтаніе животнаго эпоса среди франковъ, и замѣчанія по поводу собственнаго имени Рейнгарта.

Относительно перваго вопроса Вакернагель основывается на доводахъ Л. Рота (L. Roth Die mittelalterlichen sammlungen latein. thierfabeln въ Schneidewins Philologus I [1846] 523—546, особ. 523 и 544), который доказывалъ, что въ самую раннюю пору (IV—IX вв.) средневѣковья басни Эзопа безпрерывно проникали на западъ и процвѣтали преимущественно „въ странѣ, гдѣ возникъ животный эпосъ“, гдѣ его „старательно лелѣяли“ и гдѣ онъ получалъ дальнѣйшее развитіе.

Исходя изъ этого положенія, Вакернагель объясняетъ себѣ любовь этой мѣстности (т. е. Галліи, resp. Фландріи) къ басни тѣмъ, что принесенная франками на галло-римскую почву „животная сага возобновила и возвысила значеніе“ басни и, наоборотъ, классическія римскія басни подняли значеніе „варварской животной саги“ (Klein. Schriften II, 255). Притомъ басня, какъ болѣе древняя въ литературномъ отношеніи, какъ болѣе развитый продуктъ, должна была вліять на сюжетъ и форму „животной саги“, въ которую не замедлили проникнуть также извѣстныя черты изъ басни (стр. 255. 271. 282. 299. 302. 304 сл.). Послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется отчасти ослабленіе своеобразныхъ чертъ „саги“ и то, что франки выучились при случаѣ примѣнять къ ней дидактическій элементъ (стр. 255). Впрочемъ, дидактизмъ развивался не только подъ вліяніемъ Эзопа, но и подъ вліяніемъ назидательнаго сборника повѣстей (Disciplina clericalis) Петра Альфонса (стр. 271) и бестіаріевъ (стр. 272).—Далѣе, онъ считаетъ невозможнымъ, чтобы французу, да еще XII в., было извѣстно происхожденіе слова Renart отъ Raginhard, совѣтникъ, т. е. чтобы ему было извѣстно дѣйствительное значеніе этого имени. Въ романѣ о Ренарѣ оно понимается очевидно уже въ нарицательномъ смыслѣ; и поэтому извѣстные стихи (Ren. v. 15876): Si ai maint bon conseil doné, — Par mon droit non ai non Renart (т. е. я много давалъ хорошихъ

совѣтовъ; моимъ настоящимъ именемъ мнѣ имя Ренаръ), могутъ быть поняты только въ смыслѣ: „я по справедливости называюсь лисою“. И помимо того, чтобъ ее называли вслѣдствіе этого Raginhard, лиса являлась животнымъ, которое всегда умѣла себя выручать изъ бѣды, была хитра на выдумки, т. е. „совѣтъ“. „Я слышалъ однажды наивное замѣчаніе, что свиньи по справедливости называются свиньями, потому что онѣ такъ нечистоплотны; точно также вправѣ сказать лиса: меня по справедливости называютъ лисою, потому что я такъ хитра“ (стр. 259).—Относительно пословицъ, заимствуемыхъ изъ міра животныхъ, Вакернагель замѣчаетъ, что многія пословицы похожи на „животныя саги, которыя сведены только къ возможно большой степени краткости“, и, наоборотъ,—часто онѣ цѣликомъ заимствованы изъ области „животной саги“ (стр. 308).

Если въ статьѣ Вакернагеля высказывается еще стремленіе примирить противоположные взгляды, то въ послѣдующихъ трудахъ извѣстныхъ ученыхъ замѣчается почти исключительно отрицательное направленіе по отношенію къ основнымъ положеніямъ Я. Гримма.

Краткую замѣтку Мюлленгоффа (K. M[üllenhoff]. Ueber Reinhart Fuchs въ Zeitschr. f. deutsch. Alterthum XVIII [N. F. VI. 1874] 1—9) принимающаго оппозиціонное положеніе по отношенію къ Я. Гримму, можно бы обойти молчаніемъ, такъ какъ въ ней не высказывается ни одной новой мысли. Если тѣмъ не менѣе мы упоминаемъ о ней, то только потому, что самъ авторъ не считаетъ ее, какъ слѣдовало бы ожидать, краткимъ résumé, составленнымъ на основаніи трудовъ его предшественниковъ, а придаетъ ей значеніе открытія. На самомъ дѣлѣ результаты этой замѣтки разсѣяны въ выше изложенныхъ мнѣніяхъ. Впрочемъ, при случаѣ будетъ указано на тѣ взгляды, къ которымъ присоединяется Мюлленгоффъ.

Совершенно противоположное впечатлѣніе производятъ статьи Мейснера (A. L. Meissner Die bildlichen Darstellungen des Reineke Fuchs im Mittelalter въ Archiv f. d. Studium d. neuer. Sprachen u. Literaturen LVI [1876] 265—280. LVIII [1877] 241—260. LXV [1881] 199—232). Правда, онъ немного высказываетъ оригинальныхъ взглядовъ; статья его не столько привлекательна по новизнѣ выводовъ, сколько по матеріалу, изъ котораго можно сдѣлать

извѣстные выводы. Строго говоря, только взглядъ Мейснера на значеніе сатирическаго элемента въ предѣлахъ животнаго эпоса, взглядъ, съ которымъ придется познакомиться впослѣдствіи, болѣе или менѣе можетъ считаться независимымъ: существенныя возраженія падаютъ на долю его предшественниковъ. Тѣмъ не менѣе замѣчанія Мейснера, высказываемыя категорически, весьма любопытны.

Интересъ, возбуждаемый его статьями, объясняется тѣмъ, что Мейснеръ подходитъ къ вопросу съ другой стороны. Онъ принялся за изученіе памятниковъ искусства, сюжетъ которыхъ не выступаетъ за предѣлы животнаго эпоса. Вытекавшіе изъ этого изученія выводы являлись подтвержденіемъ взглядовъ его предшественниковъ, съ трудами которыхъ Мейснеръ познакомился повидимому уже по выходѣ въ свѣтъ первыхъ двухъ статей. Покрайней мѣрѣ послѣднія не отличаются столь рѣшительнымъ тономъ, имѣютъ въ виду рѣшеніе только одного вопроса и, кромѣ того, заключаютъ въ себѣ одно выраженіе (Thiersage, LVI, 265. 280. LVIII, 253), противъ неумѣстнаго и неправильнаго употребленія котораго сильно вооружается Мейснеръ въ третьей статьѣ.

Такъ какъ Мейснеръ приводитъ нѣсколько новыхъ соображеній въ опроверженіе сильно потрясенной уже въ своихъ основахъ миѳологической гипотезы, то не лишнимъ будетъ остановиться на нихъ вкратцѣ.

Подобно Герцбергу, Мейснеръ прежде всего вооружается противъ созданнаго Я. Гриммомъ выраженія „животная сага". „Животная сага никогда не существовала и не могла существовать" (LXV, 200). Первые фабулисты вовсе не были пастухами, крестьянами или охотниками. Если бы на основаніи сближеній міра животныхъ съ человѣкомъ развивался животный эпосъ, то нынѣшніе ирландскіе крестьяне и погонщики муловъ въ Испаніи должны бы быть замѣчательными поэтами въ этой области. Вся фабулистическая поэзія отличается созерцательнымъ характеромъ, является искусственнымъ продуктомъ и составляла достояніе школы. Если признавать за именемъ Рейнгартъ германское происхожденіе и допускать существованіе національной саги, то совершенно непонятно ея безслѣдное исчезновеніе, еще страннѣе ея позднее появленіе, въ эпоху реформаціи, и то въ переводѣ съ французскаго (въ ук. м.).

... имени Рейнгартъ никто не по- ... извѣстномъ стихѣ: Si ai maint ... droit non ai non Renart (см. вы- ... французскій клерикъ зналъ ... этимологію этого слова, необхо- ... досталась ему путемъ „ученой ... монастырскихъ школъ Франціи. Взду- ... самостоятельному словопроизвод- ... обратился бы къ помощи латыни; изъ ... заимствовать значенія этого имени, ... извѣстно. Слѣдовательно, нѣтъ ... монахъ, сочинявшій для своихъ ... пьесу чужимъ именемъ, которое ... устно и по традиціи удерживалось ... школахъ. Во Франціи животный эпосъ ... популярностью, тогда какъ нѣ- ... ограничивается переводами съ француз- ... LXV, 201). Вообще въ Германіи жи- ... популяренъ, какъ можно судить по ... изображеніямъ отдѣльныхъ эпизодовъ ... Рейнгартѣ въ церквахъ, причемъ ... версіи, но всѣ онѣ обличаютъ ... LXV, 223 сл.). Т. образомъ, ... Рейнгартѣ развился на основаніи ла- ... обученія. ... поэма, а когда ... бестіарія или физіо- ... бенедиктин- ... Рейнгартѣ LXV, 206. ... заключенія Рей- ... LXV, 216),

... привело глав- ... свойства.

... по нало- ... животнаго ... заслужи- ... цѣлый же рядъ ги- ... спеціально басни, ... происхожденіе,— ... учеными и можетъ

считаться сданнымъ въ архивъ. Изложены эти гипотезы вкратцѣ у Келлера (ук. соч. стр. 324 сл.).

Въ виду опроверженій, которымъ подверглись основныя положенія миѳологической или индогерманской теоріи можно ограничиться дополнительными замѣчаніями.

Противъ гипотезы объ индогерманской старинѣ и доисторическомъ родствѣ арійскихъ племенъ, гипотезы, при помощи которой Я. Гриммъ объясняетъ себѣ сходство нѣмецкаго, греческаго и индѣйскаго животнаго эпоса, высказался также Мюлленгоффъ (Z. f. D. A. VI, 1). Онъ не находитъ никакихъ слѣдовъ „животной саги" ни въ Германіи, ни въ Англіи, ни на сѣверѣ и поэтому считаетъ существованіе ея немыслимымъ. Такимъ образомъ, индогерманская гипотеза оказывается несостоятельной, если взвѣсить всѣ доводы pro et contra.

Хотя съ опроверженіемъ главныхъ положеній рушатся и частныя, тѣмъ не менѣе приходится обратиться и къ разсмотрѣнію послѣднихъ, такъ какъ имъ нерѣдко придается весьма важное значеніе.

Подтвержденіемъ своей гипотезѣ Я. Гриммъ считалъ и то обстоятельство, что „нѣмецкая животная сага" не выходила за тѣсные предѣлы Фландріи и не проникла ни къ германскимъ племенемъ на сѣверѣ, ни къ романскимъ на югѣ, ни къ славянамъ.

Достаточно вопроса о родинѣ „животной саги", чтобъ возбудить сомнѣніе относительно ея германскаго происхожденія. Еслибъ она составляла достояніе германцевъ, она должна бы встрѣчаться и у другихъ германскихъ племенъ. На самомъ дѣлѣ этого не замѣчается, и если можно указать на Англію, въ которой разсказы изъ области животнаго эпоса пользовались повидимому громадной популярностью, то подобное заявленіе вовсе не говоритъ въ пользу теоріи Я. Гримма. О популярности животнаго эпоса въ Англіи необходимо заключить по любопытному матеріалу, собранному Мейснеромъ. Свидѣтельство же это такого свойства, что далеко не подтверждаетъ взгляда о германскомъ происхожденіи, а напротивъ указываетъ на развитіе средневѣковаго животнаго эпоса изъ классической басни съ

извѣстной примѣсью другихъ элементовъ, притомъ на развитіе его въ монастырскихъ стѣнахъ. Судя по даннымъ у Мейснера, можно заключить, что животный эпосъ въ Германіи почти не былъ извѣстенъ, какъ можно судить по отсутствію изображеній на церковныхъ стѣнахъ, окнахъ и различныхъ церковныхъ принадлежностяхъ. Притомъ особаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что въ церквахъ Германіи исторія Рейнгарта и Изенгрима вовсе не извѣстна. Тѣ немногіе сюжеты, которые проникли въ Германію, непосредственно заимствованы изъ басенъ Эзопа, а не изъ литературныхъ обработокъ исторіи о Рейнгартѣ. Нельзя также обойти молчаніемъ тотъ фактъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ Германіи встрѣчается намекъ на эту исторію, непремѣнно оказывается мѣстность, которая такъ близко граничитъ съ Франціей, что не требуется большаго напряженія ума, чтобы догадаться о причинахъ этого явленія. Такъ, 1) приглашеніе лисы въ судъ медвѣдемъ, 2) поимка медвѣдя въ расклиненномъ деревѣ, 3) котъ въ домѣ священника, 4) жилище лисы (Malepartus), 5) пляска волка и медвѣдя—встрѣчаются въ числѣ гротесковъ собора въ Бристолѣ (Meissner въ ук. м. LVI, 279 сл.). Далѣе рѣзьба, изображающая лису на возу съ рыбой, находится въ соборѣ въ Беверли (тамъ-же LVIII, 249; ср LXV, 215 № 3, гдѣ указывается варіантъ); лиса, прикинувшаяся мертвой, встрѣчается во Франціи (Ла Фауэ) и въ Испаніи (Таррагона) (LXV, 209. 214); казнь лисы чрезъ повѣшеніе, причемъ палачами являются гуси, попадается на барельефахъ въ Англіи (Кентербёри, Бристоль, Беверли), Испаніи (Овіедо) и одинъ барельефъ въ Германіи (Бранденбургъ) (LVI, 278. 279 [bis]. LVIII, 248. LXV, 216 [=LVI, 276]. 226); смерть лисы, отпѣваніе, погребальная процессія и т. д. изображены во Франціи (Буржъ), въ Испаніи (Овіедо) и въ Германіи (Маріенгафе [?] и Страсбургъ) (LVI, 274. 276 [=LXV, 216]. 269 LXV, 224). Этимъ ограничиваются главнѣйшія сцены изъ обработокъ о Рейнгартѣ. Не касаясь множества постороннихъ эпизодовъ изъ области животнаго эпоса вообще, свидѣтельствующихъ своимъ перевѣсомъ опять таки въ пользу Англіи, Франціи и Испаніи,—и приведенныхъ примѣровъ достаточно для разрушенія иллюзіи о „нѣмецкой животной сагѣ“.

Сообщенныя данныя служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ опроверженіемъ взгляда Я. Гримма, будто средневѣковой животный эпосъ оставался въ тѣсныхъ предѣлахъ Фландріи, окруженный точно китайской стѣной. Между тѣмъ, ниже представится случай убѣдиться, что отрывки его проникали и къ славянамъ. Памятники искусства доказываютъ, что онъ существовалъ и въ Англіи и въ Испаніи, только не подъ видомъ (псевдо-) нѣмецкаго, а, вѣроятно, подъ какимъ нибудь болѣе нормальнымъ названіемъ. Наконецъ, проникновеніе его въ Италію доказано отрывкомъ, изданнымъ проф. Э. Тецой (Rainardo e Lesengrino, per cura di E. Teza. Pisa 1869), который приводитъ (стр. 5[4]) мнѣнія Я. Гримма, Форіэля и дю-Мериля, отрицавшихъ мысль о возможности проникновенія отрывковъ романа о Ренарѣ въ Италію. Въ данный моментъ возможно, пожалуй, утверждать, что романъ о Ренарѣ пользовался въ Италіи нѣкоторой извѣстностью. Покрайней мѣрѣ Р. Путелли „открылъ въ архіепископской библіотекѣ въ Удине рукопись XIV в., содержащую Ренара въ редакціи, отличающейся отъ обнародованной проф. Тецой". Такъ свидѣтельствуетъ Бартоли (Storia della letteratura italiana di Adolfo Bartoli. II [1878] 387). Теперь редакція эта издана Путелли подъ заглавіемъ: Un nuovo testo veneto del Renard въ Giornale di filologia Romanza № 5 Luglio 1879, какъ значится въ Literaturblatt f. german. u. roman. Philologie 1880 № 12 стлб. 468; само изданіе, къ сожалѣнію, осталось для насъ пока недоступнымъ.

Едва ли нужно долго останавливаться на чертѣ окумовствѣ, тоже служащей одной изъ подпоръ теоріи Я. Гримма. Если бы уже въ то время, когда Я. Гриммъ писалъ свой любопытный „филологическій романъ", были извѣстны тѣ сборники сказокъ, въ числѣ которыхъ встрѣчается и много сказокъ о животныхъ, гдѣ кумовство обыкновенное явленіе,—то онъ, конечно, не сталъ бы приписывать эту черту исключительно „нѣмецкому" эпосу.

Гервинусъ (ук. соч. I, 216), а за нимъ Вакернагель (ук. соч. II, 248) признаютъ за волкомъ роль главнаго героя животнаго эпоса, тогда какъ Я. Гриммъ отдавалъ предпочтеніе лисѣ. Достаточно этого оспариванія, сопровождаемаго извѣстными доводами, чтобъ покрайней мѣрѣ усумниться въ непреложности заключенія Я. Гримма.

На самомъ дѣлѣ на первыхъ порахъ всѣ животныя пользуются въ эпосѣ одинаковыми правами и нерѣдко самыя ничтожныя изъ нихъ выступаютъ главными героями; частая же замѣна лисы и волка другими животными довольно ясно свидѣтельствуетъ о непрочности ихъ положенія въ качествѣ протагонистовъ.

Излишне присоединять, что черта о враждѣ волка и лисы не можетъ вовсе считаться доказательствомъ ни въ пользу германизма животнаго эпоса, ни въ пользу любой другой національности. Притомъ отвѣтъ на этотъ вопросъ обусловливается рѣшеніемъ другихъ вопросовъ.

Несостоятельность доводовъ Я. Гримма относительно принадлежности въ германскомъ эпосѣ царской власти медвѣдю доказана Келлеромъ (ук. соч. 323) и затѣмъ Мюлленгоффомъ (въ ук. м. VI, 2 сл.). Помимо неуклюжести и непредставительности медвѣдя, Келлеръ, съ точки зрѣнія принципа естественности, указалъ на отсутствіе какихъ бы то ни было отношеній лисы къ медвѣдю въ дѣйствительности, въ природѣ, чѣмъ можно было бы оправдать роль лисы въ эпосѣ въ качествѣ совѣтника, министра льва и т. п. Кромѣ того весьма важнымъ опроверженіемъ является свидѣтельство Фредегара о лисѣ, заманившей оленя въ пещеру больнаго льва и похитившей сердце растерзанной жертвы, свидѣтельство, приводимое Я. Гриммомъ (R. F. стр. xlviij) въ доказательство существованія „нѣмецкой животной саги“ уже въ VII в. Но именно въ этомъ древнѣйшемъ свидѣтельствѣ въ качествѣ царя звѣрей фигурируетъ не медвѣдь, а левъ. Во всякомъ случаѣ какъ разсказъ Фредегара, такъ и разказы въ двухъ другихъ памятникахъ (J. Grimm R. F. стр. xljx сл.), развивающіе ту же тему, вовсе не могутъ быть разсматриваемы какъ чисто народное сказаніе, такъ какъ приводятся въ связь съ римско-византійской исторіей и сообщаются въ видѣ притчъ. Слѣдовательно, воздвигать по этимъ преданіямъ и разсказамъ клериковъ теорію о царской власти медвѣдя и германизмѣ животнаго эпоса — нѣтъ ни малѣйшаго основанія (ср. Hertzberg ук. соч. стр. 156. Keller въ ук. м. Müllenhoff въ ук. м.).

Допустивъ, что имена Reinhart и Isengrim дѣйствительно германскаго происхожденія, нельзя однако не замѣтить, какую разнообразную массу толкованій допускаютъ эти име-

на, сколько произвольныхъ значеній можно имъ приписать. Достаточно обратиться къ Люббену (August Lübben Die Thiernamen im Reineke Vos [Progr.]. Oldenburg [1863]. Стр. 5 слл.). Въ данномъ случаѣ вполнѣ примѣнимо замѣчаніе А. И. Кирпичникова (Поэмы ломбардскаго цикла [1873] стр. 149): „Какъ ни тверды сами по себѣ лингвистическія данныя, но собственныя имена эпоса, на которыхъ часто основываются и миѳическія и историческія толкованія, представляютъ донельзя зыбкую почву". Обыкновенно принимаютъ для имени Reinhart (Reginhard) значеніе совѣтникъ (rathskräftig, т. е. хитрый), а для имени Isengrim (Isangrim) — желѣзный шлемъ, желѣзная маска, въ смыслѣ грозный (ср. Lübben ук. соч. стр. 15. Schade Aldt. Wörterbuch² s. v. Reinhart. J. Grimm R. F. стр. ccxl слл. Его-же Deutsche Mythol. I⁴ [1875] 197. Относительно устройства масокъ Мюлленгоффъ въ ук. м. VI, 7 ссылается на Engelhard Thorsbjerg mosefund. Kjøbenhavn 1863 и E. Hübner въ Bonner jahrb. 1873 стр. 171). Но уступка въ пользу германскаго происхожденія именъ не означаетъ еще торжества теоріи. Мюлленгоффъ (въ ук. м. VI, 6 сл.) обратилъ уже вниманіе на то, что въ латинской поэмѣ Isengrimus имя лисы употребляется въ неправильной формѣ Renardus и что волкъ, изображается грубымъ, невѣжественнымъ нѣмцемъ, незнающимъ ни французскаго, ни италіянскаго языковъ, тогда какъ остальные звѣри представлены утонченными французами (J. Grimm R. F. стр. lxv. lxviij слл.). Это, понятно, ясно доказываетъ, изъ чьихъ рукъ почерпалъ авторъ. Значенія имени Рейнгартъ французы уже не понимали и, слѣдовательно, извѣстнымъ стихамъ изъ Ренара (см. выше стр. 19) можно придавать только толкованіе Вакернагеля, или почти такое же толкованіе его предшественника Люббена (ук. соч. стр. 17). Имя Renart, подобно древнему заимствованію имени медвѣдя Brun (Diez Wörterb. d. roman. Spr. I⁴ s. v. bruno), могло казаться производнымъ словомъ, которое, утративъ первоначальный смыслъ, — причемъ вторая его часть (hard), какъ во французскомъ (—ard), такъ и въ средне-нидерландскомъ (—aert), успѣла вскорѣ получить значеніе уничижительнаго или браннаго суффикса, употреблявшагося при образованіи нарицательныхъ именъ (J. Grimm Deutsche Gramm. II² [1878] 332 слл. ср. Lübben ук. соч. 17 сл. Müllenhoff въ

ук. м. VI, 8),—стало примѣняться въ значеніи хитреца, лукавца съ безсознательнымъ намекомъ на первую часть слова (готское ragin—совѣтъ). Тоже слѣдуетъ замѣтить относительно имени Isengrim. Рядъ искаженій послѣдняго въ родѣ Aengris, Alengri, Sengrin и т. п. (J. Grimm R. F. стр. cc слл.) доказываетъ, что во Франціи имя это представлялось не менѣе дикимъ, чѣмъ, напр., въ Италіи, гдѣ оно вслѣдствіе темнаго смысла слилось даже съ членомъ въ одну форму Lesengrino (различные виды этого имени помѣтилъ Teza ук. соч. стр. 17[24]). Такимъ образомъ и съ именемъ Изенгрима вовсе не связывалась память о его дѣйствительномъ значеніи, а употреблялось оно какъ нарицательное имя для обозначенія непривѣтливаго, мрачнаго человѣка. Въ такомъ значеніи оно употребляется и понынѣ, безъ всякаго, конечно, отношенія къ настоящему значенію имени (Lübben ук. соч. стр. 22. Müllenhoff въ ук. м. VI, 7). Такой участи могли подвергаться имена Рейнгарта и Изенгрима только въ рукахъ французовъ, подъ перомъ авторовъ, которые ясно обличаютъ, что ихъ симпатіи на сторонѣ французовъ, а не нѣмцевъ. Какъ же можетъ быть рѣчь о германизмѣ животнаго эпоса? Возникаетъ однако вопросъ: какимъ образомъ германскія имена проникли во французскія поэмы? Такое явленіе объясняется тѣмъ, что животный эпосъ развивался на рубежѣ двухъ народностей, на пространствѣ, на которомъ преданія, языкъ и понятія постоянно смѣшивались. Дѣйствительно, первыя латинскія поэмы XII в., Isengrimus и Reinardus, съ которыхъ собственно начинается эпическая обработка сюжетовъ о Ренарѣ, возникли въ южной и сѣверной Фландріи (J. Grimm R. F. стр. lxxj. lxxxij). Подъ вліяніемъ происходившихъ здѣсь смѣшеній должно было совершиться и перенесеніе именъ Рейнгарта и Изенгрима на лису и волка.

Какъ шатка вообще гипотеза, объясняющая сходство сказаній племеннымъ родствомъ, доказалъ Бенфей, слѣдовательно, распространяться о ней было бы излишне. Впрочемъ, какъ на болѣе любопытныя мѣста, трактующія объ исторической связи сказаній, можно указать на слѣдующія страницы введенія Бенфея: Pantschat. I, 246. 265. 311. 324. 328. 338. 346. 370 и др.

Мнѣніе Я. Гримма, будто нѣмецкій эпосъ, отличающійся замѣчательнымъ единствомъ, въ случаѣ заимствованія

долженъ былъ бы сохранить форму восточныхъ рамокъ,—не можетъ считаться серьёзнымъ возраженіемъ. Упущено изъ виду довольно важное обстоятельство. Восточные сборники передаютъ самые разнообразные разказы: то о шакалѣ, то о львѣ и зайцѣ, то объ обезьянѣ, то о журавлѣ и ракѣ и т. п. Неудивительно, если сюжеты разнообразны, если каждый изъ нихъ существуетъ самъ по себѣ. Въ „нѣмецкомъ" же эпосѣ только и разказывается о лисѣ и волкѣ, о волкѣ и лисѣ и т. д. При такомъ постоянствѣ сюжета не мудрено быть „внутреннему единству", которое нерѣдко граничитъ съ однообразіемъ. Такъ какъ именно изъ извѣстныхъ только мотивовъ развился животный эпосъ, т. е. заимствованіе ограничивалось весьма немногими сюжетами, притомъ перешедшими не непосредственно изъ восточныхъ сборниковъ, то понятно не могли удержаться и рамки послѣднихъ.

Высказываясь вообще противъ миѳологической гипотезы въ области животнаго эпоса, странно было бы возражать противъ нѣсколькихъ частныхъ замѣчаній Я. Гримма относительно присутствія въ животномъ эпосѣ миѳическихъ черть. Замѣчанія эти высказаны голословно и притомъ вызваны Калевалой, Панчатантрой, Бабріемъ, Ренаромъ, эстонскими сказками и т. п., такъ что едва ли могутъ служить доказательствомъ въ пользу „нѣмецкой саги". Касательно же перенесенія животнаго эпоса въ сферу облачнаго миѳа мы пришли къ убѣжденію, высказанному А. Н. Веселовскимъ (Сравнит. миѳологія и ея методъ, въ Вѣстн. Европы 1873 № 10 стр. 657): „я не могу себя увѣрить, чтобы всѣ продѣлки нашей Лисы-Патрикѣевны когда-либо имѣли мѣсто въ облакахъ, а не въ курятникѣ".

Какъ слѣдуетъ понимать мнѣніе Я. Гримма о „драгоцѣнныхъ остаткахъ", сохранившихся въ басняхъ Эзопа, показалъ Келлеръ, взглядъ котораго единственно долженъ считаться правильнымъ. „Остатки", т. е. басни, являются дальнѣйшимъ развитіемъ, если угодно,—выродками животной сказки. Подобно послѣдней и басни не утрачивали способности расширять свои предѣлы и превращаться по желанію любаго поэта въ любое же эпическое произведеніе—новеллу, эпопею и т. п. Таковъ, напр., средне-греческій эпосъ объ Ослѣ, волкѣ и лисѣ; всѣ трое исповѣдуютъ другъ другу свои грѣхи; присужденный къ смерти оселъ за съѣденіе латуковаго листа избавляется отъ своихъ крово-

[illegible] поэма у Я.
[illegible] Reinhart
[illegible] Вагнеромъ
[illegible] Wagner
[illegible] басни о
[illegible] Мартыновъ
[illegible] допустить
[illegible] ниже мы
[illegible] необхо-
[illegible]

[illegible] животной
[illegible] Герви-
[illegible] точнѣе.
[illegible] не въ пе-
[illegible] одно изъ
[illegible] наоборотъ,
[illegible] постарался по
[illegible] что при
[illegible] животныхъ чело-
[illegible] поученіи.
[illegible] выводъ вовсе
[illegible] эпохи, когда, по
[illegible] I. 208), „вся
[illegible] —съ нимъ трудно
[illegible] Прежде чѣмъ
[illegible] онъ долженъ же
[illegible] должна же бы-
[illegible] какая нибудь сцена,
[illegible] опытъ и т. п.,
[illegible] для морализаціи. Подоб-
[illegible] самый краткій.—раз-
[illegible] морали. Но извле-
[illegible] сравнительно позд-
[illegible] уже въ одномъ
[illegible] извѣстная доля крити-
[illegible] этого взгляда должны
[illegible] принципа
[illegible] Въ виду этого
[illegible] пришелъ въ
[illegible] подвигается
[illegible] другими сло-

вами,—животная сказка должна считаться болѣе раннимъ продуктомъ. Почти излишне прибавлять, что дикари обладаютъ только сказками о животныхъ, а не баснями. Слѣдовательно, страсть къ разказу оказывается сильнѣе морали.

Объясненіе сходства различныхъ сказаній единствомъ человѣческаго духа, допускаемое Гервинусомъ въ широкихъ размѣрахъ, въ большинствѣ случаевъ оказывается единственно возможнымъ. Впрочемъ нельзя скрывать, что бываютъ случаи, когда и этотъ критерій становится недѣйствительнымъ. Случается, что къ извѣстной сказкѣ по отношенію къ другой, сходной съ ней, трудно или немыслимо прилагать теорію литературнаго заимствованія, такъ какъ онѣ находятся внѣ всякой предполагаемой связи; а между тѣмъ сходство поразительно, до того поразительно, что совпадаютъ мельчайшія черты, совпадаютъ на всемъ протяженіи разсказа и даже повторяются въ количественномъ отношеніи. Такое сходство нерѣдкость въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ міра, на діаметрально противоположныхъ концахъ его. Едва ли оно поддается объясненію при помощи общихъ пріемовъ психическаго процесса. Въ подобныхъ случаяхъ примѣненіе послѣдней теоріи представляется повидимому труднѣе, чѣмъ допущеніе совершенно неуловимыхъ для изслѣдованія путей литературнаго заимствованія или устной традиціи.

Совершенно справедливо замѣчаетъ Герцбергъ, что басня Эзопа о больномъ львѣ, излѣчиваемаго шкурой волка (Halm № 255=Мартыновъ № 72), составляетъ точку отправленія всѣхъ литературныхъ обработокъ животнаго эпоса. Къ этому взгляду присоединяется и Мюлленгоффъ (въ ук. м. VI, 3 сл.); несомнѣнное происхожденіе этой басни съ востока доказано Келлеромъ (ук. соч. 342). Обработка этой басни, относящаяся къ концу IX в. и приписываемая издателемъ Павлу Діакону, открыта Дюммлеромъ (E. Dümmler Gedichte aus dem Hofkreise Karls des Groesen въ Z. f. D. A. XII [1865] 446 слл.; ср. XVI [N. F. IV. 1873] 480). Недостающее въ изданіи послѣдняго начало обнародовано Вейландомъ (L. Weiland Zur Thierfabel въ ук. м. XIV [N. F. II. 1869] 498 слл.). Въ этой обработкѣ, какъ и у Фредегара, царемъ звѣрей является, понятно, левъ, ясно указывающій на путь, которымъ шла басня. Павелъ Діаконъ могъ заимствовать свой сюжетъ изъ Италіи, хотя къ послѣднему присоедини-

лось и устное преданіе, о чемъ свидѣтельствуютъ изорванная обувь (indumenta pedum), показываемая лисой, и черта объ излѣчиваніи льва медвѣжьей шкурой. Затѣмъ тотъ же сюжетъ, ближе подходящій къ греческой баснѣ, встрѣчается въ X в. въ Ecbasis (J. Grimm Latein. Gedichte d. X. u. XI. Jh. [1838] стр. 256 сл. vv. 391—1095 = Ecbasis captivi, d. älteste Thierepos d. Mittelalters hrsg. v. Ernst Voigt [въ Quellen u. Forschungen VIII (1875)] стр. 93 сл.); постепенно развиваясь, онъ превращается, наконецъ, въ цѣлыя поэмы, Isengrimus и Reinardus, въ которыхъ появляются и собственныя имена (ср. Müllenhoff въ ук. м.).

Индѣйская теорія Вахенера по идеѣ совершенно вѣрна. Ошибочность же многихъ его выводовъ указана Веберомъ и частью Бенфеемъ.

И крайностямъ греческой теоріи Вебера Бенфей и Келлеръ постарались поставить опредѣленныя границы. Келлеръ указалъ между прочимъ на то, что Веберъ искажаетъ факты, утверждая будто шакалъ не отличается хитростью; онъ ссылается (стр. 338 сл.) на древнѣйшій санскритскій лексиконъ, въ которомъ шакалъ носитъ уже прозвище обманщика, плута между звѣрями. Можно замѣтить, что и зоологи ставятъ шакала во всѣхъ отношеніяхъ на одну доску съ лисою (А. Брэмъ Иллюстрир. жизнь животныхъ I [1874] 419. 421). Бенфей (Pantschat. I, 325) тоже указываетъ на несостоятельность критерія Вебера, по которому всякая греческая баснь только потому оригинальна, первобытна, что обладаетъ прекрасной формой, тогда какъ отвѣчающая ей индѣйская представляется ему всегда утрировкой.

Осуждая эстетическую критику Вебера, Бенфей тѣмъ не менѣе самъ нерѣдко пользуется ею для опредѣленія относительной древности извѣстныхъ разсказовъ (ср. Pantschat. I, 100. 102. 106. 326. 426 и др.), утверждая, что болѣе грубая, простая и несовершенная форма должна служить критеріемъ примитивности. Противъ ошибочности подобныхъ аргументовъ не замедлилъ высказаться Гольцманнъ (Heidelberger Jahrbücher 1860 стр. 269.). Такимъ образомъ опредѣленнаго критерія не существовало и у Бенфея, пока Келлеръ не выдвинулъ на сцену принципъ естественности.

Предѣлы, которыми Бенфей ограничивалъ время перехода индѣйскихъ сказаній на западъ, приходится значи-

тельно раздвинуть. Помимо значительнаго передвиженія предѣльной черты, допускаемаго самимъ Бенфеемъ, Либрехтъ (Zum Pantschatantra въ Jahrb. f. roman. u. engl. Literatur III [1861] 82) находитъ его все еще слишкомъ скромнымъ. Онъ полагаетъ невозможнымъ отрицать существованіе сношеній между Индіей и Европой до V в. до Р. Х.

Объясненіе сходства различныхъ сказаній въ теоріи Бенфея повидимому не требуетъ никакихъ видоизмѣненій или дополненій, развѣ въ томъ только смыслѣ, какъ мы имѣли случай высказать выше. Для опредѣленія этого сходства Бенфей пользуется тремя пріемами: допущеніемъ устной передачи, литературнымъ заимствованіемъ и единствомъ человѣческаго духа. Повидимому этихъ пріемовъ достаточно для объясненія сходства, и тѣмъ не менѣе миѳологическая гипотеза все еще напрашивается на болѣе внимательное къ ней отношеніе. Не говоря объ отстаиваніи этой теоріи Ганомъ (J. G. v. Hahn Griech. u. albanes. Märchen I [1864] введ.), нельзя однако обойти молчаніемъ взглядъ Шмидта (Bernhard Schmidt Griech. Märchen, Sagen u. Volkslieder [1877] стр. 14 слл.). Послѣдній не столько выступаетъ въ качествѣ защитника миѳологической гипотезы, сколько посредникомъ между ней и теоріей заимствованія. Основываясь преимущественно на извѣстныхъ взглядахъ Либрехта, Шмидтъ въ видахъ объясненія сходства снова поднимаетъ вопросъ о праарійской родинѣ, объ исконномъ наслѣдіи. Главнымъ аргументомъ приверженцевъ индогерманской гипотезы служитъ обыкновенно указаніе на параллель, представляемую родственными языками, т. е. на аналогію въ ходѣ развитія сказаній и языковъ. Но, допуская такую аналогію, кажется, естественно будетъ требовать, чтобъ она была дѣйствительно аналогіею, а не пустымъ звукомъ, т. е., чтобы сказанія, считающіяся достояніемъ племеннаго наслѣдія, принимали тотъ же характеръ видоизмѣненій, какой замѣчается въ арійскихъ языкахъ: всѣ эти языки такъ сильно расходятся между собой въ своихъ особенностяхъ, что взаимное ихъ родство уловимо только для лингвиста. Ничего подобнаго сказки не представляютъ. Тутъ, наоборотъ, любой читатель въ состояніи констатировать сходство извѣстной сказки съ соотвѣтствующей ей другой, къ какой бы эпохѣ и національности она не принадлежала Едва ли возможно про-

длить существованіе миѳологической гипотезы подобными аргументами.

Зато у Шмидта (стр. 16) встрѣчается указаніе на необходимость допущенія самостоятельнаго, независимаго возникновенія и развитія сказокъ на европейской почвѣ. Впрочемъ и Бенфей (Pantsch. I, 144. 222. 333 и др.) иногда упоминаетъ о самостоятельномъ возникновеніи сказокъ на западѣ, но всегда только мелькомъ. Между тѣмъ черта эта заслуживаетъ большаго вниманія; нерѣдко только при ея помощи возможно объясненіе изолированныхъ сказокъ.

Точно также полнаго вниманія заслуживаетъ выдвинутый Келлеромъ на первый планъ принципъ естественности. Впрочемъ Келлеру принадлежитъ только починъ вполнѣ основательнаго и послѣдовательнаго приложенія этого критерія. Принципъ естественности примѣнялся уже Вахенеромъ и Беберомъ. Судя по намеку у послѣдняго (ук. соч. стр. 333) и по ссылкѣ у перваго (ук. соч. стр. 77[1]), уже Якобсъ (Nachträge zu Sulzers Theorie der schönen Künste) возводилъ его на степень критическаго пріема. Слѣдуетъ также упомянуть, что и Я. Гриммъ (Kl. Schr. IV, 10; ср. R. F. стр. xviij. clxxxvj) считалъ принципъ [illegible] отличительнымъ признакомъ и мѣриломъ древности поэтическихъ памятниковъ.

Вопреки возраженіямъ [illegible], теперь не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ общемъ взглядъ Полэна Пари вполнѣ вѣренъ, что для развитія животнаго эпоса главной точкой отправленія служили басни Эзопа.

Далѣе кстати будетъ указать на странное (покрайней мѣрѣ на нашъ взглядъ) возраженіе Я. Гримма противъ теоріи заимствованія и послѣдующаго развитія довольно обширнаго эпическаго произведенія изъ сравнительно скудной основы, [illegible] нерѣдко и сторонниками этого ученія. Не допуская возможности подобнаго развитія (R. F. стр. [illegible]), Я. Гриммъ утверждаетъ (Kl. Schr. V, 458) [illegible] существующія въ какомъ [illegible] при заимствованіи должны непремѣнно [illegible] изъ него произведеніе. Какъ [illegible] творчества.— [illegible] въ Божественной Комедіи [illegible] больше срав-

нительно съ содержаніемъ любой изъ извѣстныхъ ей автору легендъ о загробномъ мірѣ? Едва ли это такъ.

Въ виду отрицанія возможности развитія изъ краткой основы болѣе обширнаго произведенія приходится остановиться нѣсколько на этомъ вопросѣ.

Развивая взглядъ Гервинуса на пословицу, Вакернагель, а за нимъ Мюлленгоффъ (въ ук. м. VI, 1) указали на то, что нѣкоторыя пословицы представляютъ какъ бы родъ маленькихъ басенъ, которыя съ теченіемъ времени могли принять болѣе или менѣе обширные размѣры; наоборотъ, цѣлыя животныя сказки превращаются въ краткія изрѣченія, сокращаются въ пословицы. У насъ касался этого вопроса А. Н. Пыпинъ (О русскихъ народныхъ сказкахъ, въ Отеч. Зап. 1856 № 5 стр. 25). Число примѣровъ, приведенныхъ этими учеными, можно бы значительно увеличить. Впрочемъ, упомянутые ученые не прилагали развиваемыхъ ими взглядовъ непосредственно къ животному эпосу среднихъ вѣковъ, а между тѣмъ на это слѣдовало бы обратить больше вниманія.

Ради поясненія первой категоріи, когда извѣстныя пословицы могутъ быть разсматриваемы въ качествѣ мелкихъ басенъ, можно привести, напр., слѣдующія: „Видя волкъ козу, забываетъ и грозу"; „виноватъ волкъ, что козу ободралъ, не права и коза, что въ лѣсъ зашла"; „падетъ на медвѣдя желудь, и онъ рыкнетъ, а какъ цѣлый дубъ, и онъ не мигнѐтъ" (И. Снегиревъ Русск. народн. послов. и притчи [1848] стр. 33. 34. 319). Сербы, напр., говорятъ: ругала се сова сјеници: иди кучко главата; чим се коза дичила тим се овца срамила (Караџић Српске народне пословице [1849] стр. 272. 347). Какъ возникаютъ подобныя пословицы, объясняетъ Гервинусъ. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ пословицъ не исключаютъ возможности, что онѣ прошли уже одну метаморфозную среду, представляютъ уже сокращеніе краткаго разсказа, слѣды котораго, можетъ быть, безвозвратно исчезли.

Образчикомъ перехода пословицы въ притчу можетъ служить, напр., слѣдующая: der hunt enizzet [en izzet] höuwes niht und grînt doch sô erz ezzen siht (Freidank von Wilhelm Grimm [1860][2] 138, 11—12). Пословица эта встрѣчается также въ христоматіи Мюлленгоффа и Шерера (Denkmâler deut. Poesie u. Prosa aus d. VIII—

XII Jh. hrsg. v. K. Müllenhoff u. W. Scherer [1873][1] стр. 354 № 19) съ помѣткой: darnach ein beispiel altd. wälder 2.96 rehte als des gebûren hunt dem ohsen höuwes niht engan, des er doch niht geniezen kan.

Болѣе наглядный примѣръ перехода весьма краткаго разсказа въ довольно обширное эпическое повѣствованіе представляется въ самомъ циклѣ поэмъ о Ренарѣ.

Въ романѣ о Ренарѣ встрѣчается извѣстный эпизодъ, который повторяется въ немъ на разные лады. Сюжетъ безъ всякаго сомнѣнія заимствованъ изъ средневѣковыхъ бестіаріевъ, зоологическія преданія которыхъ восходятъ къ зоологіи Аристотеля и, главнымъ образомъ, къ баснословнымъ разсказамъ о замѣчательныхъ и чудесныхъ свойствахъ различныхъ звѣрей, описываемыхъ древними авторами. Подъ причудливымъ перомъ поэтовъ отдѣльныхъ вѣтвей романа о Ренарѣ благодарный сюжетъ не замедлилъ принять довольно обширные размѣры и своеобразныя прикрасы, вторгающіяся даже въ предѣлы цинизма.

Предварительно слѣдуетъ замѣтить, что время составленія средневѣковыхъ бестіаріевъ не играетъ почти никакой роли, такъ какъ зоологическія традиціи, вошедшія въ ихъ составъ, сохраняются въ бестіаріяхъ почти безъ всякихъ видоизмѣненій: то, что приписывается тому или другому животному въ одномъ фисіологѣ или бестіаріи,—непремѣнно повторяется и въ другомъ. Если же въ позднѣйшихъ бестіаріяхъ и встрѣчаются нѣкоторыя отступленія сравнительно съ болѣе древними, то отступленія эти во всякомъ случаѣ незначительны и дополненія не существенны. Разногласія заключаются только въ пространныхъ аллегорическихъ толкованіяхъ и поясненіяхъ, сопровождающихъ краткое описаніе свойствъ того или другаго животнаго. Въ каждомъ бестіаріи эти комментаріи, назиданія и благочестивыя размышленія представляютъ болѣе или менѣе существенные контрасты ([1]).

---

[1] [illegible] о бестіаріяхъ и ихъ литературной исторіи см. Adolf Kressner Ueber die Thierbücher des Mittelalters etc. въ Archiv f. d. Studium d. neuer. Sprachen u. Literaturen LV (1876) 241—296. Къ [illegible] стр. [illegible]—250) литературѣ вопроса слѣдуетъ еще [illegible] Ch. Gidel Nouvelles études sur la littérature grecque moderne 1878, [illegible] стр. 401—443 посвящены вновь открытому [illegible] греческому тексту бестіарія,

Въ физіологѣ (IV в.) Псевдо-Епифанія (*εἰς τὸν φυσιολόγον*) передается слѣдующая черта, свидѣтельствующая о хитрости лисы: Vulpes versutum est animal. cùm enim esurit, et cibo caret, aprica loca adit, et humi strata animamque continens, ac simulans se mortuam supina jacet, oculis et pedibus sursum erectis. Aves itaque delabuntur ut ipsa vescantur: illa verò arripit eas subitò, ac pro libito devorat (*Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἐπιφανίου ἐπισκόπου τῆς Κωνσταντείας Κύπρου* etc. Sancti patris nostri Epiphanii Constantiae... Episcopi, operum omnium. Dionysius Petavius Aurelianensis... latine vertit, et animad versionibus illustravit. Editio nova. II [Coloniae. 1682] 214; cap. xjx: De volpe).

Почти совершенно тѣми же словами разсказываетъ объ этой уловкѣ лукавой лисы славянскій текстъ физіолога въ сборникѣ XVI—XVII в. Текстъ этотъ изданъ проф. В. Ягичемъ (Kniževnik III [1866] 128) и можетъ служить переводомъ выше приведеннаго латинскаго текста: Лисица ѥсть кехнита (! Može biti технита! grčka rieč, замѣчаетъ издатель) вещь. егда не обрещеть ѩсти что, приходить въ присоиню место и омрьтвить се, едва оудрьжить доушоу оу себе. и приходеть птице летеще и скоубають ю. она же скочивши оухитить отъ нихъ и ѩсть.

Эти прозаическіе разсказы въ теченіи среднихъ вѣковъ весьма часто облекались въ стихотворную форму. Тѣмъ не менѣе и риѳмованные физіологи придерживались довольно близко завѣщаннаго содержанія, какъ можно судить по физіологу Теобальда, „вѣроятно“, аббата монтекассинскаго, отъ 1022—1035 (Kressner ук. соч. стр 248. Ср. Eduard Kolloff Die sagenhafte u. symbol. Thiergeschichte des Mittelalters въ Histor. Taschenbuch, hrsg. v. Fr. v. Rau-

---

содержаніе котораго вкратцѣ пересказывается (стр. 428—442). Физіологъ, изданный проф. В. Ягичемъ въ Kniževnik III (1866) 124—129. Physiologus, изданный Ф. Палацкимъ въ Časopis Musea království českého XLIX, (1875) 127—133. Кн. П. П. Вяземскій О литературной исторіи «физіолога» въ Памятникахъ Древней Письменности 1878—79 стр. 47—83. По поводу послѣдней статьи ср. рецензію А. Котляревскаго въ Критич. Обозрѣніи 1879 № 7, гдѣ встрѣчаются дополненія и поправки. Рецензія проф. Н. С. Тихонравова на Ист. русск. слов. древн. и нов. А. Галахова, въ Отч. о девятнадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова (1878) стр. 59 сл.

mer, 1867 стр. 195. F. Heider [и J. V. Häufler] Archeol. Notizen въ Archiv f. Kunde österreich. Geschichts-Quellen III [1860) 532), помѣщенному между прочимъ у Потвэна (ук. соч. стр. 48[1]). Встрѣчающійся въ этомъ физіологѣ отрывокъ о лисѣ любопытенъ тѣмъ, что опредѣляетъ породу птицъ, опускающихся на мнимую „падаль“, именно— „ворона“ или „воронъ“. Въ позднѣйшихъ подражаніяхъ, именно въ различныхъ браншахъ романа о Ренарѣ, постоянно удерживается эта порода птицъ. Обыкновенно же упоминаются птицы вообще, согласно разсказамъ древнихъ писателей, служившихъ, конечно, главнымъ источникомъ для средневѣковыхъ бестіаріевъ. И приведенный отрывокъ о хитрости лисы встрѣчается уже у Оппіана (Oppiani de piscatione l. II. vv. 108—119 [ed. Schneider (1776) стр. 93 и 279]), слѣдовательно, во II в. по Р. Х.

Чтобы составить себѣ понятіе объ отступленіяхъ или разницѣ, существующей между стихотворными обработками бестіаріевъ и приведенными прозаическими текстами, и о разногласіяхъ самихъ обработокъ, приводимъ—все на ту же тему объ уловкѣ лисы—тексты двухъ французскихъ бестіаріевъ en regard. Одинъ изъ нихъ составленъ въ 1121 г. Филиппомъ Таонскимъ, другой, столѣтіемъ спустя, Гюйомомъ Нормапскимъ. Приводимъ тексты, къ сожалѣнію, изъ вторыхъ рукъ.

Philippe de Thaon (у Мейснера въ ук. м. LVIII, 258).

Gulpis (1) de beste est nun
Que gupilz apellum;
Gulpils est mult livrié
E forment vezié;

Guillaume le Normand (у Robert Fables inédites I [1825] lviij).

Assetz oï avez fabler
Comment renars soloit embler.
Li goupils est moult artillous,
Quant il est auques famillous

(1) Относительно древне-франц. названій лисы goupil, gorpil и т. п., которыя впослѣдствіи были вытѣснены собственнымъ именемъ Renart, превратившимся въ нарицательное (renard), см. J. Grimm R. F. стр. xxjv и ccxl слл. Jarnik Index zu Diez' etymol. Wb. (1878) s. v. goupil и renard. Касательно перехода звука v въ g (т. е. перехода vulpecula въ goupil) см. G. F. Burguy Grammaire de la langue d'oïl I[2] (1869) 33.

Grant praie volt conquere,
Met sai en ruge terre,
Tut s'i enpuldrat ([1]),
Cum mort se girat,
Là gist gule baée,
Sa langue hors getée;
Li oisel ki la veit,
Quide que mort seit,
Al gupil veut volant
Là ù fait mort semblant,
Lors li volt menger,
Si la prent a becchieer,
En la buche li met
Sun chef e sun bech,
Li gupils en eslure
Li oisel prent e devure...

Et il ne seit où querre proie;
Por la faim qui forment l'asproie,
S'en vait a une rouge terre:
Là se toaille et veautre et merre
Tant qu'il resamble tout sanglant ([1]);
Puis s'en vait coucher belement,
En une place descouverte
Qui est a ces oiseaus aperte:
Dedens son cors retient s'alaine,
Si a la pance dure et plaine,
Li cuices qui tant sert de boule,
Trait la langue fors de la goule,
Les elx et les dens rechingne,
Et en ceste meniere enguigne
Les oiseaus qui gesir le voient:
Certainement tout mort le croient
Dont descendent por lui bechiés;
Mais quant il se voit aprochiés
Près de ses dens et il sent aise,
Si felenessement les baise,
Quant en sa gueule sont enclos,
Que tout devore char et os.

([1]) Черту о томъ, что лиса катается въ «красной землѣ», чтобы казаться «окровавленной», по мнѣнію Петавія (въ примѣч. къ издан. трудовъ Епифанія II, 215), присовокупилъ Michaël Herus [?], тогда какъ Креснеръ (въ ук. м. LV, 262) заявляетъ, что—Hugues de St. Victor († 1141) (см. о немъ Hist. littér. de la France XII [1869] 1—72). Мы не станемъ останавливаться на примиреніи этихъ взглядовъ, а замѣтимъ, что черта эта передается въ латинскомъ бестіаріи, стоящемъ на рубежѣ IV и V вв. и изданномъ въ Classicorum auctorum e vaticanis codicibus editorum... curante A[ugusto] M[ai] VII (1835) 595 (...requirit ubi est rubra terra, et volvit se super eam; ita ut quasi cruentata appareat tota...). Ту же хитрость приписываетъ лисѣ древне-нѣмецкій бестіарій начала XII в. (Fundgruben f. Gesch. deutsch. Sprache u. Litteratur hrsg. von Dr. Heinrich Hoffmann. I [1830] 31 (...so bewillet si [т. е. лиса] sich in der roten erde...). Ср. Bibliothek d. gesammt. deutsch. National-Literatur III [1837] ч. I-я=Deutsche Gedichte d. zwoelft. Jh...hrsg.

Различныя стихотворныя обработки средневѣковыхъ бестіаріевъ являются источниками, изъ которыхъ непосредственно почерпали составители вѣтвей романа о Ренарѣ черту объ уловкѣ коварной лисы, прикидывающейся мертвой. Вскорѣ разсказъ объ этой хитрости сталъ пріурочиваться къ различнымъ эпизодамъ о похожденіяхъ лисы. Къ двумъ эпизодамъ онъ пріурочивался par exellence, — къ эпизоду о лисѣ, обкрадывающей возъ съ рыбой, и къ эпизоду о лисѣ, обманывающей своей притворной смертью воронъ. Въ послѣднемъ случаѣ, строго говоря, разсказъ объ этой уловкѣ не пріурочивался, а остался на своемъ мѣстѣ, т. е. сохранилъ тоже положеніе и тѣ же отношенія, какія изображаются въ бестіаріяхъ. Наоборотъ, къ эпизоду о кражѣ рыбы примѣнена была только первая часть разсказа о хитрости лисы, т. е. ея притворная смерть, тогда какъ вторая часть должна была, естественно, отпасть.

Для болѣе нагляднаго представленія объ отношеніи переработокъ и подражаній въ романѣ о Ренарѣ къ оригиналамъ, представителями которыхъ являются бестіаріи, приводимъ относящіяся сюда выдержки.

Собираясь обмануть извощиковъ, украсть у нихъ рыбу, Ренаръ, съ цѣлью попасть къ нимъ на возъ, поступаетъ по двумъ варіантамъ слѣдующимъ образомъ (Ren. v. 791):

Lors s'est couchiez enmi la voie.
Or o[i]ez conment les desvoie!
En un gason s'est ventrilliez
Et conme mort apareilliez.
Renart qui tot le monde engingne
Les eulz clot et les denz rechingne,
Si tenoit s'alaine en prison.
Oïstes mès [mais] tel traïson?
Illeques est remés gesanz...

---

v. H. F. Massmann, стр. 319. Въ провансальскомъ бестіаріи у Karl Bartsch Chrestomathie provençale (1875)[3] стлб. 331—336 лиса не упоминается. Разсказъ о хитрости лисы переходилъ иногда цѣликомъ безъ всякихъ видоизмѣненій въ средневѣковыя притчи; см., напр., Magistri Odonis de Ciringtonia, liber parobolarum, въ Kleine latein. Denkmäl. d. Thiersage hrsg. v. Ernst Voigt, (1878) стр. 129, parab. 17=Oesterley Die Narrationes des Odo de Ciringtonia въ Jahrb. f. roman. u. engl. Lit. IX (1868) 137 № xvij. De volpe esuriente:

Далѣе добавляется, что купцы: Le gorpil trovent enversé (Ren. v. 813).

Противорѣчіе, заключающееся въ послѣдней фразѣ, сообщающей о Ренарѣ, „лежащемъ навзничь" и въ одномъ изъ вышеприведенныхъ стиховъ, гдѣ значится, что Ренаръ „растянулся на животѣ" (s'est ventreilliez), — устранено въ новомъ изданіи Мартина (Le Roman de Renart publié par Ernest Martin. Strasbourg, Paris. 1882. Такъ какъ пока вышелъ только первый томъ и, кромѣ того, вверху страницъ изданія Мартина отмѣчены стихи изданія Меона, то мы предпочли приводить цитаты по послѣднему изданію). У Мартина (br. III v. 43) вм. s'est ventreilliez стоитъ s'est voutrilliez—„вывалялся".

По другому варіанту Ренаръ (Ren. v. 3951 сл.).

El chemin se met de travers,
Si s'estoit couchiez à envers,
Et prent les denz à rechinier
Por plutost la gent enginier.
Si a son balevre retret,
Les eulz clot et la langue tret:
En l'ardille s'est tooilliez
Tant que il estoit toz soilliez
A merveille resemble mort...

Въ этомъ варіантѣ сохранилась между прочимъ и „глина" (l'ardille), roge terrier бестіаріевъ.

Въ приведенныхъ примѣрахъ удержалась только первая часть разсказа бестіаріевъ о мнимо-умершей лисѣ; цѣль же ея хитрости иная. Но притворная смерть лисы въ связи съ тѣми же послѣдствіями примѣненія этой хитрости, какъ это развивается въ бестіаріяхъ, встрѣчается и въ романѣ о Ренарѣ.

Въ 18-й вѣтви романа о Ренарѣ (Ren. v. 7668 слл.) сообщается между прочимъ, что Ренаръ замѣчаетъ на деревѣ (sor un fust, v. 7672) ворону (une cornille), которая послѣ купанья расправляетъ свои перья. Ren. v. 7676:

Sitost conme Renart la voit
Es-le-vos à terre estendu...

Ворона опускается на Ренара, собираясь его клевать, но (Ren. v. 7688 слл.):

Renart saut sus qui son leu vit;
Par les êles l'a bien conbrée,
La teste li a engoulée.

Этотъ варіантъ представляетъ уже извѣстныя отступленія отъ разсказа бестіаріевъ, что, между прочимъ, замѣтно по циничному прибавленію (Ren. v. 7678), замѣстившему скромное замѣчаніе бестіарія: [Renart] trait la langue fors de la goule.

Послѣдняя черта сохранилась въ другомъ варіантѣ романа о Ренарѣ (Ren. vv. 22825—22873). Тутъ Ренаръ улегшись на кучѣ сѣна (un tas... de fein. v. 22829 сл.) и умаливая Бога и св. Жермена о ниспосланіи ему пищи, замѣчаетъ вдругъ летящую ворону и рѣшается провести ее при помощи хитрости. Ren. v. 22846:

Lors se lesse chaoir sovin
Le dos desoz, les piez desus,
La langue trete, n'i ot plus:
Iloc se gisoit estendu.

И когда неосторожная ворона опустилась на хитреца (Ren. v. 22862 слл.):

Renart l'a sesi par le col,
Con il la tint, si en fu liez,
De li à ses gernons torchiez
Si en a fait ses joes bruire (¹)...

Въ варіантѣ той же 29-й вѣтви, сообщенномъ у P. Chabaille (Le Roman du Renart, Supplément [Paris 1835] стр. 250 слл.), основной сюжетъ бестіаріевъ развивается еще подробнѣе, хотя и не утрачиваются черты сходства. Уловка Ренара передается, напр., такъ (въ ук. м.):

Lors s'est tornes à ventrillons
Le dos desous, les piés desus,

(¹) Относительно выраженій чавкать (faire ses joes bruire), утирать усы (les grenons torcher) и т. п. см. м. пр. J. Grimm R. F. стр. xlij.

La langue traicte n'y ha plus
Les iex ha tornés en la teste,
Moult par samble bien morte beste.
Là se gist et là se ventreille...

Подобными же чертами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ новыми прикрасами передается хитрость Ренара въ 32-й вѣтви (Ren. vv. 30074—30132) и точно также въ средне-нидерландской переработкѣ, именно Рейнартѣ. (Rein. vv. 3557—3616) (1). Въ послѣднемъ Corbout, супругъ погибшей вороны, является къ царю звѣрей съ жалобой на Рейнарта, умертвившаго его жену (2).. Безпечно игралъ онъ утромъ съ своей женой, какъ вдругъ увидалъ растянувшагося на лугу Рейнарта. Rein. v. 3566:

Sijn oghen stonden te staer beide,
Sijn tonghe heinc ver uut sinen mont,
recht ghelijc enen doden hont,
met opghelokenre wider kele...

Вороны ощупываютъ его животъ и „внутренности" (3) и одна изъ нихъ, съ цѣлью убѣдиться, что Рейнгартъ не дышетъ, приближается къ его „широко раскрытой пасти". Хитрый Рейнгартъ не преминулъ воспользоваться неосторожностью вороны: „онъ щелкнулъ зубами въ великой злобѣ и откусилъ ей голову" (Rein. v. 3582 сл.).

Почти въ тѣхъ же, понятно, выраженіяхъ передается этотъ эпизодъ въ нижне-нѣмецкой переработкѣ или, точнѣе, переводѣ, именно въ Reinke (vv. 3350—3414). Вообще упо-

---

(1) Цитаты изъ Рейнарта мы приводимъ по изданію Мартина: Reinaert. Willems Gedicht von den Vos Reinaerde u. d. Umarbeitung und Fortsetzung Reinaerts Historie hrsg. u. erläutert v. Ernst Martin. Paderborn 1874.

(2) Очевидно по недосмотру авторъ заявляетъ (Rein. v. 3555) устами кролика, что ко двору является и жена Corbout, Scerpenebbe (остроклювая), а между тѣмъ вслѣдъ за этимъ заявленіемъ присоединяется цѣлый разсказъ о ея гибели.

(3) Какъ понимать выраженіе: wi tasten sinen buuc ende ric (Rein. v. 3572), т. е. «мы ощупывали его животъ и внутренности».—мы не беремся рѣшать. У Мартина слово ric сопровождается только значеніемъ Eingeweide. Варіантовъ, поясняющихъ это странное сочетаніе, нѣтъ. Можетъ быть вмѣсто ric слѣдовало бы поставить rugghe—спина?

минанія о хитрости лисы, связанной съ мнимой ея смертью встрѣчаются еще въ слѣдующихъ мѣстахъ литературныхъ обработокъ животнаго эпоса: Ren. vv. 15843. 28595. Rein. v. 3986 сл.=Reinke v. 3726 сл.

Хотя пришлось сильно ограничиться относительно выписыванія цѣликомъ всѣхъ эпизодовъ о мнимо-умершей лисѣ, что способствовало бы болѣе рельефному выдѣленію ихъ особенностей, тѣмъ не менѣе и рядъ приведенныхъ вкратцѣ примѣровъ и параллелей, кажется, достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ, вопервыхъ, въ пользу того, что изъ краткаго разсказа весьма легко можетъ развиться сравнительно обширная поэма, и, во вторыхъ, что въ составъ животнаго эпоса входили и сюжеты, заимствованные изъ бестіаріевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти сличенія служатъ подтвержденіемъ изложеннаго выше взгляда П. Парй, считавшаго частью басни Эзопа, частью другіе разсказы главными источниками романа о Ренарѣ.

Останавливаясь снова на воззрѣніяхъ П. Парй, слѣдуетъ замѣтить, что вражда Ренара съ Изенгримомъ, разсматриваемая имъ какъ выдумка среднихъ вѣковъ, должна быть дѣйствительно пріурочена къ этой эпохѣ. Повидимому импульсомъ къ изложенію вражды или „суда" могли служить не только естественныя, всегда крайне враждебныя отношенія между волкомъ и лисой, которая нерѣдко становится добычей перваго (А. Брэмъ ук. соч. I, 436), но, можетъ быть, и баснь Эзопа о Волкѣ и Лисицѣ (Halm № 271. Мартыновъ № 232), гдѣ пойманная волкомъ лиса принуждена ему высказать правду, заключавшуюся въ пожеланіи, чтобъ онъ никогда не встрѣчался съ ней, а лучше находился въ числѣ мертвыхъ.

Взглядъ П. Парй на вліяніе классической басни въ развитіи поэмъ о Ренарѣ раздѣляютъ и Потвэнъ, Вакернагель, Мюлленгоффъ (въ ук. м. VI, 1. 8) и Мейснеръ. Потвэнъ и Вакернагель указываютъ и на значеніе другихъ сказочныхъ сборниковъ, въ томъ числѣ и бестіаріевъ. Что послѣдніе играли довольно видную роль въ романѣ о Ренарѣ, не трудно заключить по отмѣченнымъ выше параллелямъ.

Въ подтвержденіе мнѣнія Вакернагеля, раздѣляемаго и Мюлленгоффомъ (въ ук. м. VI, 1), что многія пословицы нерѣдко цѣликомъ заимствованы изъ области

„животной саги“, можно привести нѣсколько примѣровъ. Впрочемъ, извлеченіе изъ извѣстнаго разсказа краткаго изрѣченія, сокращеніе сказки въ пословицу или афоризмъ вовсе не ограничивается одной областью животнаго эпоса. Процессъ этотъ часто происходитъ и въ другихъ литературныхъ сферахъ, хотя здѣсь достаточно ограничиться первой областью.

Такъ, пословицы, вошедшія въ составъ сборника В. Даля (Пословицы русск. народа, въ Чт. въ Имп. общ. исторіи и древн. росс. при Моск. Унив. 1861 кн. 2-я стр. 163. 183. 176): „тягался, какъ лещъ съ ершомъ“; „билъ ершъ челомъ на лихаго леща“; „сомъ, съ большимъ усо̀мъ, въ понятые не пошелъ: брюхо-де велико и глазами вдаль не вижу“.—восходятъ всѣ къ извѣстной Сказкѣ объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ (Аѳанасьевъ Народныя русскія сказки I² [1873] 123 слл. IV², 38). Пословица: „сама (мышь [и лиса]) залѣзла въ кувшинъ, а кричитъ: пусти!“ (Даль въ ук. м. стр. 211) можетъ быть выведена изъ сказки о лисѣ, засунувшей голову въ кувшинъ и, не будучи въ состояніи вытащить ее обратно, обращавшейся къ нему съ той же просьбой (П. П. Чубинскій Малорусскія сказки въ Трудахъ этнографическо-статистич. экспедиціи въ Западно-Русскій край II [1878] 113 сл. № 37. Эрленвейнъ Народн. сказки [1863] № xxxjv. Ср. Аѳ. Сказки I², 43 № 7d. И. Рудченко Народныя южно-русскія сказки I [1869] 18). „Битый битаго везетъ“, „битый небитаго везетъ“ (Даль тамъ же стр. 212) или „бить небитаго на рукахъ носитъ“ (Снегиревъ Посл. стр. 13) заимствованы изъ сказки о жестоко избитомъ волкѣ, везущемъ на своей спинѣ мнимо-побитую лису (Аѳ. I², 2. 3). Поговорка: „заяцъ отъ листья, а лягушка отъ зайца бѣжитъ“ (Даль въ ук. м. стр. 279) вытекаетъ изъ басни Эзопа о зайцахъ, отказывающихся отъ намѣренія утопиться, когда убѣждаются, что лягушки еще большіе трусы, чѣмъ они сами (Halm № 237 = Мартыновъ № 57. Ср. Esopus von Burkhard Waldis, hrsg. v. H. Kurz кн. I № 23 и прим.). Поговорка: „каждая лиса свой хвостъ береги“ (Даль въ ук. м. кн. 4 стр. 685) (¹) восходитъ къ сказкѣ, гдѣ лиса,

(¹) У Даля (на стр. 547) встрѣчается, м. пр., поговорка: «по промыслу кошки дѣлы» съ помѣткой: «изъ побаски, о лисѣ». На какую здѣсь

преслѣдуемая собаками, выставляетъ имъ въ наказаніе за мнимую помѣху свой хвостъ, вслѣдствіе чего лишается послѣдняго или даже платится жизнью (А ѳ. I^2. 38. 40. 41. 43; ср. Р у д ч. I, 18). Повидимому того же происхожденія поговорка: Der Fuchs könnte den Schwanz noch einmal brauchen; il y aura un temps où les renards auront besoin de leur queue (W a n d e r Deutsches Sprichwörter-Lexicon I [1867] s. v. Fuchs № 65). Предостереженіе: „подбери, волкъ, хвостъ: котъ крадется" (Д а л ь въ ук. м.) относится къ сказкѣ, въ которой передается, какъ котъ кинулся къ грудѣ листьевъ или хворосту, предполагая, что тамъ шевельнулась мышь, тогда какъ въ дѣйствительности убѣжище это избралъ себѣ волкъ (А ѳ. I^2, 62 слл.). Къ числу пословицъ и притчъ, не встрѣчающихся, кажется, у Даля, могутъ быть отнесены еще слѣдующія, заимствованныя изъ Сказки о Ершѣ Ершовичѣ: „кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ"; „хоть ты [щука] съ рыла и востра, да не возьмешь ерша съ хвоста" (А ѳ. I^2, 124. 127).

Подобнаго же происхожденія цѣлый рядъ пословицъ, приведенныхъ у В а н д е р а (ук. соч. I s. v. Fuchs). Ради примѣра достаточно ограничиться нѣсколькими. Der Fuchs bekommt sein Glück in enger Flasche, ein Storch auf flacher Schüssel (въ ук. м. № 43. 127. 301. 303. 414); de vos en kraen hebben malkanderen te gast (Reinaert de Vos von J. F. W i l l e m s [1836] стр. 300) отвѣчаютъ баснѣ, разсказывающей о томъ, какъ лиса угощала аиста (журавля) кашею (похлебкой) съ плоскаго камня (блюда), а аистъ въ отмщеніе подчивалъ лису говядиной (окрошкой) изъ кувшина съ узкимъ горлышкомъ (H a l m № 34. L a F o n t a i n e: Le Renard et la Cicogne [R o b e r t Fables inéd. I, 75 и прим.] B. W a l d i s Esopus I № 27 и прим. C o e l h o Contos populares portuguezes [1879]

«побаску» намекается намъ неизвѣстно. Въ одной сказкѣ (А ѳ. I^2, 15) лиса научаетъ медвѣдя, добиваясь его смерти, таскать «изо лба кишечки», въ другой (А ѳ. I^2, 47) она достигаетъ того, что свинья разрываетъ свое «брюхо» и таскаетъ «кишечки» (или уговариваетъ волка ѣсть свои мозги [ib. 11], а медвѣдя просунуть «себѣ лапу въ ребра» [ib. 49]). Если приведенная поговорка причастна къ этимъ сказкамъ, то всетаки непонятно, какимъ образомъ изъ послѣднихъ возникла поговорка, которую Даль могъ помѣстить подъ рубрикой: «работа—праздность»?

стр. 16. 15. гдѣ встрѣчается та любопыт[illegible] раз- что въ одномъ случаѣ журавль [um grou] [illegible] н'у ля [a garça] первые приглашаютъ лису [illegible] но ши [umas papas de milho] или похлебки [um [illegible] и rinha], такъ что лисѣ остается только отмстить [illegible] о къ подобной же хитрости. A o. I², 51 сл. № 13. [illegible] Книга мудрости и лжи, перев. и объясн. А. л. Ц[illegible] [1878] стр. 82 № 73. Д. Ровинскій Русскія [illegible] картинки I [1881] 274 № 86 и прим.). Ehe der F[illegible] Löwen besucht, sieht er sich erst die Fusstritte der [illegible] Besucher an (Wander въ ук. м. № 118) извлечено [illegible] басни о престарѣломъ львѣ, притворившемся больнымъ [illegible] пожиравшемъ всѣхъ звѣрей, посѣщавшихъ его въ пещерѣ; только лиса не рѣшается навѣстить льва, такъ какъ види[illegible] много слѣдовъ, ведущихъ въ пещеру, но не замѣчаетъ слѣдовъ выходящихъ (Halm № 246 = Мартыновъ № 136. Benfey Pantschat. I, 382. Waldis I № 43. Oesterley Die Narrationes des Odo de Ciringtonia въ Jahrb. f. roman. u. engl. Lit. XII [1871] 150 № 53. Willems Reinaert de Vos 292—295. Du Méril Poésies inédites du moyen âge [1854] стр. 30 сл. W. H. J. Bleek Reineke Fuchs in Afrika [1870] стр. 15 № 10. [Mickiewicz Pisma. Lipsk 1876; стр. 143 сл.]. Ср. И. П. Минаевъ Индѣйскія сказки и легенды, собранныя въ Камаонѣ въ 1875 г. въ Запискахъ историко-филологич. факультета Имп. С.-Петерб. университета ч. II [1877] № 24). Поговорка: Der Fuchs sagt: die Trauben sind sauer; la volpe dice che l'uva è agreste (Wander въ ук. м. №№ 74. 274. 366. 403) восходитъ къ извѣстной басни о „Лисицѣ и Виноградѣ“ (Halm № 33; ср. Мартыновъ № 155. Waldis Esopus III № 73. Felix Liebrecht Zur Volkskunde [1879] стр. 103 [№ 23]. Ровинскій ук. соч. I, 276 № 88). Пословица: Der Fuchs sagt zum Leuen: Ich habe den Schnupfen (Wander въ ук. м. № 75) отвѣчаетъ басни о царѣ звѣрей, умерщвляющемъ своихъ подданныхъ, которыхъ онъ объявляетъ то нахалами, то лжецами, за то, что, въ отвѣтъ на его вопросъ: каковъ запахъ въ его пещерѣ? они возражаютъ, что отвратительный или пріятный; только лиса избавляется отъ смерти, ссылаясь на невозможность судить о запахѣ по причинѣ насморка (Du Méril ук. соч. стр. 29[1]. 108[1]. J. Grimm R. F. стр. ccxij. Goedeke Deutsche Dichtung im

Mittelalter [1871][2] стр. 649 [№ 53]. Joseph Wenzig Westslav. Märchenschatz [1870][2] стр. 203 слл. Valjavec Narodne pripovjedke [1858] стр. 280 сл. № lxviij. Ср. Аѳанасьевъ Сказки IV[2], 13 слл).

Пословицъ, извлеченныхъ изъ сказокъ, чрезвычайно много. Въ сборникѣ Даля многія изъ нихъ носятъ помѣтку „отъ" или „изъ сказки", „присказки", „были" и т. п. (кн. 2 стр. 171. 185. 192. 195. 222. 237. 262; кн. 4 стр. 368. 386. 410. 470. 473. 476. 486. 491. 497. 520. 534. 562. 567. 604. 624. 645. 678) (¹). У Караджича (ук. соч. стр.

(¹) Относительно поговорки: «монахъ говоритъ: сатана соблазнилъ (яйцо на свѣчкѣ испечь); а чортъ говоритъ: и самъ впервые вижу» (стр. 185) не указанъ источникъ. Она сложилась на основаніи Крылова «Напраслина», что отмѣтилъ уже впрочемъ В. Ѳ. Кеневичъ Библіогр. и историч. примѣч. къ баснямъ Крылова, въ Сборникѣ статей, читанныхъ въ отдѣл. русск. яз. и сл. Имп. Акад. Наукъ VI (1869) стр. 160. Изслѣдователи басенъ Крылова считаютъ, если не ошибаемся, «Напраслину» оригинальнымъ произведеніемъ, покрайней мѣрѣ не относятъ ее къ числу «заимствованныхъ», хотя на самомъ дѣлѣ сюжетъ этотъ не разъ уже подвергался литературной обработкѣ. Въ этомъ можно убѣдиться по Schimpf und Ernst von Johannes Pauli hrsg. v. Hermann Oesterley (1866) стр. 225 № ccclxvj и прим. Тутъ нищенствующій монахъ (barfuszer münch) признается духовнику, что искусилъ его съѣсть собранныя имъ яйца чортъ, который однако рѣшительно отказывается отъ обвиненія, заявляя, что ему и въ голову бы не пришло печь яйца на свѣчкѣ, какъ онъ, монахъ, это дѣлалъ. Вообще, тема о невинно обвиняемомъ чортѣ, на котораго падали обвиненія въ подстрекательствѣ ко злу, вопреки даже благимъ совѣтамъ чорта, пользовалась большой популярностью. Ср. напр. Waldis von Kurz кн. II № 64 и прим. Pauli ук. соч. № 84 и прим. (стр. 482).

Опредѣленіе Даля (стр. 368) относительно поговорки: «стрижено, нѣтъ брито» (сербск.: кошено, стрижено, Караџиħ Посл. стр. 159), относимой имъ къ разряду «прибасокъ», нѣсколько неточно, такъ какъ она восходитъ къ цѣлой повѣсти или новеллѣ, относящейся къ циклу разсказовъ о злыхъ женахъ: мужъ утверждаетъ, что лугъ скошенъ, жена—что онъ стриженъ; если мужъ увѣряетъ, что онъ выбрился, то жена заявляетъ, что онъ остригся и т. п. Предметъ спора въ этихъ повѣстяхъ большей частью мѣняется. Ср. о нихъ Benfey Pantsch. I, 523. Liebrecht (по поводу сказокъ Зомрока) въ Orient u Occident III, 376 № 61. Oesterley Schimpf u. Ernst v. J. Pauli прим. къ № 595 (стр. 540. Lüszkmüller namt eine iren man). Къ этому слѣдуетъ еще присоеди-

1. 3. 4. 10. 13. 15 и мн. др.) помѣщены даже самые разсказы, вызвавшіе ту или другую пословицу. Впрочемъ, и у Даля, и у Караджича встрѣчаются пословицы несомнѣнно сказочнаго происхожденія, хотя и не относимыя издателями къ этой категоріи; покрайней мѣрѣ онѣ лишены всякаго указанія на ихъ генеалогію. Таковы, напр., пословицы: „куда чортъ не поспѣетъ, туда бабу пошлетъ“ или „гдѣ сатана не сможетъ, туда бабу пошлетъ“ (Даль Посл. стр. 371); ђе ђаво не може што свршити онђе бабу пошаље (Караџић Посл. 73); wo der Teufel nichts ausrichten kann, dahin schickt er ein altes Weib; ce que diable ne peut, femme le fait (Wander ук. соч. IV s. v. Teufel № 1056; ср. №№ 1038. 1041. 1042. 1054. 1063. 1065. 1039. 1066). Эти пословицы, относящіяся къ пресловутой темѣ средневѣковья о злыхъ женахъ, о женской злобѣ, восходятъ къ весьма популярной повѣсти о томъ, какъ согласіе добродѣтельныхъ мужа и жены не въ состояніи былъ нарушить чортъ, вслѣдствіе чего онъ обратился къ злой женѣ, обѣщавшейся пособить его горю за пару новыхъ башмаковъ. Она, дѣйствительно, достигаетъ того, что мужъ убиваетъ жену. Признавая искусство злой бабы (des geben ich dir die meisterschafft, v. 1005), чортъ даже опасается подойти къ ней близко и передаетъ ей обѣщанные башмаки на палкѣ (¹). Точно также поговор-

нить Asbjörnsen Tales from the Fjeld, by Dasent [1874] стр. 217 сля. (Goody gainst the-Stream). Barącz Bajki, Fraszki, Podania... na Rusi (1866) стр. 215 (Upor). Mickiewicz Pisma, Paryž I (1861) 183—187 (Golono, strzyžono). M. Stojanović Pučke pripoviedke i pjesme (1867) стр. 133 сля. (№ xxx: Zla žena). А. Н. Пыпинъ Очеркъ литер. истор. старинн. повѣстей и сказокъ русскихъ, въ Уч. Зап. втор. отд. Имп. Акад. Наукъ, кн. IV (1858) стр. 202. 268 сл. Аѳанасьевъ Сказки III², 446 сля. (№ 237) и прим. (IV², 529 сл.). Леонидъ Глѣбовъ Стрижено! Стрижено! малоросс. пословица—легенда, въ Черниговск. губ. вѣд. 1858 г. № 16. Д. Ровинскій Русск. народн. картинки I (1881) 380 № 153 и прим. (IV, 252 сл.).

(¹) Solomon u. Morolf (т. наз. второй, der ander Morolff) vv. 917—1005, въ Deutsche Gedichte d. Mittelalters hrsg. v. F. H. v. der Hagen u. J. G. Büsching I (1808) 55 сл. (послѣд. статьи) (Нов. изд Die deutsch. Dichtungen v. Salomon u. Markolf, hrsg. v. Friedr. Vogt. Halle 1880. у насъ не было подъ руками). См. кр. того А. Н. Веселовскаго Соломонъ и Китоврасъ стр. 272 сл., гдѣ стр. 273²)

ка: „умерла та курица, что несла золотыя яйца" (Даль стр. 313) составилась на основаніи извѣстной басни о курицѣ, несшей золотыя яйца и зарѣзанной въ расчетѣ найти въ ней громадный слитокъ золота (Halm № 343 = Мартыновъ № 135. Ср. Benfey Pantsch. I, 378 слл. § 159. Pauli hrsg. v. Oesterley № 53 и прим. Крыловъ „Скупой и Курица". Кеневичъ ук. соч. стр. 169 сл.) (¹).

Достаточно сдѣланныхъ указаній, чтобъ убѣдиться въ основательности замѣчанія Вакернагеля относительно заимствованія многихъ пословицъ изъ области животнаго эпоса, другими словами,—относительно сокращенія цѣлыхъ разсказовъ въ краткіе афоризмы.

Вѣрность взглядовъ Вакернагеля по вопросу о бестіаріяхъ и восточныхъ сборникахъ повѣстей и сказокъ, о невозможности отчетливаго пониманія французами XII в. значенія имени Reinhart (Raginohard)—не подлежитъ сомнѣнію. Повидимому Вакернагель находился также на пути къ рѣшенію вопроса о вліяніи классической басни на развитіе средневѣковыхъ поэмъ о Ренарѣ, но остановился на половинѣ дороги и, вмѣсто того, чтобы придать своей мысли надлежащія формы, законченность, освѣтить ее критически,—сталъ толковать о „возобновленномъ и возвеличенномъ значеніи занесенной франками на римско-галльскую почву

указана и литература вопроса; ср. въ ук. м. первое прим. съ ссылкой на стр. 86 сл. Ср. еще Ровинскій ук. соч. III (1881) 165 № 783 и прим. (IV, 569 слл., премм. стр. 573. «О злой женѣ»); а также В. Ягичъ Исторія сербско-хорватской литературы. Переводъ съ сербско-хорватскаго [М. П. Петровскаго] (1871) стр 134 сл.

(¹) Г. Кеневичъ считаетъ прототипомъ басни Крылова басню Эзопа (Мартыновъ № 24): «Вдова и Курица», гдѣ алчная вдова, желая заставить свою курицу нестись два раза въ день, стала такъ усердно кормить ее, что курица, разжирѣвъ, вовсе перестала нести яйца. «Этотъ сюжетъ», говоритъ г. Кеневичъ (въ ук. м.), «передѣлалъ Ла Фонтенъ: у него курица несетъ золотыя яйца, и скупой обладатель ея убиваетъ ее въ надеждѣ, что найдетъ въ ней сокровище». Замѣчаніе по поводу Лафонтена ошибочно. Лафонтену не зачѣмъ было передѣлывать сюжетъ басни о «Вдовѣ и Курицѣ»: онъ прямо заимствовалъ сюжетъ своей басни изъ басни Эзопа: «Курица, несущая золотыя яйца» (Halm № 343 = Мартыновъ № 135). Слѣдовательно, и прототипомъ басни Крылова «Скупой и Курица» должна считаться не басня, указанная г. Кеневичемъ, а басня о «Курицѣ, несущей золотыя яйца».

животной саги", о „рекомендаціи варварской животной саги", при посредствѣ классической басни и т. п. А между тѣмъ неумолимые факты постоянно наводили его на болѣе естественную мысль. Онъ даже рѣшился признать возможность развитія изъ небольшой и сжатой басни сравнительно обширной поэмы (Батрахоміомахіи),—мысль, которая Я. Гримму (R. F. стр. cclxviij) казалась болѣе чѣмъ невѣроятной.

Невольно возникаетъ вопросъ: чему же приписать такое странное ослѣпленіе, заставлявшее Вакернагеля уклоняться отъ истины? На это можетъ послѣдовать только одинъ отвѣтъ: ослѣпленіе обусловливалось патріотизмомъ, ложнымъ патріотизмомъ. Слова, высказанныя Іонкблутомъ (Étude стр. 48) въ укоръ П. Парй въ видахъ защиты миѳологической теоріи, должны быть еще съ большимъ основаніемъ обращены противъ Я. Гримма и его приверженцевъ: „Прекрасная вещь любовь къ отечеству, но слѣдуетъ остерегаться противъ преувеличенія лучшихъ чувствъ, особенно, если это преувеличеніе стремится извратить наше сужденіе". И Вакернагель не сумѣлъ убѣречься—если не отъ „преувеличенія лучшихъ чувствъ", то отъ потаканія имъ.

Мейснеръ (въ ук. м. LXV, 202 сл.) вѣрно опредѣлилъ причины, побудившія Я. Гримма къ провозглашенію теоріи о „нѣмецкой животной сагѣ". Я. Гриммъ писалъ свое изслѣдованіе о Рейнгартѣ въ эпоху миѳологическихъ гипотезъ, въ эпоху смутнаго политическаго состоянія Германіи и личныхъ невзгодъ. Лучшіе умы мѣняли бурную политическую арену на болѣе мирное поприще и принимались за изученіе роднаго языка и національной литературы. Послѣдніе служили единственнымъ связующимъ звеномъ для самыхъ разнородныхъ партій и стремленій и отчасти способствовали умиротворенію разлада, царившаго среди общества. Естественно, что литературные памятники, преимущественно среднихъ вѣковъ, подвергались пристрастной оцѣнкѣ, значеніе ихъ преувеличивали, ихъ достоинства и недостатки превозносились до небесъ. Французскихъ источниковъ никто не зналъ или не признавалъ, вслѣдствіе чего все считалось нѣмецкимъ оригиналомъ. Стоило сдѣлать порядочный нѣмецкій переводъ съ произведенія любаго иностраннаго поэта и оно тотчасъ превращалось въ „наше", нѣмецкое. „Гомеръ сталъ нашимъ, Шекспиръ сталъ нашимъ и, такимъ образомъ,

лисъ Рейнеке сталъ тоже нашимъ“ (Meissner въ ук. м. LXV, 203). Это нѣсколько ѣдкое, но вполнѣ справедливое замѣчаніе. Изъ ложнаго патріотизма сыръ боръ загорѣлся. Все тѣ же побужденія вызвали цѣлую теорію, создавшую рядъ новыхъ гипотезъ, служащихъ и понынѣ тормазомъ для окончательнаго перенесенія животнаго эпоса на твердую историческую почву.

Переходя къ замѣчанію Мейснера относительно ирландскихъ поселянъ и испанскихъ погонщиковъ, среди которыхъ, согласно теоріи Я. Гримма, долженъ бы процвѣтать и развиваться животный эпосъ par excellence, — необходимо упомянуть, что замѣчаніе это не слѣдуетъ разсматривать какъ простую шутку. Предположеніе этого пункта индогерманской гипотезы, дѣйствительно, таково, что допускаетъ необходимость развитія животнаго эпоса въ кругу людей, находящихся въ постоянномъ общеніи съ міромъ животныхъ. Въ дѣйствительности едва ли это такъ. Дикари, номады, вообще, расы, стоящія на низшей ступени цивилизаціи и проводящія всю свою жизнь чуть ли не съ колыбели въ кругу животныхъ, находясь къ нимъ въ разнообразныхъ отношеніяхъ, не обладаютъ вовсе оригинальными животными сказками. Въ одномъ довольно обширномъ сборникѣ сказокъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ (Karl Knortz Märchen und Sagen der Nordamerikanischen Indianer. Jena 1871) нѣтъ ни одной животной сказки. Въ сборникѣ африканскихъ сказокъ Блека (Reineke Fuchs in Afrika Weimar 1870), посвященномъ преимущественно животнымъ сказкамъ, громадное большинство послѣднихъ оказывается заимствованіемъ, а тѣ немногія сказки, которыя носятъ туземный отпечатокъ и обязаны своимъ существованіемъ самостоятельному зарожденію, въ строгомъ смыслѣ не могутъ считаться животными сказками, за весьма немногими исключеніями. Инородцы южной Сибири (W. Radloff Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens. Petersburg 1866 т. I-й и III-й) обладаютъ только заимствованными животными сказками, причемъ извѣстная часть заимствована у русскихъ. Жалкое заимствованіе у русскихъ представлятъ одна животная сказка вотяковъ (Борисъ Гавриловъ Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Казань 1880. Стр. 123 сл.), заимствованіемъ же со всѣхъ сторонъ

оказываются животныя сказки кавказкихъ горцевъ (Сборникъ свѣдѣній о кавказкихъ горцахъ, издаваемый.. при Кавказкомъ Горскомъ Управленіи. Тифлисъ). Тоже слѣдуетъ замѣтить о большинствѣ сборниковъ сказокъ мелкихъ инородческихъ племенъ восточной Россіи. Всѣ эти примѣры не могутъ внушить довѣрія къ гипотезѣ Я. Гримма о благопріятныхъ условіяхъ, какія представляются для развитія животнаго эпоса, напр., въ пастушескомъ быту. Слѣдовательно, при образованіи животнаго эпоса рисуемая Я. Гриммомъ идиллическая картина—не причемъ, а играютъ роль нѣсколько иныя условія.

Что касается другихъ замѣчаній Мейснера, то они находятъ себѣ подтвержденіе въ разсмотрѣнныхъ выше мнѣніяхъ. Здѣсь остается только коснуться затронутаго выше вопроса о значеніи и участіи бестіаріевъ въ развитіи животнаго эпоса среднихъ вѣковъ, на что указываетъ и Мейснеръ (въ ук. м. LXV, 206. 209. 214).

Въ мѣстечкѣ Ле-Фауэ (въ Бретани) въ церкви Сэнъ-Фіакръ встрѣчается изображеніе лисы, притворившейся мертвой: лиса лежитъ навзничь, съ высунутымъ языкомъ, который клюетъ курица, тогда какъ пѣтухъ и три другія курицы хлопочутъ около другихъ частей мнимаго трупа; въ слѣдующей группѣ лиса душитъ уже курицу (Meissner въ ук. м. стр. 209). Подобный же гротескъ встрѣчается въ Таррагонѣ въ мѣстномъ соборѣ. Тутъ одна курица клюетъ языкъ мнимо умершей лисы, другая животъ, стоя на немъ, тогда какъ пѣтухъ, находящійся въ нѣкоторомъ отдаленіи, становится въ слѣдующей группѣ добычей плутовки (тамъ же стр. 214). Изображенія эти ясно доказываютъ, въ чьихъ рукахъ развивался средневѣковой животный эпосъ и откуда почерпались его сюжеты. Совмѣстное же изображеніе сценъ изъ бестіаріевъ и классической басни показываетъ, какимъ путемъ происходило соединеніе сюжетовъ, развившихся впослѣдствіи въ циклѣ поэмъ о Ренарѣ.

Въ заключеніи необходимо вкратцѣ указать на результаты, вытекающіе изъ всего выше сказаннаго. Получаются слѣдующіе выводы:

1. „Животная сага“ (Thiersage) вообще не существовала; на первыхъ порахъ сложилась животная сказка.

2. Баснь является дальнѣйшимъ развитіемъ отдѣльнаго момента животной сказки, а не „осколкомъ животной саги“; дидактическій элементъ проникъ въ животную сказку сравнительно поздно.

3. Животный эпосъ вообще своимъ происхожденіемъ обязанъ востоку, именно Индіи.

4. Переходъ индѣйскихъ сказокъ на западъ совершался уже (можетъ быть даже значительно) ранѣе V в. до Р. Х.

5. Самымъ главнымъ этапнымъ пунктомъ на пути перехода животнаго эпоса изъ Индіи въ Европу была Византія.

6. Черты сходства животныхъ сказокъ или отдѣльныхъ ихъ мотивовъ у разныхъ народовъ объясняются:

a) процессомъ равномѣрнаго психическаго развитія, или

b) литературнымъ заимствованіемъ, или

c) господствомъ устнаго преданія (въ извѣстныхъ случаяхъ).

7. Необходимо допустить самостоятельное зарожденіе сказокъ, какъ на европейской почвѣ, такъ и въ другихъ странахъ.

8. Единственнымъ критеріемъ для правильной оцѣнки оригинальности и относительной древности животныхъ сказокъ можетъ служить только принципъ естественности.

9. Въ сферѣ животнаго эпоса невозможно усматривать слѣды облачныхъ миѳовъ.

10. Животныя эпопеи среднихъ вѣковъ развились на основаніи классической басни, животныхъ сказокъ, бестіаріевъ и разсказовъ изъ восточныхъ сборниковъ (подобно тому, какъ изъ краткаго разсказа развивается болѣе обширный и наоборотъ); исходной точкой является баснь Эзопа о больномъ львѣ.

11. Развитіе животнаго эпоса происходило въ монастырскихъ школахъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ клериковъ, отъ которыхъ онъ перешелъ къ труверамъ.

12. Средневѣковому животному эпосу приличнѣе названіе французскаго, чѣмъ „нѣмецкаго“, такъ какъ

a) онъ пользовался необыкновенной популярностью во Франціи, а въ Германіи былъ извѣстенъ только по немногимъ переработкамъ и переводамъ, и

b) царемъ звѣрей былъ только левъ, а не медвѣдь (и первоначально роль лисы принадлежала шакалу). Ср. выше стр. 26.

13. Примѣненіе нѣмецкихъ именъ главныхъ героевъ (Рейнгарта и Изенгрима),—причемъ не сознавалось ихъ дѣйствительное значеніе,—произошло во Фландріи, гдѣ чередованіе французскаго языка съ нѣмецкимъ способствовало такому пріуроченію.

14. Внесеніе суда въ область животнаго эпоса—средневѣковой замыселъ.

II.

Отношеніе славянскаго животнаго эпоса къ западному.

Ein Märchen, eine Erzählung u. s. w., findet Wege der Fortpflanzung, die sich oft durchaus allem nähern Nachweise entziehen.

F. Liebrecht въ Jahrb. f. rom. u. engl. Lit. III, 83.

На западѣ животныя сказки уже въ средніе вѣка достигли извѣстной полноты изображенія. Получивъ довольно опредѣленныя очертанія, онѣ сравнительно рано были закрѣплены на бумагѣ, при томъ въ той формѣ, въ какой онѣ удерживались въ устахъ народа. Не говоря о раннихъ литературныхъ обработкахъ животнаго эпоса, въ составъ котораго вошли и многія животныя сказки, къ числу сказокъ, рано закрѣпленныхъ на письмѣ, слѣдуетъ отнести между прочимъ, такъ наз. Fabulae Aesopi extravagantes, записанныя въ XIV в. (J. Grimm R. F. стр. clxxxvij ср. L. Roth въ Schneidewins Philologus I, 525); часть изъ нихъ напечатана у Я. Гримма (ук. соч. стр. 421—431), часть пересказана или переведена у Робера (Fables inédites des XII, XIII, et XIV siécles I [1825] xcv—ciij). Вслѣдствіе подобнаго закрѣпленія животныя сказки должны были пріобрѣсть нѣкоторую неподвижность, окаменѣлость формъ и при неизбѣжномъ переходѣ въ народную среду обнаруживали болѣе устойчивости и съ большимъ упорствомъ и успѣхомъ сопротивлялись противъ преображающаго народнаго вліянія. Наоборотъ,

тѣ звѣриныя сказки, которыя исключительно оставались достояніемъ устнаго преданія, легче поддавались всевозможнымъ корректурамъ со стороны народнаго творчества. Повидимому только такимъ путемъ возможно себѣ объяснить, отчего, съ одной стороны, многія животныя сказки, записанныя изъ устъ народа въ текущемъ столѣтіи, почти дословно совпадаютъ съ записями среднихъ вѣковъ и отчего, съ другой стороны, все тѣ же сказки представляютъ однако самое странное сочетаніе и перемѣщеніе своихъ основныхъ сюжетовъ.

У славянъ животныя сказки почти до послѣдняго времени сохранялись исключительно въ устной передачѣ, слѣдовательно, постоянно подвергались видоизмѣненіямъ со стороны народнаго творчества и, такимъ образомъ, все глубже проникались чисто народнымъ элементомъ, становились вѣрнымъ отраженіемъ народнаго міросозерцанія. Продолжительное господство устной передачи незамедлило однако оказать и разрушительное дѣйствіе на животныя сказки: онѣ искажались, перетасовывались, дробились на безсвязные отрывки. Объ этомъ разложеніи свидѣтельствуютъ сказки, сохранившіяся въ болѣе полномъ видѣ; въ нихъ эпизоды, на которые распались извѣстныя сказки, сохраняютъ еще опредѣленную связь и послѣдовательность.

Хотя неблагопріятныя условія устной передачи обусловливали отрывочность, утрату своеобразныхъ особенностей или затемненіе первоначальнаго смысла животныхъ сказокъ у славянъ, тѣмъ не менѣе сходство ихъ съ западнымъ животнымъ эпосомъ столь очевидно, что никому еще не приходило въ голову высказывать сомнѣніе относительно этого факта. Впрочемъ въ данномъ случаѣ важно не столько признаніе этого явленія, сколько болѣе точное опредѣленіе степени этого сходства или болѣе близкихъ отношеній между животнымъ эпосомъ на западѣ и у славянъ.

Въ виду общей извѣстности доводовъ Я. Гримма, сдѣлавшихся достояніемъ учебниковъ, теперь излишне было бы посвящать особую рубрику на разсмотрѣніе сходства опредѣленныхъ чертъ и подробно излагать на основаніи сказокъ, въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ находятся между собою животныя, какъ играютъ онѣ роль людей, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ свои животныя инстинкты, и т. п. Достаточно открыть любой сборникъ славянскихъ сказокъ, заключающій и животныя сказки, чтобъ немедленно встрѣтиться

съ лисой и ея прозвищами: кума, сестричка, тетка; или волкомъ, тоже называемымъ кумомъ, братикомъ, дядею и т. п.

Важнѣе сходства подобныхъ чертъ — совпаденіе сюжетовъ на всемъ протяженіи разсказа. Сюжеты эти сравнительно съ западнымъ животнымъ эпосомъ представляютъ замѣчательныя аналогіи.

Сюжеты славянскихъ животныхъ сказокъ распадаютъ на слѣдующія главныя группы.

1. Кража рыбы.

Moult estion fol et musart
Trestuit qui créion Renart.
Ren. v. 879.

De lui ne se puet nus partir
Jusqu'à tant qu'il l'ait fait honir.
Ren. v. 27841.

Славянскіе варіанты: А (малорусск. [?] сказка, Аѳанасьевъ Сказки I² [1873] стр. 1), Б (великорусская, тамъ-же стр. 2[1] вар. 1-й), В (великорусск., тамъ-же стр. 3 вар. 2-й), Г (малорусская, тамъ-же 7), Д (бѣлорусская, тамъ-же 10), Е (малорусск., тамъ-же 13), Ж (великорусская, тамъ-же 15), З (тоже, тамъ-же 19), И (тоже, тамъ-же 20), К (малорусская, И. Рудченко Народныя южнорусскія сказки II [1870] 8), Л (тоже, П. П. Чубинскій малорусскія сказки въ Трудахъ этнографическо-статистич. экспедиціи въ западно-русскій край II [1878] 116 [№ 38]), М (тоже, тамъ-же 118 [№ 39]), Н (лужицкая, Haupt und Schmaler Volkslieder der Wenden II [1843] 166 № 7: Welkowe ńezbožomne rybołojenje); О (тоже, Edm. Veckenstedt Wendische Sagen, Märchen u. abergläub. Gebräuche [1880] 98), П (сербская, Караџић Српске народне приповијетке [1870]² стр. 178: Лисица се осветила вуку).

Литературныя обработки: 𝔄 (Ren. vv. 749—916), 𝔅 (Ren. vv. 3919—4030), ℭ (Reinke vv. 165—198), 𝔇 (Rein. vv. 208—216 = II vv. 211—220).

Романо-германскіе варіанты: 𝔈 (нѣмецкая, Kuhn Märkische Sagen u. Märchen [1843] стр. 297 сл. [№ 15]). 𝔉 (тоже изъ Трансильваніи, Haltrich Zur deutschen Thiersage стр. 23 [№ v: Der fuchs betrügt den bauer

помощи врача, тогда какъ Рейнке ничего не остается, кромѣ нѣсколькихъ рыбьихъ костей.

Вар. 𝔇 представляется какъ бы весьма краткимъ résumé вар. 𝔈, хотя на самомъ дѣлѣ существуетъ обратное отношеніе: послѣдній варіантъ является болѣе подробнымъ развитіемъ перваго, въ которомъ не упоминается только о союзѣ, заключенномъ между волкомъ и лисою.

Вар. 𝔉. Голодный волкъ грозится съѣсть лису, если она не добудетъ ему пищи. Лиса прикидывается мертвой. Остальное, какъ въ вар. 𝔈.

Вар. 𝔊. Разсорившись съ лисой, волкъ старается подражать уловкамъ послѣдней и, завидѣвъ возъ, нагруженный мѣшками, прикидывается мертвымъ. Исходъ таковъ, какъ въ концѣ вар. 𝔅.

Вар. 𝔎. Поселянинъ несетъ на спинѣ корзину (creel) съ сельдями и, встрѣтивъ на дорогѣ притворившуюся мертвой лису, прикидываетъ ее къ своей ношѣ. Обманываютъ его двѣ лисицы (a big fox и a little fox): одна изъ нихъ, по уговору, выбрасываетъ изъ корзины рыбу, а другая подбираетъ ее.

Вар. 𝔑. Лиса видитъ слѣдъ проѣхавшаго по дорогѣ обоза и задумывается: она рѣшается прикинуться мертвой и ложится на дорогѣ. Вскорѣ снова показывается обозъ (¹), сопровождаемый однимъ лопаремъ, который, принявъ лису за мертвую, кидаетъ ее на сани (²). Лиса намѣренно сваливается съ саней и повторяетъ эту уловку до тѣхъ поръ, пока лопарь, перебрасывая ее съ саней на сани, не кидаетъ ее на послѣднія, нагруженныя рыбой. Этого и добивалась лиса. Она перегрызаетъ тяжъ и сани остаются на дорогѣ. Поздно спохватился лопарь и замѣтилъ пропажу саней, а поднявшаяся мятель мѣшала его поискамъ...

(¹) En Raide, что по объясненію подлинника значитъ: En Række af Ren, bundne efter hverandre og hver med sin Slæde — «рядъ сѣверныхъ оленей, привязанныхъ другъ къ другу и каждый съ своими санями», т. е. растянутый гуськомъ рядъ сѣверныхъ оленей, привязанныхъ каждый къ ближайшимъ санямъ.

(²) En Kjæris объясняется какъ Slæde, der trækkes af Rensdyr — «сани, везомыя сѣвернымъ оленемъ»; это родъ маленькой лодки, судя по рисунку, приложенному къ оригиналу.

Вар. 𝔓. Замѣтивъ ѣдущій съ моря возъ, нагруженный рыбою, шакалъ пытается вскочить на него сзади. Послѣ неудачныхъ попытокъ онъ перегоняетъ возъ и притворяется на дорогѣ мертвымъ. Одинъ изъ извощиковъ заявляетъ другому: „здѣсь лежитъ прекрасная шуба для твоей жены", и бросаетъ шакала на возъ. Шакалъ выбрасываетъ рыбу на дорогу и, соскочивъ съ воза, добрую долю припрятываетъ. Появившаяся вдругъ „глупая гіена" такъ усердно принимается пожирать рыбу, что шакалъ рѣшается ей отплатить за нахальство. Онъ совѣтуетъ ей продѣлать ту же штуку, какую предпринимаетъ волкъ по подсрекательству лисы въ вар. 𝔚𝔖, причемъ исходъ столь же плачевенъ, хотя гіену даже не пытаются поднять, такъ какъ она слишкомъ „гадкая тварь", а—прямо бьютъ.

Вар. 𝔔. Встрѣтивъ старуху, несущую на продажу бананы, заяцъ прикидывается мертвымъ и брошенный въ корзину поѣдаетъ бананы; потомъ онъ соскакиваетъ и исчезаетъ.

Частности всего этого ряда версій весьма близко подходятъ къ подробностямъ нѣкоторыхъ русскихъ варіантовъ. Въ послѣднихъ сохраняется все тотъ же остовъ, какъ и въ вар. А; видоизмѣняются только второстепенныя черты. Но именно различныя подробности представляютъ существенный интересъ для сравненія, способствуя раскрытію зависимости и болѣе близкаго отношенія между собой извѣстныхъ разсказовъ. Ограничиваясь же однимъ остовомъ разсказа, не трудно было бы доказать его сходство со всякимъ другимъ остовомъ. Вотъ почему любопытны мельчайшія совпаденія русскихъ варіантовъ съ западными редакціями.

Такъ, по вар. Г, лиса, подобно вар. 𝔄𝔅, встрѣчаетъ „фуру чумаковъ" или цѣлый обозъ рыболововъ (Д) или чумаковъ (КЛ: „валка чумаків"). Повидимому разногласіе французскихъ версій съ русскими заключается въ томъ, что въ послѣднихъ возъ съ рыбой сопровождается обыкновенно однимъ только дѣдомъ или мужичкомъ (АБЕЗИМ), тогда какъ въ первыхъ выводится большей частью цѣлая толпа извощиковъ, хотя и упоминается одинъ только возъ съ рыбой. Но и во французскомъ текстѣ замѣтно колебаніе. Напр., Ренаръ разсказываетъ волку (Ren. v. 4124):

Car je trovai un charreton.
Qu'en portoit une charretée...

этой хитрости. Ею пользуются рыбы, лебеди, газели и др. животныя, причемъ они имѣютъ обыкновенно въ виду спасеніе своей жизни. Примѣненіе этой хитрости въ послѣднемъ смыслѣ встрѣчается часто въ сказаніяхъ восточныхъ и западныхъ. Таковы разсказы въ Панчатантрѣ, Гитопадесѣ и романѣ о Ренарѣ (¹). Въ послѣднемъ, напр., Ренаръ, прикидываясь мертвымъ (Ren. xv. 24242—44), избавляется отъ дальнѣйшихъ побоевъ и терзаній со стороны собаки во время поединка съ ней. Къ той же хитрости Ренаръ прибѣгаетъ въ

(¹) Benfey Pantschat. II, 137. 139 сл.; ср. 242. 246—249. 333. 339. Hitopadesa von Max Müller стр. 32. 125. 154 (=Hitopadésa par Lancereau [1855] стр. 32. 142. 175). Впрочемъ нельзя не замѣтить, что въ переводѣ Мюллера (стр. 32) воронъ говоритъ козлу: Freund, stelle dich todt. Blase den Leib mit Luft auf und mache die Füsze steif, тогда какъ у Лансро (стр. 32) значится: Mon ami,... fais le mort, retiens ta respiration, raidis tes membres et reste immobile; je vais te becqueter les yeux... что ближе напоминаетъ описаніе бестіаріевъ и романа о Ренарѣ.

Любопытно, что въ африканской (корол. Борну) сказкѣ уловку лисы, притворяющейся мертвой съ цѣлью поимки птицъ, продѣлываетъ мостъ съ жабами (Bleek Reineke Fuchs in Afrika стр. 150). Хотя многія африканскія сказки обязаны своимъ происхожденіемъ европейской культурѣ, вслѣдствіе чего и въ приведенной баснѣ можно усматривать связь съ литературными обработками животнаго эпоса на западѣ, но въ данномъ случаѣ скорѣе обнаруживается непосредственно восточное вліяніе, именно замѣтна связь съ разсказомъ Панчатантры: Der Kranich und der Krebs (кн. I № 7 Benfey Pantschat. II. 58; ср. I 174 слл. § 60); посредниками восточнаго вліянія являлись исповѣдники ислама (ср. Benfey Pantsch. I, 265). Къ указаніямъ Бенфея слѣдуетъ еще присоединить сіамскую версію той же сказки (Benfey [—Bastian] Beiträge zur Gesch. d. Verbreit. d. ind. Samml. v. Fabeln. ect. въ Orient u. Occident III, 172 слл.). Р. Кёлеръ (въ Gött. gel. Anz. 1872 стр. 1223) тоже упоминаетъ варіантъ (по Steele An Eastern Love-Story стр. 251: The wily crane outwitted). Въ хорутанской сказкѣ (Valjavec Narodne pripovjedke стр. 278 № lxvj: Osel kralj 'se zverine=Аѳанасьевъ Сказки IV², 20 хитрость лисы со всѣми подробностями перенесена на осла, который также ловитъ птицъ и при помощи этого искусства становится царемъ звѣрей. Въ хорутанскую сказку черта эта проникла, очевидно изъ бестіаріевъ и неумѣстно примѣнена къ ослу. Къ той же хитрости прибѣгаетъ, будто бы, барсъ съ цѣлью поимки обезьянъ (Æliani De natura animalium, ed. Didot, L. V c. 54 [стр. 92]).

поединкѣ съ Изенгримомъ (Ren. vv. 15067—72, что впрочемъ противорѣчитъ v. 15091: de pasmoisons et revenuz, гдѣ, слѣдовательно, предполагается, что Ренаръ притворился мертвымъ не намѣренно, а упалъ въ обморокъ), съ пѣтухомъ (Ren. vv. 30054—57); ею же пользуется собака, надъ зубами которой хотятъ заставить Ренара произнести клятву (Ren. vv. 8984 87, 9081—84. Reinh. v. 1127), и даже оселъ притворяется мертвымъ, чтобъ провести самаго Ренара (Ren. vv. 17082—85. 17062 -64) (¹). Во всѣхъ этихъ случаяхъ взаимнаго совпаденія этой черты нѣтъ ни малѣйшаго основанія сводить все къ заимствованію. Даже Бенфей (Pantschat. I, 333) не колеблется сдѣлать заявленіе: Dieses Stratagem [притворная смерть]... ist ein so einfaches und sich von selbst darbietendes, dasz es selbständig in den Thierfabeln verschiedener Völker vorkommt.

Въ вар. ВЖ эта древняя черта изгладилась и лаконически разсказывается, будто лиса „промыслила гдѣ-то рыбки" (В) или передается, что она „повадилась... таскать изъ судковъ рыбу" (Ж), а въ вар. Б хотя и не упоминается объ уловкѣ лисы, но она ясно выступаетъ изъ общаго хода разсказа: „Ѣхалъ лѣсомъ мужичокъ со снятками. Лисица наврала сняточковъ"... Во всякомъ случаѣ лисья уловка—существенная черта и отсутствіе ея въ извѣстной сказкѣ должно служить признакомъ искаженія послѣдней. Таковъ, напр., вар. Н, заключающій въ себѣ множество наносныхъ и искусственныхъ элементовъ, частью проникшихъ изъ западныхъ редакцій. Тутъ волкъ и лиса, которая точитъ на кума зубы, отправляются погрѣться къ дѣвушкамъ. Волкъ увивается около нихъ, а лиса, не найдя ничего, чѣмъ утолить свой голодъ, рѣшается прокатиться на лодкѣ (это въ стужу!—zo jenož tak

(¹) Ср. также о притворствѣ кошки Waldis Esopus кн. III № 87 (Von Meusen und der Katzen) и прим. Въ бретонской сказкѣ (Sébillot Contes popul. de la Haute-Bretagne [1880]² стр. 333) дроздъ, чтобъ приманить лису, заставляетъ собаку прикинуться мертвой; та же хитрость, какъ мы увидимъ, знакома и русскимъ сказкамъ. Вообще достаточно вспомнить, какъ съ приближеніемъ какой нибудь мнимой или дѣйствительной опасности или врага быстро прикидываются мертвыми многія насѣкомыя и др. животныя, чтобъ убѣдиться въ обыденности и повсемѣстности этой уловки въ природѣ.

zchlese--dass es nur so glühte), по встрѣчаетъ извозчика, везущаго сельди, сама вспрыгиваетъ на возъ, вскрываетъ одну изъ бочекъ (sudžik) и, повыбросавъ достаточно много рыбы, пожираетъ ее.

Отъ подобныхъ искаженій не избавился и вар. O, въ которомъ является весьма странная и поздняя, конечно, замѣна лисы Тиллемъ Эйленшпигель. Послѣдній взлѣзаетъ на возъ, сбрасываетъ сельди и собираетъ ихъ затѣмъ въ кучу. Въ этой замѣнѣ, какъ и въ подобныхъ ей, можно видѣть слабую попытку перехода зооморфизма въ антропоморфизмъ. Еще замѣтнѣе высказывается въ подобныхъ искаженіяхъ неотразимое вліяніе германской литературы особенно на западныхъ славянъ.

Болѣе понятная,—хотя во всякомъ случаѣ не нормальная съ точки зрѣнія животнаго эпоса,—замѣна существуетъ въ вар. S, гдѣ вторая лиса, подбирающая рыбу, введена очевидно по недоразумѣнію вмѣсто обычнаго волка, выступающаго въ этой роли въ DG. При посредствѣ какихъ нибудь искаженныхъ версій сюжетъ этотъ сдѣлался достояніемъ и вар. S. Подтверждается такое соображеніе сообщаемымъ вслѣдъ затѣмъ эпизодомъ въ вар. S, въ которомъ вторая лиса должна играть роль, приписываемую обыкновенно только волку. Какъ бы намекъ на первоначально выступавшаго въ S волка можно, пожалуй, усматривать въ опредѣленіи одной изъ лисицъ, именно — big и biggest, причемъ любопытно и то, что терпитъ неудачу „большая лисица".

Вар. R видоизмѣнился сообразно мѣстнымъ условіямъ, что вполнѣ естественно. Но помимо этого онъ обнаруживаетъ несомнѣнно много искусственныхъ чертъ, которыя не могли входить въ составъ предполагаемаго оригинала и, такимъ образомъ, должны быть отнесены къ проявленіямъ позднѣйшаго наслоенія. Дальновидныя размышленія лисы, слишкомъ самоувѣренный расчетъ на появленіе новаго обоза, безпрерывный рядъ паденій съ саней и новое попаданіе на сани, въ расчетѣ добраться таки до рыбы, которая почему-то непремѣнно предполагается въ обозѣ,—все это можетъ быть отнесено только къ категоріи позднѣйшихъ формацій. Для произнесенія этого приговора достаточно и одного послѣдняго факта, такъ какъ повтореніе извѣстныхъ сказочныхъ мотивовъ два, три раза, а тѣмъ болѣе нѣсколько разъ, хотя бы и подъ иной оболочкой,—является несомнѣннымъ при-

знакомъ позднѣйшихъ редакцій. Наоборотъ, краткость можетъ въ большинствѣ случаевъ служить вѣрной примѣтой первичной редакціи. Словомъ, вся сказка производитъ впечатлѣніе заимствованной, и есть нѣкоторое основаніе предполагать, что въ этомъ случаѣ посредниками являлись скандинавы.

Въ виду сдѣланнаго выше замѣчанія слѣдуетъ обратить вниманіе на любопытную особенность вар. ℌ𝔍𝔏𝔇𝔒. Она состоитъ въ томъ, что лиса брошена въ корзину, перекинутую черезъ плечо рыбака, мужичка или старухи, которые слѣдуютъ путемъ-дорогою совершенно о д и н о к о, безъ провожатыхъ, какъ во многихъ русскихъ варіантахъ и отчасти въ нѣкоторыхъ западныхъ редакціяхъ. Выведеніе на сцену цѣлой толпы купцовъ, чумаковъ и т. п. могло возникнуть только при желаніи создать діалогъ, чтобы придать больше оживленности разсказу, раздвинуть послѣдній въ ширь.

Едва ли можно считать простой случайностью и ту особенность, что всѣ эти варіанты встрѣчаются лишь на окраинахъ Европы и въ отдаленной Камбоджѣ. Въ этомъ обстоятельствѣ сказывается точно отрицаніе возможности позднѣйшаго вліянія литературныхъ обработокъ животнаго эпоса, вліянія, распространявшагося путемъ устнаго преданія и нерѣдко ощущаемаго въ романо-германскихъ сказкахъ о животныхъ. Въ упомянутыхъ варіантахъ сохранилось во всякомъ случаѣ болѣе естественныхъ чертъ. Замѣчательно кромѣ того, что вар. ℌ𝔍𝔏𝔇 совпадаютъ именно съ вар. 𝔒. Въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о непосредственномъ заимствованіи вар. 𝔒 съ запада, какъ, напр., относительно вар. 𝔓. Въ противномъ случаѣ вар. 𝔒 представлялъ бы болѣе точное отраженіе западныхъ версій, подобно 𝔓, чего въ первомъ не замѣчается. Но помимо своеобразныхъ особенностей и мѣстныхъ чертъ, вар. 𝔒 ясно обнаруживаетъ общую основу съ европейскими версіями. Остается, слѣдовательно, ради объясненія этого совпаденія, предположить или единство источниковъ, или независимость зарожденія. Общіе источники для даннаго случая пока неизвѣстны, хотя едва ли можетъ быть сомнѣніе, что ихъ слѣдовало бы искать въ Индіи. Впрочемъ, здѣсь сходство чертъ не представляется столь рѣзкимъ, чтобъ необходимо было предположить заимствованіе. Болѣе правдоподобно будетъ объясненіе сходства единствомъ быта и человѣческаго духа.

Относительно роли зайца въ вар. О слѣдуетъ замѣтить, что заяцъ и шакалъ играютъ поочередно ту же роль въ Азіи и Африкѣ, какую лиса играетъ на европейскомъ континентѣ. Замѣчательная хитрость зайца въ народныхъ разсказахъ востока вовсе не рѣдкость (Benfey Pantschat. I, 181 сл. 348. II, 226 549. K. Endemann Mittheilungen über die Sotho-Neger въ Zeitschr. f. Ethnologie VI, 64. Bleek ук. соч. стр. 75 сл. 144 сл.), и Рожè (Fables Sénégalaises etc. par M. le Baron Roger [1828] стр. 175), переложившій сѣверо-африканскія сказки въ формѣ басенъ, между прочимъ замѣчаетъ: Les Sénégalais considèrent le lièvre comme le plus adroit, le plus rusé de tous les animaux; aussi, dans leurs fables, il trompe et mystifie tous les autres acteurs.

Инаго рода отступленіе представляетъ вар. П. Древняя черта о хитрости лисы сохраняется неприкосновенной, но, попавъ на возъ, лиса воруетъ не рыбу, а три сыра. Но кража сыровъ не находится въ связи съ чертой о притворной смерти лисы и съ послѣдующимъ разсказомъ о ловлѣ рыбы, а является только мотивировкой въ другой самостоятельной сказкѣ.

Можно ограничиться пока сдѣланными замѣчаніями, откладывая дальнѣйшія соображенія до слѣдующей группы сказокъ.

---

2. Рыбная ловля.

Cil qui tot convoite, tot pert.
Ren. v. 1186.

Swer hebet daz er niht mac getragen
Der muoz ez lâzen under wegen:
Des muose ouch Isengrîn nû pflegen.
Reinh. v. 801.

Славянскіе варіанты: А (малорусск. [?] сказка, Аѳ. Сказки I^2, 1 сл.) Б (великорусск., тамъ-же стр. 2 вар. 1-й), В (тоже, тамъ-же стр. 3 вар. 2-й), Г (малорусская, тамъ-же стр. 7 сл.), Д (бѣлорусская, тамъ-же стр. 10 сл.), Е (малорусская, тамъ-же стр. 13 сл.), Ж (великорусск., тамъ-же стр. 15), З (тоже, тамъ-же стр. 19),

И (тоже, тамъ-же стр. 21), К (малорусская, Рудченко II, 8), Л (тоже, Чубинскій ук. соч. II, 116 сл.), М (тоже, тамъ-же стр. 119 сл.), Н (лужицкая, Haupt u. Schmaler ук. соч. стр. 166), О (тоже, Veckenstedt ук. соч. стр. 98), П (польская, A. J. Gliński Bajarz polski III[2] [1862] 176 сл.), Р (резьянская, И. Бодуэнъ-де-Куртенэ Резья и Резьяне, въ Славянск. Сборникѣ III, 299), С (тоже, тамъ-же стр. 300 сл. № 4).

Литературныя обработки: 𝔄 (Reinardus I vv. 531—1128), 𝔅 (Ren. vv. 1131—1266), ℭ (Reinh. vv. 6259—6340 = Reinke vv. 5625—5702), 𝔇 (Reinh. vv. 1707—1822).

Романо-германскіе варіанты: 𝔈 (нѣмецкая, Kuhn Märk. Sag. u. Märchen стр. 298 сл. № 15: Der Wolf angelt), 𝔉 (тоже, Haltrich Zur deutsch. Thiersage стр. 23 сл. № vij: Der fuchs lehrt den wolf fischen), 𝔊 (тоже, Blaas Vom unzufriedenen Wolf, въ Germania XXIV [1879] 413 сл.), ℌ (нижне-нѣмецкая, J. F. L. Woeste Volksüberlieferungen in der Grafschaft Mark [1848] стр. 39 сл. № 4: Wie der Fuchs d. Wolf Fische fangen lehrt), ℑ (норвежская, Asbjörnsen u. Moe Norwegische Volksmährchen, deutsch v. Bresemann, I [1847] 118 № 17a), 𝔎 (франц., Cosquin въ ук. м. стр. 597 сл. [отд. отт. стр. 277 сл.]), 𝔏 (ново-провансальская [говоръ Saint-Jean-Soleymieux], R. Köhler въ Jahrb. f. roman. u. engl. Lit. IX [1868] 400), 𝔐 (итальянская, Pitrè Fiabe IV, 186 сл. № cclxxvij: Lu Lupu e la Vurpi. Ср. Веселовскій въ ук. м. [см. выше стр. 58]), 𝔑 (тоже, тамъ-же стр 180: Lu Lupu e la Vurpi).

Инородные варіанты: 𝔒 (кельтская, Campbell ук. соч. I, 272 сл. № 9: How the wolf lost his tail), 𝔓 (бретонская, Paul Sébillot Contes populaires de la Haute-Bretagne [1880][2] стр. 326 № lvj: Le loup et le renard), 𝔔 (лапландская, Friis ук. соч. стр. 2 сл. — Liebrecht въ Germania XV, 163), ℜ (эстонская, J. Grimm R. F. стр. cclxxxvj сл. № 4), 𝔖 (венгерская, Teza Rain. стр. 72), 𝔗 (оссетинская, A. Schiefner Zwei osset. Thiermärchen въ Mélanges asiatiques tirés du bulletin de l'Acad. Imp. des sciences de St. Pétersbourg V [1864] 204—205 [а не 104—105, какъ помѣчено вслѣдствіе опечатки, перешедшей и къ Cosquin въ ук. м. стр. 600, и не 1863 г., какъ у послѣдняго же]).

Ср. кромѣ того J. Grimm R. F. стр. ccxvij (clxxxviij| colxxxiij). 425 сл. Grimm Kinder- u. Hausmärchen III³ (1856) 124 № 78: Der Wolf u. d. Fuchs [нижне-нѣмецкая сказка изъ окрестностей Падерборна, а не баварская, какъ ошибочно понялъ Cosquin въ ук. м. стр. 599]. R. Köhler въ Orient u. Occident II, 302 указываетъ на Birlinger Nimm mich mit! стр. 54. Cosquin въ ук. м. стр. 600 приводитъ ново-провансальскую сказку, по E. Rolland Faune populaire de la France I (1877) 150, и прим. въ ук. м. X (1881) 577 № ljv. Oesterley Die Narrationes d. Odo v. Ciringtonia въ Jahrb. f. roman. u. engl. Lit. XII (1871) стр. 144 № 36 = Kleinere latein. Denkmäler d. Thiersage aus d. zwölften bis vierzehnten Jahrh. v. Ernst Voigt, (1878) стр. 135 Parab. 4. Burkh. Waldis Esopus, hrsg. v. H. Kurz, кн. III № xcj (Vom Wolffe und Fuchsz) и прим. F. Liebrecht въ Germania XXVI (N. R. XIV. 1881) 123.

Вар. А. Лиса собираетъ разбросанную рыбу въ кучу и „ѣстъ себѣ“. Является волкъ и проситъ рыбки. Лиса въ отвѣтъ совѣтуетъ ему самому наловить, ссылаясь на свой примѣръ: „опусти хвостъ въ пролубь—рыба сама на хвостъ нацѣпляется“, и наказываетъ сидѣть подольше. Волкъ идетъ на рѣку и дѣйствуетъ согласно совѣту. Такъ какъ „дѣло-то было зимою“ и онъ просидѣлъ цѣлую ночь, то „хвостъ его и приморозило“... „Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!“ радуется волкъ. Но когда появились бабы и съ крикомъ: „бейте его!“ стали наносить жестокіе удары, „чѣмъ кто попало“, то „волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ“ и пустился бѣжать, рѣшившись отплатить кумушкѣ.

Вар. Б. Лиса „сѣла подъ стогъ пообѣдать“ снятками. Волку она совѣтуетъ надѣть на хвостъ кувшинъ, въ которомъ была у нее рыба, и опустить хвостъ въ прорубь. Пока волкъ сидитъ, лиса приговариваетъ: „ясни, ясни на небѣ звѣзды, мерзни волчій хвостъ!“ Она бѣжитъ въ деревню, попадаетъ „въ одной избѣ въ квашню головой“ и, поднявъ тревогу, „бѣжитъ... изъ деревни прямо на волка, а за лисицей народъ“... „Насилу полхвоста оторвалъ“ волкъ и спасается бѣгствомъ.

Вар. В. Лиса поясняетъ волку, что, когда онъ опуститъ хвостъ въ прорубь, „рыбка ...всползетъ на него грѣться“. Приговаривая, какъ въ Б, чтобъ хвостъ его примерзъ, она отвѣча-

етъ на запросъ волка, что скликаетъ рыбку. Подъ предлогомъ забѣжать въ деревню за медомъ, лиса скрывается, а волка мужики убиваютъ.

Вар. Г. Начало, какъ въ предъидущихъ варіантахъ. Опустившему въ прорубь хвостъ волку лиса совѣтуетъ приговаривать: „ловись рыбка и мала и велика, ловись рыбка и мала и велика!“, а сама между тѣмъ приговариваетъ: „мерзни, мерзни волчій хвостъ“, увѣряя волка, спрашивающаго, что она шепчетъ, что она „помогаетъ“ ему. Убѣдившись, что волкъ примерзъ, лиса сзываетъ народъ: „сюда, люди! спѣшите бить волка!..“ и волкъ лишается хвоста.

Вар. Д, отвѣчающій Г, прибавляетъ только, что лиса, уступая просьбамъ волка, даетъ ему одну рыбку, сама „пра била праломку“, „укачалася у ращину (тѣсто, мучной растворъ)“ и „сѣла на стогъ“ въ ожиданіи волка.

Вар. М. Лиса, послѣ обычнаго начала, совѣтуетъ волку приговаривать: „ловысь, рыбко маленька й велика“, а волкъ бормочетъ: „ловысь, рыбка велика, та все велика!“ вслѣдствіе чего лиса, приговаривавшая свое „мерзны, мерзны, вовчий хвістъ!“ подъ видомъ участія дѣлаетъ ему легкій укоръ: „Отъ же бачишъ, явый ты жадный: казавъ: ловысь велика та велика, а теперь и не вытягнешъ“, и, подъ предлогомъ призвать кого нибудь на помощь, скликаетъ людей.

Остальные русскіе варіанты болѣе или менѣе отвѣчаютъ вышеизложеннымъ.

Вар. Я. При встрѣчѣ съ волкомъ Изенгримомъ, на котораго Ренаръ злится за окорокъ, однажды добытый хитрой лисою, но цѣликомъ съѣденный волкомъ, — Ренаръ убѣждаетъ волка не ѣсть больше мяса, а лучше рыбу, разрѣшаемую уставомъ. Волкъ непрочь, если Ренаръ найдетъ, что дать въ замѣнъ. Ренаръ заявляетъ, что знаетъ прудъ, изобилующій рыбою, которой даже волкъ въ состояніи будетъ удовлетворить своему вѣчно-неутолимому голоду. Изенгримъ въ восторгѣ и требуетъ, чтобъ Ренаръ немедленно свелъ его туда. Ренаръ повинуется и, явившись на мѣсто, совѣтуетъ Изенгриму опустить хвостъ въ замерзающую воду и не соблазняться большими рыбами, а довольствоваться малыми,—угрями, окунями; самъ же онъ отправляется на разсвѣтѣ въ ближайшее село и уноситъ пѣтуха, принадлежащаго попу. Священникъ, служившій какъ разъ

обѣдню (missa), прерываетъ ее, обращается съ воззваніемъ къ прихожанамъ и всѣ, вооружившись церковной утварью—чашей, канделябрами, крестами, книгой,—пускаются въ погоню за похитителемъ. Ренаръ бѣжитъ по направленію къ волку, совѣтуетъ ему спасаться бѣгствомъ и, жестоко посмѣявшись надъ несчастнымъ волкомъ, скрывается. Увидѣвшая Изенгрима толпа, набрасывается на него съ жестокими побоями, а крестьянка одна сгоряча наноситъ топоромъ неудачный ударъ и отрубаетъ хвостъ волка. Освобожденный волкъ обращается въ бѣгство

Вар. 𝔅. На святкахъ Ренаръ ведетъ Изенгрима ловить рыбу къ проруби. Ренаръ находитъ здѣсь ведро, оставленное крестьянами, пригонявшими свой скотъ на водопой, и привязываетъ его къ хвосту волка, обѣщая ему богатый уловъ угрей и чебаковъ; онъ совѣтуетъ ему держаться благоразумно, а самъ ложится подъ кустъ. Къ разсвѣту, когда хвостъ волка примерзъ, Ренаръ насмѣшливо заявляетъ, что пора уходить, такъ какъ довольно наловилъ онъ рыбы. Изенгримъ чистосердечно убѣжденъ въ богатомъ уловѣ рыбы и не знаетъ, какъ ему быть,—какъ сдвинуть эту тяжесть съ мѣста. Между тѣмъ уже разсвѣло. Въ сосѣднемъ помѣстьѣ собирается на охоту субъ-вассалъ (vavassor) съ своей челядью. Увидѣвъ волка, охотники спускаютъ собакъ, набрасывающихся на него со всѣхъ сторонъ. Разсерженный на первый неудачный ударъ, повлекшій за собой его паденіе на льду, рыцарь наноситъ второй ударъ, но столь же неудачно, такъ какъ отсѣкаетъ мечомъ только хвостъ. Изенгримъ спасается бѣгствомъ (¹).

Вар. ℭ. Рейнартъ увѣряетъ волчицу, что она поймаетъ много рыбъ, если опуститъ хвостъ въ воду. Рейнартъ пользуется безвыходнымъ положеніемъ волчицы, хвостъ которой примерзъ во льду, насилуетъ ее и покидаетъ ее только при появленіи Изенгрима. Послѣ долгихъ усилій Изенгриму удается взломать ледъ и освободить свою жену, оставившую

(¹) Намеки на злополучную рыбную ловлю волка встрѣчаются еще: Ren. vv. 10777—78. 13121—28 (=Le pelerinage Renart p. E. Martin, въ Roman. Studien hrsg. v. Boehmer, Hft. III [1873] 416, vv. 135—142). 13467—69. 14377—408. 15833—39. Chabaille Supplém. стр. 166 (къ v. 13478).

всетаки во льду добрую часть хвоста (een groot stic, Rein. v. 6309; dat vêrde dêl по Reinke v. 5671). Жалобный вой волчицы призываетъ народъ, который долго преслѣдуетъ супруговъ, пока ночь не скрываетъ бѣглецовъ въ густомъ кустарникѣ (¹).

Вар. 𝔇 передаетъ подробность, что Рейнгартъ собирается пригнать къ волку рыбу (stürmen) (²), которую онъ видитъ сквозь ледъ. Когда волкъ начинаетъ ощущать тяжесть, Рейнгартъ насчитываетъ въ ведрѣ 30 штукъ угрей и увѣряетъ, что скоро ихъ будетъ сотня, если Изенгримъ будетъ сидѣть смирно (stille gestân). Рейнгартъ велитъ ему попытаться вытащить рыбу; когда попытки волка остаются безъ успѣха, Рейнгартъ, подъ предлогомъ отправиться за помощью, скрывается. Остальное, какъ въ вар. 𝔅, но сокращеннѣе.

Вар. ℭ. Весь разсказъ почти совершенно совпадаетъ съ вар. A. Чтобы привлечь вниманіе мужиковъ на волка, лиса, какъ въ вар. 𝔄, похищаетъ курицу и бѣжитъ съ ней къ волку; эта хитрость предаетъ его въ руки немилосердныхъ крестьянъ.

Вар. 𝔎. Лиса предлагаетъ волку ловить рыбу. Напугавъ угольщиковъ своимъ приближеніемъ, волкъ и лиса заручаются корзинами, необходимыми для рыбной ловли. Привязавъ одну изъ корзинъ къ хвосту волка, послѣдній влѣзаетъ въ холодную воду, чтобъ наловить побольше льдинъ, которыя лиса выдаетъ за дохлую рыбу. Съ трудомъ вытаскиваетъ наконецъ волкъ тяжелую корзину и обрываетъ себѣ хвостъ; лиса же совѣтуетъ ему попробовать пойманную имъ дичь (betes); волкъ рѣшается и, только переломавъ себѣ зубы, открываетъ, что это льдины...

При сравненіи русскихъ варіантовъ съ литературными обработками того же основнаго сюжета, невольно бросаются въ глаза ихъ отступленія, крайности и позднѣйшія наслоенія. Латинская редакція, т. е. вар. 𝔄, пересыпаетъ весь разсказъ

(¹) Rein. vv. 6311—6408 и Reinke vv. 5707—5771 касаются того же приключенія съ точки зрѣнія Рейнарта.

(²) Относительно этого слова см. J. Grimm R. F. стр. 107 прим. къ v. 740 (ср. также стр. cix); въ болѣе древней редакціи вм. stürmen стоитъ pfulsin, бить по водѣ, шумѣть въ водѣ, что Гриммъ (Sendschreiben стр. 56 къ прим. 740; ср. стр. 64, 65.) производитъ отъ лат. pulsare, франц. pousser.

многорѣчивыми вставками, не имѣющими ничего общаго съ животнымъ эпосомъ и относящимися къ иной области литературныхъ явленій. Вар. 𝔅 вводитъ столь же чуждый животному эпосу рыцарскій элементъ. Больше половины стиховъ вар. 𝔅 посвящено описанію сборовъ рыцаря на охоту, его борзымъ и ищейкамъ, скакуну, охотникамъ, трубящимъ въ рога, и т. п. Въ древней основѣ или въ оригиналѣ заключительная сцена происходила, очевидно, при болѣе простой обстановкѣ, какъ можно заключить изъ Rein. v. 1312 слл., гдѣ волка поражаетъ не шпага рыцаря, а просто дубина виллана. Вар. 𝔈 впадаетъ въ другую крайность. Посмѣяться надъ злополучнымъ волкомъ—казалось мало; въ угоду усиливавшемуся сатирическому направленію, Изенгримъ замѣненъ былъ волчицей, чтобъ имѣть возможность изобразить довольно подробно скабрезную сцену поруганія ея чести. Этимъ не исключаются скабрезныя сцены изъ сказокъ о животныхъ вообще, но не въ такой формѣ и не въ такомъ сочетаніи мотивовъ. Намѣренность замѣщенія волка волчицей ясно высказывается въ томъ, что въ древней редакціи „Рейнарта" этого эпизода нѣтъ, а напротивъ намекается на него, но выводится въ немъ не волчица, а волкъ:

Sint dedic hem meerren scamp
upt ijs, daer icken leerde vischen
daer hi niet conste ontwischen,
hi ontfinker meneghen slach.
Rein. vv. 1502—1505.

Причемъ любопытно то обстоятельство, что позднѣйшій передѣлыватель и продолжатель „Рейнарта", удержавъ въ своей обработкѣ и приведенное мѣсто (см. Rein. II vv. 1542—44), въ присочиненномъ имъ продолженіи замѣнилъ однако волка волчицей. „Рейнке", какъ вѣрный списокъ съ „Рейнарта", сохранилъ, конечно, намекъ на этотъ эпизодъ съ волкомъ:

Ik lêrde em vische vangen up einen dach,
dâr hê ôk entfênk mannigen slach.
Reinke vv. 1451—52.

и тѣмъ не менѣе тоже замѣняетъ далѣе волка волчицей. Вар. 𝔇 частью раздѣляетъ недостатокъ 𝔅, но въ значительно меньшей степени.

Несмотря на болѣе или менѣе значительныя видоизмѣненія, на наросты, западныя редакціи обличаютъ ту же

общую основу, какая обнаруживается въ русскихъ варіантахъ и родственныхъ съ ними западныхъ сказкахъ.

Совпаденіе подробностей весьма любопытно.

Ловля рыбы происходитъ въ звѣздную (Li ciex fu clers et esteilez, Ren. v. 1133; ср. БВЗИ), сильно морозную ночь, „що ажъ скалкы (осколки) скачуть“ (Г), „що аж шкварчить“ (К) и т. п. (почти во всѣхъ варіантахъ). Лиса совѣтуетъ волку опустить хвостъ въ прорубь (АГДЕЗИКЛМН), какъ въ западныхъ варіантахъ (𝔄𝔊𝔈ℌ𝔖 и др.), или привязываетъ къ его хвосту ведро (Ж𝔅𝔇), кувшинъ (Б𝔐) или корзину (П𝔊𝔎𝔏𝔓).

Любопытную, повидимому очень древнюю черту представляетъ родъ заклятій, произносимыхъ лисою, когда она желаетъ, чтобы настала ясная погода, ударилъ сильный морозъ, оказался богатый уловъ рыбы: „ясни на небѣ“ (БВЗИ), „мерзни волчій хвостъ“, „ловись рыбка“ (БВГДЗИКЛМП) и т. п. Этихъ заклятій западныя версіи не знаютъ. Исключеніемъ является только вар. 𝔑, въ которомъ встрѣчается, кажется, совершенно такое же заклинаніе, какъ въ упомянутыхъ варіантахъ ([1]).

Злополучное приключеніе волка передается въ другихъ сказкахъ—и прежде всего въ славянскихъ—аналогично съ русскими. Въ вар. Н лиса, разлакомивъ волка кускомъ селедки и соблазнивъ идти на рыбную ловлю, заставляетъ его пробовать три раза, не взялась ли рыбка, что совпадаетъ съ вар. Л𝔊𝔉𝔑. По другимъ варіантамъ волкъ долженъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока не начнетъ „пощипывать“ (𝔍 и J. Grimm R. F. стр. ccxvij) или „покусывать“ (𝔈; ср. 𝔇 и Rein. v. 14397: dès que tu les poissons sentis...).

Образчикомъ значительной порчи основнаго мотива о рыбной ловлѣ можетъ служить вар. 𝔎, почти весь состоящій изъ натяжекъ. Достаточно показаться волку, чтобъ напугать двухъ угольщиковъ; достаточно лисѣ заявить, что

([1]) Къ сожалѣнію, мы вовсе незнакомы съ эстонскимъ языкомъ, но, судя по первой половинѣ сообщеннаго Я. Гриммомъ (R F. стр. cclxxxvj*) эстовскаго заклятія: pikka taewas, pakka taewas, которое онъ вслѣдствіе темнаго смысла не переводитъ, а ограничивается приведеніемъ значенія слова: pikka—lang, taewas—himmel (значеніе pakka ему неизвѣстно),—можно заключить, что оно, можетъ быть даже буквально, отвѣчаетъ заклятію: „ясни на небѣ“...

льдины дохлая рыба,—и волкъ ей слѣпо вѣритъ наслово; неестественъ и самый уловъ и наивное открытіе обмана.

Вар. 𝔓 изглаживаетъ даже самую существенную черту: вовсе не упоминается, что дѣло происходитъ зимою. Волчій хвостъ обрывается вслѣдствіе того, что привязанная къ нему корзина становится слишкомъ тяжелой отъ богатаго улова. Въ чемъ на самомъ дѣлѣ заключается этотъ уловъ рыбы (pêche),—объ этомъ ни слова.

Въ вар. 𝔔 въ привязанную къ хвосту волка корзину лиса кидаетъ камни (dē peires), которые своей тяжестью отрываютъ у него хвостъ; о проруби же нѣтъ рѣчи.

Въ вар. 𝔖 не упоминается, что избитый (прачками, le lavandaie) волкъ отрываетъ себѣ хвостъ, а указывается на предложеніе лисы, оказывавшей ему мнимую помощь, отрубить его хвостъ. Понятно, волкъ la ringrazia e di barbieri non vuol saperne.

Въ вар. 𝔊 исчезло даже главное дѣйствующее лицо—лиса. Она замѣнена рыболовомъ, у котораго волкъ проситъ рыбку для утоленія голода. Подъ условіемъ помогать сначала при рыбной ловлѣ, рыбакъ привязываетъ къ хвосту волка корзину, нагружаемую имъ постепенно камиями—мнимой рыбой. Въ концѣ концовъ, призвавъ нѣсколькихъ крестьянъ, онъ избиваетъ волка до полусмерти.

Вар. 𝔐 измѣняетъ уже мѣсто и время дѣйствія: лиса привязываетъ къ хвосту волка кувшинъ для рыбной ловли и заставляетъ его плыть далеко въ море; открывъ крышку кувшина, волкъ погружается на дно и тонетъ.

Вар. 𝔑 не имѣетъ почти ничего общаго съ разсматриваемымъ эпизодомъ, кромѣ развѣ того, что кума-лиса предлагаетъ куму-волку jiri a piscari. Остальное же, какъ плаваніе волка по морю до истощенія силъ и притворное участіе лисы, мало имѣетъ общаго съ рыбной ловлей.

Вар. 𝔗 подвергся, очевидно, значительнымъ искаженіямъ. Волкъ по злобѣ на обманывавшую его лису пускается за ней въ погоню и отрываетъ ей хвостъ. Вскорѣ ей посчастливилось найти въ одномъ мѣстѣ рыбу и когда другія подбѣжавшія къ ней лисицы стали допытываться: откуда она взяла рыбу? то получили въ отвѣтъ, что она опустила хвостъ въ воду и затѣмъ стала вытаскивать рыбу. Лисицы слѣдуютъ ея примѣру. Такъ какъ ночью былъ морозъ, то всѣ онѣ лишились хвостовъ. Въ этомъ варіантѣ произошелъ, конеч-

но, рядъ смѣшеній различныхъ мотивовъ. Очевидно вар. 𝔏 передѣлка басни Эзопа: Безхвостая Лисица (Halm № 46, Мартыновъ № 7), гдѣ лиса, лишившаяся хвоста, уговариваетъ всѣхъ своихъ подругъ тоже обрубить себѣ хвосты. Затѣмъ къ этой басни присоединился глухой отголосокъ мотива о рыбной ловлѣ, отголосокъ, донесшійся повидимому со стороны славянъ. Такимъ образомъ, получилось сочетаніе, выразившееся приблизительно въ вар. 𝔏.

Совершенно неестественную замѣну волка лисою съ точки зрѣнія сказокъ представляетъ вар. O. Лису побуждаетъ зимой ловить рыбу Эйленшпигель, и лиса лишается хвоста. Вар. P., въ которомъ всевозможные мотивы до крайности перепутаны,—какъ въ извѣстныхъ намъ резьянскихъ сказкахъ вообще,—сохранилось только слабое воспоминаніе о злополучномъ приключеніи волка. Совершенно неожиданно передается, напр., что „у волка хвостъ былъ переломанъ"; остается догадываться, что, можетъ быть, отъ побоевъ, которымъ онъ подвергался. Когда волкъ получаетъ „другой хвостъ изъ пряжи", лиса предлагаетъ ему прыгать черезъ огонь. Хвостъ волка загорается и лиса совѣтуетъ опустить его въ воду, гдѣ онъ примерзаетъ, такъ какъ дѣло происходитъ зимою. Такимъ образомъ основной мотивъ здѣсь уже окончательно изгладился, и, чтобы объяснить опусканіе хвоста въ воду, придуманъ мотивъ о воспламененіи хвоста. Вообще, самая нелѣпость разсказа въ резьянскихъ сказкахъ ясно обличаетъ заимствованіе. Странно только то, что подобныя нелѣпости „разсказываются ими [резьянами]... con amore", по словамъ И. А. Бодуэна-де-Куртенэ (въ ук. м. стр. 298). Въ видѣ поправки необходимо также замѣтить, что если животныя сказки „кажутся какъ будто-бы родившимися у самихъ Резьянъ" (въ ук. м.), то онѣ могутъ казаться такими только на взглядъ не спеціалиста; кромѣ того, въ нихъ не можетъ отражаться мнимый „обще-Аріо-Европейскій... животный эпосъ" (въ ук. м.).

Въ крайне запутанномъ вар. C лиса выдаетъ отраженіе луны въ водѣ за сыръ и совѣтуетъ волку, какъ снова остается догадываться, выудить его хвостомъ; хвостъ зацѣпляется за скалу, а усилія волка вытащить мнимый сыръ ведутъ къ тому, что хвостъ обрывается.

Эпизодъ объ отраженіи въ водѣ луны, выдаваемой за сыръ, встрѣчается, кромѣ только что упомянутаго вар. C, и въ

индійцевъ въ томъ же разсказѣ заяцъ замѣняется шакаломъ (M. Frere Märchen aus d. indischen Vergangenheit. übers. v. A. Passow. [1874] стр. 209 слл. № 11).

Говоря о рыбной ловлѣ, нельзя не указать на сходство, существующее между западными редакціями и одной сѣвероафриканской (Haussa) сказкой (Bleek ук. соч. стр. 38 № 1: Warum hat die Hyäne ein buntes Fell?). Въ послѣдней разсказывается, что шакалъ, наѣвшись рыбы, которую онъ наловилъ, предлагаетъ остальную подошедшей гіенѣ. Гіена все поѣдаетъ. Шакалъ такъ раздраженъ ея обжорствомъ, что изъ мести татуируетъ ее, т. е., обѣщая сдѣлать гіену такой же пестрой, какъ перья цесарки,—изрѣзываетъ ей всю спину острымъ ножемъ. Только конецъ этой сказки представляетъ отступленіе отъ разсмотрѣнныхъ варіантовъ; но и онъ находитъ себѣ аналогію въ вар. 𝔇. Вар. 𝔇 передаетъ между прочимъ, что лиса, въ надеждѣ избавиться отъ разгнѣваннаго послѣ злополучной рыбной ловли медвѣдя, хвастается умѣніемъ раскрашивать птичекъ въ пестрые цвѣта (da jeg malede hine smaa Fugle brogede) и примѣняетъ это искусство къ медвѣдю, котораго она послѣ извѣстныхъ экспериментовъ сжигаетъ въ ямѣ, наполненной смолой. Такимъ образомъ, мотивъ раскрашиванія представляетъ въ обѣихъ сказкахъ, очевидно, случайное совпаденіе. Относительно же первой половины африканской сказки, столь близко отвѣчающей нѣкоторымъ западнымъ варіантамъ и по характеру разсказа,—едва ли можетъ быть сомнѣніе, что она сложилась подъ вліяніемъ запада.

Другая сѣверо-африканская (Борну) сказка (Bleek ук. соч. стр. 99 сл. № 8 = Grimm Kinder- u. Hausmärch. III,[3] 372) заключаетъ одинъ эпизодъ, сравниваемый Гриммомъ (въ ук. м.), а за нимъ Р. Кёлеромъ (въ Jahrb. f. roman. u. engl. Lit. IX, 401), съ плачевнымъ эпизодомъ о лишившемся своего хвоста волкѣ въ западныхъ редакціяхъ. Чтобъ изжарить умерщвленнаго гіеной звѣря, передаетъ сказка, лисица отправляетъ ее за огнемъ. Пока глупая гіена,—преслѣдующая заходящее солнце, которое она принимаетъ за огонь,—на поискахъ, ласка прячетъ въ свою нору мясо и сваливаетъ затѣмъ вину на прохожихъ. Подъ предлогомъ вытащить мясо, ласка коварно привязываетъ къ хвосту гіены увѣсистую палку вмѣсто мяса и заставляетъ гіену тащить мнимое мясо на верхъ, сама же крѣпко ухва-

тывается за дубину, вслѣдствіе чего хвостъ гіены обрывается. Въ данномъ случаѣ все сходство сближаемыхъ сказокъ заключается впрочемъ только въ томъ, что съ одной стороны волкъ, съ другой гіена лишаются вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ хвоста. Возникаетъ вопросъ: какъ смотрѣть на совпаденіе подобныхъ чертъ, относительно которыхъ Я. Гриммъ и Кёлеръ довольствуются однимъ сближеніемъ?

Предварительно слѣдуетъ разсмотрѣть нѣкоторые варіанты.

Хвостъ звѣрей играетъ въ народныхъ преданіяхъ нерѣдко весьма видную роль. Звѣри гордятся своимъ хвостомъ, лелѣютъ его, употребляютъ его въ качествѣ оружія или орудія (напр., J. Grimm R. F. стр. xlj. Reinh. v. 819 сл. Ren. vv. 10055 сл. 16747—48. 16896. Reinke vv. 2265—66. Bleek ук. соч. стр. 1. 79. 136): то лиса уноситъ на своемъ хвостѣ пѣтуха (Рудченко I, 27), то волкъ лису (Pitrè Fiabe IV, 179. 181), то даже пѣтухъ лису, волка (Hahn Griech. u. alban. March. № 85). Во многихъ сказкахъ хвостъ лисы является ей помѣхой, она разсуждаетъ съ нимъ, наказываетъ его и т. п. Словомъ, существованіе цѣлаго ряда подобныхъ преданій доказываетъ, что хвостъ звѣрей не замедлилъ обратить на себя вниманіе человѣка, стоявшаго на младенческой ступени развитія. Дѣлая свои наблюденія, послѣдній подмѣтилъ вскорѣ, какъ общее правило, что у громаднаго большинства звѣрей хвостъ длинный. И вдругъ — его глазамъ представляется звѣрь съ короткимъ хвостомъ. Это поражаетъ воображеніе человѣка, кажется ему явленіемъ ненормальнымъ, и онъ такъ или иначе старается его объяснить. И вотъ, являются сказки, которымъ можно бы дать общее заглавіе: отчего у извѣстнаго звѣря хвостъ короткій?

Въ Норвегіи (𝔍) похожденіе на льду разсказывается не о волкѣ, а о медвѣдѣ, причемъ прямо высказывается мотивъ, который имѣется въ виду сказкой: „и понынѣ еще ходитъ онъ [медвѣдь] съ короткимъ хвостомъ“. Тоже самое приключеніе приписывается тоже медвѣдю лопарями и эстами (𝔇𝔐), которые повидимому заимствовали, какъ можно судить по нѣкоторымъ признакамъ, это приключеніе у своихъ сосѣдей, скандинавовъ. Хотя въ вар. 𝔇𝔐 и не указывается прямо на мотивъ короткохвостости, но онъ ясно сказывается самъ. Въ Шотландіи передается (𝔇), что при добываніи сыра на льду волкъ лишился хвоста, вслѣдствіе чего

онъ сталъ съ тѣхъ поръ куцымъ. Ошибочное примѣненіе этого вывода, какъ замѣтилъ уже Кембль (ук. соч. I, 279), объясняется тѣмъ, что заимствованная, очевидно, у норвежцевъ сказка замѣнила по недоразумѣнію медвѣдя волкомъ. Одна нѣмецкая сказка (Köhler въ Orient u. Occident II, 302) приписываетъ приключеніе на льду зайцу, очевидно, все съ тѣмъ же стремленіемъ объяснить: отчего у него хвостъ короткій? Что эта догадка основательна, покажетъ слѣдующая сказка. Всѣ упомянутые варіанты вращались около эпизода о рыбной ловлѣ и, слѣдовательно, не столь убѣдительны какъ нижеслѣдующіе.

Словинцы прямо задались вопросомъ: отчего у зайца хвостъ короткій (Valjavec Narodne pripovjedke стр. 281 сл. № lxjx. Zakaj nema zajec celoga repa)? Оказывается, что лиса обвиняетъ зайца въ покражѣ меда; волкъ погнался за зайцемъ, чтобъ ему отомстить, но успѣлъ схватить его только за хвостъ, которой и оторвалъ, „и вслѣдствіе этого и понынѣ заяцъ не имѣетъ цѣлаго хвоста и поэтому называется куцымъ“ (kurtač).

Нѣмцы старались себѣ объяснить куцость козъ слѣдующимъ образомъ (Grimm Kinder- u. Hausmärch. № 148: Des Herrn u. des Teufels Gethier). Господь Богъ забылъ создать козъ. Чортъ, желая пополнить этотъ пробѣлъ, сотворилъ козъ съ тонкими длинными хвостами. Понятно, на пастбищѣ онѣ постоянно запутывались длинными хвостами въ терновники и чорту приходилось ихъ выпутывать. Наконецъ это ему надоѣло: онъ взялъ, да и откусилъ всѣмъ козамъ хвосты, „какъ это поднесь можно видѣть по кончикамъ“.

Готтентоты объясняютъ себѣ (Bleek ук. соч. стр. 80 № 44: Warum hat der Felshase keinen Schwanz?) причину отсутствія хвоста у зайца тѣмъ, что когда происходила раздача хвостовъ, то небо было покрыто тучами; заяцъ не рѣшался покинуть своей норы и просилъ другихъ звѣрей захватить для него хвостъ. Но они ему не принесли, поэтому заяцъ и по нынѣ безъ хвоста.

Въ центральной Америкѣ тоже встрѣчается преданіе, объясняющее, почему олень и кроликъ являются куцыми. Однажды, говоритъ это преданіе (Tylor Researches into the early History of Mankind [1880]³ стр. 365 сл.), два принца вздумали расчистить лѣсъ подъ пашню. Они вырубили деревья, истребили заросль и кустарники, но на слѣдующій

день, къ удивленію, нашли все въ прежнемъ состояніи. Принцы снова расчистили мѣсто и стали караулить. Въ полночь появились вдругъ всѣ звѣри, малые и большіе, и, произнося на своемъ языкѣ заклятіе: „деревья, возстаньте! заросли, возстаньте!" они приблизились къ принцамъ. Попытка принцевъ поймать льва и тигра оказалась неудачной; за то имъ удалось поймать за хвостъ оленя и кролика, но хвосты ихъ оборвались и поэтому у оленя и кролика и до нынѣ сохранился „лишь кончикъ" (scarce a stump)...

Если къ этому ряду сказокъ присоединить выше приведенное объясненіе куцости медвѣдя и гіены, то легко замѣтить, что всѣ версіи вращаются около одной и той же темы о куцости того или другаго звѣря, но каждая изъ нихъ объясняетъ причину этого явленія иначе. Слѣдовательно, одинаковое явленіе, поражавшее младенческій умъ человѣка, должно было въ разныхъ уголкахъ вселенной вызвать извѣстное объясненіе или, говоря словами Дазента, который, по поводу куцости медвѣдя и гіены, пришелъ, очевидно, къ тому же убѣжденію,—„безхвостое состояніе какъ медвѣдя, такъ и гіены... не преминуло возбудить вниманіе въ охотничьей расѣ и можно было ожидать, что народная традиція попытается найти объясненіе для обоихъ". Къ этому мнѣнію присоединяется и Тэйлоръ, который приводитъ эти слова (ук. соч. стр. 365).

Въ видѣ дополненія къ высказаннымъ замѣчаніямъ слѣдуетъ еще прибавить, что въ различныхъ странахъ народъ, давая объясненіе куцости извѣстнаго звѣря, исходилъ изъ того убѣжденія, что короткій хвостъ ненормальное явленіе, что онъ укороченъ искусственнымъ путемъ, что онъ оторванъ, отвушенъ, недоданъ.

Дальнѣйшій выводъ изъ сдѣланныхъ сопоставленій тотъ, что только подобные разсказы, т. е. при полномъ совпаденіи исходной точки, но вполнѣ своеобразномъ дальнѣйшемъ ходѣ объясненія,—могутъ и должны быть признаны возникшими совершенно независимо другъ отъ друга.

Только при подобныхъ условіяхъ и при соотвѣтствующей обстановкѣ могутъ самостоятельно развиваться у разныхъ народовъ вполнѣ схожіе разсказы, исключающіе притомъ всякую возможность подозрѣвать заимствованіе. И тогда не только вполнѣ умѣстно, но необходимо толковать о такъ наз. эпическихъ пріемахъ или общихъ мѣстахъ.

Но какъ объяснить цѣлый рядъ почти дословныхъ совпаденій русскихъ варіантовъ съ западными версіями? На этотъ вопросъ можетъ послѣдовать, кажется, только одинъ отвѣтъ: такъ какъ совпаденія на столько разительны, что выраженіе ихъ въ однихъ и тѣхъ же формахъ на всемъ протяженіи разсказа невозможно разсматривать какъ продуктъ равномѣрнаго психическаго развитія, то остается только объяснить эти совпаденія—путемъ заимствованія.

Въ данномъ случаѣ объясненіе значительно осложняется, такъ какъ произошолъ рядъ смѣшеній основныхъ мотивовъ, только съ трудомъ поддающихся объясненію. Тѣмъ не менѣе допущеніе заимствованія изъ извѣстнаго источника имѣетъ за себя много основаній. Правда, такой источникъ, изъ котораго лучеобразно расходилось бы разсматриваемое приключеніе о рыбной ловлѣ, причемъ извѣстные лучи этого источника падали бы и на Русь, и на Германію,—пока неизвѣстенъ. Тѣмъ не менѣе можно представить рядъ соображеній и доводовъ, въ виду которыхъ становится болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что замѣчательное согласіе всѣхъ варіантовъ можетъ быть объясняемо исключительно путемъ заимствованія.

Такъ, въ вар. (Б)ГДЛ встрѣчается странная, повидимому, черта, характеризующая изобрѣтательность хитрой лисы. Разсказывается, будто лиса, съ цѣлью казаться больной или избитой, вымазывается тѣстомъ. Присматриваясь внимательно къ другимъ варіантамъ, нельзя не замѣтить, что нѣчто соотвѣтствующее этой чертѣ встрѣчается въ сказкѣ трансильванскихъ саксонцевъ: der fuchs und der wolf auf der bauernhochzeit (Haltrich Z. deutsch. Thiersage стр. 26 № x). Тутъ лиса, желая казаться больной, вымазывается медомъ и валяется въ кострикѣ (ahnen). Это соотвѣтствуетъ отчасти вар. В, гдѣ говорится, что лиса бѣжитъ въ деревню за медомъ, хотя и не упоминается, что она употребляетъ его въ видѣ мази. Въ эстонской сказкѣ (J. Grimm R. F. стр. cclxxxv) лиса всовываетъ голову въ бочку со сметаною. Далѣе. Въ моравской сказкѣ (Fr. M. Vrána Maravské národní pohádky a pověsti. Sv. I [1880] 52) лиса oválela se v červenych jahodách и выдаетъ себя волку за окровавленную (jsem sama krév). Лужицкая сказка (Haupt u. Schmaler ук. соч. II, 16) точно опредѣляетъ, что ягоды, придававшія лисѣ кровавый видъ, ...

брусника. Другая лужицкая сказка (Veckenstedt ук. соч. стр. 413 № 2), какъ бы недовольствуясь этимъ, разсказываетъ, что лиса вымазалась кровью задушеннаго ею пѣтуха, а въ резьянскихъ сказкахъ (Бодуэна-де Куртенэ ук. соч. стр. 299. 300. 302)—это кровь вола или коровы.

Подыскивая соотвѣтствующія этимъ примѣрамъ черты, нельзя не прійти къ убѣжденію, что они вполнѣ отвѣчаютъ разсказамъ средневѣковыхъ бестіаріевъ о хитрости лисы, по которымъ она involvit se rubra terra, ut appareat quasi cruentata (см. выше стр. 39[1]). Весьма вѣроятно, что въ западныя сказки черта эта проникла изъ бестіаріевъ, покрайней мѣрѣ видоизмѣнилась подъ ихъ вліяніемъ почти до неузнаваемости.

Что же касается русскихъ варіантовъ и эстонской сказки, то нельзя не замѣтить, что описываемая въ нихъ черта представляетъ болѣе совпаденій съ однимъ мотивомъ въ Тути-Намэ (Touti-Nameh von Iken, стр. 77 №. 17), гдѣ, между прочимъ, говорится, что одинъ шакалъ повадился ходить въ городъ, wo er seine Schnauze in Gefässe hineinsteckte, die verschiedenen Leuten gehörten. Als er seinen Kopf in einen Kübel mit Indigo gesteckt hatte.. Этотъ мотивъ повидимому вполнѣ соотвѣтствуетъ русскимъ варіантамъ. Только вар. Б говоритъ нѣсколько глухо: „[лиса] попалась... въ квашню головой", причемъ не дѣлается никакого вывода, такъ какъ лиса помимо того „прикинулась хворой". Слѣдуетъ еще замѣтить, что первоначально синій цвѣтъ, въ который окрашивается шакалъ, уже въ турецкомъ Тути-Намэ (Rosen II, 146) измѣнился въ mannichfaltige Farben, которыя придаютъ ему einen seltsamen Anblick. Это отвѣчало бы странному виду, который производитъ лиса, попавъ головой или всѣмъ тѣломъ въ „ращину" („мучной растворъ"), „у тісто" и т. п.

Совпаденіе этой черты какъ въ русскихъ, такъ и въ восточныхъ сказкахъ даетъ уже нѣкоторое право предположить заимствованіе. То обстоятельство, что мотивъ о вымазывающейся въ кадкахъ лисѣ не встрѣчается въ древнеславянскихъ переводахъ, вовсе не можетъ служить доводомъ противъ предполагаемаго заимствованія: при передачѣ сюжетовъ могло играть роль и устное преданіе. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить именно разсказъ Калилы и

Димны о синемъ шакалѣ (Benfey Pantsch. II, 73 слл.; ср. I, 223 слл. Hitopadesa von Max Müller стр. 125 = Hitopadésa par Lancereau стр. 142). Разсказъ этотъ пропущенъ въ славянскихъ переводахъ, изданныхъ въ трудахъ Общества любителей древней письменности. (Стефанитъ и Ихнилатъ, изд. А. Викторова, М. 1881, гдѣ пропущенный разсказъ долженъ бы слѣдовать послѣ „притчи о коридѣ [кошка] и блохѣ", стр. 22. Ср Стефанитъ и Ихнилатъ, изд. Ѳ. Булгакова, Спб. 1877, стр. 22. А. Н. Пыпинъ Очеркъ стр. 162). Несмотря на пропускъ черта объ измазанной до неузнаваемости лисѣ всетаки извѣстна славянскимъ сказкамъ. Ясно, что черта эта проникла въ нихъ путемъ заимствованія, какъ проникла въ романъ о Ренарѣ. Тутъ лиса попадаетъ въ чанъ съ желтой краской, вслѣдствіе чего становится тоже неузнаваемой (Ren. v. 11959 сл.; ср. Benfey Pantschat. I. 225).

Предположеніе о заимствованіи становится тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что ничего подобнаго въ дѣйствительности не было подмѣчено относительно лисы, что передаютъ о ней русскія сказки, т. е. чтобы лиса врывалась въ кишащія людомъ деревни, забиралась въ дома и жилыя помѣщенія людей. Курятникъ, конечно,— не жилая изба, и если лиса „нерѣдко ночью забирается на одинокіе крестьянскіе дворы" (А. Брэмъ ук. соч. I. 430), то это прямо доказываетъ, что лиса старается уклоняться отъ общества людей и предпочитаетъ покровъ ночи. Только „когда лиса считаетъ себя совершенно безопасной", она обнаруживаетъ „безсовѣстную дерзость". „Среди бѣлаго дня забирается она во дворъ, почти на глазахъ у людей тащитъ курицу" (тамъ-же стр. 431)... Подобная наглость лисы является, слѣдовательно, въ видѣ исключенія. Наоборотъ нахальство шакала стало почти поговоркой. „Людскія жилища для него вовсе не страшны; смѣло пускается онъ бродить по деревнѣ, заходитъ въ дворовыя постройки, даже въ дома, и тащитъ что ни попадется". „[Шакалы нетолько крадутъ съѣдобное, но и таскаютъ вещи, имъ совсѣмъ ненужныя, изъ двора и дома, палатки и комнаты, сарая и кухни". (Тамъ-же стр. 419. 421). Тѣ же наблюденія относительно шакала дѣлали путешественники, напр., Нибуръ (Niebuhr Description de l' Arabie [1773] стр. 146).

Такимъ образомъ, мотивъ о томъ, что шакалъ или замѣщающая его во всѣхъ европейскихъ сказкахъ лиса (ср. Benfey Pantschat. I, 104. 132 сл. 432. 495. 506) забираются въ дома, гдѣ принимается за изслѣдованіе различныхъ бочекъ, кадокъ и т. п. могъ повидимому возникнуть только на востокѣ. Отсюда уже онъ проникъ впослѣдствіи на западъ, гдѣ видоизмѣнился подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій или случайныхъ причинъ.

Едва ли еще нужно тратить много словъ для доказательства, что объясненіе мотива о залѣзающемъ въ кадки шакалѣ при помощи процесса равномѣрнаго психическаго развитія въ данномъ случаѣ было бы положительно не мыслимо. На какой же ступени должно находиться единство человѣческаго духа или въ какой фазисъ должны вступить общія условія быта, чтобы побудить независимо шакала въ Индіи, а лису на Руси къ опусканію головы въ кадки? Для насъ покрайней мѣрѣ это непонятно.

Къ указаніямъ на восточное происхожденіе разсказа о рыбной ловлѣ, покрайней мѣрѣ его основы, могутъ быть отнесены и другія обстоятельства. Тэйлоръ (Researches стр. 366) въ числѣ примѣровъ о способахъ ловли рыбы и раковъ нѣкоторыми звѣрями приводитъ между прочимъ разсказъ, по которому въ Индіи шакалъ ловитъ рака, опустивъ въ его нору свой хвостъ. Когда ракъ, расчитывая на поживу, схватываетъ опущенный хвостъ, шакалъ быстро вытаскиваетъ рака и пожираетъ его (I [J. Roberts] have been told, that they [шакалы] often catch the crab by putting their tail into its hole, which the creature immediately seizes, in hope of food: the jackal then drags it out and devours it). При помощи опусканія хвоста въ воду обезьяна, по гвіанскому сказанію, ловитъ даже рыбу (тамъ-же стр. 367). Подобное искусство приписывается также лисѣ въ баснословномъ преданіи, сообщенномъ Эліаномъ и почему-то игнорируемомъ Тэйлоромъ. Эліанъ (Aeliani De natura animalium l. VI cap. xxjv [ed. Didot, стр. 102]) передаетъ, между прочимъ, что лиса ловитъ рыбокъ опусканіемъ хвоста въ воду; рыбки запутываются, будто бы, въ густой шерсти лисьяго хвоста, который лиса быстро вытаскиваетъ на сушу и вытряхиваетъ; выпавшихъ рыбокъ она пожираетъ. Такъ какъ въ дѣйствительности подобной уловки за лисой, понятно, и невозможно подмѣтить, вслѣд-

ствіе несообразности, неестественности такого факта вообще, помимо диковинныхъ частностей, въ родѣ крайне фантастичнаго уподобленія лисьяго хвоста сѣти,—то остается только обратиться къ болѣе правдоподобному объясненію – къ ловлѣ раковъ. Впрочемъ слѣдуетъ еще замѣтить, что въ одномъ сборникѣ всевозможныхъ разсказовъ о животныхъ (F r. W. B r e n d e l Erzählungen aus dem Leben der Thiere. Glogau, C. Flemming s. a. Стр. 89) лиса также ловко ловитъ раковъ хвостомъ, какъ и шакалъ. Ловля производится только при болѣе волшебной обстановкѣ, при лунномъ свѣтѣ, и на мѣстахъ, изобилующихъ раками. Все это звучитъ крайне баснословно и все передается, конечно, безлично. Дѣйствительныя же наблюденія, на которыя можно положиться, сообщаютъ, что лиса, правда, ловитъ рыбу, но на отмеляхъ и лапами (1). Стало быть, весьма прозаично.

Въ виду сдѣланныхъ замѣчаній и въ виду того, что индѣйцы уже въ глубокой древности отличались необыкновенной наблюдательностью по отношенію къ міру животныхъ (ср. K e l l e r ук. стр. 313. 337. G e r v i n u s ук. соч. I, 208. W a g e n e r въ ук. м. стр. 124) и что необозримое число сказокъ, повѣстей и преданій шло изъ Индіи,—слѣдуетъ предположить и возникновеніе разсматриваемаго преданія на востокѣ, гдѣ шакалъ могъ служить образцомъ хвостатаго рыболова. Затѣмъ это сказаніе проникло на западъ и, можетъ быть, послужило даже источникомъ для баснословнаго разсказа у Э л і а н а. На западѣ оно совершенно видоизмѣнилось подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, и сѣверная зима создала вполнѣ новое оригинальное приключеніе. Функціи, приписывавшіяся первоначально шакалу, на новой родинѣ, какъ кажется, раздвоились: часть ихъ перешла на замѣстительницу шакала,—лису, часть же примѣнилась къ медвѣдю, который чаще попадался на глаза новымъ переселенцамъ, вслѣдствіе чего явилась и болѣе настоятельная потребность объясненія его куцости; суровая зима не замедлила дать законченность разсказу. Притомъ сказанія сдѣлали дѣйствительнымъ рыболовомъ только медвѣдя, а лисѣ стали приписы-

(1) Наблюденіе это, какъ обязательно сообщилъ намъ проф. Н. М. [illegible], встрѣчается у Э в е р с м а н н а (Естественная исторія Оренбургскаго края, ч. II).

вать только роль учительницы рыбной ловли, учительницы, которая сама никогда не принимается за это ремесло. Со временемъ, подъ вліяніемъ басенъ Эзопа и возникшихъ на ихъ основаніи новыхъ воззрѣній, успѣвшихъ установиться въ литературѣ, воззрѣній надъ глупостью волка, „перехитряемостью“ его лисою и его столкновеніяхъ съ нею, — все, что приписывалось медвѣдю, было перенесено на волка.

Всѣ эти замѣчанія вызваны собственно слѣдующими соображеніями. Медвѣдь въ роли хвостатаго рыболова болѣе у мѣста, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, и болѣе естественъ, чѣмъ волкъ. Что послѣдній вытѣснилъ медвѣдя, обнаруживаетъ повидимому вар. D, въ которомъ, несмотря на приложенный исключительно къ медвѣдю разсказъ, несмотря на заключеніе: „и вотъ причина, почему волкъ куцъ (is stumpy tailed) по настоящую пору“, всетаки выводится волкъ. Это доказываетъ, на сколько новая версія успѣла сдѣлаться популярной, если вопреки всѣмъ противорѣчіямъ всетаки замѣщала медвѣдя волкомъ. Такъ какъ на сѣверѣ замѣтна большая устойчивость народныхъ преданій и слабѣе литерное вліяніе, то не трудно понять, отчего именно тамъ удержались варіанты, выводящіе въ качествѣ рыбака медвѣдя. Далѣе. Перемѣщеніе роли рыболовствующаго шакала на лису можно усматривать въ томъ, что нѣкоторые варіанты (OT) выводятъ лису въ качествѣ активнаго рыболова. Литературныя же черты, присоединившіяся впослѣдствіи, проникли изъ указанныхъ выше восточныхъ сборниковъ сказокъ и повѣстей. Наконецъ, не трудно замѣтить, что во всѣхъ варіантахъ по мѣрѣ приближенія ихъ къ югу, гдѣ они должны были приладиться къ мѣстнымъ условіямъ, — основныя черты, характеризующія эти сказки на сѣверѣ, постепенно блѣднѣютъ и въ концѣ концовъ совершенно изглаживаются; таковы особенно вар. ЕМНРС. Если затѣмъ принять во вниманіе, что нѣкоторые западные варіанты, въ томъ числѣ и славянскіе: НОРС, или по происхожденію, или по оказанному на нихъ вліянію ясно обнаруживаютъ связь съ литературными обработками животнаго эпоса, то остается признать за сѣверными варіантами первенство въ естественности, оригинальности и первобытности. Само же приключеніе о рыбной ловлѣ, вслѣдствіе дословныхъ совпаденій, обнаруживаемыхъ всѣми варіантами, могло разойтись по отдаленнымъ мѣстностямъ только путемъ заимствованія. Пока,

за недостаткомъ матеріала, трудно только опредѣлить пути, по которымъ шло заимствованіе. Одно несомнѣнно, что часть элементовъ проникла съ востока. На европейской почвѣ тѣ или другіе мотивы получили самостоятельное развитіе. Когда за волкомъ установилась уже репутація злополучнаго искателя приключеній, тогда разсказы о немъ стали извѣстны между прочимъ и славянамъ. Спустившись въ народную среду, разсказы эти должны были принять чисто народный характеръ.

Относительно вар. ВЕЖЗИКП слѣдуетъ замѣтить, что смерть волка прибавлена, очевидно, съ тѣмъ, чтобъ придать законченность разсказу.

Во многихъ варіантахъ эпизодъ о к р а ж ѣ р ы б ы непосредственно связывается съ разсказами о л о в л ѣ р ы б ы. Въ романѣ о Ренарѣ оба эпизода связываются между собою разсказомъ о постриженіи волка въ монахи (R e n vv. 917—1130). Несмотря на плотную спайку этихъ разсказовъ, заставившую Я. Г р и м м а (R. F. стр. cxxij), а за нимъ Р о т е (Les romans du Renard стр. 125), I о н к б л у т а (Étude стр. 400), М а р т и н а (Examen critique стр. 23), принимать 2-ю, 3-ю и 4-ю бранши за одну нераздѣльную поэму, нельзя однако не замѣтить, что спай ихъ случайный, что разсказъ о постриженіи волка въ монахи является лишь вставочнымъ эпизодомъ, носящимъ явный отпечатокъ позднѣйшаго происхожденія (см. ниже). Немедленно послѣ кражи рыбы волкъ является къ Ренару, который, при дѣятельномъ участіи своей семьи, занятъ поджариваніемъ угрей, и проситъ его подѣлиться рыбой. Самый естественный отвѣтъ со стороны Ренара былъ бы, напр., въ духѣ русскихъ варіантовъ: „налови самъ, да и ѣшь!“ Ренаръ же предварительно подтруниваетъ надъ волкомъ, заявляя, что ѣстъ рыбу вслѣдствіе того, что поступилъ въ монастырь. Затѣмъ онъ дѣлаетъ ему тонзуру, обваривъ его голову кипяткомъ, и, подъ предлогомъ подвергнуть его искусу, ведетъ Изенгрима къ проруби. Такимъ образомъ Изенгримъ попадаетъ на рыбную ловлю безъ всякой мотивировки, такъ какъ немедленно по постриженіи въ монахи, Ренаръ обѣщаетъ ему множество рыбы (...tant con vos porrez mangier, R e n v. 1079), а между тѣмъ, неизвѣстно зачѣмъ, требуется еще искусъ. Когда же Ренаръ и Изенгримъ являются на мѣсто (искуса?), также неожиданно сообщается, что замерзъ прудъ, ou Ysengrin devoit pechier (v. 1135), хотя между искусомъ и рыбной лов-

лей есть же небольшая разница. Эта неожиданная замѣна искуса рыбной ловлей тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что раньше ни словомъ не упоминалось о томъ, какимъ путемъ добываютъ себѣ монахи рыбу. Словомъ, скрѣпы, соединяющіе разсказы о кражѣ и ловлѣ рыбы, слишкомъ замѣтны, чтобъ не внушить убѣжденія, что эпизодъ о постриженіи волка въ монахи является вставкой, прикрѣпленной къ предшествующему и послѣдующему разсказу на живую нитку. Что дѣйствительно этотъ эпизодъ является позднѣйшей вставкой, сложившейся подъ вліяніемъ сатирической точки зрѣнія, доказываетъ еще эпизодъ въ 24-й вѣтви. Изенгримъ, разсказавъ, согласно 3-й вѣтви, о своемъ постриженіи въ монахи, спрашиваетъ, какъ передаетъ онъ, Ренара: откуда онъ добылъ рыбу? и получаетъ въ отвѣтъ, что у извощиковъ (Ren. v. 14461 слл.) (¹). Предположивъ напротивъ, что вставочный эпизодъ является существенной принадлежностью двухъ другихъ разсказовъ, — вопросъ волка и отвѣтъ лисы долженъ былъ бы казаться по меньшей мѣрѣ страннымъ и непослѣдовательнымъ.

Такимъ образомъ, вставка очевидна, и можно бы ожидать, что въ древнемъ преданіи оба разсказа сливались въ одно цѣлое. На самомъ дѣлѣ едва ли это такъ. Во многихъ варіантахъ разсказъ о рыбной ловлѣ встрѣчается или въ видѣ самостоятельной сказки, или связывается съ какимъ нибудь другимъ эпизодомъ, но не съ разсказомъ о кражѣ рыбы. Кромѣ того, если бы оба разсказа находились въ родовой связи, то повидимому нечего было бы прибѣгать къ объясненію причины жестокаго поступка лисы съ волкомъ. Между тѣмъ сколько бы разъ мотивъ поступка лисы не объяснялся, всегда это объясненіе крайне разнообразно. Въ латинской редакціи лиса замышляетъ месть на томъ основаніи, что волкъ не подѣлился съ ней окорокомъ, который

(¹) Іонкблутъ (Etude стр. 400 сл.) полагаетъ, что 24-я браншъ романа о Ренарѣ должна непосредственно примыкать къ 4 вѣтви, что совершенно справедливо, но, странно, не обращаетъ вниманія, на указанныя противорѣчія. Въ свою очередь Мартинъ въ своемъ новомъ изданіи романа о Ренарѣ игнорируетъ, къ сожалѣнію, замѣчаніе Іонкблута и ограничивается тѣмъ, что изъ 24 бранши (по изд. Меона) дѣлаетъ VI вѣтвь въ своемъ изданіи (стр. 197 слл.).

она же добыла хитростью у шедшаго по дорогѣ крестьянина (Reinard. I vv. 183 слл. 523 слл.) Во французской обработкѣ напередъ объясняется взаимная вражда Ренара и Изенгрима и весь рядъ бѣдствій, обрушивающихся на последняго, тѣмъ, что Ренаръ обезчестилъ жену Изенгрима (Ren. vv. 10—22. 348—352). Слѣдовательно, строго говоря, въ романѣ о Ренарѣ рыбная ловля ничѣмъ не мотивирована. Въ вар. D нѣтъ мотива или встрѣчается, если угодно, самый естественный: желаніе алчнаго волка поскорѣе утолить свой голодъ въ виду легкости обѣщаннаго улова рыбы (Reinh. v. 712 слл.). Въ однихъ варіантахъ мотивомъ мести со стороны лисы выставлена ненасытность волка, съѣвшаго ея бычка (ЕКЛ); въ другихъ лису раздражаетъ споръ, поднятый волкомъ, обвиняющимъ куму въ съѣденіи мяса (З) или a dish of crowdie (crowdy? овсянка) (D). Большинство варіантовъ не признаетъ жестокаго поступка лисы, а тѣ изъ нихъ, въ которыхъ попытки объясненія встрѣчаются, отличаются такимъ непостоянствомъ этихъ мотивовъ, которое можетъ свидѣтельствовать только въ пользу ихъ поздняго происхожденія. Сначала, очевидно, никакой поясняющей причины не полагалось: каждый эпизодъ разсказывался независимо отъ другаго, единственно изъ любви къ разсказу. Когда же впослѣдствіи эпизодъ о кражѣ рыбы такъ тѣсно слился съ эпизодомъ о рыбной ловлѣ или другимъ разсказомъ, что составилъ какъ бы одну неразрывную сказку, то ради большей связи явилась, понятно, необходимость мотивировать то или другое дѣйствіе, явилось, слѣдовательно, и объясненіе поступка лисы. Такъ какъ мотивъ этотъ приводится даже въ тѣхъ случаяхъ, когда разсказъ о кражѣ рыбы предшествуетъ разсказу о ловлѣ рыбы, а него повидимому было бы совершенно достаточно для мотивировки злополучнаго приключенія, то необходимо вывести заключеніе о независимости обоихъ разсказовъ другъ отъ друга.

3. Лиса-Исповѣдница или Похищеніе пѣтуха лисою.

Reinhart kündecheite pflac,
doch ist hiute niht sîn tac,
daz ez im nâch heile müge ergân.
Reinh. v. 217.

Je disoie que buef d'arer
Ne savoit tant con je de guile,
Et un petit cochet de vile
M'a engingnié et decéu.
Ren. v. 5564.

Славянскіе варіанты: А (великорусск. [?] сказки, Аѳанасьевъ Сказки I², № 4 a), Б (великорусская, тамъ-же № 4 b), В (тоже, тамъ-же № 4 c), Г (великорусск. [?], тамъ-же стр. 5), Д (великорусск., тамъ-же № 11), Е (малорусская, Драгомановъ Малорусск. народн. преданія и разсказы [1876] стр. 863 № 37: Пѣтухъ пустынникъ и лисица преподобница), Ж (словинская, Valjavec Narodne pripovjedke стр. 280 № lxvij: Lisica i pevec).

Литературныя обработки: 𝔄 (Reinard. III vv. 811—1360), 𝔅 (Ren. vv. 1267—1720), ℭ (Ren. vv. 4865—5574), 𝔇 (Ren. vv. 2865—2994), 𝔈 (Ren. vv. 1721—1862), 𝔉 (Reinh. vv. 11—175).

Романо-германскіе и другіе варіанты: 𝔊 (норвежская, Asbjörnsen-Dasent Tales from the Fjeld. Стр. 66—68 [Raynard and Chanticleer]), ℌ (нѣмецкая, Haltrich Zur deutsch. Thiersage стр. 31 № xjx: Der fuchs überlistet den haushahn), ℑ (гасконская, Cénac Moncaut Littérature populaire de la Gascogne [1868] стр. 222—224: Le renard et le coq), 𝔎 (кельтская, Campbell Tales I, 268 сл. § 4), 𝔏 (тоже, тамъ-же стр. 271 сл. § 8), 𝔐 (тоже, тамъ-же стр. 267), 𝔑 (тоже, тамъ-же III, 93), 𝔒 (грузинская, Орбеліани Книга мудрости и лжи, перев. Цагарели, стр. 22—24 № 17), 𝔓 (тоже, тамъ-же стр. 26 сл. № 20), 𝔔 (готтентотская, Bleek ук. соч. стр. 18 № 12: Der Hahn).

Ср. также Reinh. v. 176—216. Rein. vv. 315—420 (=II vv. 343—448) и Reinke vv. 317—404. J. Grimm R. F. стр. ccxx. cclxjv. cclxxvj. 421. 364. Oesterley Die Narrationes des Odo de Ciringtonia въ

Jahrb. f. roman. u. engl. Lit. IX, 138 сл. (№ xx: De volpe et gallinis) = Voigt Kl. lat. Denkmäl. d. Thiersage стр. 129 (Parab. 18); ср. стр. 111 сл. Don J. Manuel El conde Lucanor, publ. por A. Keller (1839) cap. xxxij (стр. 151). B. Waldis Esopus, hrsg. v. H. Kurz, IV, 2 и прим.; ср. IV, 88 и 87 и прим. (J. Pauli Schimpf u. Ernst, hrsg. v. Oesterley, № clxxiij и прим.). Uhlands Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage III (1866) 68 слл. Speculum Sapientiae Beati Cirilli Episcopi, l. II. c. 15: De gallo et vulpe, въ Die beiden ältesten Fabelbücher des Mittelalters des Bischofs Cyrillus Speculum Sapientiae und des Nicolaus Pergamenus Dialogus creaturarum hrsg. v. Dr. J. G. Th. Grässe [1880] = Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart CXLVIII, 51. Вук Врчевиħ Српске народне пpоповиjетке (1868) стр. 189 № 413 (Лисица и кокошке). Ровинскій ук. соч. I, 272 слл. (№ 85: Повѣсть о курѣ и льстивой лисицѣ) и прим. (IV, 199 слл.). Сборникъ свѣдѣній о Кавказкихъ Горцахъ I, 66 сл. (Курочка и Лисица).

Вар. А. Голодная лиса, забравшись въ курятникъ, залѣзла на насѣстъ. Испуганная неожиданнымъ пѣніемъ пѣтуха, она „съ насѣсти-то такъ со страху полетѣла, что недѣли три пролежала въ лихорадкѣ". Когда пѣтухъ попалъ однажды въ лѣсъ и усѣлся на деревѣ, подстерегавшая его лиса рѣшается его сманить, не дожидаясь пока онъ самъ слетитъ. Уворяя его за многоженство, она совѣтуетъ ему покаяться. Довѣрчивый пѣтухъ спускается съ дерева, а лиса схватываетъ его и собирается съѣсть, но при разсказѣ объ архирейскомъ пирѣ и обѣщаніи выхлопотать мѣсто просвирни, причемъ рисуются „просвиры мягкія, кануны сладкіе", — „лиса распустила лапы, а пѣтухъ порхъ на дубокъ".

Вар. Б. „Зѣло удивительно: шла лисица изъ дальнихъ пустынь. Завидѣвши пѣтуха на высоцемъ древѣ", лиса, какъ и въ А, коритъ его за многоженство и приглашаетъ покаяться. Пѣтухъ въ умиленіи „сталъ спускаться съ вѣтки на вѣтку" и попался въ лапы лисы. Когда пѣтухъ уличаетъ ее въ обманѣ, лиса выставляетъ причиной своей мести неумѣстное поведеніе пѣтуха, который поднялъ общую тревогу, когда лиса намѣревалась схватить „малаго курёнка". Остальное, какъ въ А, но архіерей замѣненъ Трунчинскимъ ми-

трополитомъ. Спасшись на дерево, пѣтухъ осмѣиваетъ лису, а послѣдняя укоряетъ себя и удаляется.

Вар. В. Весьма кратко передается только похищеніе пѣтуха лисою, но не досказывается даже результатъ льстивыхъ рѣчей пѣтуха.

Вар. Г. „Вотъ бѣжитъ лисичка и видитъ: на воротахъ сидитъ пѣтушокъ. Она ему и говоритъ: „пѣтушокъ, пѣтушокъ! слѣзь сюда, я тебя исповѣдаю: у тебя семьдесятъ жонъ, ты завсегда грѣшонъ". Пѣтухъ слѣзъ: она хвать его и скушала".

Вар. Д. Лиса увидѣла въ лѣсу тетерева на деревѣ и сообщаетъ ему, что добыла въ городѣ указъ, „чтобы вамъ тетеревамъ не сидѣть по деревамъ, а все бы гулять по зеленымъ лугамъ". Вдругъ раздается конскій топотъ и собачій лай. Лиса спрашиваетъ тетерева: „кто ѣдетъ?—Мужикъ. Кто за нимъ бѣжитъ? — Жеребенокъ. Какъ у него хвостъ-то? — Крючкомъ. Ну такъ прощай, Терентій! мнѣ дома недосугъ".

Вар. Е. Пѣтухъ „пішов в ліс на покаяніе", гдѣ его „нагляділа" лиса; пѣтухъ подозрѣваетъ ея намѣренія и лиса вовсе не скрываетъ свою злобу на него. На этомъ сказка обрывается.

Вар. Ж. Встрѣтивъ пѣтуха, лиса проситъ показать, kak tvoje kokoši pevaju? Пѣтухъ показываетъ это искусство, а лиса схватываетъ его. Тогда пѣтухъ совѣтуетъ ей поблагодарить Бога (zahvali se bogu) за такой лакомый кусочекъ, и пока она, усѣвшись на заднія лапы, исполняетъ его совѣтъ, пѣтухъ взлетаетъ на вязъ (brest) и издѣвается надъ ней.

Вар. И. Ренаръ застаетъ пѣтуха (Sprotinus), отказавшагося принять участіе въ паломничествѣ, въ амбарѣ (granaria, v. 891) (¹). Онъ предлагаетъ ему снова суму и посохъ (accipe peram cum baculo, v. 907 сл.), отъ чего пѣтухъ рѣшительно отказывается. Ренаръ прибѣгаетъ къ хитрости. Онъ укоряетъ его въ томъ, что онъ не слѣдуетъ

(¹) Впрочемъ Моне (Reinardus Vulpes стр. 328) полагаетъ, что въ данномъ мѣстѣ granarium означаетъ дворъ, усадьба, что дѣйствительно ближе соотвѣтствуетъ выраженіямъ: plessié, plaiseiz (Ren. vv. 1276. 1284. 1296), cortil, cort, porpris (Ren. vv. 1289. 1362. 1370. 1386. 1510) и т. п.

примѣру своихъ благородныхъ предковъ и восхваляетъ искусное пѣніе его отца. Когда подстрекаемый пѣтухъ сталъ пѣть съ закрытыми глазами, Ренаръ схватываетъ его и уноситъ, преслѣдуемый толпой крестьянъ и ихъ неистовыми криками и бранью. Въ видахъ спасенія пѣтухъ подстрекаетъ гордаго Ренара заявить поносящей его толпѣ, что онъ уноситъ лишь „свое“, принадлежащее ему по феодальнымъ правамъ (v. 1017 сля.); но пока Ренаръ дѣлаетъ это заявленіе, положивъ пѣтуха на землю, послѣдній улетаетъ на высокій кустъ ежевики (alta rubeta. v. 1025) и издѣвается надъ лисой. Клянущій свои зубы Ренаръ схватываетъ наконецъ буковую кору, которую выдаетъ за грамоту (charta missilis, v. 1178), возвѣщающую повсемѣстный миръ. Онъ приглашаетъ пѣтуха спуститься къ нему, чтобъ лично убѣдиться въ подлинности грамоты. Пѣтухъ отказывается неумѣніемъ отличать грамоты и поддожныя печати и сообщаетъ вдругъ, что невдалекѣ показался охотникъ съ собаками; онъ предполагаетъ въ немъ вѣстника мира, въ чемъ Ренаръ сомнѣвается, такъ какъ миръ, положимъ, закрѣпленъ клятвой, но еще не обнародованъ. Наконецъ пѣтухъ вызываетъ его на поединокъ, но Ренаръ скрывается.

Вар. 𝔅. Ренаръ забирается въ курятникъ. Пѣтуху Шантеклару снится зловѣщій сонъ. Его жена (Pinte) придаетъ послѣднему весьма неблагопріятное толкованіе (vv. 1379 — 1499): субъектъ въ красной шубѣ, окаймленной бѣлыми костями и надѣтой на изнанку, — коварная лиса. Послѣ неудачнаго нападенія на безпечно уснувшаго Шантеклэра, Ренаръ пускается на хитрости. Коварной похвалой громогласному голосу его покойнаго отца (Chantoclin) Ренаръ побуждаетъ пѣтуха къ соревнованію, которое влечетъ за собой его похищеніе. Хозяйка, собиравшаяся запереть на ночь своихъ курицъ, поднимаетъ тревогу. Избавленіе пѣтуха разсказано сходно съ вар. 𝔄. Пѣтухъ совѣтуетъ Ренару объявить преслѣдователямъ, что на зло имъ онъ всетаки унесетъ добычу. При произнесеніи этихъ словъ Ренаромъ пѣтухъ взлетаетъ на яблонь. Ренару остается укорять себя за оплошность, какъ въ Б (¹).

(¹) Указанія на этотъ эпизодъ встрѣчаются: Ren. vv. 11417—420. 13667—69. 14147—49. 29799—803.

Таковы существенныя черты главнѣйшихъ варіантовъ. Другіе варіанты представляютъ разнообразное сочетаніе основныхъ мотивовъ, прямое подражаніе послѣднимъ или развитіе ихъ въ болѣе или менѣе обширные и независимые разсказы. Напр., вар. 𝔉 передаетъ разсказъ о похищеніи пѣтуха лисою, почти какъ въ 𝔅, только нѣсколько сокращеннѣе и съ тѣмъ развѣ незначительнымъ отступленіемъ, что отецъ пѣтуха (Sengelin) закрывалъ при пѣніи оба глаза (Reinh. v. 124) (1).

Судя по извѣстнымъ признакамъ, вар. 𝔈 является плохимъ подражаніемъ вар. 𝔅 (2). Ренаръ притаился въ курятникѣ; попытка схватить пѣтуха Шантеклэра (Ren. v. 4988) кончается неудачей: пѣтухъ бросается въ сторону, а поднятый имъ крикъ вызываетъ хозяина. Ренаръ запутывается въ силки. Онъ защищается отъ крестьянина, вонзаетъ свои зубы въ его ногу и постепенно добивается того, что вилланъ не только освобождаетъ его, но, по требованію Ренара, самъ выдаетъ своего пѣтуха Noiret, que j'ai, говоритъ Ренаръ, lui toute jor gaitié (Ren. v. 5308 сл.). Слѣдовательно, авторъ уже забылъ, что раньше Ренаръ покушался на Шантеклэра. Нуарэ при помощи льстивыхъ рѣчей побуждаетъ наконецъ Ренара затянуть une chançonnete novele (Ren. v. 5439) и, пользуясь его оплошностью, улетаетъ на высокій вязъ. Ренару, въ виду появившихся собакъ, остается постыдное бѣгство.

Одинъ моментъ, пересказывающійся согласно съ вар. 𝔅, встрѣчается въ вар. 𝔇, — это похищеніе пѣтуха. Разница въ томъ, что не самъ пѣтухъ (Chantecler, Ren. v. 2897) прибѣгаетъ къ извѣстной хитрости, а котъ, который приводитъ Ренара въ курятникъ и изъ мести обманываетъ его. Котъ обращается къ Ренару съ вопросомъ: крѣпко ли онъ ухватилъ пѣтуха (tien le tu bien? v. 2905)? Пока Ренаръ ему даетъ утвердительный отвѣтъ, пѣтухъ ускользаетъ. Ва-

(1) О совпаденіи 5-й бранши романа о Ренарѣ съ Reinh. vv. 12 сл. и о передѣлкѣ первой изъ болѣе древняго текста см. Jonckbloet ук. соч. стр. 73 сл.

(2) На общее сходство 5-й вѣтви съ 11-й указали J. Grimm R. F. стр. cxxiij, Rothe ук. соч. стр. 142[1]) и др. На сколько 11-я вѣтвь уступаетъ 5-й, ср. и проч. J. Grimm, Kleinere Schriften V (1871) 464 сл.

ріантъ этотъ представляетъ только сокращенную форму основнаго разсказа и видоизмѣненіе нѣкоторыхъ чертъ его. Это произошло подчасъ въ угоду ироніи, если не сатиры, и даже скабрезности. Оттѣнки подобнаго рода обнаруживаются въ переиначенныхъ разсказахъ того же основнаго типа (именно въ Ren. vv. 27855—987. 28665—724. 29763—877).

Вторая половина, точнѣе, конецъ вар. 𝔄 представляется изводомъ вар. 𝔈, оригиналъ котораго существуетъ въ видѣ самостоятельнаго разсказа. Тутъ на сцену выступаетъ синица, которую голодный Ренаръ застаетъ на деревѣ. Почти съ первыхъ же словъ Ренаръ предлагаетъ синицѣ спуститься съ дерева и поцѣловаться съ нимъ, такъ какъ всѣ животныя поклялись свято хранить всеобщій миръ. Синица не довѣряетъ ему, но не прочь исполнить его желаніе, если онъ, согласно обѣщанію, закроетъ глаза (Ren. v. 1767 слл.). Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что черта о смыканіи глазъ въ первоначальномъ преданіи перенесена здѣсь по недоразумѣнію или по забвенію на лису; на самомъ дѣлѣ черта эта должна была бы сохраниться за синицею, мѣсто которой обыкновенно заступаетъ пѣтухъ. Пользуясь тѣмъ, что Ренаръ закрылъ глаза, синица натираетъ ему зубы мохомъ и листьями (v. 1771). Два раза попытки Ренара схватить синицу остаются безплодными. Слѣдуетъ появленіе охотниковъ съ собаками и отвѣтъ Ренара, что молодыя собаки вѣроятно не знаютъ еще о мирѣ, который поклялись хранить ихъ отцы (Ren. v. 1849 слл.). Преслѣдуемый насмѣшками синицы, Ренаръ спасается бѣгствомъ. Едва ли нужно присоединять, что въ сокращенной формѣ тотъ же эпизодъ передается въ Reinh. vv. 176—216.

Замѣчательно близко къ вар. 𝔅𝔈 и еще ближе къ 𝔄 передается этотъ эпизодъ въ вар. 𝔊, обнаруживающемъ явные признаки непосредственнаго заимствованія изъ какой нибудь версіи средневѣковаго животнаго эпоса. Въ 𝔊 не только сохранились имена героевъ, судя по переводу, но и рядъ отдѣльныхъ чертъ, представляющихъ полное соотвѣтствіе съ средневѣковыми обработками. Заставъ пѣтуха на навозной кучѣ (ср. Ren. vv. 1328. 1364. 1523), Ренаръ восторгается его пѣніемъ и спрашиваетъ: „а можете ли вы стоять на одной ногѣ и пѣть, зажмуривъ глаза?“ (ср. Reinard. III v. 943 и 956. Ren. vv. 1574. 1372 сл. Reinh. v. 133)? Отвѣтивъ гордо: oh, yes! пѣтухъ поетъ, зажмуривъ

впрочемъ одинъ только глазъ (ср. Ren. v. 1588—90. 1595); это заставляетъ Ренара усумниться, въ состояніи ли онъ пѣть, зажмуривъ оба глаза (ср. Reinardus III v. 959. Ren. v, 1595. Reinh. v. 124). Пѣтухъ показываетъ свое искусство, а Ренаръ схватываетъ его за горло (took him by the throat; ср. le prent... parmi le col, Ren. v. 1602), уноситъ въ лѣсъ и собирается его съѣсть. Пѣтухъ клеймитъ его именемъ язычника, который принимается за ѣду не помолившись. Ренаръ, отрицающій это обвиненіе, скрещиваетъ свои лапы на груди и молится, между тѣмъ какъ пѣтухъ улетаетъ на дерево. Ренаръ тотчасъ бросается въ лѣсъ и возвращается со щепкой (a few chips; ср. fagineus cortex, Reinard. III v. 1177), которую выдаетъ за только-что полученное имъ письмо и проситъ пѣтуха прочесть его. Пѣтухъ отказывается на томъ основаніи, что видитъ приближающагося охотника; извѣстіе это заставляетъ Ренара немедленно скрыться.

Вар. 𝔍 передаетъ о восторгѣ лисы, возбужденномъ пѣніемъ пѣтуха, объ объявленіи мира между животными, о предложеніи пѣтуху спуститься съ дерева для прочтенія этого извѣстія и составленія на радостяхъ дуэта, и о бѣгствѣ лисы при появленіи собаки. Вар. 𝔍 страдаетъ только примѣненными не въ мѣру прикрасами неумѣстной словоохотливости собирателя сказокъ.

Въ такомъ же почти отношеніи къ 𝔄 находятся вар. 𝔎𝔏. Въ 𝔎 лиса покушается на пѣтуха и на курицу, которая подтверждаетъ заявленіе пѣтуха о приближающейся сворѣ собакъ; все остальное сходно съ 𝔄, исключая того, что не упоминается грамота и заключается легкая варіація въ изворотливомъ отвѣтѣ лисы: „Я боюсь — эти глупыя собаки можетъ быть не слышали о мирѣ".

Въ вар. 𝔏 пѣтухъ похищенъ лисою потому, что зажмурилъ глазъ, обращенный къ лисѣ; освобожденіе же изъ пасти лисы совершается такъ же, какъ и въ 𝔄.

Замѣчательно близкое сходство вар. 𝔄𝔅ℭ𝔊𝔍𝔎𝔏 заставляетъ предположить, что всѣ они восходятъ къ одному общему источнику: по мѣрѣ удаленія отъ послѣдняго видоизмѣнялись нѣсколько второстепенныя черты. Непосредственнымъ источникомъ вар. 𝔊𝔎𝔏 является безъ всякаго сомнѣнія 3-я басня изъ сборника Fabulae Aesopi extravagantes dictae: Vulpes et Gallus, помѣщенная м. проч. у Я. Гримма (R.

7*

F. стр. 421). Общій же источникъ всѣхъ этихъ варіантовъ оказывается басня Эзопа: „Собака и Пѣтухъ“ (Halm № 225. Мартыновъ № 36. Ср. также Benfey Pantschat. I, 310; его же въ Orient u. Occident I, 504).

Что касается мотива о зажмуриваніи пѣтухомъ глазъ, вслѣдствіе чего послѣдній попадается въ когти лисы (¹), то онъ находится въ непосредственной связи съ разсказомъ о прельщенномъ лисою воробьѣ у Іоанна Капуанскаго, помѣщеннымъ между прочимъ у Бенфея (Pantsch. I, 609 сл.) и справедливо связываемомъ послѣднимъ съ разсказомъ о пѣтухѣ, обманываемомъ Ренаромъ, въ литературныхъ обработкахъ животнаго эпоса (тамъ-же стр. 610).

На сколько способны осложняться и видоизмѣняться побочныя черты извѣстнаго основнаго мотива, видно между прочимъ по вар. 𝔖. Тутъ уже выведенъ пѣтухъ, ослѣпшій на правый глазъ; пѣтухъ не одинъ, а съ 12 курицами; надъ ними описываетъ свои круги ястребъ, и лиса спѣшитъ предостеречь пѣтуха отъ опасности. Лиса увѣряетъ его, что онъ прозритъ и правымъ глазомъ, если позволитъ ей поцѣловать себя (denn ich bin ja ein gottesmann); вдвойнѣ слѣпой пѣтухъ соглашается и гибнетъ. Той же участи подвергаются постепенно и беззащитныя куры. Второй половины разсказа вар. 𝔖 не знаетъ. Это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что вар. 𝔖 представляетъ легкое видоизмѣненіе басни о Лисѣ и Пѣтухѣ, встрѣчающейся между прочимъ въ нѣмецкомъ переводѣ сборника Іоанна Капуанскаго (Directorium humanae vitae) (²) и сообщенной вкратцѣ у Я. Гримма (R. F. стр. cclxxvj сл.). Тутъ лиса, услыхавъ пѣніе пѣтуха на деревѣ, подымаетъ пляску и, спрошенная о причинѣ, заявляетъ, что она пляшетъ отъ радости. Она проситъ позволенія поцѣловать его голову, чтобъ имѣть возможность хвастать

(¹) О намекахъ на это приключеніе въ другихъ поэмахъ см. Jonckbloet Étude стр. 62 слл.

(²) О латинскомъ изводѣ Калилы и Димны см. Пыпинъ Очеркъ стр. 155. Benfey Pantschat. I, xvj, xx. 15 и др.— Относительно нѣмецкаго перевода см. Das Buch der Beispiele der alten Weisen. Nach Hss. u. Drucken hrsg. v. Dr. Wilhelm Ludwig Holland. Stuttgart. 1860. Benfey Ueber d. alte deutsche Uebers. d. Kalilah u. Dimnah въ Orient u. Occ. I, 138—187. Его же въ ук. м. стр. 383 сл. Goedeke Zu Kalilah u. Dimnah въ ук. м. стр. 681—688.

передъ товарищами, что она прикладывалась къ головѣ прорицателя. Пѣтухъ, конечно, гибнетъ. Т. обр. въ этомъ разсказѣ не достаетъ только второй половины упомянутой выше басни Эзопа, т. е. указанія на нападеніе собаки на лису. На мотивѣ о поцѣлуѣ развился также вар. 𝔈.

Мотивъ освобожденія пѣтуха въ вар. 𝔊, т. е. предложеніе помолиться предварительно, тоже является повидимому только видоизмѣненіемъ основнаго мотива и возникъ можетъ быть на основаніи розни въ чтеніи текстовъ. Такъ, въ оригиналѣ (Halm № 225) лиса желаетъ поцѣловать пѣтуха, а въ пересказѣ Гримма (R. F. стр. cclxiv), который тоже руководствовался извѣстными текстами, она предлагаетъ затянуть съ нимъ ein erheiterndes morgenlied.

Едва ли нужно подробно останавливаться на томъ, что и вар. АБВГДЕ не только обнаруживаютъ „слѣды книжнаго вліянія", какъ замѣтилъ о первыхъ трехъ Аѳанасьевъ (Сказки IV², 12), но и прямо занесены къ намъ съ запада, какъ высказался уже А. Н. Веселовскій (въ Исторіи русск. словесности А. Галахова I² [1880] стр. 510). Впрочемъ можно замѣтить, что въ русскихъ варіантахъ сравнительно съ западными болѣе рѣзко выдѣляется сатирическій элементъ, являющійся съ архіерейскими пирами, духовными должностями и т. п., понятно, мѣстнымъ наслоеніемъ. Нельзя не обратить еще вниманія на совпаденіе частностей. Черта о многоженствѣ пѣтуха встрѣчается напр. въ 𝔄 (v. 936), гдѣ куръ 12 (bis sex), и въ цѣломъ рядѣ примѣровъ у Гримма (R. F. стр. ccxxxvij); но нигдѣ оно не ставится ему въ вину, кромѣ вар. АБ𝔇. Это объясняется только принятой на себя лисою ролью исповѣдницы, причемъ замѣчается обыкновенно перемѣна, совершающаяся даже съ наружностью лисы или заступающаго ея мѣсто животнаго. Въ вар. 𝔇 лиса попадаетъ въ кувшинъ съ синей краской и, когда встрѣтившійся съ ней пѣтухъ недоумѣваетъ, что съ ней случилось, она возражаетъ, что постриглась въ монахини и отправляется въ Іерусалимъ. Пѣтухъ, а вскорѣ затѣмъ коршунъ и удодъ напрашиваются къ ней въ спутники. Прежде чѣмъ явиться въ Іерусалимъ слѣдуетъ исповѣдоваться, полагаетъ лиса. Она садится у норы, мнимый „домъ духовника", и говоритъ: „я могу отпустить вамъ по два грѣха, но не могу отпустить третьяго". Два грѣха — несвоевременное пѣніе („послѣ ужина") и отбиваніе чу-

жинъ женъ при десяти своихъ—прощены пѣтуху; но за то, что онъ носитъ шпоры; не будучи наѣздникомъ, лиса срываетъ ему голову. Подобная же участь постигаетъ коршуна. Удодъ же, въ виду грозящей ему гибели, придумываетъ хитрость. На вопросъ лисы: „кто тебѣ далъ царское перо?“ ([1]) онъ отвѣчаетъ, что царь Соломонъ, и готовъ вести лису къ двумъ свидѣтелямъ, жирному гусю и жирной уткѣ. Расчитывая на богатую добычу, ослѣпленная лиса слѣдуетъ за удодомъ, ложится по его указанію въ оврагъ и подвергается жестокому нападенію со стороны собакъ, которыхъ вмѣстѣ съ охотникомъ ловко удалось привлечь удоду къ мѣсту укрывательства лисы.

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что мотивъ объ окрашиванія шакала въ синюю краску заимствованъ изъ разказа о синемъ шакалѣ въ Панчатантрѣ (Benfey Pantsch. II, 73 сл.), точнѣе одномъ изъ изводовъ Панчатантры, содержащихъ этотъ мотивъ (именно 17 разсказъ Touti Nameh, übers. v. Iken, стр. 76 сл.). Послѣдній проникъ и въ цѣлый рядъ западныхъ разсказовъ (Benfey Pantsch. I, 225) и между прочимъ и во французскія обработки животнагó эпоса. На западѣ къ этому мотиву примкнула басню о кошкѣ, попадающей въ черную краску и выступающей въ роли монахини, вслѣдствіе чего гибнутъ неопытныя, довѣрчивыя мыши (Halm № 87; ср. Benfey въ ук. м.). Для вар. 𝔑 слѣдуетъ очевидно признать прототипомъ басню о „Котѣ и Пѣтухѣ“ (Halm № 14. Мартыновъ № 6). Здѣсь котъ, замѣнившійся въ 𝔇 лисою, тоже приводитъ двѣ вины пѣтуха и притомъ обѣ совпадаютъ совершенно съ первыми двумя въ вар. 𝔇. Третья вина не приводится, такъ какъ она очевидна: „ты виноватъ ужъ тѣмъ, говоря словами Крылова, что хочется мнѣ кушать“. Разсказъ объ исповѣди коршуна и удода является только параллелью, развить которую по аналогіи съ первымъ не представляется никакой трудности. Что касается уловки удода, приманивающаго собою охотника и собакъ къ лисѣ, то она весьма часто попадается въ восточныхъ и западныхъ сказкахъ и между прочимъ примѣняется лисой, чтобъ привлечь народъ къ примерзшему ко льду волку.

([1]) Относительно этого выраженія см. Кн. мудрости и лжи перев. Цагарели стр. 182 прим. 21.

Замѣчательно еще то обстоятельство, что АБВЕ по общему тону и по отдѣльнымъ чертамъ ближе подходятъ къ Я, чѣмъ къ западнымъ варіантамъ, съ которыми совпадаетъ главнымъ образомъ сманиваніе пѣтуха съ дерева. Въ Б лиса идетъ „изъ дальнихъ пустынь“, чѣмъ и мотивируется роль исповѣдницы; въ D она идетъ въ Іерусалимъ; пѣтухъ идетъ „в ліс на покаяніе“ (Е) или присоединяется къ лисѣ въ качествѣ паломника (D); къ числу грѣховъ отнесено многоженство и по АБ, и по D. Все это заставляетъ предполагать общій у этихъ варіантовъ источникъ. Вѣроятно на АБ въ извѣстной мѣрѣ повліяла упомянутая басня о „Котѣ и Пѣтухѣ“, проникшая на Русь при посредствѣ Византіи.

Вар. Г сократился до лаконическаго экстракта разсказа о похищеніи пѣтуха, неумѣстно притомъ присоединившагося къ другой самостоятельной сказкѣ. Подобное сокращеніе дошло до крайнихъ предѣловъ искаженія и непослѣдовательности въ вар. Е. Лиса, напр., вовсе не скрываетъ свою злобу на пѣтуха: „як мені... твоєі души не губить“, причемъ заявляетъ это прежде, чѣмъ онъ успѣлъ спуститься съ дерева. Присочиненный къ Е конецъ не имѣетъ ничего общаго съ эпизодомъ о Лисѣ-Исповѣдницѣ.

Черту о лихорадкѣ лисы въ вар. А приходится привести въ связь съ зайцемъ въ лихорадкѣ, которую онъ получилъ, испугавшись львинаго рева (Ren. v. 10049):

Tel péor ot Coars li lievres
Que il en ot deus jors les fievres.

Тоже событіе упоминается Ren. vv. 10149 слл. 17231 сл. Reinh. vv. 1481—84. Испуганный кровожадностью звѣрей-паломниковъ, умерщвляющихъ волковъ, Изенгримъ впадаетъ въ лихорадку (quartane febris, Isengr. v. 652; quintane frigora febris, Reinard. III v. 363). Сильное раздраженіе, вызванное дерзкими поступками Ренара, причиняетъ лихорадку и льву (chéuz est en fievre quartaine, Ren. v. 19118). Разсказъ о возбуждаемомъ ревомъ ужасѣ въ извѣстномъ звѣрѣ невольно напоминаетъ рамку Панчатантры (Benfey Pantsch. II, 8), гдѣ ревъ разжирѣвшаго быка наводитъ неописанный ужасъ на льва; послѣдній даже „дрожитъ“. (Hitopadeça von Max Müller стр. 65). Въ этомъ

эпизодѣ нельзя усматривать только случайную связь, такъ какъ онъ весьма легко могъ проникнуть въ европейскія версіи историческимъ путемъ. Даже Я. Гриммъ (R. F. стр. cclxxv) сопоставлялъ мотивъ о ревѣ льва изъ Панчатантры съ германскими разсказами. Что одна греческая басня, приводимая Гриммомъ въ связь съ тѣмъ же мотивомъ представляетъ только мнимое сходство,—указалъ уже Бенфей (Pantsch. I, 93).

Что касается мотива объ освобожденіи пѣтуха при помощи молитвы, произносимой лисою, по подстрекательству пѣтуха, то онъ развился повидимому самостоятельно на средневѣковой почвѣ. Онъ встрѣчается напримѣръ въ вар. 𝔍 и нерѣдко на него обращено вниманіе par excellence, такъ что онъ одинъ составляетъ цѣлую сказку, какъ вар. 𝔐. Здѣсь лиса схватываетъ спящаго на берегу озера гуся и отъ удовольствія спрашиваетъ, какъ бы онъ поступилъ, еслибъ она, лиса, попалась къ нему въ пасть. Гусь возражаетъ, что „сложилъ бы руки, закрылъ бы глаза, прочиталъ бы молитву и тогда съѣлъ бы Васъ“. Лиса такъ и поступаетъ, а гусь спасается. Огорченной лисѣ остается только затвердить на будущее время правило житейской мудрости: „никогда въ жизни не произносить молитвы, прежде чѣмъ я буду ощущать теплую пищу въ своемъ желудкѣ“.

Эпизодъ объ освобожденіи пѣтуха при помощи заявленія о появленіи собакъ въ русскихъ варіантахъ повидимому не существуетъ. На самомъ же дѣлѣ онъ удержался въ вар. Д, гдѣ вмѣсто пѣтуха выступаетъ тетеревъ. Черты вар. Д напоминаютъ главнымъ образомъ вар. 𝔄𝔊𝔊𝔎 и Reinh. v. 285 слл. Любопытно притомъ, что Д и остальные русскіе варіанты выводятъ пѣтуха (тетерева) „на сухомъ деревѣ“ (А), „на высоцемъ древѣ“ (Б) или „на дубу“ (В) и т. д., что отвѣчаетъ вар. 𝔈, тогда какъ въ другихъ варіантахъ дерево замѣнилось насѣстью и упоминается только въ концѣ разсказа. Необходимо слѣдовательно предположить, что вар. АБВД находятся въ весьма тѣсной зависимости отъ упомянутыхъ западныхъ версій.

Вар. 𝔑 развиваетъ только мотивъ, какъ пѣтухъ освободился, подстрекнувъ лису сдѣлать заявленіе, что она уноситъ „свое собственное“ добро, подобно вар. 𝔄𝔅𝔇𝔉𝔎.

Вар. 𝔒 составляетъ почти дословный пересказъ вар. 𝔐. Вмѣсто гуся впрочемъ выведенъ обычный пѣтухъ, который

удивляется, что шакалъ сначала не помолится, какъ поступаетъ „бѣлый человѣкъ“. Пѣтухъ научаетъ его: сначала слѣдуетъ сложить руки, — шакалъ повинуется, — затѣмъ закрыть глаза, и—пѣтухъ спасается. Конечно, при посредствѣ международныхъ сношеній эта сказка была занесена изъ Европы къ готтентотамъ (ср. Liebrecht въ Zeitschr. f. Völkerpsychol. u. Sprachwiss. V [1868] 62).

Вар. 𝔓 представляетъ точный сколокъ съ басни Эзопа „Собака и Пѣтухъ“. Новую черту, придающую отчасти басни больше связи и внутренняго единства, составляетъ предложеніе пѣтуха построить деревню. На вопросъ собаки, какъ это осуществить, пѣтухъ возражаетъ: „ты лай, а я буду пѣть и построится“. Когда затѣмъ подошедшая къ дереву лиса заявляетъ пѣтуху: „сойди внизъ, отмѣрь мнѣ мѣсто, чтобы построить домъ“, пѣтухъ отсылаетъ ее къ „старшинѣ“, т. е. къ собакѣ, которая не только отрываетъ хвостъ лисѣ, но и сильно обрываетъ ее всю. Общій же тонъ сказки, всѣ пріемы совершенно тѣ же, какъ и въ басни о „Собакѣ и Пѣтухѣ“.

Относительно Rein. vv. 315—420 (=II vv. 343—448) и Reinke vv. 317—404 слѣдуетъ замѣтить, что они представляютъ довольно своеобразные варіанты, расплывшіеся, если можно такъ выразиться, на тему о гибели всего поколѣнія пѣтуха и на тему о псевдо-царской грамотѣ, суливщей всѣмъ звѣрямъ невозмутимый миръ и безопасность со стороны хищническихъ нападеній.

Любопытную черту по отношенію къ разсматриваемому отдѣлу сказокъ составляетъ „перехитряемость“ лисы. При всей хитрости лисы она перехитряется другими животными: Ne li a rien valu sa guile, выражаясь словами романа о Ренарѣ (Ren. v. 5083). По поводу этой ненормальной, повидимому, черты Я. Гриммъ (R. F. стр. cxxxviij) замѣчаетъ: Die neigung der jüngeren dichter scheint es, den fuchs... andern thieren unterliegen zu lassen. Уже проф. Ор. Ѳ. Миллеръ (Опытъ историч. обозрѣнія русск. словесности I² [1865] 191 сл. и Разборъ русск. сказокъ А. Н. Аѳанасьева въ Тридцать четвертомъ, и послѣднемъ, присужденіи учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ [1866] стр. 99 сл.) обратилъ вниманіе на эту черту и замѣтилъ ошибочность взгляда Гримма. На основаніи „распространен-

III², 125 [въ распоряженіи лисы hundert Künste... und ein Sack voll Liste]. Oesterley Die Narrationes d. Odo de Ciringtonia въ Jahrb. f. rom. u. engl. Lit. IX, 137 сл. [№ xjx] = Voigt Kl. lat. Denkm. d. Thiersage стр. 124 сл. [Parab. 13]. Waldis Esopus von Kurz, II, 21 и прим. Haltrich Z. deut. Thiers. стр. 32 № xxij. Benfey Pantsch. I, 316 [§ 121]; II, 337 сл. Köhler въ Götting. gel. Anz. 1872 стр. 1223 указываетъ [по Steele An Eastern Love Story стр. 253] варіантъ къ предыдущему примѣру; онъ же въ примѣчаніяхъ къ Шифнеру [Awarische Texte, въ Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersbourg, VII-e série, t. XIX (1872) № 6 стр. xvij (къ № vij: Der schwarze Fuchs)] касается обращеннаго къ лисѣ выраженія: zerreisse heute den Sack deiner Kunstgriffe).

Итакъ, лиса, напр., похваляется передъ журавлемъ, что у нея 12 хитростей (W. Radloff ук. соч. I, 214 сл. № j. Der Kranich und d. Füchschen). Или, узнавъ, что у пѣтуха 3 уловки, какъ начинается вар. 8, лиса заявляетъ, что въ ея распоряженіи „60 штукъ и тринадцать" (three score and thirteen). И въ сказкѣ борну (Bleek стр. 97 сл. = Grimm Kinder- u. Hausmärchen III² 377 сл.) выводится „мѣшокъ съ разумомъ", но примѣненіе его нѣсколько иное: извѣстныя доли разума распредѣляются между различными животными. Тотъ же сюжетъ передаетъ въ нѣсколько искаженномъ видѣ малорусская сказка (Рудченко I № 17). Тутъ журавль на вопросъ лисы: „Кильки в тебе думокъ?" отвѣчаетъ: „десять", тогда какъ у лисы оказывается только „йідна". По мѣрѣ того какъ охотники дорываются до нихъ ближе, число думокъ у журавля убываетъ, пока у него не остается одна. Она заключается въ томъ, что онъ притворится мертвымъ и пока охотники „почнуть роздивлятись", лиса должна спасаться бѣгствомъ. Искаженіе очевидно: похвальба десятью думками вложена въ уста журавля неумѣстно; это ясно изъ его заключительныхъ словъ, въ которыхъ высказывается опасеніе не за свою участь, а за участь лисы. Становится понятно и любопытство лисы, допытывающейся журавля, въ чемъ заключается его послѣдняя думка. Искаженіе въ этой сказкѣ констатируютъ кромѣ того выше приведенныя сказки. Мимоходомъ можно замѣтить, что всѣ эти варіанты восходятъ къ буддійскому источнику (см. Kalilag und Damnag стр. cxxiij).

Кромѣ того извѣстенъ цѣлый рядъ сказокъ, въ которыхъ вовсе не хитрыя по природѣ животныя или физически крайне слабыя, нерѣдко относящіяся къ разряду низшихъ животныхъ, очень часто перехитряютъ лису. Обыкновенно лиса относится къ нимъ съ величайшимъ презрѣніемъ, высокомѣрно вызываетъ ихъ на состязаніе въ бѣгѣ и—остается побѣжденной. Побѣдителями являются то ежъ или лягушка (Grimm K. u. Hausm. № 187 и прим. [III³, 255 слл.] и Köhler въ G. g. A. 1872 стр. 1224, гдѣ встрѣчаются параллели), то ракъ (Grimm K. u. Hausm. III³, 266. W. Schwartz Sagen u. alte Geschichten der Mark Brandenburg [1871] стр. 25 сл. Аѳ. Ск. I², 54 № 15: Лиса и ракъ) или улитка (Waldis Esopus, von Kurz, III № 76 и пр. Haltrich Z. deut. Thiersage стр. 30 сл. № xviij: Der Fuchs und die Schnecke. Sutermeister Kinder- u. Hausmärchen aus der Schweiz [1873] стр. 188 № 60: Der Fuchs u. die Schnecke). Эти маленькія животныя перехитряютъ лису тѣмъ, что незамѣтно прицѣпляются къ ея хвосту и она сама мчитъ ихъ къ цѣли. Или состязующійся въ бѣгъ ежъ перехитряетъ лису тѣмъ, что тайно даетъ приказъ своей женѣ отправиться къ мѣтѣ впередъ; когда лиса достигаетъ мѣты, она увѣрена, что видитъ передъ собою ежа. Позднѣйшую, очевидно, черту составляетъ замѣна лисы зайцемъ, на котораго, какъ воплощеніе быстроты бѣга, считали необходимымъ перенести роль хвастуна, неудачно испытывающаго свои силы въ бѣгѣ.

Во многихъ сказкахъ, стоящихъ внѣ указанныхъ категорій, лиса перехитряется черепахою (Benfey Pantschat. I, 240), козломъ (Орбеліани-Цагарели стр. 155) или козою (Rain. vv. 568-591. 741 слл.), гусемъ (Grimm K. u. Hausm. № 86 и прим. Haltrich Zur deut. Thiersage стр. 31 № xx) и др.

Народныя сказки не только безразлично приписываютъ хитрость и другимъ животнымъ, которыя нерѣдко выступаютъ въ роли лисы, напр., заяцъ (см. выше стр. 68), баранъ или козелъ, свинья и др. (о хитрости ихъ рѣчь впереди), но иногда прямо изображаютъ лису глупой. Такой лиса представляется, когда съ цѣлью глупой пробы она суетъ ногу въ силокъ, вслѣдствіе чего попадается въ плѣнъ (J. Grimm R. F. стр. cclxxxvij № 5), когда выставляетъ хвостъ собакамъ (см. ниже) или когда ей приходитъ въ голову выу-

III², 125 [въ распоряженіи л
voll Liste]. Oesterley
tonia въ Jahrb. f. rom. r
Voigt Kl. lat. Denkr
13]. Waldis Esopu
trich Z. deut. Thi
I, 316 [§ 121]; II,
1872 стр. 1223 y
Story стр. 253]
же въ примѣча
Mém. de l'Ac
série, t. XIX
ze Fuchs)]
reisse heu
Ита
у нея
Der F
за
въ
а

какой нибудь птиц
млю и разбива
энъ ук. со
г. п.
тепныхъ
одн
пег

ь усто
неизмѣнно с
итературныхъ обрабо
время. Только съ упроченіе
нiемъ репутаціи хитраго животна-
ритомъ постояннымъ счастіемъ, стано-
почему Генрихъ Лицемѣръ (der
авторъ „Рейнгарта", какъ бы въ извиненіе неу-
похожденій лисы считаетъ умѣстнымъ сдѣлать за-
Doch ist hiute nicht sîn [Reinhartes] tac, Daz ez
sich heile müge ergân.

Далѣе: не только славянскія, но и сказки другихъ индо-европейцевъ находятся въ состояніи „недоразвитія", но въ томъ только смыслѣ, что лиса не является еще типомъ постоянно торжествующей хитрости.

Наконецъ, въ данномъ случаѣ нельзя отдать предпочтеніе славянскимъ сказкамъ передъ западно-европейскими въ большей ихъ древности, а слѣдуетъ ихъ даже поставить въ прямой зависимости отъ литературныхъ обработокъ животнаго эпоса на западѣ.

4. Нерав'
Избавление

тцъ, а затѣмъ борзую. Осталь-
чку является волкъ и соби-
чкъ въ В. Подражая зву-
читъ съ горы, что „мла-
то на одну, то на дру-
волкъ убитъ. Выпу-
чо хвостъ.
ъ съ первой поло-
а Г является мед-
я охотниками и

въ томъ, что
ниву. Му-
мъ приду-

чнимъ,
ъ мед-
ъ за
сть.
за

Славянскіе вар.
Аѳанасьевъ Сказки I², №
№ 7 b), В (тоже, тамъ-же .
тамъ-же № 7 d), Д (малорусск.,
I, 17 сл. № 8: Лисиця, ведмідь и мужи
Чубинскій въ ук. м. 125 сл. № 42),
Valjavec ук. соч. стр. 274 слл. № lxjv: C
lisica i medved. Ср. пересказъ Аѳанасьева
IV², 9—11), З (сербская, Караџић Приповијетке
175 № 49: Мећед, свиња и лисица = въ ук. нѣмецк. пере-
водѣ стр. 262 = J. Grimm R. F. стр. ccxcj сл.)

Литературныя обработки: 𝔄 (Ren. vv. 15309—16772, resp. 16899) 𝔅 (Ren. 19785—20078), ℭ (Rainardo vv. 402—814).

Инородные варіанты: 𝔇 (норвежск., Asbjörnsen Norweg. Volksm. II, 162 слл. № 17: Wohl gethan und schlecht gelohnt), 𝔈 (нѣмецкая, Haltrich Zur deutsch. Thiersage стр. 37 № xxxij: Der bauer, der bär u. der fuchs), 𝔉 (эстонская, J. Grimm R. F. стр. cclxxxvij № 5), 𝔊 (тоже, тамъ-же стр. cclxxxviij № 6), ℌ (греческая, Hahn Griech. и albanes. Märchen № 94), ℑ (литовская, August Schleicher Litauische Märchen, Sprichworte, Räthsel u. Lieder [1857] стр. 8: Vom Fuchse), 𝔎 (норвежск., Asbjörnsen-Dasent Tales стр. 126 сл.: Bruin and Reynard partners), 𝔏 (кельтская, Campbell Tales III, 98), 𝔐 (грузинск., Орбеліани-Цагарели ук. соч. стр. 155 № 139).

Ср. Robert Fables inédites I, cxxxv сл. (изъ Ren. le Contrefait). Аѳанасьевъ Сказки IV², 7.

Вар. А. Мужикъ собирается сѣять рѣпу и обѣщаетъ медвѣдю, который намѣревался его смять, вершки. Наступаетъ пора жатвы и мужикъ отвозитъ медвѣдю возъ ботвы, а рѣпу везетъ продавать въ городъ. Встрѣчается съ нимъ медвѣдь и, отвѣдавъ рѣпы, открываетъ обманъ. Вопреки угрозѣ медвѣдя растерзать его при появленіи въ лѣсу, мужикъ собирается въ лѣсъ по дрова. На встрѣчу ему поподается лиса. Узнавъ причину его озабоченности, она обѣщаетъ „порскáть", когда появится медвѣдь. „Коли спроситъ медвѣдь: что такое? скажи: ловятъ волковъ и медвѣдей". Получивъ этотъ отвѣтъ, медвѣдь проситъ положить его въ сани, закидать дровами и связать веревкой, чтобъ его приняли за колоду. Связаннаго медвѣдя мужикъ убиваетъ обухомъ. Лиса требуетъ награды за совѣтъ. Мужикъ зоветъ ее съ собой и дома травитъ на нее собакъ. Лиса спасается въ свою нору и допрашиваетъ свои члены, — глаза, уши и хвостъ — какую они оказали ей помощь? Первые помогали ея спасенію, хвостъ же мѣшалъ ея бѣгству и она выставляетъ его изъ норы на съѣденіе собакамъ; послѣднія вытаскиваютъ лису изъ убѣжища и разрываютъ ее.

Вар. Б. Медвѣдь обманутъ на рѣпѣ и затѣмъ на пшеницѣ, получивъ во второмъ случаѣ корешки. Лиса, скрывшись въ кусты, выручаетъ мужика отъ разгнѣваннаго медвѣдя рядомъ вопросовъ. На вопросъ: „нѣтъ ли здѣсь волковъ-бирюковъ, медвѣдёвъ"? медвѣдь обѣщаетъ оставить мужика въ покоѣ, если онъ дастъ отрицательный отвѣтъ. Второй вопросъ: „а у телѣги-то что лежитъ"? заставляетъ медвѣдя подсказывать мужику: „колода". Лиса увѣряетъ сначала, что колода была бы увязана на телѣгѣ, затѣмъ, „что въ неё бы топоръ былъ воткнутъ!" и медвѣдь постоянно проситъ мужика поступать съ нимъ согласно этимъ замѣчаніямъ. За „работу" мужикъ обѣщаетъ лисѣ пару бѣлыхъ куръ, но даетъ ей мѣшокъ, въ которомъ скрыты собаки. Когда лиса заглядываетъ въ мѣшокъ, то на нее бросаются собаки. Конецъ, какъ въ А, но съ прибавленіемъ „ножекъ" къ говорящимъ членамъ.

Вар. В. Обманутый на рѣпѣ и пшеницѣ медвѣдь собирается на третій годъ съѣсть мужика, который проситъ позволенія допахать пашню. Медвѣдь ложится подъ телѣгу, а лиса, выговоривъ себѣ мѣшокъ куръ, задаетъ тѣ же вопросы, какъ въ Б. На другой же день мужикъ выпускаетъ

изъ мѣшка сначала двухъ курицъ, а затѣмъ борзую. Остальное, какъ въ Б.

Вар. Г. Къ пашущему мужику является волкъ и собирается съѣсть его воловъ. Далѣе, какъ въ В. Подражая звуку охотничьихъ рожковъ, лиса кричитъ съ горы, что „млады князь палюе!" Лиса перебѣгаетъ то на одну, то на другую гору, задавая свои вопросы, пока волкъ убитъ. Выпущенныя собаки отрываютъ у лисы только хвостъ.

Вар. Д почти совершенно совпадаетъ съ первой половиной Г и второй Б, но вмѣсто волка вар-а Г является медвѣдь. Нѣтъ мотива о припугиваніи медвѣдя охотниками и лиса не погибаетъ.

Вар. Е совпадаетъ съ началомъ вар. В въ томъ, что „чоловікъ" проситъ волка позволенія допахать ниву. Мужикъ не получаетъ наставленій, отъ лисы, а самъ придумываетъ отвѣты. Далѣе какъ въ Г; лиса погибаетъ.

Вар. Ж. За то, что мужикъ разсказалъ домашнимъ, какъ медвѣдь гнался за зайцемъ, надругавшимся надъ медвѣжатами, какъ завязъ въ расколотомъ деревѣ и далъ за освобожденіе борть меду, медвѣдь собирается его съѣсть. Лиса, подслушавшая споръ, совѣтуетъ мужику взяться за умъ и за—дубину (pamet ti je v glavi a batina v ruki). Передъ смертью, въ видѣ эпитиміи мужикъ вызывается поносить медвѣдя въ мѣшкѣ. Попавъ въ мѣшокъ, медвѣдь гибнетъ. Лиса вмѣсто предлагаемыхъ въ награду гусей, утокъ и курицъ желаетъ только откусить носъ мужика, который od straha velikoga prdne jenkrat... i drugi put pak— i treti put и возражаетъ на вопросъ встревоженной лисы: včera sem pojel devet lovnih psov pak vezda ze 'sum silum očeju iti vun. Лиса въ испугѣ скрывается.

Вар. З. Медвѣдь, свинья и лиса общими усиліями обработываютъ и засѣваютъ поле: свинья взламываетъ амбаръ, крадетъ сѣмена и взрываетъ поле; медвѣдь засѣваетъ его, а лиса боронуетъ. Затѣмъ свинья жнетъ созрѣвшій хлѣбъ, медвѣдь связываетъ снопы, лиса собираетъ колосья. Далѣе, свинья устроиваетъ токъ, медвѣдь сноситъ снопы и вытаптываетъ ихъ, свинья же сгребаетъ солому, лиса сметаетъ хвостомъ мякину, свинья провѣваетъ пшеницу. Когда же дѣло доходитъ до дѣлежа, медвѣдь беретъ всю пшеницу себѣ, на мольбы свиньи уступаетъ ей солому, а лиса остается непричемъ. Лиса собирается подать жалобу и приве-

сти съ собой царскаго мужа для произведенія правильнаго дѣлежа. Лиса, посуливъ мышей, приводитъ съ собой кошку, которая дорогой гоняется за птичками. Увидѣвъ это, медвѣдь, взлѣзшій заранѣе на грушу, сообщаетъ свиньѣ, скрывшейся подъ солому, свои опасенія насчетъ грознаго воителя (? бумбашира). Отыскивая въ соломѣ мышей, кошка бросается на выставленное рыло свиньи, которая съ визгомъ пускается бѣжать. Въ свою очередь испуганная кошка кидается на грушу. Предполагая, что нападеніе производится на него, медвѣдь въ испугѣ падаетъ съ дерева и ушибается до смерти. Лисѣ остаются хлѣбъ и солома.

Вар. 𝔄. Богатый вилланъ (Liétart) отправляется съ 8-ю волами на пашню. Разсерженный вялостью одного изъ нихъ вилланъ проклинаетъ его словами: „да пожретъ тебя волкъ или медвѣдь (Ren. vv. 15375. 15383 сл. 15388)!“ Медвѣдь легокъ на поминѣ: онъ выскакиваетъ изъ-за куста (v. 15459) и требуетъ выдачи вола (v. 15477сл.). Растерянный вилланъ проситъ отсрочки до слѣдующаго утра (v. 15322 слл.); медвѣдь изъявляетъ согласіе. Сокрушающагося виллана утѣшаетъ появившійся Ренаръ обѣщаніемъ спасти не только быка, но предать ему самого медвѣдя; въ награду онъ требуетъ пѣтуха (Blanchet). Ренаръ совѣтуетъ виллану захватить съ собой острый топоръ и ножъ, и обѣщаетъ поднять такой крикъ, подражая охотникамъ и ихъ рожкамъ (v. 15978—80), что испуганный медвѣдь обратится къ нему съ вопросомъ: „что такое“? Тогда онъ долженъ отвѣчать, что охотится владѣтельный графъ. Медвѣдь обратится къ нему съ просьбой скрыть его въ бороздѣ и прикрыть землей. Медвѣдя тогда не трудно будетъ убить виллану, у котораго будутъ славная солонина въ кладовой и ремни для цѣповъ. Все совершается по словамъ Ренара (v. 16057 слл.). Ночью вилланъ съ женой, дочерью и гарсономъ привозятъ убитаго медвѣдя домой. Когда Ренаръ является за наградой, то вилланъ, по совѣту жены, выпускаетъ на него изъ амбара трехъ собакъ. Сильно израненный Ренаръ съ трудомъ спасается въ свою крѣпость (Malpertuis).

Вар. 𝔅. Пѣтухъ (Chanteclers), Изенгримъ, олень (Brichemers) и Ренаръ задумали воздѣлать поле. Олень снесъ своими рогами весь кустарникъ, пѣтухъ при помощи своихъ лапъ выкорчевалъ корни, крѣпкій волкъ отбрасывалъ всѣ корни и кусты въ сторону, а хитрый Ренаръ, уклоняв-

шійся отъ работы (il n'ot cure d'ovre faire, Ren. v. 19804), беретъ на себя роль караульщика съ намѣреніемъ предупреждать товарищей въ случаѣ приближенія опасности. Для посѣва пѣтухъ предлагалъ коноплю, олень—ячмень, а волкъ—пшеницу; благодаря поддержкѣ Ренара посѣяна пшеница, которую предполагается раздѣлить поровну. Случилось волку унести съ пастбища скотину (bestes vit paistre..., s'en prent une, v. 19894) и до того объѣсться, что еле могъ дотащиться до поля съ созрѣвающей пшеницей; онъ растягивается во всю длину въ ожиданіи, пока спадетъ жара и переварится пища. Завыванія волка вскорѣ привлекаютъ оленя, который дѣлаетъ ему упреки. Но волкъ жалуется на свою болѣзнь (Je sui touz plainz d'idropisie [?], v. 19936), отъ которой олень не берется его лѣчить, и разрѣшаетъ оленю пастись въ пшеницѣ. Наѣвшись до отвала, и олень ложится отдыхать. Является пѣтухъ, дѣлаетъ тотъ же упрекъ въ потравѣ и слѣдуетъ тому же примѣру. Лиса рѣшается принести жалобу царю льву.

Вар. 𝔊. Покинувъ дворъ царя льва и встрѣтивъ козу, Райнальдо напоминаетъ ей обстоятельства ихъ кумовства и жалуется на отсутствіе средствъ къ жизни. Коза предлагаетъ засѣять поле пшеницей, которую она воруетъ у своего хозяина, тогда какъ Райнальдо, опасаясь собакъ и измѣны со стороны козы, не только не оказываетъ ей помощи, но покидаетъ куму и обращается въ бѣгство. Поле вспахивается общими усиліями: Райнальдо ухватывается зубами за хвостъ козы, которая таскаетъ его по пашнѣ въ видѣ бороны. Показываются всходы, кончается и уборка хлѣба, но дѣло стало за дѣлежомъ жатвы: Райнальдо уступаетъ козѣ солому и плевелы, а себѣ собирается оставить всю пшеницу. Рѣшеніе загорѣвшагося спора отлагается до слѣдующаго утра. Догадливая коза припрятываетъ вскормленныхъ ею овчарокъ. Райнальдо, приближающійся съ голоднымъ волкомъ Лезангрино, замѣтивъ опасность, подъ предлогомъ внезапной болѣзни, отстаетъ отъ волка. Волкъ кидается на козу, но немедленно попадается въ зубы къ двумъ собакамъ и вслѣдъ за тѣмъ подъ убійственныя дубины двухъ виллановъ. Райнальдо спасается отъ неопытныхъ собакъ хитростью. (Ad uno grande ramo sì s'apichò, v. 776).

Вар. 𝔇. Медвѣдь требуетъ у поселянина, собравшагося въ лѣсъ по дрова, лошадь; въ противномъ случаѣ грозится

перерѣзать лѣтомъ всѣхъ его овецъ; въ видѣ льготы онъ разрѣшаетъ ему нарубить дровъ и отвезти ихъ домой. Встрѣтившаяся лиса, выговоривъ себѣ въ награду жирнаго козла, велитъ мужику выдавать ее за охотника, когда она станетъ порскать. Остальное, какъ въ вар. Б. Вмѣсто козла мужикъ, по совѣту жены, сажаетъ въ мѣшокъ пару злыхъ собакъ и лиса спасается бѣгствомъ.

Вар. 𝔈. За опустошенія, производимыя порубкой дровъ въ его лѣсу, медвѣдь требуетъ у мужика выдачи вола. Лиса спасаетъ мужика, выдавая себя за охотника. Лиса заявила требованіе: lasset mich dreimal unter euerem kreuz lecken! и когда дѣло доходитъ до исполненія договора, entging dem bauer aus angst einer. Получивъ въ отвѣтъ: ein windhund, лиса скрывается.

Вар. 𝔉. За освобожденіе изъ силка лиса обѣщаетъ мужику богатую добычу и проситъ, чтобъ онъ подвязалъ ей на шею колокольчикъ. Медвѣдю мужикъ долженъ сказать, что въ лѣсу царскіе охотники. Остальное, какъ въ Б. Лиса удаляется, напомнивъ крестьянину объ исполненіи своего обѣщанія.

Вар. 𝔊. Мужикъ засѣваетъ поле рѣпой. Медвѣдь за охрану поля отъ птицъ выговариваетъ себѣ верхушки, а когда засѣвается овесъ — корешки. Зимой медвѣдь готовъ приняться за воловъ мужика, собравшагося въ лѣсъ по дрова. Споръ подслушиваетъ лиса, которая совѣтуетъ мужику подвязать ей три побрякушки (drei spindeln). Остальное, какъ въ 𝔉.

Вар. 𝔋. Пашущій крестьянинъ видитъ, какъ заяцъ цѣлуетъ медвѣдицу. Медвѣдица обѣщаетъ мужику корзину съ медомъ, если онъ сохранитъ все въ тайнѣ. Мужикъ однако разболталъ все дома и медвѣдица собирается его съѣсть. Онъ проситъ только позволенія докончить свою работу. Слѣдуетъ появленіе лисы, обѣщаніе мѣшка съ курицами и „нѣсколькихъ“ въ придачу, королевская охота, вопросы лисы, какъ въ вар. Б, завязываніе медвѣдицы въ мѣшокъ и травля лисы.

Вар. 𝔍. Лиса будитъ спящаго въ лѣсу человѣка, заявляетъ, что спасла его отъ смерти, грозившей ему со стороны волка, и требуетъ въ награду курицъ. Спасшись отъ выпущенныхъ вмѣсто курицъ собакъ, лиса дразнитъ ихъ хвостомъ. Собаки вытаскиваютъ ее изъ норы и разрываютъ.

Вар. 𝔎. Медвѣдь и лиса владѣютъ общимъ полемъ. Сначала засѣвается рожь, затѣмъ рѣпа. Обдѣленный и разсерженный медвѣдь прерываетъ всѣ сношенія съ лисой.

Вар. 𝔏. Лиса сообща съ волкомъ засѣваетъ сначала овесъ, затѣмъ картофель (tata root (potatoes)). Волкъ, конечно, обманутъ.

Вар. 𝔐. Засѣваетъ хлѣбъ лиса и козелъ. Чтобъ уладить споръ по поводу дѣлежа, лиса собирается привести своего дядю, волка, а козелъ скрываетъ двухъ борзыхъ подъ солому, какъ въ 𝔈. Козелъ требуетъ, чтобы волкъ, явившійся, по его мнѣнію, въ качествѣ свидѣтеля, сталъ на могилѣ его отца и дяди, и обнюхалъ. Когда же волкъ готовился съѣсть козла, выскочили изъ засады борзыя собаки и „такъ истерзали лисицу и ея свидѣтеля, что заставили забыть и дѣлежъ минувшаго года“.

Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе вар. БВ, изобличающіе извѣстные пробѣлы. Искаженіе заключается въ томъ, что въ нихъ не мотивируется боязнь медвѣдя предъ лисой. Мотивъ этотъ дополняется вар. АГ, въ которыхъ медвѣдю внушаютъ весьма естественный страхъ мнимые охотники.

Помимо сообщеннаго окончанія, вар. 𝔄 имѣетъ и другой конецъ. Подобно вар. БВГДЕ𝔇𝔍, на лису выпускаются собаки тоже изъ мѣшка (Ren. vv. 17540—554). Двойное окончаніе, очевидно объясняется тѣмъ, что авторъ 25-й бранши добивался того, чтобы въ концѣ концовъ восторжествовала хитрость Ренара, согласно типу неперехитряемаго счастливца, успѣвшему уже установиться въ литературныхъ обработкахъ. Поэтому съ первой половины этой бранши прибавлено довольно монотонное повтореніе уже разсказаннаго съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ чертъ, заимствованныхъ изъ народныхъ преданій.

Любопытно, что въ вар. 𝔄 и ГД𝔈 медвѣдь (волкъ) требуетъ на съѣденіе воловъ. Въ ГД не указана только причина, возбуждающая это желаніе; въ 𝔈 она объясняется порубкой, произведенной въ лѣсу медвѣдя; въ 𝔄 вилланъ накликалъ на свою голову бѣду, вслѣдствіе проклятія. Очень можетъ быть, что мотивъ этотъ существовалъ сначала и въ ГД, такъ какъ повѣріе о томъ, что хищный звѣрь легокъ на поминѣ (ср. J. Grimm R. F. стр. liij слл. и cxxx *). Wilh. Hertz Der Werwolf [1862] стр. 14*). Konr. Maurer

Isländische Volkssagen d. Gegenwart [1860] стр. 169. W. Schwartz Sagen u. alte Gesch. d. Mark Brandenburg [1871] стр. 14. J. M. Thiele Danmarks Folkesagn III [1865] 49 № 224. Tettau u. Temme Die Volkssagen Ostpreussens, Litthauens u. Westpreussens. N. Ausg. [1865] стр. 281), пользуется такой же популярностью у славянъ, какъ и на западѣ. Достаточно вспомнить пословицы: „легокъ волкъ на поминѣ"; „помяни волка, а волкъ тутъ"; „сказалъ бы словечко, да волкъ недалечко" (Даль Толк. словарь великорусск. яз. п. слов. волкъ, поминать). Какъ въ вар. 𝔄 немедленно является медвѣдь, когда его помянулъ крестьянинъ, такъ въ одной нѣмецкой сказкѣ (A. Engelien u. W. Lahn Der Volksmund in der Mark Brandenburg [1868] стр. 167), вслѣдствіе проклятія пѣтуха: Di sal deär Jeier hoalen! тотчасъ появляется коршунъ и уноситъ курицу. Въ другой сказкѣ (Woeste ук. соч. стр. 38) козелъ, любуясь отраженіемъ своихъ большихъ роговъ въ водѣ, едва успѣваетъ произнести: Ha! wann nu de Wulf men quäme. diän soss du moall kriegen! какъ волкъ ужъ тутъ съ дерзкимъ вопросомъ, на который получаетъ весьма вѣжливый отвѣтъ.

Разсказъ въ 𝔄 и Г совпадаетъ иногда дословно. Такъ, лиса даетъ мужику совѣты, выговариваетъ себѣ курицъ или пѣтуха (въ 𝔄 вилланъ предлагаетъ пѣтуха или 15 курицъ, Ren. v. 15955 сл.), подражаетъ звуку охотничьяго рога (Ren. v. 15978: Et ge qui sai bien cor tochier), возвѣщаетъ приближеніе охотящагося князя (графа), платится за свою неосторожность тѣмъ, что на нее травятъ собакъ, и, наконецъ, спасается въ свою нору (ГД𝔄). Пока приходится ограничиться указаніемъ на это сходство.

Согласно вар. АБВЕ𝔍 лиса погибаетъ. Смерть ея прибавлена, очевидно, съ тѣмъ, чтобъ дать законченность разсказу. Это доказываетъ между прочимъ рядъ другихъ сказокъ, гдѣ лиса въ такомъ же положеніи, не подвергается гибели (ГДЖ𝔄𝔗𝔈. Аѳ. Ск. I², 53. Ren. vv. 16728—772), а въ крайнемъ случаѣ лишается хвоста (Г и Ren. vv. 16747 сл. 16896).

Въ вар. Ж только нѣкоторыя черты представляютъ аналогіи съ выше приведенными варіантами. Весь варіантъ состоитъ изъ смѣси самыхъ разнообразныхъ сказочныхъ мотивовъ; почти каждый изъ нихъ существуетъ въ видѣ самостоятельной

сказки. Такъ, эпизодъ о зайцѣ, который забирается въ берлогу медвѣдя, поноситъ медвѣжатъ, „плюетъ на нихъ“, „издѣвается надъ ними“ и т. п. несомнѣнно обнаруживаетъ сходство съ разсказомъ въ романѣ о Ренарѣ, гдѣ Ренаръ позоритъ и безчеститъ волчатъ (Ren. vv. 441—470. 485—491). Отличіе, которое можно бы усматривать въ дѣйствующихъ лицахъ обоихъ эпизодовъ, только кажущееся. Медвѣдь весьма часто замѣняется волкомъ (см. пока выше стр. 81), а лиса зайцемъ (ср., напр., Bleek ук. соч. стр. 76. Endemann Mittheilungen über die Sotho-Neger въ Zeitschr. f. Ethnologie VI, 64. A. Schiefner Ausführl. Bericht üb. Baron P. v. Uslar's Kürinische Studien въ Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg VII-e série, t. XX [1873] № 2 стр. 96 слл. E. Cosquin въ Romania VIII, 599 = отд. отт. 279. Benfey Pantschat. I, 181 сл. II, 549) Вообще, эпизодъ о поруганіи медвѣжатъ стоитъ внѣ всякой связи съ разсказомъ о томъ, какъ медвѣдь завязъ въ расклиненномъ деревѣ, откуда его освобождаетъ поселянинъ. Этотъ эпизодъ образуетъ независимый разрядъ сказокъ. Подслушиваніе выдаваемой тайны медвѣдемъ служитъ въ Ж только мотивомъ къ покушенію на жизнь поселянина, какъ въ АБВ. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ, относящійся къ данному отдѣлу сказокъ и представляющій только новую версію западныхъ варіантовъ. Упоминаніе предлагаемыхъ поселяниномъ птицъ и затѣмъ собакъ, рвущихся наружу, доказываетъ, что нѣкогда сказка эта заканчивалась сходно съ разсказомъ въ Ренарѣ. Вообще, смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ сказочныхъ мотивовъ, связанныхъ между собой только внѣшнимъ образомъ, и рядъ преувеличеній, чуждыхъ, конечно, всякой естественности,— ясно изобличаютъ слѣды заимствованія.

Первая половина вар. З по основѣ совпадаетъ съ первой же половиной вар. АБВЗ𝔅𝔊𝔊𝔐 и съ вар. 𝔎𝔏. Но частности этихъ варіантовъ на столько различаются между собой, что на первый взглядъ представляютъ нѣкоторыя затрудненія для вполнѣ точнаго опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній. Тѣмъ не менѣе очевидно, что вар. 𝔊 восходитъ къ утраченному французскому оригиналу. Это доказываетъ не только рядъ французскихъ словъ, удержавшихся въ итальянской редакціи (помѣчены они у Teza Rainardo стр. 19 слл.; ср. Msf [Mussafia] въ Literar. Centralblatt 1870

стлб. 739 сл.), но и существованіе во франц. хроникѣ того же эпизода (Extrait d'une chronique en prose y Bartsch Chrestomathie de l'ancien français [1875][3] стлб. 355—358). Прозаическій отрывокъ доказываетъ въ свою очередь, что нѣкогда этотъ эпизодъ существовалъ и въ романѣ о Ренарѣ, какъ замѣтили уже Мартинъ (E. Martin въ Heidelberg. Jahrb. d. Literatur 1870 стр. 161) и А. Н. Веселовскій (Соломонъ и Китоврасъ стр. 94). Сравнительно съ прозаическимъ эпизодомъ вар. Є представляетъ лишь незначительныя отступленія. Если предположить, — въ чемъ едва ли можетъ быть сомнѣніе,—что первый не болѣе какъ точный пересказъ утраченнаго оригинала, то нельзя не прійти къ заключенію, что вар. Є представляетъ не подражаніе, а передѣлку послѣдняго. Эта передѣлка должна притомъ считаться болѣе удачной, чѣмъ прозаическій отрывокъ, такъ какъ отношенія между животными болѣе правдоподобны. Если въ Є лиса не въ состояніи сама рѣшить спора по поводу дѣлежа и обращается къ волку, какъ сильнѣйшему, отъ котораго она навѣрняка расчитываетъ на помощь, то это весьма понятно; но если въ прозаическомъ отрывкѣ волкъ не можетъ справиться съ козой и неизвѣстно зачѣмъ призываетъ Ренара, — то это совершенно непонятно. Повидимому вар. Є пользовался еще устнымъ преданіемъ, вслѣдствіе чего возникла довольно оригинальная версія. Съ вар. З вар. Є совпадаетъ въ томъ, что сѣмена для посѣва добываются кражей у хозяина. Сходство этой черты можетъ быть объяснено заимствованіемъ, хотя нельзя отрицать и возможности самостоятельнаго ея появленія въ обоихъ варіантахъ.

Вторая половина вар. З встрѣчается обыкновенно въ видѣ самостоятельной сказки (ср. Аѳанасьевъ Сказки I[2] № 18 и прим.), которая соединилась съ разсматриваемымъ эпизодомъ только случайно.

Начало вар. Ѯ уже Я. Гриммъ (R. F. ccxcj*)) сопоставлялъ съ басней Эзопа о „Птицеловѣ и Жаворонкѣ" (Halm № 340. Мартыновъ № 46). Въ вар. Ѳ упоминается между прочимъ причина, дающая медвѣдю право изъявлять притязаніе на извѣстную долю жатвы, — это предложеніе охранять засѣянное поле отъ птицъ. Черта эта введена, очевидно, съ цѣлью поясненія страннаго союза поселянина съ медвѣдемъ.

Вар. 𝔇 представляетъ весьма много точекъ соприкосновенія съ АБВГ𝔄. Такъ, медвѣдь требуетъ у поселянина выдачи скотины. Можетъ быть и въ 𝔇 существовалъ нѣкогда мотивъ о проклинаніи лошади, какъ можно, пожалуй, заключить по немотивированному требованію медвѣдя. Далѣе, лиса выговариваетъ себѣ заранѣе награду, принимается порскать, причиняетъ гибель медвѣдю, сама же гибнетъ вслѣдствіе злаго совѣта жены поселянина. Всѣ эти черты общи этимъ варіантамъ.

Необходимо обратить вниманіе, что въ вар. З𝔅𝔊𝔐 въ числѣ пайщиковъ, рядомъ съ лисою, медвѣдемъ или волкомъ, выводятся свинья, пѣтухъ, коза или козелъ. Въ древнѣйшихъ животныхъ сказкахъ встрѣчаются только хищные звѣри; домашнія животныя не играютъ въ нихъ роли (ср. м. проч. Keller ук. соч. стр. 341). Ясно, что эти варіанты не могутъ претендовать на древность, которую непремѣнно закрѣпила бы за ними миѳологическая гипотеза. Тѣмъ менѣе, слѣдовательно, имѣютъ право изъявлять притязаніе на древность тѣ варіанты, въ которыхъ фигурируютъ люди, т. е. варіанты, гдѣ зооморфизмъ вытѣсняется антропоморфизмомъ. Къ этой категоріи принадлежатъ всѣ варіанты, за исключеніемъ 𝔎𝔏. Особеннаго вниманія заслуживаетъ вар. 𝔎, такъ какъ въ немъ обманъ лисы по отношенію къ неуклюжему, недогадливому (ср. Брэмъ ук. соч. I, 590) медвѣдю представляется весьма правдоподобнымъ. Вар. 𝔏 можетъ казаться нѣсколько подозрительнымъ въ виду того, что въ немъ роль одѣленнаго играетъ волкъ, на котораго она легко могла быть перенесена уже подъ вліяніемъ литературныхъ обработокъ. Во всякомъ случаѣ только вар. 𝔎𝔏 могутъ считаться настоящими представителями сказокъ о неравномъ дѣлежѣ, тогда какъ славянскія сказки стоятъ уже на болѣе поздней ступени развитія.

Сличеніе всѣхъ приведенныхъ варіантовъ обнаруживаетъ, что одинъ рядъ изъ нихъ распадается на двѣ половины: въ первой передается разсказъ о неравномъ дѣлежѣ жатвы, во второй освобожденіе человѣка отъ какого нибудь хищнаго звѣря. Притомъ очень многія сказки заключаютъ только второй эпизодъ. Спай обѣихъ половинъ чисто внѣшній. Первая половина можетъ быть притомъ разсматриваема въ видѣ мотива, объясняющаго намѣреніе хищнаго звѣря растерзать человѣка. Это замѣтно, напр., по вар. A_6, гдѣ при упомина-

aus Westfalen II [1859] 229 слл. № 8), 𝔒 (тоже, A. Peter Volksthüml. aus Oesterreichisch-Schlesien II [1867] 205 слл.), 𝔓 (тоже, Grimm K-u. Hausm. № 27), 𝔔 (W. Mannhardt въ Zeitschr. f. deutsche Mythologie IV [1856] 97 слл.), 𝔑 (Engelien u. Lahn ук. соч. стр. 167 сл. № 16 [вторая половина]).

Ср. Reinh. vv. 551—562. Grimm K. u. Hausm. № 10 и прим. J. Grimm R. F. стр. 400 слл. и 392 слл. Kennedy Legendary fictions of the irish Celts (1866) стр. 5 сл. Cosquin въ ук. м. 236 слл.; къ его прим. слѣдуетъ присоединить многіе изъ ук. здѣсь варіантовъ. Robert ук. соч. I, cxxxviij. Сборн. свѣд. о кавк. горц. III, 4. Этнограф. сборн. VI, 93 (Шиддикуръ).

Вар. А. Старикъ и старуха собираются убить своего кота за то, что онъ поѣдаетъ ихъ сметанку. Предсказывая барану плачевную участь быть зарѣзаннымъ, котъ нагоняетъ такой страхъ на барана, что онъ предпочитаетъ вмѣстѣ съ нимъ спасаться бѣгствомъ. Скрываются они ночью. На пути они находятъ волчью голову и захватываютъ ее съ собою. Отправляясь на огонекъ въ лѣсу, они вдругъ замѣчаютъ вокругъ огня 12 грѣющихся волковъ. Обмѣнявшись привѣтствіями, баранъ спрашиваетъ кота: „что намъ вечерять будетъ?“ „А двѣнадцать то волчьихъ головъ! поди выбери, которая пожирнѣе“. Баранъ изъ-за кустовъ поднимаетъ волчью голову и спрашиваетъ: „эта ли, брате котъ?“ „Нѣтъ, не эта, выбери получше“. Баранъ поднимаетъ ту же голову и повторяетъ тотъ же вопросъ. Волковъ охватываетъ ужасъ. Подъ разными предлогами всѣ они скрываются. Свой страхъ они сообщаютъ и встрѣтившемуся съ ними медвѣдю. Рѣшено просить кота съ барономъ на обѣдъ. Посломъ отправляется лиса, которая возвращается съ согласіемъ принятаго приглашенія и разсказываетъ диковинки о свирѣпости кота. Испуганный медвѣдь сажаетъ одного волка на пень, чтобъ онъ, въ случаѣ приближенія гостей, махнулъ полотенцемъ. Замѣтивъ сидящаго на сторожѣ волка, котъ приказываетъ барану сбросить его рогами, а самъ впивается въ него когтями. Увидѣвъ изувѣченнаго волка, медвѣдь въ испугѣ взлѣзаетъ на сосну, лиса прячется подъ колоду, волки разбѣгаются, а сурокъ, служившій у нихъ за повара, забивается въ нору. Котъ принимается за изготовленныя кушанья и наводитъ еще большій страхъ на медвѣдя своимъ

мурлыканьемъ, представляющимся послѣднему словомъ: мало. Котъ замѣчаетъ вдругъ торчащій изъ норы хвостъ сурка и въ испугѣ бросается на сосну; въ свою очередь испуганный медвѣдь падаетъ съ сосны и обращается съ лисою въ бѣгство.

Вар. Б. Начало, какъ въ А, только присоединяется еще козелъ, который несетъ на себѣ кота, побитаго за съѣденную сметану. Ночью котъ, баранъ и козелъ достигаютъ поля. Является желаніе погрѣться. Котъ обвертываетъ рога козла берестой и приказываетъ ему стукнуться съ бараномъ рогами. Искры, посыпавшіяся изъ глазъ столкнувшихся, зажигаютъ бересту и котъ затапливаетъ стогъ сѣна. Вскорѣ является медвѣдь и остается ночевать у нихъ. Затѣмъ являются 8 волковъ. „Бѣлой волкъ, надъ волками князь", предлагаетъ силу пытать. Котъ, устрашивъ ихъ силой козла, предлагаетъ имъ состязаться лучше съ его меньшимъ братомъ, съ медвѣдемъ. Испытавъ его силу, волки обращаются въ бѣгство. Козелъ и баранъ подхватываютъ кота и тоже спасаются въ лѣсъ, но вновь сталкиваются съ волками. Котъ поспѣшно взбирается на вершину ели, а козелъ и баранъ ухватываются за сукъ. Котъ пытается напугать волковъ разсказомъ о томъ, сколько онъ съѣлъ волковъ, причемъ уступаетъ свою долю козлу. Послѣдній вдругъ срывается съ дерева и падаетъ рогами прямо на волка Неожиданное паденіе козла и крики кота: „держи!" обращаютъ волковъ въ бѣгство.

Вар. В. въ началѣ совпадаетъ съ вар. А, но дѣйствующими лицами являются козелъ и баранъ, собирающіеся сварить изъ волчьей головы студень. Медвѣдь, встрѣтившій убѣгающихъ волковъ, ведетъ ихъ обратно. Не найдя козла и барана, которые скрылись на деревѣ, медвѣдь старается открыть ихъ убѣжище при помощи ворожбы на жолудяхъ. Баранъ падаетъ съ дерева на медвѣдя, козелъ стрѣляетъ изъ ружья и поднимаетъ крикъ, и волки съ медвѣдемъ спасаются бѣгствомъ.

Вар. Г. Вмѣсто волковъ выступаютъ 3 медвѣдя. Козелъ напугиваетъ ихъ вопросомъ, обращеннымъ къ барану: заряжено ли у него ружье? остеръ ли топоръ? и, кромѣ того, грозится зажарить одного изъ нихъ. Избавившись отъ медвѣдей, козелъ и баранъ возвращаются домой.

Вар. Д. Козелъ да баранъ, прогнанные со двора хозяевами, шьютъ себѣ торбу и отправляются странствовать.

Остальные какъ въ B, но безъ участія медвѣдя. Ворожитъ тоже волкъ.

Вар. 𝔄. Серна (Bertiliana) отправляется на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ (въ Римъ, по 𝔅 v. 162). На половинѣ пути съ ней встрѣчается на перекресткѣ Ренаръ (Renardus) и, узнавъ причину ея путешествія, убѣждаетъ ее продолжать путь вмѣстѣ съ нимъ и его товарищами, оленемъ (Rearidus), бараномъ (Joseph), пѣтухомъ (Sprotinus), козломъ Berfridus), гусемъ (Gerhardus) и осломъ (Karchofas). Волкъ Изенгримъ, наѣвшись и выпивши не въ мѣру, лежалъ въ сторонѣ и подслушалъ рѣшеніе спутниковъ двинуться въ путь вмѣстѣ. Когда же онъ увидѣлъ осла, обремененнаго съѣстными припасами, то алчность его снова была возбуждена. Отягощенный пищей волкъ не въ состояніи двинуться съ мѣста и поэтому рѣшается появиться впослѣдствіи среди спутниковъ, въ качествѣ гостя. Ренаръ предвидитъ намѣреніе Изенгрима, захватываетъ съ собой голову повѣшеннаго волка и научаетъ барана, какъ съ ней поступать въ случаѣ появленія непрошеннаго гостя. Наступаетъ ночь. Пѣтухъ, въ качествѣ блюстителя часовъ (custos horarum, v. 539), возвѣщаетъ объ этомъ своимъ пѣніемъ. Путники останавливаются въ гостинницѣ (hospitium, v. 592). Оселъ отряжается бараномъ въ качествѣ часоваго къ дверямъ съ наказомъ поступать на перекоръ всякому гостю. Но вскорѣ голодъ заставляетъ осла забыть свои обязанности; онъ набрасывается на кушанья, находящіяся на очагѣ и подбираетъ всѣ крохи. Тѣмъ временемъ оправившійся нѣсколько волкъ (laxato ventre, v. 603) вступаетъ въ помѣщеніе путниковъ, сидящихъ за столомъ, и привѣтствуетъ ихъ словами: „миръ да будетъ между вами, братья!“ (v. 605) и изъявляетъ радость, что застаетъ ихъ здѣсь. Онъ собирался нѣкоторыхъ изъ путниковъ, когда они уснутъ, сдѣлать жертвой своей алчности. Оправившись отъ перваго испуга, козелъ, а затѣмъ Ренаръ пытаются различными замѣчаніями удалить Изенгрима. Послѣдній въ свою очередь указываетъ на свои миролюбивыя намѣренія. Тогда Ренаръ приглашаетъ его усѣсться за столъ и поужинать съ ними. Серна спрашиваетъ: что приготовлено для дорогаго гостя? и получаетъ въ отвѣтъ отъ барана, что нѣтъ ничего, „кромѣ сѣдыхъ волчьихъ головъ“ (v. 633; 𝔅 v. 245). По требованію Ренара баранъ приноситъ волчью голову. Взглянувъ на нее, Изенгримъ робѣетъ. Онъ поджи-

маетъ хвостъ и внутренно желалъ бы быть на свободѣ. Ренаръ требуетъ, чтобъ баранъ принесъ одну изъ числа большихъ волчьихъ головъ. Баранъ возвращается съ той же волчьей головой. Ренаръ и эту находитъ непригодной и требуетъ наконецъ, чтобы баранъ принесъ самую большую голову съ орѣховой распоркой во рту (v, 645 сл.; ср. 𝔅 v. 293 сл.). Волка охватываетъ ужасъ; онъ начинаетъ сильно дрожать; гусь усматриваетъ въ этомъ перемежающуюся лихорадку (quartane febris, v. 652; ср. quintanae frigora febris, 𝔅 v. 363) и старается успокоить Изенгрима замѣчаніемъ, что волкъ, которому онъ, гусь, „слизалъ" (v. 656) эту голову, былъ крѣпче и хитрѣе Изенгрима. Баранъ проситъ пощадить Изенгрима. Послѣдній признаетъ себя больнымъ, удивляется, что паломники возятъ съ собой волчьи головы и не поддается увѣщанію Ренара, который увѣряетъ, что они снимаютъ головы только съ враговъ. Изенгримъ указываетъ на свою голодающую жену, которая кормитъ новорожденныхъ, и, подъ предлогомъ озаботиться на счетъ пищи для нея, старается скрыться. Олень кричитъ ему еще вслѣдъ, чтобъ онъ согласился взять на себя обязанность палача, такъ какъ они попадающихся имъ волковъ вѣшаютъ или морятъ голодомъ. Изенгримъ указываетъ на то, что не дозволяетъ ему этого возрастъ,—ему всего три съ половиною года,—и скрывается.

Вар. 𝔅, какъ подраженіе 𝔄, въ первой половинѣ совпадаетъ часто дословно съ послѣднимъ. Къ концу въ 𝔄 непосредственно примыкаетъ продолженіе въ 𝔅. Паломники преувеличенными разсказами стараются усилить ужасъ Изенгрима, который насилу вырывается на волю. Онъ спѣшитъ созвать своихъ товарищей, числомъ 11, (¹) съ цѣлью возобновить нападеніе на богомольцевъ. Послѣдніе изъ предосторожности забираются на крышу гостинницы. Только оселъ замѣшкался за кучей сѣна; когда онъ при появленіи волковъ тоже взбирается на крышу, то вдругъ обрывается и, стремглавъ падая внизъ, давитъ двухъ волковъ. Неистовый крикъ, поднятый со стороны осажденныхъ, обращаетъ испуганныхъ волковъ въ бѣгство.

(¹) Всѣ они выступаютъ съ оригинальными прозвищами, въ родѣ «трехбрюхій (triventer), «воръ гусей» (pilauca) и т. п. Значеніе этихъ именъ см. у J. Grimm R. F. стр. cсxxxj.

Вар. 6. Ренаръ дѣлаетъ себѣ упреки въ совершеніи цѣлаго ряда преступленій. Онъ встрѣчаетъ поселянина и проситъ указать ему священника. Вилланъ приводитъ его въ отшельнику, который исповѣдуетъ Ренара и даетъ совѣтъ отправиться къ папѣ въ Римъ. Ренаръ становится паломникомъ. Вскорѣ онъ встрѣчаетъ на пастбищѣ барана (Dan Belin) и убѣждаетъ его отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ путь. Баранъ тѣмъ охотнѣе соглашается на предложеніе Ренара, что неблагодарный и жестокій хозяинъ предназначаетъ его самого въ уплату жнецамъ, а его шкуру на полусапожки. Вскорѣ попадается оселъ; обѣщаніемъ хорошаго корма и онъ склоняется принять участіе въ ихъ путешествіи. Когда рѣчь заходитъ о ночлегѣ, Ренаръ предлагаетъ своимъ спутникамъ остановиться въ жилищѣ Изенгрима (¹). Изенгрима и его жены (Hersent) (²) нѣтъ дома. Удивленіе послѣднихъ крайне велико, когда они, приближаясь къ своему дому, услыхали пѣніе и крикъ подкутившихъ пилигримовъ. Богомольцы не впускаютъ ихъ и Ренаръ устраиваетъ засаду. Оселъ долженъ прислониться къ дверямъ и прищемить волка, когда онъ просунетъ въ дверь голову, а баранъ добивать прищемленнаго Изенгрима рогами. Волчица своимъ воемъ созываетъ около сотни волковъ. Между тѣмъ Ренаръ и его товарищи,—правда, послѣдніе съ трудомъ,—успѣли взобраться на дерево. Волки, потерявшіе вдругъ ихъ слѣдъ, располагаются отдыхать подъ роковымъ деревомъ. Баранъ и оселъ сожалѣютъ уже, что опрометчиво приняли участіе въ гибельномъ путешествіи; они искренно желали бы быть дома. Вдругъ оба срываются съ дерева и при паденіи оселъ задавливаетъ четырехъ, а баранъ двухъ волковъ. Волковъ охватываетъ ужасъ, а крики Ренара (La hart! la hart! Tien les Belin, pren les, Bernart etc. v. 13437 сл. = изд. Мартина v. 441 сл.) усиливаютъ панику и обращаютъ волковъ въ бѣгство.

(¹) По Ren. vv. 13287. 13366. 13375 = въ Pelerinage Ren. vv. 293. 370; вм. же Primaut, упоминаемаго у Меона v. 13375, въ ук. м. у Мартина (v. 379) и въ его нов. изд. романа о Ренарѣ (br. VIII v. 379) говорится просто: le lou. (Объ идентичности волка Примò съ Изенгримомъ см. выше стр. 59¹).

(²) Относительно мнимой жены волка Примò, Hermengart, ср. Jonckbloet Étude стр. 165¹).

Богомольцы отказываются отъ дальнѣйшаго путешествія и возвращаются домой.

Совпаденія всѣхъ этихъ варіантовъ чрезвычайно любопытны. Мельчайшія черты западныхъ редакцій представляютъ совпаденія съ русскими варіантами.

Такъ, подобно 𝔄𝔅, въ вар. В голова приписывается тоже старому волку. Волки „рады бы убѣжать, да безъ спросу не смѣютъ" (А); „у самихъ на умѣ какъ бы уйдти по добру, по здорову" (В); „стали вони [вовки] думати-гадати, як би відціля удрати" (Д).

Барану отдается приказъ принести самую большую волчью голову: „подай бильшу; подай ще бильшу" (Д). Или она должна быть: „пожирнѣе", „получше" (А), „съ самаго стараго волка" [т. е. самая большая?] (В), причемъ такихъ головъ оказывается 12 (А). Цифра эта подобрана очевидно къ числу волковъ, грѣющихся у огня; она отвѣчаетъ въ 𝔅 Изенгриму и его 11 товарищамъ. По 𝔄 (v. 664) у паломниковъ столько волчьихъ головъ, что хватитъ ихъ ночей на десять, лишь бы онѣ пришлись по вкусу Изенгриму; кромѣ того, въ „другомъ углу" хижины семь самыхъ большихъ (𝔄 v. 643 сл.; 𝔅 v. 291 сл.).

Какъ въ 𝔄𝔅, такъ и въ АВГД волки подъ разными предлогами—кто за водой, кто за дровами и т. п.—исчезаютъ.

Еще замѣчательнѣе совпаденія вар. АБВГД съ вар. 𝔈, преимущественно со второй его половиной.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе причина, заставляющая барана принять предложеніе Ренара,—согласиться на путешествіе. Въ 𝔈 баранъ описываетъ свое зависимое положеніе, перечисляетъ свои заслуги, указываетъ на неблагодарность владѣльца, который собирается его зарѣзать (vv. 13174—186). Въ А котъ „началъ... обманывать" барана: „брате баранъ! меня хотятъ завтра убити, тебя зарѣзати". Или котъ передаетъ своимъ товарищамъ слова владѣльцевъ: „за неволю придется колоть козла да барана" (Б), или обреченные на гибель сами слышатъ такую угрозу (Г), или козла и барана вынуждаетъ къ побѣгу голодъ и дурное обращеніе хозяина (В; ср. А ѳ. Ск. I², 73 вар. 2), или, наконецъ, они прогнаны со двора („проженемо", Д). Вар. Д неудачно мотивируетъ изгнаніе козла и барана тѣмъ обстоятельствомъ, что „вони... дурно хліб їдять". Очевидно это

позднѣйшая замѣна черты, передававшей о грозившей изгоямъ гибели. Во всякомъ случаѣ совпаденія русскихъ варіантовъ съ 𝔈 этимъ не нарушаются. Въ 𝔄𝔅 выставляется только мотивъ паломничества. Ясно, что это весьма поздняя черта, вытѣснившая только болѣе естественную причину. Что такая нормальная и, слѣдовательно, болѣе древняя причина дѣйствительно существовала, необходимо заключить по отрывочно высказанному намеку въ латинской редакціи „Ренара", гдѣ говорится о постановленіи „убить самцевъ птицъ и четвероногихъ" (Renard. III v. 825 сл.). Кромѣ того, въ пользу высказаннаго мнѣнія говорить и то, что мотивъ о паломничествѣ является въ вар. 𝔈 побочнымъ обстоятельствомъ или добавкой къ главному мотиву объ избѣганіи злой участи. Если принять затѣмъ во вниманіе, что въ вар. 𝔄, особенно же въ 𝔅 и отчасти 𝔈 много сатирическаго элемента, появляющагося въ животномъ эпосѣ сравнительно поздно (см. ниже), то необходимо вывести заключеніе, что и черта о паломничествѣ, введенная съ цѣлью сатиры,—черта поздняя.

Въ однихъ варіантахъ странники останавливаются на ночлегѣ въ домѣ, расположенномъ въ лѣсу (𝔄𝔅𝔈); въ другихъ они отправляются па огонекъ (АВД) или сами разводятъ его (Б и А ѳ. Ск. I², 76[1]) и тогда къ нимъ являются непрошенные гости. Оказывается, что въ 𝔈 эта черта существуетъ. Когда волчица заглянула въ щелку, — она „увидѣла пилигримовъ у огня" (v. 13319). Такимъ образомъ и эта черта сохранилась въ вар. 𝔈 и представляется, очевидно, существенной.

Разсказъ о домѣ—понятно позднѣйшая прикраса. Она пріурочена къ 𝔈 крайне непрочно. Это доказываетъ то обстоятельство, что при вторичномъ нападеніи волковъ странники, вмѣсто того, чтобы спасаться на кровлю дома, какъ можно бы ожидать, имѣя въ виду 𝔅,—спасаются однако на дерево.

Причина перваго бѣгства волковъ представляется различно. Въ 𝔄𝔅АВД волки пугаются показываемой бараномъ волчьей головы, усматривая въ странникахъ свирѣпыхъ истребителей волковъ. Въ 𝔈Б (ср. А ѳ. Ск. I², 76[1]) черта эта вовсе не упоминается; въ 𝔈 она замѣнена разсказомъ о волкѣ, погибающемъ отъ боданія барана, что чуть-ли не представляетъ подраженіе эпизоду о волкѣ-землемѣрѣ (см. ниже).

Въ Б она неудачно замѣщена вставкой о взаимномъ испытываніи силы, въ Г припугиваніемъ заряженнымъ ружьемъ. Мотивы эти оказываются весьма неустойчивыми. Тѣмъ не менѣе за однимъ изъ нихъ необходимо признать большую древность и естественность. Такимъ безъ всякаго сомнѣнія является мотивъ объ отраженіи нападенія со стороны волковъ силою же, а не хитростью. Хитрость стоитъ уже на болѣе поздней ступени культурнаго развитія. Слѣдовательно, продѣлка съ волчьими головами болѣе поздняя черта и, наоборотъ, мотивъ вар. 𝔈 обладаетъ несомнѣнными признаками древности. Съ этимъ совпадаетъ и мнѣніе Мартина (въ Roman. Studien Hft. III, 435), который вообще признаетъ 23-ю браншъ романа о Ренарѣ за одну изъ самыхъ древнихъ (въ ук. м. стр. 432) и относитъ ее къ 1200 г. (тамъ-же стр. 435). Впрочемъ, за древность 𝔈 ручается также наивный тонъ разсказа, вѣрное изображеніе быта звѣрей, отсутствіе всякихъ прикрасъ, возникшихъ подъ вліяніемъ рыцарскихъ и религіозныхъ идей (въ ук. м.).

Такъ какъ въ тѣхъ русскихъ варіантахъ, въ которыхъ встрѣчается хитрость съ волчьими головами, конечно, нельзя слышать „запаха лѣсовъ“ прародины, то чревычайно любопытно должно казаться ихъ отношеніе къ западнымъ редакціямъ. И въ данномъ случаѣ едва ли можетъ быть рѣчь о возникновеніи замѣчательнаго сходства между вар. АВД и 𝔄𝔅𝔈,—преимущественно же 𝔄𝔅 по отношенію къ мотиву о хитрости съ волчьей головой,—путемъ равномѣрнаго психическаго развитія. Иначе опять можно бы повторить вопросъ: на какой же стадіи развитія должно находиться единство человѣческаго духа, чтобъ непремѣнно барану, притомъ при совершенно идентичной обстановкѣ во всѣхъ варіантахъ,— пришла въ голову мысль пугать волковъ волчьей же головой? Такія черты сходства не могутъ быть объяснены при помощи единства человѣческаго духа. Здѣсь только возможно допущеніе заимствованія. Какими путями оно шло?—это иной вопросъ. Если въ данный моментъ невозможно отвѣчать на него съ полной увѣренностью, то тѣмъ не менѣе мы постараемся ниже привести извѣстныя соображенія, дающія нѣкоторое право настаивать на такомъ заимствованіи.

Разсматривая другія черты приведенныхъ варіантовъ, слѣдуетъ замѣтить, что вар. Г содержитъ только первую половинѣ

разсказа, т. е. заканчивается подобно 𝔄 первымъ бѣгствомъ медвѣдей, заступившихъ мѣсто волковъ.

Тотъ же совершенно разсказъ о звѣряхъ-странникахъ передавался нѣкогда и въ нѣмецкомъ „Рейнгартѣ" (R e i n h. vv. 551—562). Относительно этого не только можно догадываться, какъ поступаютъ Я. Г р и м м ъ (R. F. стр. ciij сл.) и М а р т и н ъ (въ Roman. Studien Hft. III, 435), но можно, кажется, съ увѣренностью утверждать. Такъ, въ 𝔈 Ренаръ застаетъ осла во рву, гдѣ онъ пробавляется чертополохомъ (v. 13233 сл.). Предлагая ослу принять участіе въ паломничествѣ, Ренаръ указываетъ на невыгоды его положенія, на то, что ему приходится таскать громадныя тяжести дровъ, мѣшки съ углями и подвергаться цѣлому ряду другихъ невзгодъ (v. 13249 сл.). Онъ проситъ поэтому слѣдовать его совѣту, обѣщаетъ ему избавленіе отъ всѣхъ лишеній и вдоволь насущнаго хлѣба (tu auras assez à mengier, v. 13260). Въ „Рейнгартѣ", какъ сокращенной передѣлкѣ франц. оригинала, тридцати стихамъ вар. 𝔈 отвѣчаютъ 11 стиховъ. Рейнгартъ встрѣчаетъ черезчуръ навьюченнаго осла (er was geladen harte, v. 554), удивляется, что онъ предпочитаетъ быть жалкимъ бѣднягой (müedinc, v. 558), таскать тяжести. „Если бы ты захотѣлъ присоединиться ко мнѣ, я избавилъ бы тебя отъ этой нужды и далъ бы тебѣ вдоволь хлѣба" (v. 560 сл.). Такимъ образомъ, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что утраченный отрывокъ „Рейнгарта" передавалъ эпизодъ о звѣряхъ-странникахъ.

Сравнивая между собою вар. 𝔄𝔅𝔈, оказывается, что первая половина вар. 𝔅 совпадаетъ съ 𝔄, тогда какъ вторая съ 𝔈. Какъ въ 𝔈 нападеніе волка отражается силой, такъ и въ 𝔅, при удаленіи Изенгрима, оселъ придемляетъ его въ дверяхъ, олень, баранъ и козелъ бьютъ его рогами, немилосердно издѣваясь надъ нимъ, пѣтухъ клюетъ спину, лиса кусаетъ, гусь ожесточенно щиплетъ хвостъ. Но это совпаденіе 𝔅 съ 𝔈 не доказываетъ еще зависимости послѣдняго варіанта отъ перваго, такъ какъ предшествующій разсказъ значительно разнится отъ 𝔅. По естественнымъ основамъ, по наивному тону вар. 𝔈 долженъ быть причисленъ къ древнѣйшимъ бранчамъ романа о Ренарѣ (см. выше). Вар. же 𝔅 можетъ представлять только соединеніе древняго мотива о насильственномъ изгнаніи волка съ позднѣйшимъ мотивомъ о хитрости съ волчьей головой. А такъ какъ русскія сказки

представляютъ весь эпизодъ именно въ такомъ сочетаніи мотивовъ, какъ въ 𝔅, то опять возникаетъ вопросъ о самостоятельности русскихъ сказокъ. Если, кромѣ того, принять во вниманіе частое нарушеніе разсказа неумѣстными вставками (въ родѣ ружей, пороху и т. п.) и цѣлыми эпизодами изъ другихъ сказокъ (вторая половина A), что не свидѣтельствуетъ въ пользу прочнаго обладанія славянами „исконнымъ достояніемъ“,—то предложенный вопросъ получаетъ еще болѣе значенія.

Кромѣ приведенныхъ варіантовъ къ нимъ примыкаетъ длинный рядъ народныхъ сказокъ. Послѣднія могутъ быть разсматриваемы только какъ истоки литературныхъ обработокъ. Въ общемъ онѣ сохраняютъ тотъ же сюжетъ, но въ частности онѣ успѣли утратить много чертъ первоначальнаго разсказа. Какимъ путемъ шло разложеніе послѣдняго, можно даже прослѣдить по извѣстнымъ сказкамъ.

Такъ, въ вар. 𝔈 передается, что котъ отправляется въ Римъ позолотить свой хвостъ (a ferse daurar la qua). Поочередно къ нему присоединяются пѣтухъ, лиса (una guinen) и быкъ. Волка, попавшагося имъ на встрѣчу, странники убиваютъ и кладутъ его голову въ сумку. Отправляясь на огонекъ, странники достигаютъ хижины и просятся на ночлегъ. Старуха грозитъ имъ гибелью со стороны 7 волковъ, обитателей хижины. Странники возражаютъ, что всѣ волки мертвы, и семь разъ показываютъ ей волчью голову. Старуха пускаетъ ихъ въ хижину. Поужинавъ, каждый изъ нихъ избираетъ себѣ подходящее мѣсто для ночлега. Когда одинъ изъ явившихся вскорѣ волковъ собирается зажечь свѣчку (lo lum), то онъ попадаетъ въ когти кота, на рога быка и т. д. Волки обращаются въ бѣгство.

Такимъ образомъ въ 𝔈 еще упоминается, что странники собрались въ Римъ, но побудительная причина уже иная. Затѣмъ удерживается ночлегъ въ домѣ волковъ, согласно 𝔈, но проникаетъ и хитрость съ волчьей головой, какъ въ 𝔄𝔅АВД. Насильственный отпоръ принимаетъ болѣе комичный характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вар. 𝔈 стоитъ на первой ступени отъ зооморфизма къ антропоморфизму. Въ вар. КЛ, правда, упоминается Римъ, но все остальное передается хаотически.

Опредѣленнѣе говоритъ о паломничествѣ греческая сказка (H a h n ук. соч. № 90; ср. № 92), но остальное представляется значительно видоизмѣнившимся варіантомъ.

Въ вар. 𝔍 нѣтъ даже тѣхъ немногихъ характеристическихъ чертъ, какія замѣчаются въ 𝔈, хотъ въ качествѣ враговъ поселившихся странниковъ все еще выводятся два волка.

Въ вар. ℌ лиса, по просьбѣ волка, указываетъ ему на разбойничій домъ, гдѣ онъ вдоволь найдетъ съѣстныхъ припасовъ. Онъ только недолженъ бояться духовъ и привидѣній, сторожащихъ домъ по заклятію разбойниковъ. На самомъ же дѣлѣ лисѣ было извѣстно, что въ домѣ остановились звѣри-странники. Остальное, какъ въ вар. 𝔈.

Такимъ образомъ характеръ сказокъ все болѣе мѣняется. Съ теченіемъ времени звѣри начинаютъ постепенно превращаться въ вѣдьмъ (𝔉) или старухъ (𝔊), въ великановъ (𝔑), разбойниковъ (КЗИ𝔐𝔒𝔓. Kennedy въ ук. м.), воровъ (𝔇𝔯. Campbell ук. соч. № xj) и т. п. Вскорѣ и искателями приключеній являются люди (𝔐𝔑 и др.), ищущіе лучшей доли. При переходѣ дальнѣйшихъ стадій мотивы подвергаются болѣе рѣзкимъ видоизмѣненіямъ и получаются такъ наз. „дѣтскія сказки“, въ которыхъ главныя роли падаютъ на долю булавокъ, иголокъ, яицъ, мельничныхъ жерноновъ и т. п. (Grimm Kinder- und Hausmärchen №№ 10. 41 и прим.).

Не болѣе какъ варіантомъ той же группы сказокъ является Зимовье звѣрей (Аѳанасьевъ Ск. I² № 30).

И тутъ извѣстныя животныя держатъ путь сообща. Одинъ изъ нихъ предлагаетъ строить избу на зиму, тогда какъ другія отказываются, расчитывая на свой природный покровъ. Когда же настаетъ зима, то всѣ просятся въ избу предусмотрительнаго товарища; опасаясь ихъ угрозъ, онъ волей неволей пускаетъ ихъ. Вскорѣ, по наущенію лисы или независимо отъ нея, на нихъ дѣлаютъ нападеніе волки или медвѣди, которыхъ скитальцы умерщвляютъ при помощи своихъ роговъ или при подобныхъ же условіяхъ, какъ въ вар. 𝔈 или въ сказкѣ объ извѣстныхъ Бременскихъ музыкантахъ (Grimm KHM. № 27).

Кажущаяся разница заключается только въ томъ, что звѣри странники вмѣсто того, чтобы идти на какой нибудь огонекъ или забраться въ чужую хату,—строятъ свою собственную. Но такъ же точно разводится огонекъ, появляются волки, которыхъ баранъ губитъ, какъ въ вар. 𝔈.

Къ Зимовью звѣрей относятся: Аѳан. Ск. I², № 31; Рудченко I, № 22; вар. 𝔍; Schneller ук. соч. № 42; Cosquin ук. соч. въ Romania X, 543 (№ lxxvj: Le loup et les cochons).

Слѣдовательно, и въ данной группѣ тѣ сказки, въ которыхъ не замѣтно еще вліянія антропоморфизма и различныхъ утонченныхъ чертъ, находятся на болѣе древней ступени развитія. Допущеніе это тѣмъ болѣе необходимо, что многія сказки о животныхъ восходятъ къ той отдаленной порѣ, когда подобныя отношенія въ кругу звѣрей были вполнѣ понятны. Только съ теченіемъ времени эти отношенія могли утратить свой смыслъ и требовать объясненій при помощи человѣческой обстановки.

Доказательствомъ древнѣйшаго типа разсказа о звѣряхъ-странникахъ можетъ служить, напр., рамка второй книги Панчатантры (Benfey Pantsch. II, 156 слл.; ср. I, 309) и ея истоковъ. И тутъ извѣстные звѣри пускаются въ путь, побуждаемые обыкновенно невзгодами злой судьбы. Указанная рамка можетъ смѣло считаться прототипомъ этой группы сказокъ.

7. Лиса-судья или Старая хлѣбъ-соль забывается.

Mal por bien a l' en por servise.
Ren. v. 15589.
Lijfs noot breect alle wet.
Rein. v. 4895.

Славянскіе варіанты: А (великорусск. сказка, Афанасьевъ Сказки I², № 8), Б (тоже, Эрленвейнъ Сказки № xxij: Мужикъ и змѣя), В (руссинск., Baracz Bajki стр. 215 слл.).

Литературныя обработки: 𝔄 (Rein. II, vv. 4858—5038), 𝔅 (Reinke vv. 4579—4736)

Инородные варіанты: 𝔈 (итальянская, Gonzenbach Sicil. Märchen № 69), 𝔇 (тоже, Pitrè Fiabe № cclxxiij), 𝔈 (тоже, тамъ-же IV, 168—172), 𝔉 (тоже, Comparetti Novelline popolari italiane I [1875] 290 № lxvij: Gli ingrati), 𝔊 (гасконская, Bladé Contes populaires recueillis en Armagnac [1867] № jv: Lou loup penjat), 𝔋 (тоже, Cénac Moncaut ук. соч. стр. 213 слл. = Его-же Contes

populaires de la Gascogne [1861] стр. 213 слл.), 𝔍 (норвежская, Asbjörnsen-Dasent Tales стр. 110—114 [The way of the world]), 𝔎 (датская, Grundtvig Dänische Volksmärchen, übers. v. A. Strodtmann, [1879] стр. 245 слл.), 𝔏 (нѣмецк., Haltrich Z. d. Thiersage № xxjx), 𝔐 (греческая, Hahn ук. соч. № 87), 𝔑 (тоже, Émile Legrand Recueil de contes populaires grecs [1881] стр. 187 слл. [Le chasseur et le serpent]), 𝔒 (тоже, G. Morosi Studi sui dialetti greci della terra d'Otranto]1870] стр 75 сл. № jv.), 𝔓 (готтентотская, Bleek ук. соч. стр. 8 сл. № 5 = Басни и сказки дикихъ народовъ стр. 13 сл.), 𝔔 (грузинская, Орбеліани-Цагарели ук. соч. стр. 131 сл. № 120).

Ср., кромѣ прим. Кёлера къ вар. 𝔊, еще: Schiefner въ Mém. de l' Acad. Imp. de Sc. de St.-Petersbourg XX, № 2 стр. 91 сл. B. Schmidt ук. соч. стр. 3[1]). Liebrecht въ Heidelb. Jahrb. d. Lit. 1869 стр. 188. 494; его-же въ Jb. f rom. u. engl. Lit. III. 146. Fabeln aus d. Zeiten der Minnesinger [hrsg. v. Bodmer u. Breitinger] (1757) № lxxj. Waldis IV. 99 и прим.

Вар. А. Волкъ, освободившійся изъ капкана, спасается отъ охотниковъ. Онъ проситъ встрѣтившагося мужика спрятать его въ мѣшокъ. По удаленіи охотниковъ волкъ, выпущенный на волю, собирается съѣсть мужика. Послѣдній указываетъ на сдѣланное благодѣяніе, но волкъ возражаетъ: „старая хлѣбъ-соль забывается". Мужикъ проситъ представить рѣшеніе ихъ спора первому встрѣчному. „Пострѣчалась имъ старая кобыла", выгнанная хозяиномъ за старость. Она подтверждаетъ мнѣніе волка. Мужикъ требуетъ новаго третейскаго суда, встрѣчаетъ старую собаку и принужденъ выслушать тотъ же приговоръ. Наконецъ третій судья—лиса. Она сомнѣвается, чтобъ волкъ въ состояніи былъ помѣститься въ мѣшкѣ. Волкъ доказываетъ возможность отрицаемаго факта, а мужикъ, по совѣту лисы, убиваетъ его. Сама лиса тоже убивается мужикомъ на томъ основаніи, что—„старая хлѣбъ-соль забывается?"

Всѣ остальные варіанты безъ всякаго видоизмѣненія сохраняютъ тотъ же сюжетъ. Мѣняются только дѣйствующія лица. То мужикъ спасаетъ змѣю отъ пылающаго жнивья и прячетъ ее въ мѣшокъ, а судьями являются заяцъ, волкъ и лиса (Б), то освобождаетъ изъ ямы волка и долженъ выслушивать приговоръ старой собаки, сороки и лисы (В) и т. п.

Въ этой группѣ сказокъ замѣчается впрочемъ та особенность, что въ нѣкоторыя изъ нихъ проникъ мотивъ изъ 5-й группы сказокъ, именно мотивъ о подкупѣ лисы обѣщаніемъ выдать ей въ награду курицъ. Черта эта присоединилась, понятно, значительно позже, съ цѣлью болѣе эффектнаго заключенія, тогда какъ въ сущности это только болѣе изощренное повтореніе перваго мотива. Такая приставка встрѣчается, напр., въ вар. БВ𝔈𝔊ℌ𝔍𝔎𝔐.

Въ вар. 𝔄𝔅 спорящія стороны—человѣкъ и змѣя, а судьями выступаютъ ворона съ сыномъ, затѣмъ медвѣдь съ волкомъ и, наконецъ, Рейнгартъ. Здѣсь увеличеніе числа судей—опять таки позднѣйшая черта, возникшая вслѣдствіе стремленія къ развитію новыхъ параллелей. Болѣе древнія сказки ограничивались очевидно однимъ судьей. Отчасти это можно заключить и по вар. 𝔈. Тутъ левъ, завязшій въ тѣсномъ проходѣ, освобождается лошадью. Судьей является одна только лиса, которая, желая узнать, какъ было дѣло, заставляетъ льва занять прежнее безвыходное положеніе и предоставляетъ лошади выборъ освободить его вторично.

Что большинство этихъ мотивовъ восточнаго происхожденія, доказалъ уже Бенфей (Pantsch. I, 114 слл.), поэтому останавливаться на нихъ было бы излишне. Необходимо только замѣтить, что вар. АБВ находятся въ тѣсной зависимости отъ западныхъ варіантовъ преим. 𝔇𝔊ℌ𝔎𝔒𝔑. Источникомъ послѣднихъ является непосредственно средневѣковая передѣлка (Fab. extr. № 4) упомянутой басни Эзопа (Halm №№ 97. 97 b; ср. Benfey Pantsch. I, 113 сл.).

Замѣчаніе Бенфея (Pantsch. I. 117—119), касающееся того, что въ „Рейнеке" встрѣчается будто бы черта о подкупѣ лисы курами,—положительно ошибочно. Подобная черта, какъ было замѣчено выше (стр. 118), встрѣчается только въ романѣ о Ренарѣ, но не въ связи съ эпизодомъ о Лисѣ-судьѣ.

Незначительное отличіе вар. АВ заключается въ томъ, что вмѣсто обычной змѣи неблагодарнымъ животнымъ оказывается волкъ, который, наоборотъ, въ вар. Б выступаетъ въ качествѣ судьи. Всѣ эти разновидности сближаютъ вар. АБВ особенно съ 𝔊𝔎 (и съ разсказомъ у Дони, Benfey Pantsch. I, 120). Впрочемъ А представляетъ ту несообразность, что мужикъ прячетъ волка въ мѣшокъ, закидывая его себѣ на плечи. Черта эта безъ всякаго сомнѣ-

нія отвѣчаетъ разсказу въ Панчатантрѣ Дюбуа, гдѣ змѣя упрятывается въ мѣшокъ (Benfey Pantsch. I, 118). Сохраненіе этой черты въ вар. А, но неумѣстное примѣненіе ея—ясно обличаютъ заимствованіе, зависимость отъ восточныхъ пересказовъ.

Вар. Ѯ обнаруживаетъ весьма странную передѣлку все того же основнаго сюжета. И въ Ѯ изъ подъ камня освобождается змѣя; освобождается она зайцемъ. Судьями сначала выступаютъ два ворона, затѣмъ недавно избранный царь-звѣрей, волкъ, у котораго совѣтникомъ состоитъ лиса. Волкъ считаетъ зайца виновнымъ уже потому что онъ слабѣе. Правоту змѣи волкъ предоставляетъ разобрать лисѣ. Лиса, какъ и въ другихъ варіантахъ, заставляетъ змѣю занять прежнее положеніе, а освобожденнаго зайца она пожираетъ сама. Къ вар. Ѯ примѣшался извѣстный мотивъ о выборѣ царя звѣрей; гибель же зайца отвѣчаетъ той же плачевной участи его въ 𝔄. Вообще вар. Ѯ такъ живо напоминаетъ всѣ черты вар. 𝔄, что невольно внушаетъ мысль о непосредственной, довольно поздней передѣлкѣ вар. 𝔄. Во всякомъ случаѣ вар. Ѯ можетъ служить только новымъ подтвержденіемъ, что и трансильванскіе саксонцы обязаны своими „народными" сказками различнымъ обработкамъ басенъ Эзопа и восточныхъ сборниковъ.

Вар. 𝔓, понятно, занесенъ съ запада (ср. Benfey въ GGA. 1871 стр. 2093. Liebrecht въ Zs. f. Völkerps. u. Sprachw. V, 61[1]).

Начало вар БΩ, повѣствующихъ объ избавленіи змѣи изъ огня, отвѣчаетъ непосредственно разсказу въ Анваръ-и-Сухаили (ср. Benfey Pantsch. I. 118. 120).

Слѣдуетъ еще упомянуть объ оригинальномъ сербскомъ варіантѣ, сообщенномъ проф. В. Ягичемъ съ примѣчаніями Кёлера (въ Arch. f. slav. Philol. I [1876] 279 № 6).

Такимъ образомъ и въ этой группѣ сказокъ славянскіе варіанты обличаютъ свою зависимость отъ западныхъ, преимущественно юго-западныхъ варіантовъ. Кромѣ того, они сохраняютъ явные слѣды восточнаго вліянія.

Дальнѣйшее развитіе сюжета, какъ умноженіе числа судей, подкупъ лисы и замѣщеніе однихъ животныхъ другими,—происходило очевидно на европейской почвѣ.

8. Волкъ-дурень.

Isengrin pflac tumber sinne.
Reinh. v. 719.
Men sel den dach te seer niet
Loven noch loken, eer men siet
Dat hi ten avont is ghecomen.
Rein. v. 4853.

Славянскіе варіанты: А (великорусск. сказка, Аѳанасьевъ Сказки I² № 21 a), Б (тоже, тамъ-же № 24 b), В (малорусск., Рудченко Сказки I № 1), Г (тоже, тамъ-же I № 2=Аѳ. Ск. IV², 25), Д (тоже, тамъ-же I № 3), Е (тоже, тамъ-же I № 4), Ж (тоже, Чубинскій ук. соч. II № 42), З (тоже. тамъ-же II № 43). И (сербская, Худяковъ Матеріалы для изуч. народной словесности стр. 31), К (руссинск., Barącz Bajki стр. 218 сл.), Л (лужицкая, Haupt u. Schmaler ук. соч. II, 161 слл. № 5), М (кашубская, Erben Sto prostonárodních pohádek a povestí [1865] стр. 101 слл.), Н (моравская, Vrána Moravské národní pohádky I, 52 сл.), О (польская, Gliński ук. соч. III, 166 слл.), П (словинская, Valjavec ук. соч. стр. 267 сл. № lxj).

Литературныя обработки: 𝔄 (Reinardus IV, vv. 1—132), 𝔅 (тамъ-же I vv. 1229 [resp. 1341]—1758), ℭ (тамъ-же III vv. 2191—2384), 𝔇 (Ren. vv. 6361—6454), 𝔈 (тамъ-же vv. 7521—7610), 𝔉 (Rein. vv. 3992—4107) 𝔊 (Reinke vv. 3735—3821).

Инородные варіанты: ℌ (нѣмецкая, Haltrich Z. deutsch. Thiersage стр. 60), ℑ (тоже, тамъ-же стр. 27 сл. № xiij: Der wolf und die beiden böcke), 𝔎 (тоже, тамъ-же стр. 27 № xij: Der wolf und die stute), 𝔏 (тоже, тамъ-же стр. 28 № xjv: Der wolf und die kræm m. d. zwölf ferkeln), 𝔐 (тоже, тамъ-же стр. 29 № xv: Der wolf u. d. geis m. ihren zehn zicklein), 𝔑 (тоже, Vernaleken Oesterr. K. u. Hausm. № 9), 𝔒 (тоже, J. W. Wolf Deutsche Hausmärchen [1858] стр. 419 слл.), 𝔓 (тоже Kuhn Märk. Sag. u. Märchen стр. 300 слл. № 16), 𝔔 (тоже, Blaas Vom unzufriedenen Wolf въ Germania N. R. XII [1879] стр. 412 слл.), ℜ (кельтская, Campbell Tales III, 98 сл.), 𝔖 (Fabulae extravag. № 12; ср. Robert Fables inéd. I, xcjx:

Le Loup et le Chien affamé). — Т (тоже № 10 = J. Grimm R. F. стр. 429 слл. [De lupo pedente])

Ср. Афанасьевъ, Ск. IV², 26 сл. Худяковъ Матеріалы стр. 43 сл. и 45 слл. Haltrich ук. соч. № xxxvj. Hahn ук. соч. № 92. 93. Le cento novelle antiche [Milano 1825] № xcjiv, и Dunlop-Liebrecht Gesch. d. Prosadichtungen стр. 214 (№ 91). 539. Robert Fables inéd. I. xcv. cxlvj. II. 365 Waldis III, 63 и 93 и прим. Boženy Němcové Slovenské pohádky a pověsti. Sv. IX [1858] 562 слл. Орбеліани—Цагарели ук. соч. стр. 48 № 37. Baracz ук. соч. стр. 139.

Вар. А. Хозяинъ покидаетъ въ лѣсу свою состарѣвшуюся собаку. Волкъ собирается ее съѣсть. Онъ впрочемъ рѣшается послѣдовать совѣту собаки и предварительно ее откормить. Когда собака разжирѣла и волкъ не прочь былъ привести угрозу въ исполненіе, собака такъ жестоко искусала волка, что ему долго пришлось зализывать свои раны. Наконецъ онъ отправляется за добычей. Встрѣтивъ козла, онъ собирается его съѣсть. Щадя зубы волка, козелъ предлагаетъ ему стать подъ горой и разинуть пасть; самъ же онъ обѣщаетъ вскочить въ нее. Волкъ соглашается. Козелъ разбѣгается и такъ сильно ударяетъ его рогами, что опрокидываетъ волка. Часа черезъ три волкъ приходитъ въ себя. Увидѣвъ свинью съ поросятами, онъ бросается на послѣднихъ. Свинья считаетъ необходимымъ сначала обмыть новорожденныхъ и крестить. Волкъ согласенъ. Свинья приводитъ волка къ мельницѣ, ставитъ „по ту сторону заставки", поднимаетъ послѣднюю, и хлынувшая вода уноситъ волка. Промокшій, голодный волкъ находитъ наконецъ падаль и принимается ею ночью утолять свой голодъ. Но волка поджидалъ уже охотникъ, который и убиваетъ его.

Вар. Б. Волкъ обращается къ Христу, странствующему по землѣ, и заявляетъ, что ему „ѣсть хочется". Господь указываетъ ему на кобылу. Волкъ сообщаетъ ей приказъ Христа. Кобыла возражаетъ, что у нея есть видъ, ограждающій ее отъ такихъ напастей. Волкъ любопытствуетъ взглянуть на него. Кобыла отсылаетъ его къ заднимъ ногамъ и такъ жестоко ударяетъ его копытами по головѣ, что онъ на три сажени отлетаетъ въ сторону. Волкъ идетъ съ жалобой къ Христу, который указываетъ ему на барана. Баранъ поступаетъ съ нимъ, какъ въ А. Новая жалоба Христу и новое

разрѣшеніе съѣсть портнаго. Портной, подъ предлогомъ смѣрять волка влѣзетъ ли онъ въ него, ухватываетъ его за хвостъ и бьетъ до тѣхъ поръ, пока вырывающійся волкъ не отрываетъ себѣ хвостъ. Убѣгающему волку попадаются на встрѣчу семь волковъ, которые готовы мстить портному. Послѣдній поспѣшно взбирается на дерево. Чтобы добраться до портнаго, одинъ изъ нихъ совѣтуетъ: „ты, кургузой, ложись подъ-исподъ, а мы на тебя, да другъ на дружку установимся — авось достанемъ!“ Когда волки стали приближаться къ портному, онъ вдругъ закричалъ: „ну, ужь никому такъ не достанется, какъ кургузому!“ Безхвостый волкъ въ испугѣ выскакиваетъ изъ подъ своихъ товарищей, которые всѣ падаютъ на землю и изъ злобы разрываютъ его. Портной уходитъ домой.

Вар. В. Начало, какъ въ Б. Послѣ неудачи волка съ бараномъ, Господь указываетъ первому на сало, потерянное человѣкомъ на дорогѣ. „А воно ж солоне—пити захочецьця. Піду сперщу напъюся“, рѣшаетъ волкъ. Тѣмъ временемъ человѣкъ спохватывается, что потерялъ сало, и поднимаетъ его. Слѣдуетъ встрѣча со свиньей, которая предлагаетъ волка свести въ село, гдѣ „тепер виберають усяке начальство,— може й тебе виберуть“. Визгъ свиньи сзываетъ народъ, который, конечно, встрѣчаетъ волка жестокими побоями. Встрѣча съ портнымъ, какъ въ Б.

Вар. Г. Опущенъ мотивъ о выпрашиваніи пищи у Бога. Столкновеніе съ кобылой, бараномъ, свиньей и портнымъ. Кобыла указываетъ на „бумаги“, а свинья проситъ позволенія „пісню заспівать“.

Вар. Д. Эпизодъ о портномъ и составляющейся изъ волковъ лѣстницѣ передвинулся къ началу сказки и передается о Маркѣ Убогомъ. По просьбѣ волка сдѣлать его похожимъ на бычковъ, Марко завязываетъ его въ мѣшокъ и бьетъ. Далѣе слѣдуетъ бѣгство волка, соединеніе съ товарищами и т. д. Приключеніе съ кобылой смѣняется похожденіемъ съ гусями. Послѣднія просятъ волка позволенія сначала напиться воды и, получивъ разрѣшеніе, — уплываютъ. Далѣе слѣдуетъ встрѣча съ тремя баранами, и глупый волкъ поочередно позволяетъ имъ прыгать въ свою пасть. Встрѣча съ свиньей и поросятами кончается для волка плачевно. На визгъ свиньи „свині позбігались и розірвали того вовка“.

Вар. Е. Разсказывается о прогнанной за старостью собакѣ, которую волкъ выручаетъ изъ бѣды. Волкъ для виду уноситъ въ полѣ ребенка, собака отбиваетъ его, а благодарные родители принимаютъ собаку къ себѣ. Собака угощаетъ тогда явившагося къ ней въ гости волка хлѣбомъ и „горілкою". Хозяева сначала разрѣшаютъ ей таскать припасы, но когда замѣчаютъ волка, то немедленно выгоняютъ его. Далѣе слѣдуетъ встрѣча со свиньей, которая везетъ его къ себѣ въ хлѣвъ, гдѣ визгъ ея влечетъ за собой извѣстныя уже послѣдствія. Встрѣча съ лошадью разсказана съ тѣми же подробностями, какъ встрѣча со свиньей, а встрѣча съ гусями, какъ въ Д. Попытка съѣсть парня кончается тѣмъ, что, подъ предлогомъ утереться послѣ умыванья объ хвостъ волка, парень срѣзываетъ палку и убиваетъ волка.

Вар. Ж. Начало, какъ въ Е. Далѣе слѣдуетъ приключеніе съ кобылой и съ бараномъ. Конецъ относится къ 5-й группѣ сказокъ (см. тамъ вар. Е).

Вар. З отвѣчаетъ совершенно вар. Г съ той ничтожной разницей, что приключенія слѣдуютъ въ иномъ порядкѣ, именно: свинья, баранъ, лошадь и портной.

Вар. И разсказываетъ только приключеніе съ бараномъ, какъ, напр., въ Б, и съ конемъ, какъ въ Е.

Вар. К выводитъ кобылу, гусей, которые просятъ разрѣшенія засмѣяться и улетаютъ, и козла, который своимъ ударомъ низвергаетъ волка въ рѣку, гдѣ онъ тонетъ.

Вар. Л. Когда проснувшійся волкъ потягивался на своемъ ложѣ, мимо проходила лиса. Она пророчитъ ему счастливый день, такъ какъ на него падали солнечные лучи, когда онъ потягивался. Въ виду этого благопріятнаго пророчества, волкъ, не хотѣвшій было покидать берлоги, рѣшается идти на поиски приключеній. Воры, несшіе сало, увидѣвъ волка, бросаютъ свою ношу и скрываются. Волкъ радуется, что лиса пророчила ему счастливый день, но не ѣстъ сала только потому, что не желаетъ весь день томиться жаждой. Слѣдуетъ встрѣча съ кобылой, которая готова уступить своего жеребенка, если волкъ, въ качествѣ славнаго врача вытащитъ ей предварительно занозу. Далѣе. Свинья предлагаетъ сначала обмыть поросятъ и спасается вплавь черезъ рѣку. Встрѣтивъ затѣмъ двухъ козловъ, волкъ прельщается титуломъ правовѣда и соглашается быть примирителемъ ихъ спора. Споръ заключается въ томъ, кому изъ нихъ

принадлежитъ лугъ. Козлы предлагаютъ волку сѣсть посрединѣ поля, сами они отступятъ къ его окраинамъ и кто первый добѣжитъ до него, тотъ выигралъ. Волка постигаетъ извѣстная участь. Во главѣ стада овецъ онъ рѣшается также выступить въ качествѣ запѣвалы. Блеяніе козъ и вой волка влекутъ за собой побои.

Вар. М. Первыя три приключенія, какъ въ Л, но половину найденнаго сала волкъ съѣдаетъ. Послѣ приключенія со свиньей и поросятами слѣдуетъ сцена съ козами, блеяніе которыхъ вызываетъ собакъ; затѣмъ — прыжокъ барана въ пасть волка. Въ концѣ концомъ волкъ размышляетъ подъ дубомъ о своихъ невзгодахъ и выражаетъ мысль, что недостаетъ только того, żebe mje wógąn prze rzeci chto wncą! Мужикъ, стоявшій за дубомъ съ топоромъ въ рукѣ, исполняетъ его желаніе.

Вар. 𝔄. Изенгримъ долженъ былъ уступить свою шкуру для исцѣленія царя. Онъ скрылся въ лѣсу, гдѣ воетъ и скрежещетъ зубами. Ренаръ, въ качествѣ царскаго лѣсничаго, возмущается, услышавъ шумъ и предполагая, что происходитъ порубка дровъ. Узнавъ кума, онъ любезно привѣтствуетъ его и успѣваетъ вскорѣ убѣдить волка, что своимъ увѣчьемъ онъ обязанъ барану (Іосифу). Ренаръ подстрекаетъ его къ мести и отправляется съ Изенгримомъ къ барану. Ренаръ тайно научаетъ барана, какъ поступать. Изенгримъ требуетъ отъ барана уплаты за межеваніе поля, огромныхъ процентовъ и его самого въ придачу. Баранъ готовъ самъ прыгнуть ему въ пасть...

Вар. 𝔅. Ренаръ сообщаетъ Изенгриму о спорѣ между четырьмя баранами. Дѣло касается раздѣла поля и онъ совѣтуетъ ему выступить въ качествѣ посредника (sequestor) и землемѣра (geometer, mensor). Изенгримъ отправляется и подвергаетъ барановъ строгому допросу; они должны назвать себя, показать свои зубы. Успокоенный Изенгримъ показываетъ имъ въ свою очередь свои зубы, которыми онъ разрѣзаетъ кости, „какъ масло ножемъ“ (v. 1464); о „башняхъ“ на лбу барановъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ два рога, другой четыре, третій шесть роговъ, а четвертый восемь, — онъ не безпокоится. Онъ требуетъ выдачи ихъ шкуръ и шерсти для починки прорѣхъ (fenestras, v. 1491) на своихъ бокахъ и для сѣти на случай рыбной ловли. Ихъ отцы часто исполняли требованіе его отца, поэтому и имъ нечего

[illegible] его пробу. Сговорившись, бараны [illegible] четыре стороны и затѣмъ стремительно несу[illegible] Изенгриму. Послѣдній замертво ост[illegible]

[illegible] разсказываетъ мерину (Corvigars [illegible] 2197), съ которымъ онъ по[illegible] своей шкуры. Въ замѣнъ онъ [illegible] Послѣдній пытается укло[illegible] тонзуру бритва[illegible] окованныхъ же[illegible] Изенгримъ обвиняетъ его въ кражѣ ко[illegible] просить [illegible] ногу съ намѣреніемъ [illegible]

[illegible] баранами (Belin и [illegible] какъ въ Л.

[illegible] 6 Изенгримъ встрѣчаетъ [illegible] (Rainsant) и пред[illegible] отъ чести [illegible] себѣ ногу и не [illegible] Она проситъ волка вы[illegible]

[illegible] что цѣна за же[illegible]

[illegible] находитъ и окорокъ, [illegible] какъ въ Л. Осталь[illegible] съ двумя баранами, со [illegible] какъ въ Л. Спорное [illegible] поросята подвергают[illegible] сталкивается въ во[illegible] къ Юпитеру съ [illegible] смертельно. Дровосѣкъ, на[illegible] свой топоръ и ра[illegible] сокрушаться, что боги такъ [illegible]

[illegible] касается несчастныхъ при[illegible] самое произ[illegible] Нерѣдко одно изъ нихъ [illegible] разсказъ, какимъ представ[illegible] Послѣдніе только эпизодически [illegible] о Ренарѣ. Поэтому каждый

изъ этихъ эпизодовъ можетъ быть дѣйствительно разсматриваемъ въ видѣ самостоятельной сказки.

Что касается прежде всего эпизода о престарѣлой собакѣ, то вар. АЕЖ отвѣчаетъ цѣлый рядъ западныхъ версій (𝔑 и Grimm KHM. № 48 и прим.). Вар. А почти дословно отвѣчаетъ вар. 𝔖, а ЕЖ вар. 𝔑. Едва ли нужно долго останавливаться на томъ, что всѣ варіанты, развивающіе этотъ эпизодъ, восходятъ къ баснѣ Эзопа „Собака и Волкъ" (Halm № 231. Мартыновъ № 35). Прототипомъ же вар. ЕЖ является вар. 𝔖, гдѣ волкъ даетъ дряхлой собакѣ совѣтъ, чтобы она, пускаясь за нимъ въ погоню, когда онъ будетъ уносить овцу, упала нѣсколько разъ, какъ бы отъ изнеможенія. Съ тѣхъ поръ хозяинъ заставляетъ отлично кормить собаку, расчитывая на ея помощь въ будущемъ. Та же исторія повторяется во второй разъ. Когда же волкъ является въ третій разъ, окрѣпшая собака предупреждаетъ его, что не намѣрена съ нимъ стѣсняться. Впрочемъ она разрѣшаетъ ему пробраться въ кладовую, охрана которой не возложена на нее. Волкъ дѣйствительно наѣдается въ кладовой, не въ мѣру выпиваетъ и отъ удовольствія начинаетъ „пѣть". Сбѣжавшіеся на вой поселяне убиваютъ его. Посредствующимъ звеномъ между вар. ЕЖ съ одной стороны и 𝔖 съ другой является опять таки сказка трансильванскихъ саксонцевъ (Haltrich ук. соч. стр. 66 № xxxjv). И тутъ, послѣ спасенія ребенка, для собаки настаютъ свѣтлые дни и она прогоняетъ волка.

Любопытную особенность представляютъ приключенія волка съ баранами. При сличеніи всѣхъ варіантовъ бросается въ глаза то обстоятельство, что преимущественно въ варіантахъ восточныхъ славянъ (АБВГДЖЗИ КМО; ср. также Аѳ. ск. IV², 27. Худяковъ ук. соч. стр. 44 [ср. 45 сл.]) передается только о прыжкѣ барана (козла) въ пасть волка. Наоборотъ, въ западныхъ варіантахъ (Лℌ𝔅𝔇𝔈𝔉𝔒𝔛) разсказывается эпизодъ о волкѣ-землемѣрѣ. Исключеніе составляютъ вар. 𝔄𝔖 и П. Притомъ важно то, что рядомъ съ вар. 𝔖, — все у трансильванскихъ же саксонцевъ, — существуетъ и второй разсказъ въ вар. 𝔍. Не менѣе важенъ и вар. П. Въ немъ необходимо усматривать смѣшеніе обоихъ мотивовъ. Волкъ встрѣчается съ однимъ только бараномъ. Послѣдній считаетъ необходимымъ привести своего брата, заявляя волку, что тогда онъ будетъ

„очень сыть". Затѣмъ онъ обращается къ нему съ странными словами: zdigni rep. Въ этомъ обращеніи можно только усматривать искаженіе фразы: раскрой пасть! Отчасти это подтверждается тѣмъ, что непосредственно за разсказомъ о пораженіи волка баранами слѣдуетъ крайне несвязный эпизодъ о пѣтухѣ, который неожиданно заявляетъ ему, что вскочитъ къ нему въ пасть (skočim samo v zube) и такимъ образомъ спасается. Очевидно это случайная замѣна барана пѣтухомъ. Но дѣйствительнымъ поясненіемъ служитъ вар. 𝔖. Коза обѣщала выдать волку двухъ своихъ козлятъ, когда они подростутъ. Волкъ является. Подросшіе козлы заявляютъ ему: sperrt nur euren rachen auf und hebt euern zagel empor, so springt einer von uns von vorn, der andere von hinten in euern bauch... Этимъ объясняется, къ чему былъ данъ совѣтъ: zdigni rep. Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ этимъ эпизодомъ связывается и разсказъ о волкѣ-землемѣрѣ, такъ какъ, размышляя о своихъ неудачахъ, волкъ замѣчаетъ, что отецъ его отлично кормился, хотя и „не межевалъ баранамъ поля".

Такимъ образомъ изъ сдѣланныхъ замѣчаній можно вывести заключеніе, что въ юго-восточномъ углу Европы происходила первая переработка сказочныхъ мотивовъ, переходившихъ изъ Азіи. Часть изъ нихъ въ неизмѣненномъ видѣ переходила на Русь, часть же вмѣстѣ съ неизмѣненными его сюжетами перерабатывалась и шла далѣе. Это необходимо заключить еще потому, что разсказъ о волкѣ-землемѣрѣ въ сущности не болѣе, какъ варіантъ эпизода о прыжкѣ барана въ волчью пасть. Это слѣдуетъ изъ двойственнаго разсказа вар. П, въ которомъ основа однако выдѣляется, и изъ того, что мотивъ о межеваніи поля долженъ быть отнесенъ къ числу болѣе утонченныхъ и, слѣдовательно, болѣе позднихъ чертъ.

Основой этого мотива послужилъ эпизодъ въ одномъ изъ разсказовъ Калилы и Димны (Calila u. Dimna. A. d. Arab. v. Ph. Wolff. I [1837] 29. Ср. Стефанитъ и Ихнилатъ, изд. Булгакова, стр. 100. Benfey Pantsch. II, 37. Kálilag стр. 9). Тутъ монахъ видитъ ожесточенный бой двухъ барановъ; струящуюся съ нихъ кровь подлизываетъ лиса; она попадаетъ вдругъ къ нимъ на рога и падаетъ мертвой. Что именно этотъ эпизодъ слѣдуетъ считать источникомъ разсказа о волкѣ-землемѣрѣ,—высказывалъ еще

до Бенфея (Pantsch. I, 139 сл.) Роберъ (Fables inéd. I, cxxvj).

Эпизодъ о волкѣ и кобылѣ разсказывается во всѣхъ варіантахъ одинаково. Разница заключается только въ томъ, что въ однихъ выступаетъ кобыла (къ которой вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія сюжета присоединяется и жеребенокъ), иногда конь, оселъ или мулъ. Затѣмъ хитрость, къ которой прибѣгаетъ кобыла, чтобъ избавиться отъ волка, мотивируется различно. Обыкновенно кобыла обращается къ волку съ просьбой выдернуть ей изъ копыта занозу (𝔈𝔇𝔉 𝔇𝔏ЛМН), или оторвать подкову, чтобы хозяинъ не терпѣлъ убытку (КО), или заявляетъ, что у нея на копытѣ прописаны года (𝔊П), имя (𝔎), цѣна жеребенка (𝔉𝔊); кобыла толкуетъ также о видѣ (Б) или о бумагахъ (Г), которые разсматриваетъ волкъ, или упоминаются книги (Д) или письма (Ж), или говорится о предложеніи кобылы начать ее ѣсть сзади (ВЗ). Нельзя не замѣтить, что въ русскихъ варіантахъ всѣ мотивы крайне искусственны или безсвязны и ясно обличаютъ заимствованіе. Неестественно также предложеніе коня въ вар. ЕИ.

Прототипомъ всѣхъ этихъ варіантовъ является безъ всякаго сомнѣнія баснь Эзопа объ „Ослѣ и Волкѣ" (Halm № 334. Мартыновъ № 259). И здѣсь волкъ выдергиваетъ ослу занозу и, получивъ ударъ, сожалѣетъ, что принялся за искусство коновала, будучи поваромъ.

Мотивъ о начертанныхъ на копытѣ таинственныхъ знакахъ (Hahn ук. соч. № 92), имени (Cento novelle № xcjv), надписяхъ и т. п. повидимому развился изъ инаго источника и только впослѣдствіи проникъ и въ нашъ разсказъ. На востокѣ существовало повѣріе, что извѣстные знаки на подошвѣ служили признакомъ особыхъ заслугъ или предвѣщали счастіе (Benfey Pantsch. I, 534 сл. II, 551; ср. Liebrecht въ Jahrb. f. rom. u. engl. Lit. III, 159). Очевидно это то же повѣріе, видоизмѣненное и приложенное къ иной обстановкѣ, какая видна, напр., въ латинской сказкѣ (Fab. extr. № 1: Mulus, vulpes et lupus — J. Grimm R. F. стр. 423).

Непосредственнымъ источникомъ западныхъ сказокъ (𝔇𝔉𝔇ЛМН) является вар. 𝔏, переработавшій цѣлый рядъ эзоповыхъ басенъ въ одну сказку. Ближайшими же звеньями, примыкающими къ русскимъ варіантамъ, являются вар. 𝔊𝔎𝔓𝔐.

Эпизодъ о несвоевременномъ пѣніи (воѣ) волка съ козами, овцами и т. п. необходимо привести въ связь съ разсказомъ Панчатантры объ Ослѣ-Пѣвцѣ (Benfey Pantsch. II, 339; ср. I, 495). Оселъ, подружившійся съ шакаломъ, часто забирался въ поля, засѣянныя огурцами. Однажды, вопреки предостереженіямъ шакала, ему вздумалось пѣть и онъ долженъ былъ поплатиться жесточайшими побоями. Какая нибудь посредствующая редакція, въ которой вмѣсто шакала выступала уже лиса, должна считаться источникомъ эпизода о неумѣстномъ пѣніи волка.

Основной типъ этого разсказа Панчатантры варіируется въ европейскихъ версіяхъ крайне разнообразно. Такъ, существуетъ цѣлый рядъ разсказовъ, которымъ можно бы дать названіе волкъ-кутило и относительно которыхъ едва ли можетъ быть сомнѣніе, что они принадлежатъ къ этому же основному типу. Таковы многочисленные варіанты, напр., въ романѣ о Ренарѣ, гдѣ волкъ появляется то въ винномъ погребѣ, то въ кладовой, то даже въ церкви. Вездѣ онъ объѣдается, не въ мѣру выпиваетъ и непремѣнно начинаетъ пѣть (In sîns vater wîse er sanc ein liet, Reinh. v. 511), что въ свою очередь непремѣнно привлекаетъ народъ и его выпроваживаютъ жестокими побоями (Ren. vv. 2995—3220. 3325—3686. 4301—4589. 14414—14442. Reinh. vv. 499—550). Впрочемъ эпизодъ о поющемъ и подпившемъ волкѣ восходитъ къ одному изъ истоковъ того же разсказа Панчатантры, именно къ персидскому Тути-Намэ (Iken стр. 139). Здѣсь олень разсказываетъ въ предостереженіе ослу о неосторожныхъ ворахъ, которые, забравшись ночью въ одинъ домъ, нашли тамъ вино, стали пить, затѣмъ шумѣть и попались въ руки проснувшагося хозяина.

Одинъ грузинскій разсказъ (Орбеліани-Цагарели стр. 57) передаетъ, какъ вслѣдствіе несвоевременности пѣнія осла попадаетъ въ плѣнъ и верблюдъ, товарищъ осла. Когда путешественники взвалили затѣмъ усталаго осла на верблюда, то послѣдній, вопреки просьбамъ осла, вздумалъ изъ мести плясать надъ обрывомъ и сбросилъ осла въ пропасть. Этотъ эпизодъ примыкаетъ непосредственно къ разсказу турецкаго Тути-Намэ (Rosen II, 218 слл.). Здѣсь разсказъ о несвоевременномъ пѣніи осла служитъ рамкой разсказа о неумѣстной пляскѣ дровосѣка. Дровосѣкъ полу-

чилъ въ подарокъ кувшинъ, обладавшій чудесными свойствами (въ родѣ скатерти-самобранки и неразмѣнной монеты), и однажды, хвастая передъ друзьями, онъ пришелъ въ такой восторъ, что сталъ плясать, держа кувшинъ на головѣ, оступился и кувшинъ разбился.

Очень часто разсказъ о волкѣ - кутилѣ связывается съ разсказомъ о обжорливомъ волкѣ, до того наполнившемъ свой желудокъ, что онъ не въ состояніи пройти обратно въ то отверстіе, сквозь которое онъ проникъ въ кладовую (напр., Reid. vv. 1506—1603. Reinke vv. 1453—1533). Исходнымъ пунктомъ этого разказа является басня Эзопа „Голодная Лисица“ (Мартыновъ № 157). Замѣтивъ въ дуплѣ дуба хлѣбъ и мясо, лиса забирается туда и наѣвшись не въ состояніи выбраться оттуда; по совѣту другой лисы, ей приходится ждать поры, когда ея животъ приметъ снова нормальные размѣры. Къ такимъ разсказамъ, получающимся изъ смѣси этихъ двухъ мотивовъ, относится между прочимъ и упомянутый эпизодъ въ романѣ о Ренарѣ (Ren. vv. 4301—4589), и длинный рядъ сказокъ (Kuhn Märk. Sag. u. Märch. стр. 296 № 14. L. Curtze Volksüberl. aus d. Fürstenth. Waldeck [1860] стр. 173 № 32. Grimm KHM № 73. и прим. J. Grimm R. F. стр. cclxxxv. Veckenstedt ук. соч. стр. 423 № 2; ср. 97 № 5. Vrana ук. соч. I, 51. Бодуэнъ ук. соч. стр. 302; ср. 299 № 2 и 300 № 3. Oesterley Odo въ Jahrb. f. rom. u. engl. Lit. XII, 146. R. Köhler тамъ-же IX. 400; ср. 401. Liebrecht въ Germania. N. R. XIV. 123).

Что касается пѣнія козъ, овецъ и т. ц., то черта эта представляется только дальнѣйшимъ развитіемъ того же мотива.

Наконецъ эпизодъ со свиньей восходитъ очевидно къ одной изъ басенъ, приписываемыхъ Эзопу, именно: о „Волкѣ и Свиньѣ“, гдѣ волкъ предлагаетъ себя свиньѣ въ качествѣ акушёра и воспріемника (Robert II, 455. Waldis I, 20 и прим.). По ассоціаціи же контрастовъ впослѣдствіи не трудно было придумать мотивъ омовенія грязныхъ поросятъ и вслѣдъ за тѣмъ мотивъ крещенія.

Всѣ эти отдѣльные эпизоды соединились въ одну сказку въ вар. Σ, изъ котораго непосредственно вытекаютъ сказки о волкѣ-дурнѣ вообще. Начало этихъ сказокъ составляетъ повидимому подражаніе басни Эзопа о „Львѣ и Зайцѣ“

(Halm № 254. Мартыновъ № 224; ср. Robert II, 72). Левъ готовъ съѣсть спящаго зайца, но, замѣтивъ лань, пускается за ней въ погоню; лани левъ не догналъ, а заяцъ тѣмъ временемъ убѣжалъ.

Тѣсная зависимость извѣстныхъ варіантовъ отъ 𝔛 обличается между прочимъ такими чертами, которыя немыслимо, понятно, объяснять при помощи эпическихъ пріемовъ. Такъ, въ 𝔛 волкъ застаетъ козъ на печкѣ (super clibanum), куда онѣ, съ приближеніемъ врага, тотчасъ прячутся. Въ вар. 𝔐 волкъ застаетъ козу и козлятъ около печки и когда дѣло доходитъ до пѣнія, то козлята прячутся въ печь, коза влѣзаетъ на печь, а волкъ становится на очагъ (beokt). Въ вар. 𝔇 волкъ застаетъ козу съ козлятами передъ пылающей печкой. Понятно, что такія черты могли удержаться единственно благодаря заимствованію.

Едва ли возможно объяснить теоріей общихъ мѣстъ и слѣдующія совпаденія. Въ латинской редакціи (Reinard. IV, vv. 551—992) Изенгримъ, оставившій одну ногу въ западнѣ, является въ рощу, гдѣ застаетъ прожорливую свинью (Salaura). На привѣтствіе Изенгрима свинья отвѣчаетъ тѣмъ, что собирается пропѣть обѣдню и велитъ ему крѣпко сжать ей ухо. Свинья затягиваетъ такую пронзительную пѣснь (acre melos, v. 650), что сбѣгается цѣлое стадо ея родственниковъ. Свиньи съ неистовымъ бѣшенствомъ и съ пѣной у рта бросаются на волка, разрываютъ его въ куски и пожираютъ. Въ вар. П свинья тоже говоритъ волку: primiti mene za vuho, kaj bum se spričala svojim prijateljem i rodbini. Когда волкъ схватилъ ее за ухо: ona počme cviliti tak da su 'se svinje skup zbežale i vuka skoro sega podrapale. И въ вар. З свинья говоритъ волку: „возьми-жъ мене наперідъ за вухо, а я тобі пісеньку заспіваю", „Вона якъ закричить несвоімъ гласомъ", — люди сбѣжались и избили волка. Конецъ, смягченный какъ бы въ вар. З, досказывается однако въ тѣхъ же выраженіяхъ въ вар. Д. И тутъ свинья „кужілки [?] співає". Пролѣзая съ волкомъ сквозь отверстіе въ тыну, свинья прижала его и подняла визгъ. „Свині позбігались и розірвали того вовка". Пожалуй, хватаніе свиньи за ухо можно бы объяснить и независимымъ возникновеніемъ; но если рядомъ съ этой чер-

той встрѣчается и рядъ другихъ совпаденій, то болѣе умѣстно говорить о заимствованіи.

Мимоходомъ можно еще замѣтить, что жестокая расправа свиней съ волкомъ напоминаетъ отчасти угрозу свиньи по отношенію къ собакѣ въ басни „Свинья и Собака“ (Halm № 408. Мартыновъ № 68). Поссорившись съ собакой, свинья грозитъ ее „растерзать зубами“.

Варіанты, въ которыхъ встрѣчаются эпизоды о печкѣ и сжиманіи уха свиньи, намѣчаютъ болѣе наглядно, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, путь, по которому шло распространеніе нѣкоторыхъ сказокъ или извѣстныхъ сказочныхъ мотивовъ.

Конецъ большинства варіантовъ, въ которыхъ выступаютъ кузнецы, портные, парубки и т. п., наносящіе волку побои, причиняющіе ему увѣчье (M𝔒) или умерщвляющіе его (E𝔓𝔒. Hahn № 94), восходятъ къ тому же вар. 𝔗.

Что же касается живой лѣстницы, образуемой волками (БВГДЗО. Sébillot стр. 327. Coelho стр. 18), то повидимому черта эта является не болѣе какъ варіантомъ того эпизода, гдѣ звѣри-странники подвергаются преслѣдованію со стороны волковъ. Это можно заключить по одной бретонской сказкѣ (Sébillot стр. 327), гдѣ на дерево спасается лиса, что отвѣчаетъ сценѣ въ разсказѣ о звѣряхъ странникахъ; но волкъ, преслѣдующій лису, сзываетъ товарищей и устраиваетъ изъ нихъ живую лѣстницу.

Ближайшимъ источникомъ мотива о взлѣзаніи на дерево въ этой группѣ является повидимому одинъ изъ разсказовъ въ Сандабарѣ (Das Buch v. d. sieben weisen Meistern, übers. v. Sengelmann [1842], стр. 59; ср. Пыпинъ Очеркъ стр. 354 сл.), гдѣ человѣкъ спасается на дерево отъ преслѣдованія свирѣпой свиньи. Разсказъ этотъ восходитъ въ Панчатантрѣ (Benfey Pantsch. II, 285 слл.).

Еще одно замѣчаніе можетъ быть отнесено къ данной группѣ сказокъ. Въ Панчатантрѣ (Benfey Pantsch. II, 9) шакалъ Каратака между прочимъ говоритъ: Ausserdem haben wir auf vierundzwanzig Stunden zu essen übrig... Бенфей (Pantsch. I, 107) находитъ, что эта черта „напоминаетъ“ лиса Рейнеке, т. е. тотъ эпизодъ, гдѣ сообщается (Isengrimus v. 107), что Рейнеке стоитъ среди нагроможденныхъ кучъ мяса. Впрочемъ относительно этой черты приходится довольствоваться намекомъ; строить на ней какіе-либо выводы было бы слишкомъ опасно.

9. Дроздъ-кормилецъ.

Renart les a crestienez..
Ren. v. 25248.
Ou tost ou tart, ou prés ou loing
A li fort du foible besoing.
Ren. 27829.

Славянскіе варіанты: А (великорусск. сказка, Аѳанасьевъ, Ск. I² № 12), Б (тоже, тамъ-же № 32а и оконч. въ Русск. завѣтн. сказкахъ № viij), В (тоже, тамъ-же № 32b), Г (малорусск., Рудченко I № 20 [конецъ]), Д (словинск., Valjavec № lxiij), Е (великор., Аѳ. I², 49). Инородные варіанты: 𝔄 (Ren. 25113—743), 𝔅 (франц. сказка, Sébillot ук. соч. стр. 333 № ljx), ℭ (нѣмецк., Grimm K. u. Hm. № 58), 𝔇 (нѣмецк.. Vernaleken ук. соч. № 6: Der Hund und die Ammer), 𝔈 (нѣмецк., Haltrich Z. deutsch. Thiers. стр. 30 № xvij: Der fuchs heilt des raben kinder von der krätze), 𝔉 (эстонская, J. Grimm R. F. стр. cclxxxjv), 𝔊 (индѣйская, Минаевъ ук. соч. стр. 50 слл. № 25: Шакалъ и Куропатка).

Вар. А. У дятла на дубу гнѣздо и три „дѣтёнка". Является лиса. Сначала она старается согнать дятла съ дуба, а затѣмъ выманиваетъ у него дѣтёныша, обѣщая выучить его „кузнешному". Вслѣдъ затѣмъ лиса является вновь, обѣщаетъ выучить втораго птенца „башмашному", а третьяго „портняжному" и поочередно пожираетъ ихъ.

Вар. Б. Выгнанная за старостью собака берется караулить дѣтокъ дятла, который обѣщаетъ ее за это кормить. „Идутъ по дорогѣ бабы съ горшечками, несутъ мужьямъ въ поле обѣдать". Дятелъ говоритъ собакѣ „я окунусь въ воду да вываляюсь въ песку и стану передъ бабами по дорогѣ низко порхать, будто взлетѣть повыше не могу". Пока бабы „начнутъ меня ловить", „ты поскорѣй къ горшкамъ-то бросайся да наѣдайся до сыта". Все такъ и происходитъ. Возвращаясь домой, дятелъ приказываетъ собакѣ гнаться за лисою. „Лиса кинулась черезъ дорогу, прямо къ телѣгѣ, и проскочила сквозь спицы; собака было за нею да завязла въ колесѣ; тутъ изъ нея и духъ вонъ". Дятелъ мститъ мужику тѣмъ, что начинаетъ долбить его бочку. „Только отгонитъ его мужикъ отъ бочки, дятелъ бросится къ лошади,

садетъ промежду ушей и долбитъ ее въ голову". „Сгонитъ мужикъ съ лошади, а онъ опять къ бочкѣ". Выпустивъ дёготь изъ бочки, дятелъ сталъ долбить снова голову лошади. Мужикъ ударяетъ полѣномъ, но въ дятла не попадаетъ, а убиваетъ лошадь. Дятелъ летитъ къ „мужиковой избѣ", садится на голову ребенка и начинаетъ ее долбить; хозяйка наноситъ ударъ палкой, но убиваетъ только ребенка. Наконецъ ей удается поймать дятла; когда мужъ вернулся домой, онъ собирается съѣсть его живьемъ, но дятелъ самъ проскочилъ къ нему внутрь, и подобно вар. Г, сталъ безпокоить его крикомъ: „живъ, живъ!" Чтобъ избавиться отъ дятла, хозяйка, по совѣту мужа, ударяетъ сначала полѣномъ, потомъ косой, наноситъ мужу рану и онъ умираетъ, истекая кровью, а дятелъ улетаетъ.

Вар. В. Начало какъ въ Б. Дятелъ добываетъ собакѣ ѣду на свадебномъ пиру, гдѣ всѣ кидаютъ въ дятла, кто чѣмъ попало. Затѣмъ дятелъ доставляетъ собакѣ вино, забравшись въ избу старика, цѣдившаго вино изъ бочки. Старикъ кидаетъ въ дятла воронку, затѣмъ начинаетъ ее отыскивать, а собака подлизываетъ выливающееся вино. Затѣмъ собака проситъ, чтобъ дятелъ разсмѣшилъ его. Дятелъ садится на плечо одного изъ работниковъ, молотившихъ хлѣбъ и начинаетъ „клевать его въ затылокъ; а другой парень схватилъ палку, хотѣлъ ударить птицу, да и свалилъ съ ногъ работника". „Собака отъ смѣха такъ и катается по землѣ!" Вскорѣ дятелъ начинаетъ манить лисицу, чуть-чуть поднимаясь вверхъ и опять опускаясь внизъ. Собака подползаетъ къ лисѣ, бросается на нее и начинаетъ грызть. Мужикъ, везшій въ городъ горшки на продажу, подбѣгаетъ съ полѣномъ и однимъ ударомъ убиваетъ собаку и лису. Дятелъ мститъ тѣмъ, что начинаетъ выклевывать глаза у лошади и мужикъ, какъ и въ Б, убиваетъ лошадь и разбиваетъ всѣ горшки, по которымъ порхалъ дятелъ.

Вар. Г. Передается между прочимъ, какъ „пан звелів зарізать півника", докучавшаго его требованіемъ вернуть его „жорно", и съѣлъ его. „В його з г... и вытянулась головка, співаючи: „Кукуріку! пане, оддай мое жорно". Панъ велитъ лакею взять сѣкиру: „от лакей взяв сокиру та не по голові, та по-заду, тай обрубав пану зад". Тогда панъ велитъ пѣтуху выдать требуемое.

дится на бочку и человѣкъ разбиваетъ бочку той же палкой. Улетая, подорожникъ предупреждаетъ его, чтобъ онъ не выходилъ на дворъ безъ шапки,—иначе она совьетъ на его головѣ гнѣздо. Разъ человѣкъ этотъ не нашелъ своей шапки, а долженъ былъ идти въ садъ. Онъ велѣлъ женѣ взять палку и идти съ нимъ вмѣстѣ. Подорожникъ садится ему на голову, а жена убиваетъ мужа ударомъ палки.

Вар. 𝔈. Лиса встрѣчаетъ въ лѣсу ворона, отыскивающаго опытнаго врача, который взялся бы излѣчить его птенцовъ отъ паршей; онъ принимаетъ лису за врача. Лиса ощупываетъ всѣмъ семи воронятамъ пульсъ, заявляетъ, что у нихъ êselshusten, рекомендуетъ какъ единственное цѣлебное средство теплую постель и—пожираетъ ихъ.

Вар. 𝔉. Лиса грозится срубить дерево, если воробей не дастъ ей своего птенца; такимъ же образомъ лиса выманиваетъ и втораго. Воробей обращается за помощью къ собакѣ и обманываетъ старуху, какъ въ Б𝔄𝔅. Собака прикидывается мертвой, какъ въ 𝔅, воробей для виду поклевываетъ ее и лиса растерзана.

Вар. 𝔊. Шакалъ жилъ дружно съ куропаткой. Однажды онъ изъявляетъ желаніе „поѣсть пирожка изъ гороха“. При помощи той же хитрости, какъ въ Б𝔄𝔅𝔉, куропатка обманываетъ „жимадара (помѣщика) съ пирогами“. Точно такъ же обманываетъ куропатка пастуха, несшаго молоко, и удовлетворяетъ желанію шакала напиться молока. Въ третій разъ шакалъ изъявляетъ желаніе посмѣяться. Выждавъ появленія толпы факировъ, куропатка садится на голову предпослѣдняго. Факиръ, шедшій сзади, ударяетъ тростью по головѣ идущаго впереди. Куропатка садится на голову слѣдующаго. „У факира назади хоть кровь изъ головы и текла, а онъ взялъ да и прибилъ послѣдняго палкою“. Всѣ сто факировъ подвергаются той же участи. На слѣдующій день шакалъ проситъ куропатку почесать ему спину. Куропатка приводитъ его въ столкновеніе съ охотникомъ и четырьмя собаками, отъ которыхъ она избавляетъ шакала тѣмъ, что обращаетъ ихъ вниманіе на себя. Усталый шакалъ желаетъ освѣжиться, желаетъ, чтобы на него падала вода сверху. Куропатка ведетъ его къ мельницѣ, привязываетъ къ мельничному колесу и, пустивъ немного воды, скрывается. Является мельникъ, пускаетъ всю воду и шакалъ погибаетъ. Куропатка остается оплакивать его смерть.

При сравненіи всѣхъ варіантовъ между собой самымъ полнымъ оказывается вар. 𝔄. По отношенію къ нему вар. А𝔈 представляются только скудными отрывками, развивающими только одинъ мотивъ. Но мотивъ вар. 𝔈 ближе отвѣчаетъ вар. 𝔄, такъ какъ тоже говоритъ объ излѣченіи болѣзни; прописываются только разныя лѣкарства: 𝔄—крещеніе, а 𝔈—теплую постель. Наоборотъ, въ А рѣчь идетъ объ обученіи извѣстному мастерству. Въ сущности и послѣдняя черта представляется только видоизмѣненіемъ того же мотива, причемъ развитіе одной и той же темы на троякій ладъ заставляетъ уже заподозрить независимость вар. А.

Вар. А𝔄𝔈 представляютъ кромѣ того совпаденіе съ вар. Д𝔉 въ томъ, что лиса выманиваетъ птенцовъ при помощи той или другой хитрости. Вар. А𝔉 представляются притомъ особенно близкими потому, что въ 𝔉 лиса грозится срубить дерево, а въ А стучитъ „хвостищемъ по сырому дубищу". Черты эти, очевидно, тожественны. Но вар. 𝔉 приходится предпочесть вар. А съ точки зрѣнія естественности. Въ 𝔉 опасенія воробья, заставляющія его сбрасывать лисѣ дѣтокъ, весьма понятны: онъ опасается за срубку дерева. Въ А такой мотивъ не приводится. Впрочемъ можно допустить, что нѣкогда онъ въ такой же формѣ высказывался и въ А и только съ теченіемъ времени исказился. Именно, когда лиса требуетъ, чтобъ дятелъ слѣзъ съ дерева, она заявляетъ: „Мнѣ дубъ нада—сѣчихичики (?) гнуть"; но этотъ мотивъ не приводится въ связь съ требованіемъ выдать птенцовъ. Если тѣмъ не менѣе признать его тожественнымъ съ мотивомъ въ 𝔉 то съ одной стороны получается новая точка соприкосновенія обоихъ варіантовъ, съ другой получается фактъ не особенно свидѣтельствующій въ пользу „первобытности" и замѣчательной „свѣжести" славянскихъ сказокъ о животныхъ.

Дѣйствительно, о первобытности не можетъ быть рѣчи уже потому, что эпизодъ этотъ оказывается непосредственно заимствованнымъ изъ Калилы и Димны. Тутъ разсказывается (B e n f e y Pantsch. I, 609 сл.), какъ лиса наводитъ такую панику на голубя, что онъ сбрасываетъ ей своихъ малютокъ. Вслѣдъ затѣмъ воробей надоумѣваетъ голубя, что ему слѣдовало бы возразить, чтобъ лиса попыталась сначала взобраться на дерево. Когда лиса узнаетъ, что отвѣтъ вну-

шенъ воробьемъ, она похищаетъ его при помощи той же хитрости, къ какой прибѣгаетъ Ренаръ, похищая пѣтуха.

Такимъ образомъ, первая половина этого разсказа пріурочилась къ данной группѣ сказокъ, гдѣ она служитъ какъ бы введеніемъ. Вторая же половина развилась на европейской почвѣ въ самостоятельный рядъ сказокъ, разсмотрѣнныхъ выше (стр. 93 слл.). Цѣликомъ же этотъ разсказъ перешелъ къ готтентотамъ (Bleek стр. 16 № 11; ср. Benfey въ GGA. 1871 стр. 2094). Видоизмѣнились только сообразно природѣ дѣйствующія лица: вм. лисы выступаетъ шакалъ, а воробей замѣнился цаплей. Подобный разсказъ заключается въ Панчатантрѣ (Benfey Pantsch. II, 58 и 61 сл.; ср. также I, 170), гдѣ черная змѣя пожираетъ воронятъ, а шакалъ совѣтуетъ, какъ избавиться отъ нея.

Даже не зная оригинала, не трудно было бы рѣшить, что вар. Д можетъ представляться только искаженіемъ послѣдняго. Достаточно замѣтить, что неестественно требованіе лисы, которая прямо заявляетъ, что хочетъ съѣсть яйца, и неестественна отсрочка, на которую соглашается голодная лиса. Кромѣ того, въ концѣ разсказа присоединяется извѣстный разговоръ лисы съ своими членами, разговоръ, обыкновенно и умѣстнѣе связываемый со сказками другихъ группъ (ср. выше стр. 112 и др.).

Разсказъ о собакѣ, притворяющейся мертвой, въ той формѣ, въ какой онъ передается въ вар. 𝔅𝔅, довольно ясно обличаетъ связь съ бестіаріами. Что же касается словъ дятла въ вар. Б: „я окунусь въ воду да вываляюсь въ песку“, то въ нихъ тоже можно бы усматривать вліяніе бестіаріевъ, гдѣ лиса валяется въ „красной землѣ“; но, кажется, вѣрнѣе будетъ допустить независимое образованіе этой черты, какъ весьма обыкновенной въ природѣ.

Къ первой половинѣ приведеннаго выше разсказа изъ Калилы и Димны присоединился съ теченіемъ времени другой конецъ. На самомъ дѣлѣ онъ составляетъ независимую сказку. Но такъ какъ вторая половина первоначальнаго разсказа объ обманѣ лисы отпала, то второй разсказъ о приключеніи собаки и воробья послужилъ замѣной его и вмѣстѣ съ тѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ порванной нити перваго разсказа.

Что второй разсказъ составляетъ самостоятельную сказку, необходимо заключить не столько по существованію вар.

БВ𝔊𝔇, гдѣ развивается подробно вторая тема, сколько но вар. 𝔊. Всѣ признаки, которые можетъ выдвинуть принципъ естественности, свидѣтельствуютъ въ пользу оригинальности вар. 𝔊. Даже помимо сравненія съ нимъ вар. В𝔅𝔇𝔉, послѣдніе могутъ казаться только искаженіями: всѣ мотивы въ нихъ до крайности перепутаны и не представляютъ между собой внутренней связи. Въ вар. В, напр., безъ всякой причины дятлу приходитъ въ голову „манить лисицу", собака, конечно, считаетъ своимъ долгомъ „грызть ее", хотя бы и безъ причины, а мужикъ однимъ, понятно, ударомъ убиваетъ двухъ зайцевъ, — собаку и лису. Нѣсколько странна и вся сцена при добываніи вина въ избѣ. Все это вмѣстѣ взятое позволяетъ уже сдѣлать заключеніе о зависимости вар. В отъ извѣстнаго источника.

Такую же зависимость обнаруживаетъ и вар. 𝔅. Начало его представляетъ подражаніе вар. 𝔄, а конецъ—совершенно искаженный мотивъ вар. 𝔊.

Болѣе связи замѣчается въ вар. Б𝔊; но и въ нихъ обнаруживаются различныя натяжки; притомъ Б обнаруживаетъ зависимость отъ 𝔊. Такъ, въ вар. Б𝔊 дятелъ (воробей) изъ состраданія (чувство, можетъ быть, прекрасное, но въ данномъ случаѣ едва ли умѣстное) берется накормить собаку. Въ Б онъ предлагаетъ ему даже мѣсто караульщика, которому нечего караулить, такъ какъ гнѣздо съ птенцами находится въ недоступной для него сферѣ; мало того, этотъ караульный свободно можетъ покидать свой постъ и выжидать изъ-за куста, пока его хозяину посчастливится добыть для него обѣдъ. Послѣ же сытнаго обѣда, для потѣхи хозяина, караульщику приходится ловить лису, даже пытаться продѣлывать фокусы послѣдней, — проскакивать „сквозь спицы колеса", и платиться за неудачу преждевременной смертью. Все это натяжки и искаженія, получающіяся только путемъ заимствованія.

Ближайшимъ варіантомъ къ Б является 𝔊, но заимствованіе сюжета происходило при помощи какой нибудь посредствующей версіи, въ которой частыя повторенія вар. 𝔊 приняли болѣе сокращенныя формы. Въ 𝔊, напр., воробей, помимо того, что уноситъ въ двухъ лавкахъ мясо, долженъ добывать еще хлѣбъ, такъ какъ однообразная пища собакѣ не нравиться. Черта эта составляетъ лишь легкое видоизмѣненіе перваго мотива. Монотоннымъ повтореніемъ является так-

же удвоеніе числа бочекъ съ виномъ, опорожняемыхъ воробьемъ, и описаніе, какъ изъ тройки погибала каждая лошадь. Конецъ вар. 𝔊 совпадалъ повидимому съ ВГ и видоизмѣненіе его въ 𝔊 слѣдуетъ вѣроятно отнести къ числу тѣхъ коньектуръ, которыя нѣмецкіе ученые дѣлали „молча". Во всякомъ случаѣ окончаніе въ ВГ понятнѣе, чѣмъ въ 𝔊.

Самымъ естественнымъ варіантомъ является такимъ образомъ вар. 𝔄: въ немъ незамѣчаются недостатки, господствующіе въ другихъ варіантахъ. Онъ долженъ, слѣдовательно, считаться лучшимъ представителемъ европейскихъ варіантовъ и даже источникомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Тѣмъ не менѣе и вар. 𝔄 не вправѣ изъявлять притязаніе на чисто оригинальное произведеніе; въ основныхъ своихъ мотивахъ и онъ оказывается лишь заимствованіемъ съ востока.

Дѣйствительно, однимъ изъ представителей этого источника является именно вар. 𝔊. Вопросъ только въ томъ: разсматривать ли его какъ непосредственный отпрыскъ „исконнаго достоянія", тѣмъ болѣе, что это „народная" сказка, или какъ истокъ литературнаго произведенія? Отвѣтъ можетъ послѣдовать только въ послѣднемъ смыслѣ. Правда, такой разсказъ въ восточныхъ сборникахъ сказокъ, намъ пока неизвѣстенъ, какъ нѣтъ его въ Панчатантрѣ и Гитопадесѣ. Тѣмъ не мѣнѣе настаивать на литературномъ его происхожденіи можно на слѣдующихъ основаніяхъ. „Въ Индіи, странѣ сказочной по преимуществу", говоря словами проф. Минаева (ук. соч. стр. xvij сл.),... „сказка литературная легко могла проникнуть въ народъ совсѣмъ неграмотный"... „Индѣецъ живетъ въ сказочной атмосферѣ: ребенокъ, отправляющійся въ школу... къ мѣстному брахману пандиту, читаетъ и слышитъ только сказки; факиръ у храма разсказываетъ сказки...; въ праздникъ благочестивые люди дѣлаютъ складчину и призываютъ брахмана почитать Харивансу или Бхагаватъ-пурану; ...такимъ образомъ старый литературный матеріалъ постоянно проникаетъ въ народъ".

Кромѣ того теперь извѣстны и другія „народныя" индѣйскія сказки, которыя записаны на основаніи „устнаго преданія" и тѣмъ не менѣе почти всѣ безъ исключенія восходятъ къ литературнымъ источникамъ. Таковъ упомянутый сборникъ Frere. Напр., сказка (№ 11) этого сборника о двухъ хитрыхъ шакалахъ, обманывающихъ льва, восходитъ къ разсказу Панчатантры о Львѣ и Зайцѣ (Benfey Pan-

tschat. II, 62). Сказка (№ 13) о несвоевременномъ воѣ шакала, котораго затѣмъ верблюдъ изъ мести сбрасываетъ въ воду, отвѣчаетъ приведенному выше (стр. 148) разсказу о несвоевременномъ пѣніи осла. Сказка (№ 24) объ алигаторѣ и недовѣрчивомъ шакалѣ восходитъ къ разсказу Панчатантры объ Осторожномъ Шакалѣ (Benfey Pantsch. II, 268).

Слѣдовательно и относительно вар. 𝔊 болѣе чѣмъ вѣроятно допущеніе литературнаго происхожденія.

Проникая на западъ, вар. 𝔊 постепенно терялъ нѣкоторые изъ своихъ мотивовъ или они подвергались различнымъ перемѣщеніямъ и видоизмѣненіямъ. Такъ, мотивъ о добываніи пищи сохранился во всѣхъ варіантахъ, за исключеніемъ АГДℭ, развивающихъ иныя черты. Но вездѣ они подвергались передѣлкамъ: въ однихъ добывается пища на свадебномъ пиру (В𝔇), въ другихъ съ воза (𝔄ℭ), въ третьихъ у пѣшеходовъ, подобно 𝔊.

Черта о добываніи напитка вообще,— вина (В𝔄), молока (𝔇𝔊),—въ нѣкоторыхъ варіантахъ уже исчезла. Еще слабѣе пробивается черта о возбужденіи смѣха (В𝔅𝔊). Въ 𝔅 собственно встрѣчается только слабый намекъ на эту черту, намекъ, выражающійся въ томъ, что подорожникъ садится на плечо старухи, а молотильщикъ ударяетъ ее цѣпомъ. Понятно,—это та же черта, какъ и въ 𝔊, гдѣ факиры бьютъ другъ друга тростью по головѣ. Это ясно еще изъ того, что точь въ точь такая же сцена, какъ въ 𝔅, происходитъ и въ В, и тутъ уже добавляется, что именно она возбуждаетъ въ собакѣ смѣхъ. Черта эта отчетливо сохранилась еще въ одной литературной обработкѣ XII в. (daz ich ein wênc gelache, v. 140 въ Des Hundes not у J. Grimm R. F. стр. 291 слл.).

О желаніи шакала почесать ему спину (𝔊) западные варіанты уже ничего не знаютъ. Тѣмъ не менѣе не трудно убѣдиться, что и этотъ мотивъ былъ имъ нѣкогда извѣстенъ и только съ теченіемъ времени изгладился до неузнаваемости. Это видно между прочимъ по вар. БВ. Ради чего понадобилась здѣсь лисица, когда нѣтъ рѣчи о похищеніи лисою птенцовъ? И почему же гоньба происходитъ именно послѣ сытнаго обѣда или послѣ сцены, возбуждающей смѣхъ, т. е. въ томъ же порядкѣ, какъ въ 𝔊? Очевидно въ данномъ мѣстѣ и произошло смѣшеніе или сліяніе двухъ различныхъ сказокъ: лиса, замѣнившая шакала и сохранившая желаніе

почесать ей спину, осталась; но тотъ же шакалъ замѣнился въ первой части сказокъ собакой; вдругъ собака приходитъ въ столкновеніе съ лисой,—ясно, что, по врожденнымъ инстинктамъ, она должна гоняться за ней. Но такъ какъ мотивъ о желаніи почесать спину забытъ, то забыто вмѣстѣ съ тѣмъ и то обстоятельство, что, въ моментъ столкновенія съ лисою, въ вар. БВ это уже другая собака, т. е. та самая, точнѣе, тѣ самыя четыре собаки, которыя выступаютъ въ вар. 𝔊. Такимъ образомъ получается новый моментъ, изобличающій со стороны БВ заимствованіе.

Черты вар. 𝔊, значительно изгладившіяся въ вар. В, болѣе рельефно выступаютъ въ Е. Въ вар. Е, вошедшемъ эпизодически въ другую сказку и пострадавшемъ вслѣдствіе этого отъ неумѣстныхъ вставокъ, лиса, попавшая въ яму, проситъ дрозда накормить ее. Исполняя ея просьбы, дроздъ приноситъ ей сначала курицу, затѣмъ воды, вытаскиваетъ изъ ямы, набросавъ въ нее прутьевъ. Исполняя послѣднюю просьбу лисы, — разсмѣшить ее, — дроздъ ведетъ ее въ деревню, садится на ворота и требуетъ у „бабки... сала кусокъ". Выскакиваютъ собаки и разрываютъ лису, улегшуюся подъ воротами. И вар. Е можетъ служить только новымъ доводомъ въ пользу заимствованія, такъ какъ вполнѣ точно сохраняетъ основу вар. 𝔊, которая искажена только различными натяжками, вставками и несообразностями, почти всегда изобличающими несамостоятельность разсказа.

Сходство вар. БВЕ съ 𝔊𝔇 съ одной стороны и съ вар. 𝔊 съ другой заставляетъ притомъ предположить двоякое заимствованіе, т. е. часть мотивовъ проникла въ русскіе варіанты со стороны востока безъ существенныхъ видоизмѣненій, часть же проникала со стороны запада.

Кромѣ этого замѣчанія слѣдуетъ присоединить слѣдующее. Токъ, который шелъ съ востока, достигнувъ перваго передаточнаго пункта въ Европѣ, т. е. Византіи, подвергался значительной передѣлкѣ и затѣмъ развѣтвлялся: одна вѣтвь шла на Русь, другая—въ глубь Европы. Это замѣчаніе приложимо преимущественно въ томъ случаѣ, когда въ юго-восточномъ углу Европы встрѣчаются сказки, которыя оказываются вѣрными посредниками между русскими сказками и западными. Но пока сохраняется такое сочетаніе мотивовъ въ вар. БВ, какъ въ вар. 𝔊𝔇, пока птички посѣщаютъ съ друзьями свадебные пиры, неосторож-

ныя собаки гибнутъ подъ колесами телѣгъ и существуетъ цѣлый рядъ другихъ совпаденій — приходится предпочесть непосредственно западное вліяніе.

Разсмотрѣнныя группы сказокъ о животныхъ играютъ самую видную роль въ области животнаго эпоса. Извѣстные ихъ мотивы вошли въ составъ средневѣковыхъ поэмъ о животныхъ и большинство этихъ мотивовъ послужило вмѣстѣ съ тѣмъ основой для дальнѣйшаго развитія аналогичныхъ разсказовъ.

Въ длинномъ рядѣ сборниковъ сказокъ многія животныя сказки представляются только болѣе или менѣе оригинальными варіантами приведенныхъ группъ. Нѣкоторыя изъ нихъ особенно богаты числомъ такихъ новыхъ развѣтвленій. Таковы 3-я группа (о Похищеніи Пѣтуха) и 6-я (о Звѣряхъ-Странникахъ). Многочисленность и разнообразіе варіантовъ этихъ группъ возможно объяснить только тѣмъ, что въ ихъ кругъ достаточно было введенія какого нибудь новаго животнаго, чтобъ немедленно оживить и пріукрасить весь разсказъ новыми комбинаціями. Послѣднія въ свою очередь обусловливались природой выводимаго животнаго, его наклонностями, привычками и т. п. Кромѣ того немаловажную роль играло и продолжительное господство устной передачи у славянъ, вслѣдствіе чего сказочные мотивы безпрерывно смѣшивались между собой.

Не болѣе какъ варіантомъ 3-й группы представляется сказка: „Котъ, Пѣтухъ и Лиса" (А ѳ. Ск. I² № 17). Разница заключается только въ томъ, что пѣтухъ спасается не собственной хитростью, а при помощи кота или барана, которые первые два раза прибѣгаютъ на крикъ пѣтуха и отбиваютъ его, а въ третій разъ должны выручать его изъ избушки лисы. Стараясь провести лису, котъ обыкновенно наряжается гусляромъ. Мотивъ этотъ невольно напоминаетъ сцену въ романѣ о Ренарѣ. Ренаръ, попавшій въ желтую краску, выдаетъ себя Изенгриму за жонглёра, знающаго всевозможныя пѣсни (Ren. v. 12132 сл.), и обманываетъ его при добываніи скрипки (Ren. v. 11959 слл.).

Помимо варіантовъ, указанныхъ у Аѳанасьева (IV² № 17), сюда должны быть отнесены сказки: „Снѣгурушка и Лиса" (А ѳ. I² № 14), „Колобокъ" (А ѳ. I² № 16 и прим. ср. Kuhn

Sag., Gebr. u. Märch. aus Westfalen II, 235 № 10), „Лисичка та Курочка“ (Рудченко I № 9) и „Зайчик, Лисичка й Пітушок“ (тамъ-же № 16). Въ послѣдней сказкѣ пѣтухъ помѣнялся ролью съ лисою, тогда какъ во второй его мѣсто заступила даже лепешка.

Весьма оригинальной отмѣной того же мотива о похищеніи являются сказки: „Волкъ“ (Аѳ. I № 21), „Свинья и Волкъ“ (тамъ-же № 22) и „Медвѣдь“ (тамъ-же № 25); множество мелкихъ чертъ, встрѣчающихся въ этихъ сказкахъ, развилось вполнѣ своеобразно и самостоятельно.

Варіантами 6-й группы являются начало сказокъ: „Овца, Лиса и Волкъ“ (Аѳ. I², № 9 и прим.) и „Звѣри въ ямѣ“ (тамъ-же № 10), затѣмъ „Сказка пра адново аднабокава барана“ (тамъ-же № 29 и прим.) и „Медвѣдь и Пѣтухъ“ (тамъ-же № 31).

Къ первой сказкѣ присоединился извѣстный мотивъ о ложной клятвѣ. Волкъ обращается къ овцѣ-странницѣ со словами: „вѣдь на тебѣ тулупъ-то мой?“ Лиса, тоже принимающая участіе въ путешествіи, сомнѣвается въ этомъ и заставляетъ его „цѣловать присягу“, т. е. приложиться къ поставленному капкану, и—волкъ попадается. Въ одной сербской сказкѣ подобный споръ рѣшается между ежомъ и лисой; ёжъ слегка дотрогивается лапой до капкана, лиса же ударяетъ сильно и попадается въ него (V. Jagić въ Arch. f. slav. Philol. I, 273 № 2 и прим. II, 631. Valjavec стр. 286 и 287. Чубинскій ук. соч. № 36. Рудченко I № 26). Въ романѣ о Ренарѣ волкъ Изенгримъ (Примо) рѣшается дать клятву Ренару въ вѣчной дружбѣ и попадаетъ ногой въ капканъ (Ren. vv. 4771—4850. Ср. vv. 10769 сл. 13129 сл. 13334. 23012-29. 23050—67. 23582—99. 23951—53. 23982—84. Chaballe Suppl. стр. 263 слл.).

Къ мотиву о звѣряхъ-странникахъ въ сказкѣ о „Звѣряхъ въ ямѣ“ присоединился мотивъ о неудачномъ прыганіи нѣкоторыхъ звѣрей черезъ яму, вслѣдствіе чего они попадаютъ въ нее. Такъ какъ голодъ даетъ себя вскорѣ чувствовать, то лиса предлагаетъ обыкновенно „голосъ тянуть“: „кто всѣхъ тоньше запоетъ, того и скушаемъ“, а затѣмъ: „кто толще всѣхъ запоетъ“; въ первомъ случаѣ жертвой становятся бѣлка или заяцъ, во второмъ иногда волкъ; гибели сильнѣйшаго лиса достигаетъ обыкновенно той или другой хитростью (см. выше стр. 45[1]). Иногда

звѣрь, попавшій въ яму, гибнетъ немедленно (А ө. I², 83. 85). Этому эпизоду отвѣчаетъ въ западныхъ варіантахъ разсказъ о волкѣ въ ямѣ, куда попадаетъ по неосторожности и священникъ, по спинѣ котораго волкъ выскакиваетъ изъ ямы (J. Grimm Lat. Ged. стр. 340 слл. Ren. vv. 7383—7520. Ср. Müllenhoff Sag., Märch. u. Lied. [1845] стр. 155 № ccxij. Asbjörnsen-Dasent стр. 63 сл.). Очень часто въ яму попадаютъ и другіе звѣри; къ нимъ иногда попадаетъ и скрипачъ спасающій свою жизнь только тѣмъ, что до появленія помощи безъ устали играетъ на скрипкѣ (Bäszler Heldengesch. d. Mittelalt. [1877] № 244). Что всѣ эти варіанты находятся вмѣстѣ съ тѣмъ въ непосредственной связи съ разсказомъ о волкѣ въ раю (см. выше стр. 79), доказываетъ между прочимъ сказка трансильванскихъ саксонцевъ, представляющая переходъ къ славянскимъ варіантамъ. Лиса предлагаетъ волку прыгать черезъ колодецъ и волкъ не только попадаетъ въ него, но и подвергается жестокимъ побоямъ (Haltrich Z. deutsch. Thiers. стр. 21 № ij).

Повидимому вполнѣ оригинальнымъ мотивомъ представляется то, что звѣри „тянутъ голосъ", хотя и нельзя положительно отрицать, что черта эта находится, можетъ быть, въ отдаленной связи съ пѣніемъ волка (ср. выше стр. 148).

Постройка избёнки ледяной, лубяной, деревянной и т. п. (А ө. I², 3. 19. 24. 25. Рудч. I № 12), причемъ обитатель ледяной лишается ея весной и просится на постой къ другому звѣрю, котораго онъ обыкновенно выживаетъ, — отвѣчаетъ въ этой же группѣ сказокъ Зимовью звѣрей (см. выше стр 134). Иногда изба замѣняется рукавицей, въ которой поселяются различныя животныя (Рудченко II № 1. Чубинскій ук. соч. № 33).

Что касается прочихъ варіантовъ, входящихъ въ составъ 6-й группы, то сказка про „Однобокаго Барана" заключаетъ тотъ же мотивъ бѣгства, какъ и въ звѣряхъ-странникахъ, именно — жестокое обращеніе владѣльцевъ. Сюда относится длинный рядъ сказокъ, видоизмѣняющихъ основной мотивъ на разные лады, какъ можно судить, напр., по сказкѣ о „Козѣ Лупленой" (А ө. I² № 28 и прим.; подобные же примѣры въ Arch. f. slav. Philol. II, 630 № 28 и прим.). Относительно черты о страхѣ, внушаемомъ козою различнымъ животнымъ въ послѣдней сказкѣ, слѣдуетъ указать на сравненія Бенфея (Pantsch. I, 509). Къ первой

же сказкѣ присоединяется далѣе мотивъ о Бременскихъ музыкантахъ (см. выше стр. 134); онъ же примыкаетъ къ первой половинѣ сказки о „Медвѣдѣ и Пѣтухѣ", тоже входящей въ составъ 6-й группы.

Кромѣ указанныхъ сказокъ встрѣчается масса извѣстныхъ уже мотивовъ, которые пріурочились къ самымъ разнообразнымъ сказкамъ; нерѣдко они принимають довольно своеобразные оттѣнки. Иногда, наоборотъ, отдѣльный мотивъ развивается въ самостоятельную сказку. Съ такимъ двуличнымъ характеромъ является между прочимъ разсказъ о престарѣлой собакѣ (Аѳ. I², 94. Рудч. I №№ 5. 6. Ср. и выше стр. 145), къ которому обыкновенно примѣшивается и мотивъ о пѣніи волка (въ ук. м.).

Смѣшеніе разсказа о престарѣлой собакѣ съ мотивомъ о дроздѣ-кормильцѣ представляетъ начало сказки о „Медвѣдѣ, Собакѣ и Кошкѣ" (Аѳ. I² № 26). Роль дрозда принялъ на себя медвѣдь и сообразно съ этой перемѣной своеобразно видоизмѣнилась и вся сказка.

Мотивъ о томъ, какъ собаки прибѣгаютъ къ пряткамъ, чтобъ наказать нахальнаго волка (см. выше стр. 115), развивается очень часто въ самостоятельный разсказъ или беретъ перевѣсъ надъ другими мотивами, къ которымъ онъ присоединяется (Рудченко I №№ 12. 13. 14. Ср. выше стр. 114). Сюда же относится и упомянутая выше (стр. 52) вотяцкая сказка, хаотическій пересказъ которой ясно обличаетъ заимствованіе.

Весьма распространеннымъ является также разсказъ о томъ, какъ сильно избитый волкъ (обыкновенно послѣ рыбной ловли или посѣщенія въ кладовой) везетъ на своей спинѣ лису, которая прикидывается только больной. Притомъ лиса посмѣивается украдкою надъ глупымъ волкомъ и приговариваетъ: „битый не битаго везетъ" или „больной здороваго везетъ!" (Аѳ. I², 2—4. 10. Караџић Припов.² стр. 179. Veckenstedt стр. 423 № 2 и 97 № 5. Haupt u. Schmaler II, 164 № 6. Vrána I. 52. Бодуэнъ ук. соч. стр. 299. 300. 302. Grimm KHM. № 74. Kuhn Märk. Sag. стр. 300 № 16. J. Grimm R. F. стр. cclxxxv. Haltrich № x. Bartsch Sag., Märch. u. Gebr. aus Meklenburg I [1879] 517 № 24. Teza Rain. стр. 73 Pitrè Fiabe IV, 179. 181. Coelho № viij). И эта черта распространилась благодаря заимствованію; но пока трудно

рѣшить, гдѣ искать источникъ этого своеобразнаго приключенія.

Впрочемъ нельзя не указать на то, что въ восточныхъ разсказахъ мотивъ о катаніи извѣстнаго животнаго на спинѣ другаго встрѣчается весьма часто: то обезьяна разъѣзжаетъ на спинѣ чудовища или черепахи (B e n f e y Pantsch. II, 288. I, 420; ср. L i e b r e c h t Z. Volksk. стр. 122 сл.), то лягушка на змѣѣ (Pantsch. II, 273), то ворона несетъ на себѣ мышь (т а м ъ-ж е II, 167), то верблюдъ служитъ верховой лошадью для лисы, волка и медвѣдя (Ш и ф н е р ъ въ Mém. de l'Acad. Imp. d. Sc. de St.-P. XX № 2 стр. 93 сл.) и т. п. Можетъ быть одна изъ передѣлокъ перваго разсказа, заключающаго въ себѣ всѣ задатки для развитія сцены, подходящей для даннаго случая,—и послужила источникомъ разсказа о катаніи лисы на спинѣ волка.

Необыкновенной популярностью пользовался также разсказъ о „Л и с ѣ-П о в и т у х ѣ“ (А ѳ. І² № 2. V a l j a v e c № lxjx. Ч у д и н с к і й Русск. народн. сказки [1864] № 12. Д р а г о м а н о в ъ ук. соч. стр. 362 № 36. Б о д у э н ъ ук. соч. стр. 301), какъ можно судить по огромному числу варіантовъ, распространенныхъ почти во всѣхъ уголкахъ Европы. Всѣ эти варіанты, помѣченные у Р. К ё л е р а (въ Jb. f. rom. u. engl. Lit. IX, 401) и К о с к э н а (въ Romania VIII, 596 № ljv и прим.), пересказываетъ весьма простой сюжетъ. Обыкновенно дѣйствующими лицами выступаютъ волкъ и лиса. Припрятана у нихъ „кадочка медку“ (или „кринка масла“). Лиса „украдкою постукиваетъ хвостикомъ“ (или пользуется какимъ нибудь шумомъ, звономъ) и говоритъ: „А, знать, меня на новой зовутъ!“ Въ три пріема лиса съѣдаетъ масло и, на вопросъ волка: какъ зовутъ крестниковъ? даетъ послѣднимъ извѣстныя имена: перваго зовутъ „Початочекъ“, втораго—„Серёдышекъ“, третьяго—„Поскрёбышекъ“. Нерѣдко разсказъ на этомъ обрывается, но чаще онъ продолжается. Является желаніе открыть виновника преступленія. Лиса предлагаетъ лечь „на солнышкѣ“ („передъ печкой“ и т. п.): „у кого вытопится медъ, тотъ и виноватъ“. „Глядьпоглядь—у кумы-то и показался медокъ; она нутко скорѣе перемазывать его на волка“ и такимъ образомъ „волкъ, нечего дѣлать, повинился“. Нерѣдко виновность опредѣляется и такъ: wessen Schisz gelb ist.. И пока волкъ засматривается на овецъ, указываемыхъ лисою, vertauschte die Füchsin

die Würste, die sie gemacht hatten (Hahn ук. соч. II, 306 № 89).

Не болѣе какъ варіантомъ того же мотива является разсказъ о кражѣ пирожка съ маковой начинкой (Аѳ. I², 6). Начинку лиса съѣдаетъ тайкомъ и кладетъ въ пирожокъ — „сами догадаетесь чего...“; далѣе слѣдуетъ обвиненіе волка и испытаніе его виновности предложеніемъ „лечь обоимъ противъ солнца“. Въ другихъ варіантахъ того же типа обманывается не волкъ, а „хлопци“ (Аѳ. I², 11. Рудч. II № 4. Чубинскій ук. соч. № 38), которымъ лиса промѣниваетъ испорченный ею пирожокъ на „бичка-третячка“, вслѣдствіе чего дальнѣйшій ходъ сказки конечно измѣняется.

Повидимому всѣ варіанты, относящіеся къ разсказу о „Лисѣ-Повитухѣ“, сложились на европейской почвѣ. Но весьма трудно рѣшить вопросъ: въ какомъ разсказѣ слѣдуетъ усматривать прототипъ всѣхъ этихъ версій? Впрочемъ слѣдуетъ указать на то, что Бенфей (въ GGA. 1871 стр. 2093), касаясь эпизода о рыбной ловлѣ въ сборникѣ Блека, между прочимъ прибавляетъ: in I, 9 [т. е. Bleek стр. 15 № 9] variirt, а этотъ разсказъ заключаетъ въ весьма сокращенной формѣ вторую половину сказки о „Лисѣ-Повитухѣ“, т. е. испытаніе виновности. Шакалъ намазываетъ ночью хвостъ гіены жиромъ (ср. Asbjörnsen u. Moe I, 120: bestrich ihn ... unten beim Schwanz), и весь жиръ, хранившійся въ домѣ, онъ съѣдаетъ. Уличенная гіена подвергается жестокимъ побоямъ. Если и допустить, что это варіантъ разсказа о рыбной ловлѣ, то развѣ по отношенію ко второй половинѣ даннаго разсказа; если же имѣть въ виду весь разсказъ, то скачекъ во всякомъ случаѣ великъ и Бенфей самъ точно думалъ въ этомъ случаѣ скачками. По крайней мѣрѣ для насъ неуловимы нити, связывающія оба разсказа.

Самостоятельнымъ развитіемъ на извѣстныя уже темы представляется между прочимъ сказка „Ворона и Ракъ“ (Аѳ. I² № 37). Это—разсказъ Панчатантры „Журавль и Ракъ“ (Benfey Pantsch. II, 58), видоизмѣненный подъ вліяніемъ басни Эзопа о „Воронѣ и Лисицѣ“ (Halm № 204. Мартыновъ № 204). Ракъ, уносимый вороной, освобождается тѣмъ, что поетъ ей похвалы. Ворона отъ удовольствія „крякнула... во весь ротъ и упустила рака въ море“.

Повидимому подражаніемъ кучевымъ сказкамъ (если позволено приблизительно передать терминъ Häufungsmärchen, установившійся за подобными сказками у нѣмцевъ) является разсказъ о ночлегѣ лисы (А ѳ. I², 4. 15 сл. Рудченко I № 7). Лисица просится къ кому нибудь переночевать: „сама лягу на лавочку. хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку“. Утромъ она сжигаетъ скалку и спрашиваетъ мужика: „гдѣ же моя скалочка? Я за нее и гусочку не возьму!“ Получивъ гусочку, лиса точно такимъ же путемъ мѣняетъ ее на индюшечку. затѣмъ на „невѣсточку“, вмѣсто которой мужикъ сажаетъ собакъ въ мѣшокъ. Еще чаще лиса не мѣняетъ, а скрываетъ свою собственность и требуетъ вознагражденія утраченнаго; такимъ образомъ она добываетъ постепенно курочку, гуська, барашка и бычка. Тотъ же сюжетъ встрѣчается въ одной португальской сказкѣ (Coelho № x), но тутъ котъ воруетъ извѣстную вещь, промѣниваетъ ее на другую и потомъ вновь требуетъ возвращенія прежней вещи, оставляя однако у себя и предметъ, добытый обмѣномъ.

Совершенно самостоятельной формаціей, образовавшейся на русской почвѣ, представляется разсказъ о катаніи лисы на санкахъ (А ѳ. I², 9. 12. 16. [14]. Рудченко II № 4. Чубинскій № 38). То волкъ, то лиса ломаютъ своей тяжестью санки, строятъ ихъ вновь и одинъ изъ строителей съѣдаетъ обманомъ бычка, впряженнаго въ сани.

Сказку о „Лисѣ-Плачеѣ“ (А ѳ. I² № 6), помимо нѣкоторыхъ побочныхъ мотивовъ въ родѣ боба, выростающаго до неба, собакъ, упрятываемыхъ въ мѣшокъ, и т. п.—слѣдуетъ тоже отнести къ чисто самостоятельнымъ разсказамъ.

Тѣмъ же независимымъ характеромъ отличается и сказка „Журавль и Цапля“ (А ѳ. I², № 36). Журавль сватается за цаплю, но получаетъ отказъ; вскорѣ цапля надумывается и рѣшаетъ; „чѣмъ жить одной, лучше пойду замужъ за журавля“; но теперь журавль отказывается, затѣмъ снова раздумываетъ и получаетъ вторичный отказъ; та же исторія съ цаплей, затѣмъ опять съ журавлемъ и т. д. „Вотъ такъ-то и ходятъ они по сю пору одинъ на другомъ свататься, да никакъ не женятся“. Разсказъ этотъ относится къ числу тѣхъ шутливыхъ сказокъ (т. наз. Vexirmärchen), извѣстнѣйшимъ образцомъ которыхъ является разсказъ Санчо Пансы о томъ, какъ рыбакъ, по просьбѣ пастуха, взялся перевозить стадо козъ, состоявшее изъ 300 штукъ, въ крошечной лодкѣ, вмѣ-

щавшей въ себѣ только перевощика и одну козу: кто не помнитъ числа перевезенныхъ козъ, тому нельзя сообщить и продолженія сказки.

Вполнѣ оригинальнымъ произведеніемъ является также „Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ“ (А ѳ. I², № 41 и прим. [IV², 36 слл.]; ср. Ровинскій I, № 173 и прим. [IV. 271 слл.]), которая восходитъ къ извѣстной Повѣсти о Ершѣ XVI в., изображающей въ сатирической картинѣ порядокъ судопроизводства на Руси той же эпохи. Повѣсть эта разобрана А. Н. Пыпинымъ (Очеркъ стр. 299 сл.) и А. Н. Веселовскимъ (въ Ист. русск. словесности А. Галахова I², 508 слл.). Сопоставляя Повѣсть о Ершѣ съ поэмами о животныхъ на западѣ, нельзя не привести здѣсь взгляда послѣдняго ученаго: „Повѣсть о Ершѣ“, говоритъ онъ (въ ук. м. стр. 511), „ближе по замыслу къ животнымъ поэмамъ Западной Европы, чѣмъ къ доморощеной звѣриной сказкѣ: послѣдняя не дала ей ни одного мотива, съ первыми у нея общая сатирическая цѣль, самостоятельно внушенная тамъ и здѣсь опредѣленнымъ отношеніемъ къ явленіямъ общественной жизни“. Къ этому мнѣнію нечего больше присоединять.

Изъ сопоставленія и разбора отмѣченныхъ выше группъ животныхъ сказокъ приходится неизбѣжно вывести заключеніе, что громадное большинство животныхъ сказокъ обязано своимъ существованіемъ на европейскомъ континентѣ заимствованію сюжетовъ съ востока. Но во время перехода и въ предѣлахъ новой родины сюжеты эти такъ сильно видоизмѣнялись, разрастались и пріукрашивались мотивами разнообразныхъ животныхъ сказокъ, что мало по малу утрачивали осязательные признаки сходства по отношенію къ оригиналамъ и принимали видъ чисто самостоятельныхъ произведеній. Правда, многія животныя сказки вслѣдствіе ряда такихъ превращеній утрачивали свой первоначальный характеръ и чисто животная сказка становилась полуживотной или подчинялась вліянію антропоморфизма и т. п. Впрочемъ отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы вслѣдствіе этого новаго отпечатка животныя сказки, напр., славянъ лишены были всякаго самостоятельнаго значенія. Въ данномъ случаѣ мы раздѣляемъ взглядъ Л. Ф. Воеводскаго (О занятіяхъ по критикѣ и миѳологіи гомеровскаго эпоса [1880] стр. 49 сл.), который, съ точки зрѣнія миѳическихъ сказокъ,

вооружается противъ возможности отрицанія подобной самостоятельности. Даже болѣе, за славянами необходимо признать необыкновенный даръ поэтическаго творчества, а миѳическимъ ихъ сказкамъ и Бенфей (въ Ausland 1858 стр. 1018) приписываетъ „необыкновенную законченность формъ“. Относительно животныхъ сказокъ опредѣленіе это примѣнимо въ значительно меньшей степени.

Помимо восточнаго вліянія животныя сказки не только западныхъ славянъ, но и русскихъ обнаруживаютъ явные слѣды заимствованія со стороны запада. Сопоставленіе цѣлаго ряда варіантовъ въ разсмотрѣнныхъ выше группахъ обнаружило притомъ путь, по которому шло заимствованіе: онъ уклоняется болѣе къ югу, принимаетъ видъ кривой линіи; другими словами: посредниками при передачѣ животныхъ сказокъ и отдѣльныхъ мотивовъ являются преимущественно южные славяне и вообще народы, заселявшіе юго-восточный уголъ Европы. Т. обр. ясно обнаруживаются два теченія; одно восточное, двигавшееся на Русь при посредствѣ Византіи, другое, направлявшееся непосредственно съ запада.

Эпоху западнаго теченія опредѣлить весьма трудно; во всякомъ случаѣ оно едва ли происходило ранѣе XIV в., т. е. не ранѣе составленія такъ наз. разсѣянныхъ басенъ (см. выше стр. 55).

Вообще значеніе теоріи заимствованія по отношенію къ животнымъ сказкамъ приходится не только ограничивать, но напротивъ расширять, такъ какъ теорія равномѣрнаго психическаго развитія далеко не въ состояніи объяснить всѣхъ явленій сходства въ области животнаго эпоса. Въ случаѣ же отрицанія этого утвержденія можно бы предложить вопросъ, на который—какъ бы ни казался онъ страннымъ—слѣдовало бы дать отвѣтъ хотя бы изъ вѣжливости: такъ какъ по ступенямъ общихъ пріемовъ психическаго процесса проходили всѣ народы, то отчего же не у всѣхъ народовъ безъ исключенія встрѣчаются одни и тѣ же животныя сказки? Отчего, напр., о рыбной ловлѣ въ проруби не разсказывается у якутовъ, зырянъ и др., а только у лопарей, арійцевъ, вообще, народовъ, которыхъ заимствованіе какъ бы встрѣчало на своемъ пути? Если бы тѣ же вопросы кто нибудь вздумалъ примѣнить къ теоріи заимствованія, то на нихъ послѣдовалъ бы весьма простой отвѣтъ: оттого не встрѣчаются одни и тѣ же животныя сказки у всѣхъ пле-

[illegible]. [illegible] обличаютъ слѣды заимствованія, что [illegible] еще и не будетъ примѣровъ, чтобы одинъ народъ заимствовалъ у другаго весь запасъ сказокъ цѣликомъ. Напротивъ, заимствуются или отдѣльныя сказки или отдѣльные мотивы, которые всегда передѣлываются сообразно мѣстнымъ условіямъ и приспособляются къ народнымъ воззрѣніямъ вообще.

Съ этой точки зрѣнія животнымъ сказкамъ пристало и названіе „народныхъ“, хотя большинство изъ нихъ восходитъ къ литературнымъ источникамъ. Слѣдовательно, оттѣнокъ народнаго элемента и наивный тонъ далеко еще не составляютъ существенныхъ признаковъ чисто народныхъ сказокъ. Вотъ почему замѣчаніе: „можетъ быть, многія изъ европейскихъ животныхъ сказокъ придется оставить подъ сомнѣніемъ: насколько онѣ народны, т. е. насколько онѣ могутъ отвѣчать на вопросъ о народныхъ началахъ миѳа“ А. Н. Веселовскій въ Вѣстн. Евр. 1873 № 10 стр. 821,—пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ особое значеніе, такъ какъ возможно подробный разборъ животныхъ сказокъ, представленный выше, подтверждаетъ это замѣчаніе.

Нельзя еще обойти молчаніемъ тотъ странный, повидимому, фактъ, что выше не представлялось ни одного случая, на основаніи котораго можно было бы утверждать, что сказочный матеріалъ перешелъ къ русскимъ изъ рукъ монголовъ, т. е. не встрѣчается подтвержденія мнѣнію Бенфея о громадномъ вліяніи монголовъ на славянъ и важномъ ихъ значеніи въ качествѣ посредниковъ при передачѣ индѣйскихъ сказокъ вообще (ср. выше стр. 13). Напротивъ въ виду всего выше изложеннаго необходимо вывести заключеніе, что по крайней мѣрѣ животныя сказки не проходили черезъ ихъ руки, можетъ быть ихъ вліянію слѣдуетъ приписать посредство устной передачи, но это, къ сожалѣнію, едва ли возможно показать. Мнѣніе же А. Н. Веселовскаго (Соломонъ и Китоврасъ стр. VI), что „разсказы [illegible] и монголовъ-номадовъ мы должны принять на вѣру“ съ одной стороны доказываетъ, что и въ другихъ памятникахъ народныхъ сказаній посредство монголовъ не примѣнимо, съ другой — оно подтверждается и разсматриваемой областью животныхъ сказокъ.

Обращаясь наконецъ къ результатамъ, вытекающимъ изъ всего выше сказаннаго, мы находимъ, что пункты: 3-й, 5-й, 7-й, 8-й и 10-й, выставленные въ первой главѣ (см. выше стр. 54), подтверждаются доводами, представленными въ настоящей главѣ; 6-й же пунктъ первой главы долженъ подвергнуться извѣстному видоизмѣненію и тогда, кромѣ упомянутыхъ пунктовъ, получатся слѣдующіе выводы:

1. Только отдѣльные моменты сходства могутъ быть объясняемы процессомъ равномѣрнаго психическаго развитія; сходство на всемъ протяженіи разсказа и такихъ отдѣльныхъ чертъ, толкованіе которыхъ при помощи теоріи общихъ мѣстъ представляетъ несообразности, — необходимо объяснять теоріей заимствованія.

2. Большинство животныхъ сказокъ на европейскомъ континентѣ представляетъ заимствованіе съ востока; значительная часть этихъ „народныхъ“ сказокъ восходитъ къ литературнымъ образцамъ; только весьма ограниченное число отличается оригинальнымъ характеромъ, самостоятельностью.

3. Часть животныхъ сказокъ перешла съ востока на западъ цѣликомъ; часть же развилась на европейской почвѣ изъ отдѣльныхъ мотивовъ индѣйскихъ сказокъ, изъ басенъ Эзопа и другихъ источниковъ.

4. Животныя сказки неслись на Русь по двумъ теченіямъ:

a) восточно-византійскому и

b) западному;

оба теченія сливались нерѣдко въ одинъ потокъ въ юго-восточномъ углу Европы, т. е. къ юго-западу отъ Руси.

5. Животныя сказки съ своимъ кажущимся разнообразіемъ сводятся къ довольно ограниченному числу основныхъ мотивовъ.

6. Многія животныя сказки съ теченіемъ времени подверглись вырожденію:

a) частью въ нихъ внесенъ былъ элементъ полуживотный,

b) частью они подчинились антропоморфизму.

7. Славянскія—въ томъ числѣ и русскія—сказки о животныхъ находятся очень часто на болѣе позднѣй ступени развитія, чѣмъ западныя.

8. Животныя сказки западныхъ славянъ находятся почти подъ исключительнымъ вліяніемъ запада.

9. Въ славянскихъ сказкахъ о животныхъ господство устной передачи проявляется сильнѣе, чѣмъ у романо-германскихъ племенъ.

III.

Главнѣйшіе вопросы въ сферѣ средневѣковыхъ поэмъ о животныхъ.

Dê meiste hat twischen vos unde wulve,
sô ik merke, was it dit sulve,
dat Reinke, dê sulve lôse dêf,
mit der wulfinnen bôlerîe drêf.
Reinke v. 1103.
Wente it was eins sô vêrn gekomen
dat ein dach wart upgenomen,
men scholde desse sake richten efte schêden.
Reinke v. 51.

Всѣ вопросы, касающіеся литературныхъ обработокъ животнаго эпоса въ средніе вѣка, во всѣхъ отношеніяхъ были довольно обстоятельно разобраны Я. Гриммомъ все въ томъ же извѣстномъ трудѣ о Рейнгартѣ (Reinhart Fuchs. Berlin 1834). Излишне было бы поэтому поднимать здѣсь снова всѣ вопросы безъ исключенія. Достаточно ограничиться пересказомъ результатовъ. Притомъ здѣсь можетъ быть рѣчь только о тѣхъ вопросахъ, которые съ теченіемъ времени подвергались различнымъ видоизмѣненіямъ со стороны критики или вообще требуютъ критической оцѣнки.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе составъ поэмъ о животныхъ.

Древнѣйшими поэмами о животныхъ являются двѣ поэмы, Isengrimus и Reinardus, написанныя элегическими стихами. Первая относится къ началу XII в. и издана по пергаментной рукописи XIV в. Я. Гриммомъ (R. F. стр. 1—24; ср. lvij сл. lxv сл.); вторая принадлежитъ половинѣ XII в. (R. F. стр. lxxxiij слл.) и издана по тремъ пергаментнымъ

рукописямъ XIII и XIV вв. Мone ([1]). Первая поэма возникла въ южной Фландріи (J. Grimm R. F. стр. lxjx), вторая—въ сѣверной (стр. lxxviij). Составлены эти поэмы лицами, принадлежавшими духовному званію (стр. lxv сл. lxxxj сл.), но извѣстно имя только автора „Рейнарда"; это—нѣкто magister Nivardus (J. Grimm Latein. Gedichte стр. xjx*)).

Въ „Изенгримѣ", состоящемъ изъ 688 стиховъ, въ первыхъ 527 стихахъ разсказывается о болѣзни льва. Такъ какъ эпизодъ этотъ играетъ главную роль во всѣхъ поэмахъ, то содержаніе его необходимо передать нѣсколько подробнѣе.

Левъ боленъ. Не спится ему, не ѣстъ онъ; онъ опасается усиленія болѣзни съ наступленіемъ лѣтняго зноя и велитъ себѣ устроить ложе въ тѣнистомъ лѣсу. Онъ отдаетъ приказъ созвать всѣхъ звѣрей, такъ какъ намѣренъ объявить всѣмъ свою волю, намѣренъ потребовать отъ подданныхъ присяги въ вѣрности его супругѣ, его наслѣдникамъ. Его царское слово ручается всѣмъ въ полной безопасности и въ мирѣ. Являются всѣ звѣри, но не является Ренаръ. Изенгримъ радъ, что можетъ строить Ренару козни. Всѣ звѣри, по чину, молча занимаютъ свои мѣста, тогда какъ Изенгримъ пробирается къ трону. Всѣ поднимаютъ его на смѣхъ, а царь воображаетъ, что онъ намѣренъ сообщить ему о какомъ нибудь цѣлебномъ средствѣ. Изенгримъ откашливается, высказываетъ убѣжденіе, что царь выздоровѣетъ, обвиняетъ Ренара въ измѣнѣ и совѣтуетъ льву съѣсть сначала барана, а затѣмъ козла. Изенгримъ ненавидѣлъ ихъ, какъ и Ренара, за жестокое обращеніе съ нимъ въ домѣ серны (см. выше стр. 126). Сначала царю слѣдуетъ съѣсть ихъ печень, а затѣмъ мясо, причемъ Изенгримъ старается объяснить, что умерщвленіе барана и козла вовсе не будетъ

([1]) Reinardus Vulpes. Carmen epicum seculis IX et XII conscriptum; ed. F. J. Mone. 1832. Упомянутыя три рукописи ABC, изъ которыхъ первыя двѣ находятся въ университетской библіотекѣ въ Люттихѣ, а третья въ Парижѣ, описаны у Мone ук. соч. стр. 300 слл. Ср. также J. Grimm R. F. стр. lxx. Двѣ другія рукописи, D и E,—первая XIII, вторая XIV в., — описаны Мone же въ Anzeiger f. Kunde d. deutsch. Mittelalt. IV, 465 слл. и 456 слл. См. кромѣ того весьма обстоятельные комментаріи къ изданію Моne, которые представилъ J. H. Bormans Notae in Reinardum Vulpem ex editione F. J. Mone. Gandavi 1836.

нарушеніемъ провозглашеннаго мира. Козелъ (Berfridus) и баранъ (Ioseph) вскакиваютъ, прогоняютъ Изенгрима ударами своихъ роговъ, заявляютъ, что такой невѣжа какъ Изенгримъ не можетъ знать, какія кушанья полезны, какія вреды, и сожалѣютъ, что нѣтъ Ренара, который умѣлъ бы предписать полезную для царя пищу. Оба падаютъ ницъ передъ царемъ, который милостиво приказываетъ занять имъ свои мѣста. Но левъ въ гнѣвѣ отдаетъ приказъ привести Ренара. Посломъ отправляется заяцъ (Guttherо), который сообщаетъ Ренару о ябедѣ Изенгрима и о гнѣвѣ царя. Ренара даже радуетъ это извѣстіе; онъ внушаетъ зайцу, чтобы онъ сказалъ, что не встрѣчалъ его нигдѣ. Разжирѣвшій Ренаръ рѣшается наконецъ отправиться въ путь. Онъ собираетъ цѣлебныя травы, собираетъ изношенныя подошвы и отправляется ко двору. Неудостоившись отвѣта на свои поклоны, Ренаръ разражается упреками: будь онъ богатъ,—на него взглянули бы благосклонно, его вѣрноподданническія услуги были бы приняты милостиво; впредь и онъ не намѣренъ поступать честно. Наконецъ царь обращается къ нему съ вопросомъ и Ренаръ указываетъ на свои заслуги, указываетъ на то, что, когда всѣ бароны поспѣшили къ его двору, онъ одинъ отправился въ Салерно и—вотъ сколько износилъ подошвъ, причемъ онъ перечисляетъ ихъ по латыни (dinumerat Latio, v. 174). т. е. по итальянски ([1]). Ренаръ заявляетъ, что съ нимъ сокровища Гиппократа и что онъ вылѣчитъ его извѣстными зельями, сдѣлавъ настой; но для успѣшнаго лѣченія требуется еще одна вещь, которую не такъ-то легко добыть. Царь требуетъ, чтобъ Ренаръ только заявилъ, что это такое, а онъ ужъ непремѣнно добудетъ эту вещь, гдѣ бы она не находилась или кому бы не принадлежала. Ренаръ сообщаетъ, что нужна шкура волка, которому три съ половиною года; она будетъ способствовать вытягиванію лихорадочнаго жара изъ тѣла; когда минетъ надобность въ ней, ее возвратятъ обладателю. Услышавъ это, волкъ старается скрыться. Всѣ звѣри начинаютъ подтрунивать надъ нимъ, а медвѣдь (Bruno) настойчивѣе другихъ требуетъ выдачи шкуры. Изенгримъ возражаетъ, что за себя онъ не опасается, такъ какъ Ренаръ требуетъ шкуры молодаго волка.

([1]) См. объ этомъ J. Grimm R. F. стр. lxv.

а онъ уже старъ. Ренаръ считаетъ это заявленіе только пустой отговоркой, такъ какъ въ домѣ серны Изенгримъ увѣрялъ, что ему всего два [1] съ половиною года, а съ тѣхъ поръ прошелъ всего годъ. Ренаръ призываетъ притомъ въ свидѣтели козла и барана; и оселъ свидѣтельствуетъ, что былъ караульнымъ у дверей. Ренаръ снова приглашаетъ Изенгрима выдать шкуру. Наконецъ въ споръ вступается и левъ, который заявляетъ, что вмѣсто того, чтобы кричать на Изенгрима, какъ на вора, ему слѣдуетъ помочь скинуть одежду, такъ какъ онъ стыдится сдѣлать это безъ посторонней помощи. Медвѣдь не считаетъ такую услугу для себя униженіемъ и сдираетъ съ Изенгрима шкуру, остатки которой остаются только на головѣ и лапахъ волка. Ренаръ любуется багровымъ одѣяніемъ Изенгрима и дѣлаетъ ему упрекъ въ томъ, что онъ не проситъ у царя прощенія за прежнюю проволочку. Изенгримъ протягиваетъ лапы и преклоняетъ голову. Ренаръ и тутъ возмущается, такъ какъ Изенгримъ, съ покрытой головой и въ перчаткахъ, похожъ скорѣе на вызывающаго на бой, чѣмъ на просящаго извиненія. Но царь отклоняетъ предложеніе снять съ волка остатки шкуры и милостиво прощаетъ его. Не удостоивъ никого поклономъ, Изенгримъ удаляется; дни онъ проводитъ въ пещерахъ (in devexorum concavitate, v. 506), а ночи на росистыхъ лугахъ. Выпивъ цѣлебный напитокъ, царь, покрытый волчьей шкурой, засыпаетъ; на тѣлѣ его выступаетъ потъ, лихорадка исчезаетъ и, проснувшись, больной самъ требуетъ пищи. Вскорѣ левъ окончательно выздоравливаетъ, устраиваетъ роскошный пиръ и оказываетъ необыкновенныя почести Ренару; послѣдній можетъ даже „безстрашно шагать по слѣдамъ его хвоста“ (v. 519) и попадаетъ въ число царскихъ совѣтниковъ. Царь требуетъ, чтобы Ренаръ, ради развлеченія, разсказалъ о приключеніи Изенгрима въ домѣ серны.

Далѣе слѣдуетъ разсказъ Ренара о паломничествѣ серны (см. выше стр. 126).

Сюжетъ о больномъ львѣ пересказывался довольно подробно почти двумя столѣтіями раньше „Изенгрима“ въ

(²) Выше стр. 127, въ концѣ вар. 𝔄, вмѣсто вкравшейся ошибки «три»... слѣдуетъ читать: два съ половиною года (dimidians lustrum, v. 688).

Ecbasis (см. выше стр. 32) (1). Поэма эта, написанная т. наз. леонинскимъ гекзаметромъ, состоитъ изъ двухъ разсказовъ, изъ которыхъ одинъ служитъ рамкой для другаго. Разсказъ, служащій рамкой, передаетъ о бѣгствѣ теленка или „выходѣ плѣннаго", согласно заглавію.

Сорвавшись съ привязи, теленокъ пустился бѣжать въ надеждѣ догнать стадо и пристать къ матери. Къ несчастію, онъ плутаетъ и встрѣчается въ лѣсу съ волкомъ, который отводитъ его въ свою пещеру съ намѣреніемъ вознаградить себя за продолжительный постъ свѣжимъ мясомъ. Теленокъ молитъ о пощадѣ, ссылаясь на **миръ**, оповѣщенный отъ имени короля Генриха. Волкъ откладываетъ казнь до слѣдующаго утра. Являются его слуги, выдра и ежъ, которые приносятъ ему пищу,—рыбу и зелень. Поручивъ присмотръ за теленкомъ выдрѣ, волкъ, подъ звуки цитры и пѣніе ежа, засыпаетъ. Просыпается волкъ подъ впечатлѣніемъ страшнаго **сна**, которому выдра придаетъ зловѣщее толкованіе, пророча предстоящую гибель. Дѣйствительно, пропажа теленка открыта, собака ведетъ все стадо къ логовищу волка и начинается осада. Волкъ храбрится, ободряетъ своихъ вассаловъ и радуется особенно тому, что въ числѣ осаждающихъ нѣтъ лисы, его злѣйшаго **врага**. Слуги желаютъ узнать причину его ненависти по отношенію къ лисѣ, и волкъ передаетъ имъ эпизодъ **о болѣзни льва**. Въ награду за излѣченіе, левъ даровалъ лисѣ грамоту на владѣніе укрѣпленіемъ, отнятымъ у лисы при помощи хитрости волкомъ, мстившимъ за смерть отца; затѣмъ уже оно перешло по наслѣдству къ волку-разсказщику. Выслушавъ разсказъ, выдра взбирается на холмъ и замѣчаетъ вдругъ ли-

---

(1) Впрочемъ къ изданіямъ, приведеннымъ въ ук. м., слѣдуетъ еще присоединить рядъ рецензій, заключающихъ различныя поправки (иногда и полемику): Peiper въ Zs. f. deutsch. Alterth. XX, 87 слл. и Seiler въ ук. м. XXII, 296 слл. Seiler въ Zs. f. deutsche Philologie VIII, 362 слл. и Zacher въ ук. м. стр. 374 сл. Bartsch въ Germania XXII, 97 и его же въ ук. м. XXIII, 254 сл. Рядъ другихъ статей и рецензій остался для насъ недоступнымъ: Rathai въ Zs. f. österr. Gymnasien XXVII, 676. Рецензія [?] Im neuen Reich 1875 № 37.—Grosse въ Wissenschaftl. Monatsblätter 1875 № 7 стр. 102. Heidbreede въ Bielefelder Gymnasial-Progr. 1841. Obbarius въ Arch. f. Phil. u. Pädag. XVII, 286.

су, потрясающую царской грамотой и угрожающую приверженцамъ волка царскимъ гнѣвомъ. Послѣднiе, устрашенные угрозой, скрываются, а волкъ, вызванный изъ крѣпости льстивыми рѣчами лисы, погибаетъ на рогахъ быка.

Въ эту рамку вставленъ разсказъ о больномъ львѣ, разсказъ, представляющiй собственно главный интересъ. Любопытны преимущественно разногласiя, которыя представляетъ одинъ и тотъ же разсказъ въ „Изенгримѣ" и въ Ecbasis. Въ виду довольно подробнаго разбора послѣдней поэмы, представленнаго Я. Гриммомъ (Lat. Ged. стр. 304 слл.), здѣсь достаточно коснуться извѣстныхъ только чертъ, притомъ не съ точки зрѣнiя предвзятой индогерманской теорiи.

Левъ страдаетъ болѣзнью печени. Всѣ звѣри вызваны ко двору (для уплаты десятины, какъ толкуетъ Voigt Ecbasis стр. 94) и волкъ, въ качествѣ казначея, слѣдитъ за ихъ появленiемъ. Отсутствующая лиса подвергается опалѣ: кто ее схватитъ тотъ можетъ оторвать ей члены (membratim membra resolvat, v. 406). Волкъ придумываетъ чудовищныя пытки и воздвигаетъ высокую висѣлицу. Барсъ, сочувствующiй (condoluit pardus, v. 409) лисѣ, предупреждаетъ ее объ опасности. Лиса произноситъ молитву и угощаетъ друга; затѣмъ оба поютъ „духовныя пѣсни и открываютъ другъ другу свою душу (se excutiunt, v. 421). Льву лиса говоритъ, что способъ лѣченiя сообщенъ ей лысухой (fulica), съ которой она встрѣтилась близъ Геннисаретскаго озера. Лысуха совѣтовала ей возвращаться черезъ Римъ и Бордо, гдѣ къ ней присоединится папугай. Близъ Павiи лиса встрѣчается съ аистомъ, который толкуетъ ей о томъ же средствѣ и совѣтуетъ кромѣ того возносить мольбы къ св. Апру. Гнѣвъ льва постепенно исчезаетъ и лиса сообщаетъ наконецъ свое цѣлебное средство. Оно состоитъ въ томъ, что медвѣдь и рыси должны содрать съ волка шкуру, тогда какъ она, лиса, натретъ поясницу, бока и пахъ больнаго мозгомъ рыбы, привезенной изъ Индiи; шкурой волка она закутаетъ царя и лихорадочный жаръ исчезнетъ. Усѣвшись у постели больнаго, лиса укоряетъ затѣмъ всѣхъ звѣрей, что они поспѣшили обвинить ее и обошли даже обычай троекратнаго предварительнаго вызова виновнаго. Царь дѣлаетъ лису первымъ сановникомъ, маiоръ-домомъ (domus comes, v. 565), предъ властью котораго всѣ преклоняются. Лиса назначаетъ дворецкимъ леопарда, которому

поручаетъ избрать достойныхъ на различныя придворныя должности. Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе распредѣленія различныхъ должностей между звѣрями, ссоры послѣднихъ между собой, описаніе пира, вѣнчанія на царство барса благодаря проискамъ лисы, описывается пѣніе дрозда и соловья, распѣвающихъ духовныя пѣсни, появленіе попугая и лебедя, которые вмѣстѣ съ прежними пѣвцами составляютъ квартетъ, говорится о дарованіи царской грамоты лисѣ на владѣніе укрѣпленіемъ и о разъѣздѣ всѣхъ гостей.

При сравненіи „Изенгрима“ и Ecbasis тотчасъ бросается въ глаза, что зерно обѣихъ поэмъ составляетъ разсказъ о больномъ львѣ, разсказъ, развившійся изъ басни Эзопа о „Львѣ, Волкѣ и Лисицѣ“ (см. выше стр. 31). Но въ обѣихъ поэмахъ является уже цѣлый рядъ новыхъ чертъ. Въ басни Эзопа злополучный волкъ погибаетъ, въ Ecbasis онъ тоже погибнетъ отъ послѣдствій жестокой операціи, но передъ смертью къ нему являются еще всѣ звѣри и въ концѣ концовъ лиса, которые издѣваются надъ несчастнымъ. Послѣдняя черта развита очевидно изъ замѣчанія лисы въ басни Эзопа: „Лисица, смѣючись, сказала: подѣломъ“...

Въ „Изенгримѣ“ и многихъ позднѣйшихъ поэмахъ волкъ не погибаетъ. Почему? — кажется, весьма естественно;— чтобъ имѣть возможность развивать разсказъ дальше, заставить участвовать волка въ другихъ приключеніяхъ..

Въ Ecbasis нѣтъ собственныхъ именъ звѣрей, что Я. Гриммъ (Lat. Ged. стр. 307) считаетъ весьма „печальнымъ“ обстоятельствомъ, такъ какъ нельзя, понятно, толковать объ исконномъ существованіи собственныхъ именъ главныхъ героевъ „нѣмецкой животной саги“. Напротивъ, вмѣсто мнимаго царя звѣрей, — медвѣдя, выступаетъ настоящій царь звѣрей,—левъ. Мало того появляется цѣлый рядъ заморскихъ звѣрей въ родѣ леопарда, барса, слона, попугая и т. п. Какъ примирить появленіе этихъ заморскихъ звѣрей съ теоріей о „нѣмецкой животной сагѣ“? Очень просто. По мнѣнію Я. Гримма (тамъ же стр. 310) всѣ эти звѣри не болѣе какъ позднѣйшая замѣна извѣстныхъ туземныхъ звѣрей, „какъ нѣмецкій медвѣдь превратился въ льва“. На самомъ же дѣлѣ все объясняется проще. Автору, который вращается только въ сферѣ Св. Писанія, Горація и др. древнихъ писателей (J. Grimm тамъ же стр. 313 слл. Voigt Ecb. стр. 27 слл.), могъ почерпнуть свой сюжетъ только

изъ книгъ; слѣдовательно изъ книгъ же перешли въ его поэму и заморскіе звѣри. Впослѣдствіи, когда сюжетъ этотъ сталъ приближаться болѣе къ народной средѣ, т. е. когда авторы стали болѣе удовлетворять народному вкусу, что обусловливалось и ихъ собственнымъ положеніемъ, то всѣ эти заморскіе звѣри стали замѣщаться туземными. Произошло то прилаживаніе литературныхъ сюжетовъ къ народнымъ воззрѣніямъ, которое обнаруживается въ цѣломъ рядѣ „народныхъ" сказокъ.

Черта о подтруниваніи надъ волкомъ развита въ „Изенгримѣ" подробнѣе. чѣмъ въ Ecbasis. И сцена, изображающая отказъ, точнѣе, естественный страхъ волка выдать свою шкуру, представляется болѣе сложной.

Къ лѣченію волчьей шкурой, согласно басни Эзопа, въ обѣихъ поэмахъ присоединяются и другія средства: въ „Изенгримѣ" — это зелья, въ Ecbasis — мозгъ индѣйской рыбы; впрочемъ и въ первой поэмѣ какъ на цѣлебное средство указывается на печень козла и барана. Эти черты основаны на извѣстномъ повѣріи, существовавшемъ уже въ Индіи: кто съѣдалъ извѣстную „благородную часть" тѣла какого нибудь животнаго, тотъ непремѣнно выздоравливалъ отъ разныхъ недуговъ или достигалъ необыкновеннаго счастія, или добивался почестей и богатства и т. п. Такъ, въ Панчатантрѣ (Benfey Pantsch. II. 286) супруга крокодила желаетъ съѣсть сердце обезьяны, чтобъ избавиться „отъ старости и смерти". Вообще въ качествѣ цѣлебныхъ средствъ отъ разныхъ болѣзней очень часто упоминается сердце (Benfey Pantsch. I, 214[1]. 424. 426. Liebrecht Z. Volksk. стр. 122); иногда въ связи съ другими снадобьями (Jagić въ Arch. f. slav. Philol. II. 636), печень (Benfey ук. соч. I, 214[1]. Gonzenbach Sicil. Märch. II, 181). мозгъ (Benfey ук. соч. I, 248) и т. п. Очень можетъ быть, что черта эта, какъ „обще-человѣческая", по выраженію Бенфея (ук. соч. I, 426), какъ въ латинскихъ поэмахъ, такъ и въ Панчатантрѣ существуетъ вполнѣ независимо; тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ упускать изъ виду господство разныхъ лѣчебниковъ, травниковъ и т. п. въ средніе вѣка; а лѣчебники эти составлялись преимущественно на основаніи медицинскихъ свѣдѣній, выработывавшихся на востокѣ. Кромѣ того, необходимо обратить вниманіе и на то, что лиса сама указываетъ на

рыбу, добытую въ Индіи, вообще, что цѣлебныя средства приносятся изъ дальнихъ странъ [1].

Пока можно ограничиться сдѣланными замѣчаніями, такъ какъ для дальнѣйшихъ замѣтокъ необходимо предварительно ознакомиться съ другими обработками разсказовъ о Ренарѣ.

Слѣдующая за „Изенгримомъ“ поэма, Reinardus, не ограничивается уже двумя разсказами, а цѣлымъ рядомъ приключеній, группирующихся, согласно изданію Моне, въ четырехъ книгахъ. Первая книга состоитъ изъ 3 приключеній, вторая изъ одного разсказа, третья изъ 6 приключеній и четвертая изъ 5. Въ дѣйствительности этихъ приключеній меньше.

Два разсказа „Изенгрима“ удержались и въ „Рейнардѣ“: частью они перешли въ послѣднюю поэму цѣликомъ, частью въ сокращенномъ видѣ, частью съ присоединеніемъ значительныхъ дополненій. Оба разсказа, связанные еще между собой подобной же нитью, какъ въ „Изенгримѣ“, начинаются извѣстнымъ введеніемъ, распадающимъ на три эпизода.

Первый эпизодъ (I, vv. 1—530) прямо начинается со встрѣчи Изенгрима съ Ренаромъ въ лѣсу. Изенгримъ отправляется въ лѣсъ на поиски за пищей для себя и своихъ дѣтей и вдругъ замѣчаетъ Ренара, прежде чѣмъ послѣдній примѣчаетъ его. Спасаться бѣгствомъ — уже поздно. Ренаръ поэтому раскланивается съ дядей Изенгримомъ и желаетъ ему удачнаго улова. Изенгримъ возражаетъ, что самъ Ренаръ послужитъ ему пищей и что онъ приготовилъ для него гостинницу въ своемъ животѣ. Ренаръ уклоняется, ссылается на узы родства и т. п., пока не за-

---

(1) О цѣлебныхъ свойствахъ шкуры различныхъ звѣрей см. м. пр. J. Grimm Deutsche Mythol. II[4]. 980. Liebrecht Z. Volksk. стр. 348. J. K[ošin] z Radostova Národní pohádky I [1872] 259. Столь же распространено повѣріе, приписывающее съѣденію сердца, печени и т. п. различныя чудесныя свойства. Чтобъ сдѣлаться отважнымъ, — достаточно съѣсть сердце медвѣдя или волка (Russwurm Nordische Sagen [1842] стр. 95. 136. 326. 345); чтобъ сдѣлаться умнымъ, — остается только съѣсть сердце совы (Simrock Volksbücher I, 20) или различныхъ животныхъ (Knortz Märch. u. Sagen d. nordamerik. Indianer стр. 228). Въ «Ренарѣ» герой воображаетъ, что ему достаточно съѣсть стрекозу и онъ тотчасъ будетъ знать всѣ ея пѣсни (Ren. v. 8047 сл.).

мѣчаетъ, къ счастію, поселянина, идущаго дорогою. Поселянинъ несетъ окорокъ на плечахъ. Ренаръ берется добыть его при помощи хитрости. Онъ прикидывается хромымъ, а поселянинъ, желая его поймать, кладетъ окорокъ на землю и начинаетъ преслѣдовать Ренара; въ концѣ концовъ поселянинъ обманутъ. Между тѣмъ Изенгримъ пожиратъ весь окорокъ даже съ костями и оставляетъ только ивовую перекладину, на которой подвѣшенъ былъ окорокъ, когда онъ коптился. Ренаръ рѣшается при случаѣ отомстить Изенгриму.

Эпизодъ о похищеніи окорока, эпизодъ, который во всемъ разсказѣ только и заслуживаетъ вниманія, встрѣчается и въ романѣ о Ренарѣ (Ren. vv. 7611 [resp. 7807]—7970).

Ренаръ видитъ сонъ. Снится ему, что онъ одинъ близь лѣса, грезится ему, что на немъ красная власяница (fustaingne, v. 7620), мѣстами продыравленная и обрамленная вокругъ шеи бѣлой каймой; эта кайма такъ сильно сдавливаетъ его шею, что грозитъ задушить его. Жена Ренара (Hermeline) считаетъ весь сонъ зловѣщимъ: бѣлая кайма—это рядъ зубовъ, которые грозятъ ему гибелью. Какъ лучшее отворотное средство (charme, v. 7650) отъ всѣхъ золъ, она совѣтуетъ Ренару слѣдующее: когда онъ станетъ выходить изъ двери, изъ рва или изъ ямы, онъ непремѣнно долженъ перекрестить порогъ три раза правой ногой; тогда ему нечего опасаться бѣдствій. Далѣе (vv. 7668—7690) слѣдуетъ разсказъ, какъ Ренаръ перехитряетъ ворону (ср. выше стр. 41 сл.). Едва Ренаръ успѣваетъ позавтракать и выкупаться, какъ вдругъ видитъ передъ собой свирѣпаго Изенгрима. Послѣдній взводитъ на него тяжкія обвиненія въ пошломъ обращеніи съ волчатами и въ преступной связи съ его супругой. Изенгримъ обѣщаетъ ввергнуть Ренара въ такой замокъ (Si te metrai en tel chastel, v. 7723), что ему будетъ не до козней. Ренаръ проситъ пощады, но Изенгримъ грозитъ его пріютить въ своемъ желудкѣ (Dedenz mon ventre te metrai, v. 7742), бросается на него и терзаетъ его съ такимъ ожесточеніемъ, что Ренару остается, повидимому, только умереть. Но Изенгрима беретъ наконецъ жалость и Ренаръ мало по малу приходитъ въ себя. Вскорѣ Ренаръ на столько оправляется, что пускается обманывать виллана, несущаго окорокъ. Вмѣсто трети окорока, которую выговариваетъ

Седьмой эпизодъ (Reinard. III, vv. 1361—2191), распадающійся у Моне на три отдѣльныя авантюры (fab. 3. 4. 5), разсказываетъ о временномъ посвященіи Изенгрима въ монахи.

Ренаръ встрѣчается въ лѣсу съ монастырскимъ поваромъ. Такъ какъ Ренаръ часто спасалъ его овецъ отъ Изенгрима, то поваръ даритъ ему цѣлое блюдо съ пирожками (artocreis, v. 1377). Ренаръ принимается ихъ уничтожать, но сберегаетъ 8 штукъ и проситъ повара выбрить ему на головѣ тонзуру, собираясь провести Изенгрима. Вскорѣ является Изенгримъ. Ренаръ указываетъ ему на свою тонзуру, заявляетъ, что постригся въ монахи, предлагаетъ ему отвѣдать пирожокъ и заявляетъ, что въ монастырѣ всегда пищи вдоволь. Изенгримъ немедленно готовъ сдѣлаться монахомъ. Съ огромной тонзурой, выбритой ему Ренаромъ, т. е. съ почти обритой головой, отправляется онъ въ монастырь, тогда какъ Ренаръ отправляется въ жилище Изенгрима. Тутъ онъ поноситъ волчатъ, вообще обращается съ ними самымъ пошлымъ образомъ (tunc sua crura levans etc., v. 1783) и, когда явившаяся волчица бросается за нимъ въ погоню, онъ заманиваетъ ее въ узкій проходъ своего логовища, гдѣ она завязаетъ. Ренаръ пользуется этимъ и безчеститъ ее. Между тѣмъ Изенгримъ выказываетъ себя въ монастырѣ неучемъ и круглымъ невѣждой: когда ему во время богослуженія даютъ знакъ начать пѣніе, онъ не понимаетъ его и проситъ объяснить все на словахъ; когда же онъ начинаетъ пѣть, всѣ его узнаютъ по голосу. Заключенный аббатомъ въ погребъ, онъ вытаскиваетъ втулки изъ бочекъ и выпускаетъ вино. Издѣваясь надъ Изенгримомъ, монахи рѣшаются приступить къ посвященію его въ монахи, т. е. немилосердно бьютъ его дубинами, награждаютъ его митрой, т. е. разбиваютъ огромную бутыль на его головѣ, и выгоняютъ. Избитый Изенгримъ опомнился только близь своего дома. Здѣсь увидѣлъ онъ свою жену, которую поспѣшилъ освободить изъ тѣснины, и, узнавъ проступки Ренара, рѣшается ему жестоко мстить.

Этимъ заканчивается чтеніе поэмы медвѣдя при дворѣ.

О постриженіи волка въ монахи разсказывается и въ романѣ о Ренарѣ; но въ немъ удерживаются только самыя общія черты; все остальное прилажено къ двумъ эпизодамъ,

между которыми вставленъ разсказъ о постриженіи (см. выше стр. 90).

Въ „Рейнгартѣ“ этотъ же эпизодъ (Reinh. vv. 635—726), уцѣлѣвшій между прочимъ и въ оригиналѣ, изданномъ Я. Гриммомъ (Sendschreiben стр. 34 слл.), передается, понятно, согласно франц. источнику.

Голодный Изенгримъ приближается къ жилищу Рейнгарта и слышитъ уже издали запахъ поджариваемыхъ угрей. Изенгримъ стучится въ дверь и на свои допросы получаетъ въ отвѣтъ, что онъ, Рейнгартъ, постригся въ монахи, избѣгая ненависти Изенгрима. Послѣдній обѣщается простить его и готовъ съ нимъ снова подружиться. Рейнгартъ предлагаетъ ему кусокъ жареннаго угря. Изенгримъ изъявляетъ желаніе быть поваромъ. Рейнгартъ совѣтуетъ ему постричься и обвариваетъ его голову кипяткомъ.

Далѣе, какъ и въ „Ренарѣ“, слѣдуетъ эпизодъ о рыбной ловлѣ.

Черта о поруганіи волчатъ и о безчестіи, которому подвергается жена Изенгрима, встрѣчается и въ другихъ литературныхъ обработкахъ, но обыкновенно въ другомъ сочетаніи мотивовъ. Похожденія волчицы пользовались повидимому особенной популярностью, такъ какъ пересказамъ ихъ на всевозможные лады почти нѣтъ конца.

Въ романѣ о Ренарѣ похожденія Ренара съ женой Изенгрима считаются причиной вражды между обоими главными героями (Qar par ce conmença la noise..., v. 350). И дѣйствительно, въ длинномъ процессѣ, который супругъ волчицы ведетъ противъ Ренара, Изенгримъ постоянно обвиняетъ послѣдняго въ преступной связи съ его женой (Ren. 8314—44. 9678—86. 13929—34. 14265—312 и мн. др. Rein. vv. 73. 95—97. Reinke vv. 45. 67 сл.); то приходится слышать объ этой связи (Ren. vv. 29650—659. Rein. vv. 234—246. Reinke vv. 227—246. 1094—1106. Reinh. vv. 563—634), то о ней толкуетъ Ренаръ (Ren. vv. 11401—404. Rein. vv. 1665. 1988—90. Reinke vv. 1583—87. 1925—28). Ренаръ не только ухаживаетъ за женой Изенгрима (Reinh. 407—439), но называетъ ее своей подругой (Ren. vv. 2854), является даже ея счастливымъ любовникомъ и ласки его не только милы волчицѣ (Ren. vv. 23030—42; ср. 29561—62. Caballe Suppl. стр. 262 слл.), но послѣдняя сама пламенно любитъ своего обожателя (Ren.

vv. 25745—46. 25809. 25874). Впрочемъ эти мирныя отношенія играютъ сравнительно второстепенную роль; обыкновенно же все вниманіе сосредоточивается на извѣстной сценѣ въ ущельѣ, гдѣ Ренаръ прибѣгаетъ къ насилію по отношенію къ женѣ Изенгрима (Ren. vv. 337—748. Reinh. vv. 1154—1238. Reinke vv. 1121—64), въ чемъ послѣдняя сама иногда сознается (Ren. vv. 8294—8311. 12865—66); иногда эта сцена пріурочивается къ рыбной ловлѣ (Rein. vv. 6288—94. Reinke vv. 5649—51; ср. выше стр. 74).

Коснувшись этой черты, слѣдуетъ упомянуть, что въ одной русской сказкѣ (Русск. завѣтн. сказки № 1: Лиса и Заяцъ) передается почти со всѣми подробностями та же сцена. Въ роли Ренара выступаетъ заяцъ, а мѣсто волчицы заступаетъ лиса. Заяцъ освѣдомляется у лисинятъ—дома ли ихъ мать? и, получивъ отрицательный отвѣтъ, выражаетъ нескромное желаніе и убѣгаетъ. Лиса почему-то увѣрена, что онъ вернется, притаивается и, когда онъ вскорѣ дѣйствительно появляется,—пускается за нимъ въ погоню. Ущелье замѣняется двумя сросшимися березами; вѣроятно лисѣ трудно было ихъ обѣжать и поэтому она попадаетъ въ просакъ. Затѣмъ заяцъ валяется въ угольной ямѣ и „сдѣлался настоящій чернецъ"; лиса его не узнаетъ, спрашиваетъ о зайцѣ, которому желаетъ отомстить, и, получивъ нескромный отвѣтъ,—скрывается.

Вся эта сказка повидимому не болѣе какъ искаженный и передѣланный эпизодъ изъ Ренара. Отношенія зайца къ лисинятамъ представляетъ лишь изгладившійся эпизодъ объ отношеніи Ренара къ волчатамъ или зайца къ медвѣжатамъ (см. выше стр. 119). Черта же о томъ, какъ заяцъ катается въ сажѣ, чтобы быть похожимъ на чернеца отвѣчаетъ эпизоду въ романѣ о Ренарѣ, гдѣ Ренаръ натирается какой-то волшебной травой (une herbe . . . precieuse et chiere, Ren. v. 29993) и становится вслѣдствіе этого чернымъ и неузнаваемымъ. Черта объ окрашиваніи въ черную краску является въ свою очередь подражаніемъ Ренару, окрашенному въ желтую краску (см. выше стр. 86).

Такимъ образомъ черта о донжуанствѣ Ренара представляется въ позднѣйшихъ поэмахъ только дальнѣйшимъ развитіемъ сюжета, встрѣчавшагося въ „Рейнардѣ".

Тоже слѣдуетъ замѣтить и относительно эпизода о поруганіи волчатъ, существующаго въ романѣ о Ренарѣ (Ren vv. 8557—66. 12862—64 и выше стр. 119) и въ его подражаніяхъ (Pein. vv. 74—77. Reinke vv. 46—49. 1107—1120).

Такъ какъ эпизодъ о похожденіяхъ Ренара и жены Изенгрима являются въ „Рейнардѣ“ только случайной вставкой въ разсказъ о постриженіи Изенгрима въ мнимые монахи и о поступленіи его въ монастырь, то все это приключеніе можно разсматривать какъ самостоятельный разсказъ. Тогда вставочный эпизодъ будетъ восьмымъ, а слѣдующій за нимъ эпизодъ окажется девятымъ.

Девятый эпизодъ передаетъ извѣстное приключеніе волка съ кобылой (см. выше стр. 144 [вар. 𝔖] и др.).

Десятый эпизодъ разсказываетъ о прыжкѣ барана въ пасть волка (см. выше стр. 143 [вар. 𝔄]).

Одиннадцатый эпизодъ (Reinard. IV vv. 133—294) посвященъ разсказу о дѣлежѣ добычи.

Послѣ злополучнаго столкновенія съ бараномъ волкъ снова оправился, но Ренаръ готовитъ ему новыя козни. Ренаръ встрѣчается съ голоднымъ львомъ и предлагаетъ ему отправиться къ Изенгриму, который давно уже выжидаетъ случая принять у себя столь дорогаго гостя. Они являются къ Изенгриму, который въ большомъ смущеніи, такъ какъ у него нѣтъ никакихъ запасовъ. Рѣшено отправиться на охоту. Въ лѣсу имъ попадается теленокъ, который тотчасъ схваченъ и умерщвленъ. Левъ поручаетъ Изенгриму раздѣлить добычу. Изенгримъ дѣлитъ ее на три равныя части и увѣряетъ царя, что онъ раздѣлилъ отлично. Царь допытывается: кому онъ предназначаетъ каждую изъ трехъ частей? и Изенгримъ называетъ царя, себя и Ренара. Разгнѣванный левъ срываетъ, отъ головы до хвоста, цѣлую полосу со спины волка. Когда затѣмъ Ренару предложено дѣлить добычу, онъ распредѣляетъ ее на три неравныя части: самую крупную долю онъ предназначетъ льву, какъ сильнѣйшему; вторую часть, по меньше, онъ предназначаетъ львицѣ, а третью—львятамъ; ногу теленка, которую онъ откладываетъ въ сторону, Ренаръ предназначаетъ себѣ, но царь можетъ присоединить ее и къ своей долѣ. Левъ милостиво уступаетъ ему ногу, спрашиваетъ: „кто научилъ

тебя такъ дѣлить (v. 285)?“ и получаетъ въ отвѣтъ: „меня научилъ... мой дядя тамъ“ (v. 288).

Въ романѣ о Ренарѣ (Ren. vv. 5575—6360) этотъ же эпизодъ разсказывается съ значительными прикрасами, которыя съ основнымъ сюжетомъ не имѣютъ ничего общаго.

Голодный Ренаръ встрѣчаетъ въ лѣсу царя (Noble) и Изенгрима. Ренаръ привѣтствуетъ царя и на вопросъ послѣдняго сообщаетъ, что пустился на поиски за добычей для своей жены (qui est ençainte, v. 5605). Левъ предлагаетъ ему присоединиться къ нимъ, но Ренаръ указываетъ на непримиримую вражду къ нему Изенгрима, который подозрѣваетъ его въ преступной связи съ его женой (De sa fame m'a mescréu, v. 5639). Царь повелѣваетъ обоимъ баронамъ, Изенгриму и Ренару, немедленно помириться и примиреніе они должны закрѣпить поцѣлуемъ. По заключеніи мира, который выѣденнаго яйца не стоитъ (Ne donroie pas une prune en cele pès..., v. 5698), царь поручаетъ Ренару указать имъ, гдѣ можно расчитывать на поживу. Ренаръ ведетъ ихъ къ извѣстному ему лугу, на которомъ пасутся быкъ и корова съ теленкомъ. Голодный Изенгримъ уже заранѣе приходитъ въ восторгъ и совѣтуетъ царю послать на развѣдки Ренара, — нѣтъ ли собакъ или пастуховъ. По приказу царя, Ренаръ отправляется и застаетъ подъ вязомъ спящаго пастуха. Взобравшись на дерево, Ренаръ достигаетъ того, что вынуждаетъ пастуха бѣжать къ водѣ умываться, неожиданно сталкиваетъ его въ воду и топитъ. Едва онъ справился съ вилланомъ, какъ на встрѣчу ему попадаются уже его союзники. Царь сильно разгнѣванъ за проволочку, но Ренару вскорѣ удается смягчить его гнѣвъ разсказомъ о случившемся. Левъ хвалитъ Ренара и приказываетъ Изенгриму приступить предварительно къ дѣлежу добычи. Изенгримъ назначаетъ быка льву, корову—львицѣ, а теленка—себѣ; что же касается „этого рыжаго малаго“ (cil garz rous, v. 6088), то онъ можетъ „поискать себѣ пищи въ другомъ мѣстѣ“. Левъ недоволенъ дѣлежемъ, потрясаетъ головой и даетъ Изенгриму такую пощечину своей лапой, что срываетъ ему всю щеку. Очередь дѣлить добычу за Ренаромъ. Онъ предлагаетъ, чтобы царь взялъ себѣ, сколько пожелаетъ и далъ имъ, что ему будетъ угодно. Такъ какъ левъ всетаки настаиваетъ на дѣлежѣ, то Ренаръ присуждаетъ быка льву, корову—львицѣ, а теленка—львенку; что же касается „меня

и этого виллана“, то „мы пойдемъ охотиться въ другое мѣсто“ (v. 6142). Левъ милостиво разрѣшаетъ Ренару охотиться въ лѣсу и удаляется. Ренаръ выказываетъ притворное сочувствіе къ Изенгриму и толкуетъ о мести. Изенгримъ въ злобѣ на Ренара, но, нуждаясь въ его совѣтахъ, проситъ помочь ему отомстить льву. Ренаръ даетъ обѣщаніе, но откладываетъ дѣло до болѣе удобнаго случая, и бароны разстаются.

Безъ всякихъ видоизмѣненій существенныхъ чертъ передается этотъ же разсказъ о дѣлежѣ добычи въ весьма короткомъ отрывкѣ (Chabaille Suppl. стр. 107—109), относительно котораго, какъ замѣтилъ уже Роте (Les romans du Renart стр. 149), трудно опредѣлить — является ли онъ пересказомъ содержанія предыдущаго эпизода или оригиналомъ. Вѣроятнѣе первая догадка, хотя и выброшено все приключеніе съ вилланомъ, которое Іонкблутъ (Étude стр. 343) считаетъ отличительнымъ признакомъ манеры автора изложенной бранши.

Въ „Рейнартѣ“ (Rein. vv. 6043—6143), а за нимъ въ „Рейнке“ (Reinke vv. 5393—5520), этотъ же сюжетъ подвергся значительнымъ передѣлкамъ сравнительно съ краткимъ разсказомъ „Рейнарда“.

Тутъ Рейнартъ вмѣстѣ съ Изенгримомъ загрызаютъ свинью и голодный левъ, появляющійся въ сопровожденіи голодной же супруги, проситъ подѣлиться добычей. Изенгримъ ворчитъ, но долженъ дѣлить „и раздѣлилъ, какъ онъ привыкъ [дѣлить]“ (Rein. v. 6071): одну четверть онъ даетъ льву, другую — львицѣ, половину оставляетъ себѣ, а ухо, „ноздрю“ и „половину легкихъ“ уступаетъ Рейнарту. Левъ въ мигъ (eer men eens credo had gheseit, Rein. v. 6082) уничтожаетъ свою долю и, замѣтивъ со стороны Изенгрима нежеланіе уступить еще частицу, срываетъ съ головы его шкуру; въ случаѣ новой добычи левъ приказываетъ ее дѣлить осмотрительнѣе. Ренаръ вызывается отправиться съ Изенгримомъ на охоту; вскорѣ они являются съ пойманнымъ теленкомъ. Дѣлитъ Рейнартъ. Одну половину онъ присуждаетъ льву, другую львицѣ, а внутренности, печень, кишки и легкія („сердце, печень и легкія“, по Reinke v. 5464)— львятамъ; Изенгриму онъ назначаетъ голову, а себѣ ноги.

Сравнивая всѣ эти варіанты, нельзя не замѣтить, что въ позднѣйшихъ поэмахъ обнаруживается стремленіе расширить основной сюжетъ, впрочемъ очень часто далеко не-

удачно. Сравнительно самымъ простымъ является разсказъ въ „Рейнардѣ“. Въ „Ренарѣ“ являются уже преувеличенія. Добыча раздѣляемая въ „Рейнардѣ“ на три неравныя части превращается въ „Ренарѣ“.—соотвѣтственно величинѣ каждой части,—въ быка, корову и теленка. Кромѣ того описывается совершенно неумѣстно длинное приключеніе Ренара съ пастухомъ, приключеніе, которое не даромъ кажется Изенгриму невѣроятнымъ (Ren. v. 6028).

Новой ступенью на пути осложненій и накопленія мотивовъ является „Рейнартъ“ (и „Рейнке“). Тутъ одной добычи оказывается мало,—понадобился дубликатъ и вслѣдствіе этого новой добычей является теленокъ. И самый дѣлежъ разрисовывается не въ мѣру: чуть-ли не каждая частица подвергается дѣлежу; тутъ и сердце и ноздри, ноги и уши и т. п. Всѣ эти умноженія—извѣстный уже признакъ позднѣйшихъ редакцій.

Основой всѣхъ этихъ версій, въ томъ числѣ и „Рейнарда“, является безъ всякаго сомнѣнія баснь Эзопа: „Левъ, Оселъ и Лисица“ (Halm № 260. Мартыновъ № 38). Здѣсь первый дѣлежъ возложенъ на представителя глупости,—осла, который удерживается и во многихъ другихъ басняхъ (Waldis I. 73 и прим.). Въ западныхъ версіяхъ мѣсто осла заступилъ волкъ, согласно характеру поэмъ, въ которыхъ волку приписывается роль такого же глупца. Впрочемъ какъ значительно могутъ уклоняться отъ оригинала различныя передѣлки, можно судить, напр., по одной эстонской сказкѣ (J. Grimm R. F. стр. cclxxxv № 3), гдѣ медвѣдь зоветъ въ гости волка и лису и дѣлитъ между ними мясо. Медвѣдь и волкъ быстро съѣдаютъ свою долю и отнимаютъ долю лисы. Затѣмъ приглашаетъ въ гости волкъ и происходитъ тоже самое. Наконецъ приглашаетъ лиса и мститъ имъ. И баснь Хемницера „Дѣлежъ львиный“— не болѣе какъ оригинальная версія того же сюжета.

Двѣнадцатый эпизодъ „Рейнарда“ (Reinard. IV, vv. 295—550) заключаетъ въ себѣ описаніе ложной клятвы Изенгрима.

Ренаръ совѣтуетъ Изенгриму прекратить всѣ сношенія со львомъ и обратиться лучше съ требованіемъ къ ослу (Carcophas), чтобы онъ уплатилъ отцовскій долгъ; а отецъ Каркофаса задолжалъ отцу Изенгрима свою шкуру; въ качествѣ наслѣдника онъ долженъ исполнить требованіе. Ре-

наръ берется вести дѣло Изенгрима, но самъ научаетъ осла, какъ дѣйствовать. Оселъ согласенъ удовлетворить требованію Изенгрима, если послѣдній представитъ свидѣтелей или рѣшится дать клятву. Изенгримъ долженъ возложить лапу на святилище. Едва Изенгримъ дотрогивается до капкана, который и выдается за святилище, именно ларецъ съ реликвіями, какъ немедленно попадается; чтобъ освободиться изъ капкана, Изенгримъ принужденъ отгрызть себѣ ногу.

Мотивъ о ложной клятвѣ надъ западней, которая выдается за святилище, за мощи и т. п., встрѣчается не только въ романѣ о Ренарѣ, но и въ цѣломъ рядѣ народныхъ сказокъ (см. выше стр. 164). На основаніи почти буквальныхъ совпаденій этого мотива во всѣхъ сказкахъ, необходимо вывести заключеніе, что онъ распространился благодаря заимствованію. Такъ какъ, кромѣ того, въ данныхъ народныхъ сказкахъ больше признаковъ позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ въ литературныхъ обработкахъ, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что мотивъ этотъ проникъ въ сказки изъ обработокъ, а не наоборотъ. Этимъ не отрицается впрочемъ возможность, что первоначальной основой этого мотива вообще могло послужить, напр., вѣрованіе, что ложная клятва немедленно влечетъ за собой наказаніе. Реализація этого повѣрія могла выразиться въ формѣ даннаго мотива.

Тринадцатый эпизодъ „Рейнарда", заключающій въ себѣ больше сатиры, чѣмъ содержанія, описываетъ гибель Изенгрима, растерзаннаго стадомъ свиней (см. выше стр. 150)

Къ „Рейнарду" примыкаетъ еще заключительный эпизодъ (Reinard. IV, vv 993—1258), который названъ издателемъ „Плачемъ" (Die Klage). Свиньи разсуждаютъ между собой о жизни Изенгрима, осуждаютъ его; затѣмъ является Ренаръ, прикидывающійся сначала, что не знаетъ ничего объ участи Изенгрима, оплакиваетъ послѣдняго и даже защищаетъ его отъ нападокъ.

Такимъ образомъ вся поэма, состоящая вообще изъ 6600 стиховъ, посвящена исключительно приключеніямъ Изенгрима, который является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ ея и со смертью котораго прерывается и нить разсказа. Это свидѣтельствуетъ въ пользу того, что издатель произвольно далъ ей названіе Reinardus, какъ замѣтилъ уже Гервинусъ (ук. соч. I⁵, 219); въ дѣйствительности ее слѣдовало бы назвать

Isengrimus, т. е. согласно названію первой латинской поэмы; это подтверждается и рукописями, носящими въ заглавіи имя волка или имена обоихъ героввъ или заканчивающимися именами послѣднихъ (см. Reinard. стр. 297. Rothe Les romans du R. стр. 58).

Что же касается состава „Рейнарда", то представленный обзоръ всѣхъ авантюръ обнаруживаетъ, что въ составъ этотъ входятъ частью различныя басни Эзопа, развившіяся большей частью въ самостоятельные разсказы, частью отдѣльные мотивы восточныхъ сказокъ, сложившіеся въ довольно своеобразные эпизоды или слившіеся съ оригинальными сюжетами, частью, наконецъ, независимыя черты, возникшія на европейской почвѣ и разросшіяся въ цѣлые разсказы. О послѣднихъ рѣчь впереди.

Эпизоды, вошедшіе въ составъ „Рейнарда", скрѣплены между собой только внѣшнимъ образомъ, едва ли „удачно", какъ полагаетъ Я. Гриммъ (R. F. стр. lxxvij). Внутренней связи не существуетъ. Послѣднюю можно бы усматривать въ томъ, что почти по всей поэмѣ проходитъ нить злополучныхъ приключеній Изенгрима. Но это почти является главной помѣхой: въ шестомъ эпизодѣ волкъ вовсе не выступаетъ и нѣтъ тѣхъ скрытыхъ двигателей, благодаря которымъ не нарушалось бы внутреннее единство, если бы даже Изенгримъ не участвовалъ лично. Точно такъже и роль Ренара не можетъ служить внутренней скрѣпой, такъ какъ и его постоянно торжествующая хитрость терпитъ пораженіе въ томъ же шестомъ эпизодѣ. Слѣдовательно, поэма Reinardus можетъ считаться развѣ только болѣе или менѣе удачнымъ сцѣпленіемъ приключеній, вошедшихъ въ составъ поэмы случайно.

Первое мѣсто за латинскими поэмами должно быть отведено роману о Ренарѣ.

Изданіе романа о Ренарѣ было впервые предпринято Меономъ и появилось въ четырехъ томахъ (Le Roman du Renart, publié d'après les Manuscrits de la Bibliothéque du Roi des xiij, xjv et xv siècles par D. M. Méon. 4 vol. Paris 1826). Первые три тома посвящены исключительно роману о Ренарѣ, тогда какъ четвертый томъ заключаетъ въ себѣ поэмы, трактующія тоже только о Ренарѣ, но тѣмъ не

менѣе стоящія въ сторонѣ отъ него: это поэмы чисто личнаго творчества.

Романъ о Ренарѣ въ изданіи Меона состоитъ изъ 30362 стиховъ, распадающихъ на 32 бранши. Распредѣлены онѣ самымъ произвольнымъ образомъ, не взирая на эпоху, къ которой онѣ относятся,—лишь бы „связать ихъ вмѣстѣ такъ, чтобъ онѣ образовали одно цѣлое“ (ук. соч. стр. VI); этотъ произволъ издателю угодно называть „классификаціею“. По заявленію Меона (въ ук. м.), его изданіе составлено на основаніи 12 рпп., хотя не встрѣчается указаній ни на одну рп., которая имѣла бы прямое отношеніе къ роману. Этотъ крупный недостатокъ старался устранить Шабайль (Le Roman du Renart, Supplément, variantes et corrections. Publié... par P. Chabaille. Paris 1835), представившій описаніе извѣстныхъ ему рукописей (ук. соч. стр. 397), издавшій нѣсколько новыхъ браншей (ук. соч. стр. 1 слл.) и сообщившій цѣлый рядъ варіантовъ къ изданію Меона (тамъ-же стр. 57 слл.). Обзоръ рпп. встрѣчается также у Роте (ук. соч. стр. 277—301).

Тѣмъ не менѣе всѣ эти описанія рпп. все еще оказывались далеко неполными, какъ обнаружило изслѣдованіе Мартина, посвященное этому вопросу (Examen critique des manuscrits du Roman de Renart par Ernest Martin. Bâle 1872). Мартинъ представилъ подробный обзоръ 20 рпп. и всѣхъ варіантовъ входящихъ въ ихъ составъ. Еще подробнѣе описаны эти рпп. (къ которымъ присоединяются еще двѣ новыя, такъ что всѣхъ рпп., извѣстныхъ въ настоящую пору, 22) въ предисловіи къ его новому изданію романа о Ренарѣ (см. выше стр. 41).

Въ виду подробныхъ описаній Мартина здѣсь можно ограничиться только самыми существенными чертами. Мы сохраняемъ обозначеніе рукописей, принятое Мартиномъ.

𝔄 находится въ Парижской Національной библіотекѣ п. № 20043; 𝔅—тамъ-же 371; ℭ—тамъ-же 1579; 𝔇—въ Бодліенской библ. (рп. Douce 360) въ Оксфордѣ; 𝔈—въ Британскомъ музеѣ (additionnal 15229) въ Лондонѣ; 𝔉—въ Шельтнэмѣ въ библ. ум. сэра Thomas Philips (3634); 𝔊—въ Націон. Парижск. библ. 1580; ℌ—въ Парижск. Арсенальной библ. (Belles-letres fr. 195 B); ℑ—въ Парижск. Нац. библ. 12584; 𝔎—въ Твикенэмѣ въ библ. герцога Омальскаго; 𝔏—въ Парижск. Арсен. библ. (B. L. fr. 195 C); 𝔐—въ част-

ной Королевск. библ. (cod. misc. 151) въ Туринѣ; 𝔑—въ Ватиканской библ. (cod. Regin. 1699) въ Римѣ; 𝔞—въ Эшбёрнёмъ-Плэсъ близь Бэтля (въ Сёссексѣ) въ библ. (№ 242) графа Эшбёрнэма (Ashburnham); 𝔟—въ Парижск. Нац. библ. 837; 𝔠—тамъ-же, fonds franç. 25545; 𝔡—въ библ. Casanatensis (B. III. 18) въ Римѣ; 𝔢 - въ библ. въ Сэнъ-Омэрѣ; 𝔣—въ Парижск. Нац. библ. 1588; 𝔤—въ Бодлiенск. библ. въ Оксфордѣ и издана Тэцой (см. выше стр. 25); 𝔥—въ Королевск. библ. въ Брюсселѣ и изд. G. Paris въ Romania III, 373; 𝔦—изд. Путелли (см. выше стр. 25).

Рпп. 𝔄𝔅𝔞𝔠𝔣𝔥 относятся къ XIII в., 𝔎—къ XIII или XIV вв., ℭ𝔇ℌℑ𝔐𝔑𝔟𝔠𝔡𝔦—къ XIV в., 𝔈𝔊𝔏𝔤—къ XIV или XV вв. и, наконецъ, 𝔉—къ XV в.

Нельзя не замѣтить уже здѣсь, что древнѣйшими рукописями являются французскiя рпп., причемъ онѣ встрѣчаются въ сравнительно обильномъ количествѣ; рукописи, сохранившiя различныя обработки франц. оригиналовъ, относятся большей частью къ болѣе позднѣй эпохѣ.

Какiя бранши входятъ въ составъ каждой рп.,—указано Мартиномъ (Examen стр. 9 слл.), поэтому можно будетъ ограничиться при случаѣ краткимъ упоминанiемъ только главнѣйшихъ вѣтвей и ихъ отношенiя къ той или другой рукописи.

Что касается содержанiя всѣхъ вѣтвей романа о Ренарѣ, то пересказы его встрѣчаются у Я. Гримма (R. F. стр. cxxj слл.) и у Роте (ук. соч. стр. 115 слл.); сюда же слѣдуетъ присоединить и вольный переводъ П. Парй (см. выше стр. 16). Достаточно слѣдовательно ограничиться самыми выдающимися или необходимыми чертами.

1-я вѣтвь (Ren. vv. 1—748) носитъ слѣдующее заглавiе: „Браншъ о Ренарѣ и объ Изенгринѣ, какъ они вышли изъ моря“. Вѣтвь эта въ своемъ вступленiи обѣщаетъ вмѣсто извѣстныхъ уже сюжетовъ разсказать о причинахъ вражды между Ренаромъ и Изенгримомъ. Въ одной книгѣ (Aucurpre avoit à non, v. 29), попавшейся въ руки автору первой вѣтви, сообщалось и о Ренарѣ. Когда Господь изгналъ Адама и Еву изъ рая, онъ, изъ состраданiя, далъ имъ чудесную вѣтку (une verge, v. 48), которой достаточно было ударить по морю, чтобъ удовлетворить ихъ желанiю. Адамъ ударяетъ вѣткой по морю и вдругъ выскакиваетъ овца. Онъ уже заранѣе вкушаетъ молоко и сыръ овцы, какъ

вдругъ отъ удара Евы по морю выскакиваетъ волкъ, который схватываетъ овцу и уноситъ ее въ лѣсъ. Адамъ поспѣшилъ вновь ударить вѣткой по морю и выскочившая собака немедленно отбиваетъ овцу. Каждый разъ, когда вѣткой ударялъ Адамъ, изъ моря появлялось ручное, домашнее животное, удары же Евы вызывали только хищныхъ звѣрей, которые вслѣдъ за волкомъ мчались въ лѣсъ. Созданіемъ Евы оказался и Ренаръ, величайшій плутъ, хитрецъ и тонкій обманщикъ. Его дядя, Изенгримъ, отличался только силой, наклонностью къ воровству и къ грабежу. Ихъ жены вполнѣ отвѣчали характеру каждаго изъ нихъ. Ренаръ и Изенгримъ уживались вмѣстѣ, бродили вмѣстѣ и поэтому величали себя прозвищами родственниковъ. „Вы не должны [также] удивляться“, что они одарены даромъ слова, такъ какъ извѣстно, „что нѣкогда говорила ослица, на которой ѣхалъ верхомъ пророкъ“ (v. 202 слл.), причемъ слѣдуетъ пересказъ этого чуда. „Я разскажу вамъ частицу изъ ихъ жизни,—то, что я знаю“ (v. 239).

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ больной Ренаръ является къ Изенгриму, высматриваетъ три окорока, за цѣлость которыхъ хозяинъ не опасается, и уноситъ ихъ ночью (ср. выше стр. 185). Когда затѣмъ Изенгримъ сообщаетъ Ренару о постигшемъ его горѣ, послѣдній утверждаетъ, что онъ такъ и долженъ увѣрять всякаго, если желаетъ спасти неприкосновенность окороковъ, и своимъ невѣріемъ приводитъ Изенгрима въ еще большее отчаяніе. Затѣмъ слѣдуетъ сцена волокитства Ренара, поруганіе волчатъ и чести жены Изенгрима. Безчестіе жены, поруганной на его глазахъ, побуждаетъ Изенгрима къ рѣшенію принести жалобу царю.

Многія изъ слѣдующихъ вѣтвей представляютъ извѣстные уже сюжеты.

2-я вѣтвь, гласящая: „Какъ Ренаръ поѣлъ рыбу у извощиковъ“, передаетъ о кражѣ рыбы (см. выше стр. 58 [вар. 𝔄]), 3-я вѣтвь, озаглавленная: „Какъ Ренаръ сдѣлалъ Изенгрима монахомъ“, — о постриженіи волка (стр. 90); 4-я вѣтвь, посвященная разсказу о томъ, „Какъ Ренаръ заставилъ Изенгрима ловить угрей“, передаетъ сюжетъ о рыбной ловлѣ (стр. 72 [вар. 𝔅]); 5-я вѣтвь разсказываетъ о томъ, „Какъ Ренаръ похитилъ пѣтуха Шантеклэра“ (стр. 96 [вар. 𝔅]).

6-я вѣтвь (Ren. vv. 1721—2502), подъ заглавіемъ: „Споръ синицы съ Ренаромъ", разсказываетъ въ началѣ о приключеніи Ренара съ синицей (см. выше стр. 98 [вар. Ꞓ]), затѣмъ о преслѣдованіи Ренара собаками (Ren. vv. 1863—1928) и наконецъ о встрѣчѣ его съ котомъ (Tybert).

Ренаръ застаетъ забавляющагося кота (de sa queue se vet jouant, v. 1933) и сначала привѣтствуетъ его холодно; но, замѣтивъ воинственный видъ кота, онъ приглашаетъ его быть союзникомъ въ войнѣ противъ Изенгрима. Котъ принимаетъ предложеніе и оба пускаются въ путь. Замѣтивъ на тропинкѣ западню (un broïon de chesne fendu, v. 1991), Ренаръ подстрекаетъ кота показать бѣгъ своего „коня". Осторожный котъ, вовремя замѣтивъ опасность, удачно уклоняется въ сторону и даже успѣваетъ толкнуть Ренара въ западню. Ренаръ спасается только тѣмъ, что неудачнымъ ударомъ топора, направленнымъ въ него, вилланъ разбиваетъ западню. Вскорѣ Ренаръ снова встрѣчается съ котомъ, прикидывается его другомъ и котъ возобновляетъ обѣщаніе быть его союзникомъ. На дорогѣ находятъ они колбасу. Ренаръ уноситъ ее въ сторону, чтобы приступить къ дѣлежу. Котъ не доволенъ тѣмъ, что Ренаръ тащитъ колбасу по пыли; онъ добивается того, что получаетъ колбасу, беретъ одинъ конецъ ея въ зубы, другой закидываетъ на спину, мчится къ кресту, взбирается на него и спокойно съѣдаетъ свою добычу; онъ подтруниваетъ надъ Ренаромъ, которому приходится вскорѣ спасаться отъ собакъ.

7-я вѣтвь (Ren. vv. 2503—2660), подъ заглавіемъ: „О котѣ Тиберѣ и о двухъ священникахъ", составляетъ непосредственное продолженіе предыдущей вѣтви.

Къ коту, сидящему на крестѣ, подъѣзжаютъ два священника; послѣдніе спорятъ,—кому изъ нихъ должна принадлежать шкурка кота, которая пригодна на теплую шапку. Одинъ изъ спорщиковъ становится на спину своего иноходца, чтобы достать кота; но послѣдній вонзаетъ въ лицо священника свои когти; священникъ въ испугѣ падаетъ съ коня, а котъ, соскочивъ на спину послѣдняго, мчится на немъ прямо въ конюшню, причемъ иноходецъ опрокидываетъ еще на дворѣ попадью (la fame au provoire, v. 2605). Священники рѣшаютъ, что имѣли дѣло съ дьяволомъ; „не сомнѣвайтесь", говорятъ они, „мы были околдованы" (v. 2632 слл.), начинаютъ читать различные молитвы и возвращаются домой.

8-я вѣтвь (Ren. 2661—2994), подъ заглавіемъ: „Какъ Ренаръ отрубилъ Тиберу хвостъ", состоитъ изъ двухъ случайно связанныхъ между собою эпизодовъ.

Голодный Ренаръ встрѣчаетъ кота, который предлагаетъ ему отправиться въ домъ богатаго виллана, гдѣ они не только найдутъ полный горшокъ съ молокомъ въ сундукѣ, но и курицъ и каплуновъ. Проникнувъ за частоколъ, котъ убѣждаетъ Ренара начать съ молока, а затѣмъ приняться за курицъ; онъ заставляетъ Ренара поддерживать крышку сундука, принимается за молоко и, насытившись имъ, опрокидываетъ горшокъ. Раздосадованный Ренаръ захлопываетъ крышку сундука въ моментъ, когда котъ выскакиваетъ, и— послѣдній лишается хвоста. Ренаръ старается отклонить отъ себя всѣ обвиненія и увѣряетъ кота, что ему легче будетъ ходить безъ хвоста; котъ прекращаетъ споръ тѣмъ, что ведетъ его въ курятникъ.

Далѣе передается эпизодъ о похищеніи пѣтуха (см. выше стр. 97 [вар. D]), заканчивающійся плачевно для Ренара, такъ какъ ему сильно приходится страдать отъ собакъ, прежде чѣмъ онъ спасается бѣгствомъ.

Рядъ неудачныхъ приключеній Ренара смѣняется въ слѣдующихъ браншахъ разсказами о вполнѣ успѣшномъ примѣненіи его хитрости и ловкости.

9-я вѣтвь (Ren. 2995—3684) посвящена разсказу о томъ, „Какъ Ренаръ сдѣлалъ Примо, брата Изенгрина, священникомъ".

Ренаръ находитъ облатки, потерянныя священникомъ, и увѣряетъ Примо, которому онъ даетъ попробовать нѣсколько штукъ, что нашелъ ихъ въ церкви. Примо отправляется съ Ренаромъ въ церковь, напивается тамъ и желаетъ служить обѣдню. Ренаръ выбриваетъ ему тонзуру, облачаетъ его и, заставивъ предварительно звонить къ обѣдни, скрывается, засыпавъ землей даже дыру, сквозь которую оба пробрались въ церковь. На звонъ, вой волка и крикъ попадьи и „клерка" сбѣгается народъ и избитый Примо едва спасаетъ свою жизнь. Ренаръ же находитъ различныя оправданія въ пользу своего поведенія.

Весь этотъ эпизодъ представляетъ только варіантъ извѣстнаго мотива о волкѣ-кутилѣ (см. выше стр. 148). Сохраняются всѣ подробности, приложенныя только къ иной

обстановкѣ. Волкъ, напр., также подбѣгаетъ къ дырѣ, въ которую желаетъ пролѣзть, но находитъ ее засыпанной.

10-я вѣтвь (Ren. vv. 3685—4850), сообщающая о томъ, „Какъ Ренаръ и Примо продали облаченіе священнику за гусенка", составляетъ непосредственное продолженіе девятой вѣтви.

Проснувшись по утру, оба героя отправляются продавать облаченіе, которое они вскорѣ уступаютъ священнику за молодаго гуся. Дѣлиться этимъ гусемъ Примо не намѣренъ и Ренаръ съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ проклятіемъ на устахъ принужденъ удалиться. Между тѣмъ Примо любуется гусемъ и не знаетъ только, откуда его начать. Голодный коршунъ неожиданно прерываетъ размышленія Примо, мгновенно спускается съ вышины, вырываетъ гуся и спокойно пожираетъ послѣдняго на деревѣ. Не смотря на всѣ проклятія и просьбы Примо, послѣднему достаются только кости, падающія внизъ.

Затѣмъ слѣдуютъ эпизодъ о кражѣ рыбы (см. выше стр. 59 [вар. 𝔅]) и снова разсказъ о волкѣ-кутилѣ (Ren. vv. 4301—4589). Послѣдній эпизодъ сохраняетъ всѣ черты, встрѣчающіяся и въ народныхъ сказкахъ.

Ренаръ будитъ Примо, который жалуется на сильный голодъ и ведетъ его въ домъ виллана, припрятавшаго, какъ Ренару извѣстно, четыре окорока. Оба проникаютъ въ кладовую, пролѣзши предварительно сквозь узкое отверстіе. Наѣвшись, Примо не въ состояніи пролѣзть въ отверстіе, такъ какъ онъ длиннѣе въ ширину, чѣмъ въ длину (que il est plus gros qu'il n'est lonc, v. 4400). Ренаръ прибѣгаетъ къ различнымъ мѣрамъ, чтобъ вытащить Примо, между прочимъ накидываетъ на его шею петлю, свитую изъ ивы; онъ такъ сильно тащитъ его, что сдираетъ ему всю кожу съ шеи. На вой Примо является вилланъ. Примо удается сначала потушить его свѣчку, а когда вилланъ отворачивается, чтобы снова зажечь ее, Примо впивается въ его тѣло зубами; когда на крикъ виллана появляется его жена и пріотворяетъ дверь, Примо ускользаетъ, унося съ собой кусокъ мяса изъ тѣла виллана, и предлагаетъ послѣдній Ренару, который отъ такой пищи рѣшительно отказывается (Char de vilain noire ne blanche, Si n'est preuz en nule saison, v. 4588).

Ренаръ заявляетъ далѣе, что предпочелъ бы молодаго гуся и указываетъ Примо на ограду, за которой послѣдній

найдетъ цѣлое стадо гусей. Пока осторожный Ренаръ выжидаетъ изъ-за куста, алчный Примо подвергается преслѣдованію со стороны двухъ собакъ священника. Примо едва спасается и, выведенный изъ терпѣнія обманами Ренара, жестоко грызетъ и треплетъ послѣдняго. Просьба о пощадѣ смягчаетъ наконецъ его гнѣвъ. Ренаръ грозится принести на него жалобу царю льву; испуганный Примо проситъ прощенія, обѣщаетъ быть его другомъ, въ чемъ готовъ дать даже клятву. Ренаръ ведетъ его къ мнимымъ мощамъ (ici endroit gist un cors saint, v. 4777) и Примо попадаетъ въ западню, причемъ Ренаръ объясняетъ его несчастіе тѣмъ, что онъ клятвопреступникъ. Ренаръ возвращается въ свою крѣпость (Malpertuis) и разсказываетъ женѣ (Hermeline) о своихъ приключеніяхъ.

Мотивъ о ложной клятвѣ встрѣчается и въ народныхъ сказкахъ (см. выше стр. 164).

Волкъ Примо, понятно, идентиченъ съ Изенгримомъ; это доказывается главнымъ образомъ тѣмъ, что всѣ роли послѣдняго перенесены на перваго; мало того, Примо даже приписывается жена Изенгрима (Foi que je doi Hersent ma fame, v. 3545). Что всѣ эти разногласія только кажущіяся, было замѣчено уже выше (стр. 59[1]).

11-я вѣтвь (Ren. vv. 4851—6360), озаглавленная: „О Ренарѣ, объ Изенгринѣ и о львѣ, какъ они раздѣлили добычу", передаетъ въ началѣ разсказъ о похищеніи пѣтуха (см. выше стр. 97 [вар. 𝔈]). Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ о дѣлежѣ добычи (см. выше стр. 190).

12-я вѣтвь излагаетъ извѣстный уже мотивъ о томъ: „Какъ Изенгринъ раздѣлилъ землю между двумя баранами" (см. выше стр. 144 [вар. 𝔇]).

13-я вѣтвь (Ren. vv. 6455—7026) разсказываетъ о томъ, „Какъ Ренаръ заставилъ Изенгрина спуститься въ колодецъ".

Голодный Ренаръ проникаетъ въ пріотворенную калитку за монастырскую ограду, забирается въ амбаръ, душитъ трехъ курицъ и двухъ изъ нихъ съѣдаетъ, а третью уноситъ съ собой. Съ цѣлью утолить жажду Ренаръ подходитъ къ колодцу, заглядываетъ въ него, „замѣчаетъ свою тѣнь" и принимаетъ послѣднюю за свою жену, „которую онъ любитъ нѣжной любовью" (v. 6622). Онъ зоветъ ее, принимаетъ эхо за отвѣты, опускается въ одномъ ведрѣ въ колодецъ и

только тогда узнаетъ свою ошибку. Къ счастію, вскорѣ является Изенгримъ къ тому же колодцу и, заглянувъ въ него, увѣренъ, что рядомъ съ Ренаромъ видитъ свою порочную жену. Ренаръ увѣряетъ Изенгрима, что онъ въ раю ([1]), гдѣ много стадъ различнаго скота, что взводимыя на него обвиненія въ связи съ женой его, Изенгрима, ложны (N'onques par moi ne fu croissue. v. 6780), объясняетъ, что ведра на валѣ служатъ для взвѣшиванія добра и зла, такъ какъ только праведный человѣкъ, приступавшій къ исповѣди, опускается внизъ, усѣвшись въ верхнемъ ведрѣ, разсказываетъ, что онъ исповѣдовался у стараго зайца, бородатой козы и коршуна. Изенгримъ рѣшается послѣдовать совѣту Ренара. Онъ начинаетъ молится на свой ладъ (Son cul torna vers Oriant, v. 6859), нѣжно завываетъ и садится наконецъ въ ведро. При встрѣчѣ съ Ренаромъ, онъ получаетъ отъ послѣдняго въ отвѣтъ: „когда одинъ уходитъ, другой приходитъ“ (v. 6899; ср. v. 14352. Chabaille стр. 120. Rein. v. 6434. Reinke v. 5807). Утромъ монахи идутъ за водой, привязываютъ веревку къ приведенному ослу, заставляя его втаскивать на верхъ ведро, и вдругъ замѣчаютъ Изенгрима; они тотчасъ созываютъ всѣхъ монаховъ. Изенгрима бьютъ безпощадно и оставляютъ замертво. Очнувшись, Изенгримъ добирается кое-какъ до куста, гдѣ его находитъ родной сынъ, рѣшающійся жестоко отмстить Ренару за всѣ преступленія. Лѣченіе снова возстановляетъ силы Изенгрима.

([1]) По однимъ варіантамъ это «рай небесный» (paradis celestre, Ren. v. 6760. 6773), по другимъ—«рай земной» (paradis terrestre. Ren. v. 13829 и Chabaille стр. 116). Ионкблутъ (Étude стр. 312) утверждаетъ, что о земномъ раѣ здѣсь рѣчи быть не можетъ и что первое чтеніе вѣрнѣе, въ доказательство чего онъ приводитъ Reinh. v. 892. 898, гдѣ упоминается himelrîch и paradîs. Намъ кажется, наоборотъ, что предпочтительнѣе чтеніе земной рай, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ небесный рай изображается слишкомъ реальными чертами, т. е такими чертами, какія примѣняются всегда при изображеніи земнаго рая (ср., напр., F. J. Poeschel Das Märchen vom Schlaraffenlande въ Beitr. z. Gesch. d. deutsch. Spr. u. Lit. V Hft 2) Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ, не исключая и «Рейнгарта», Ренаръ соблазняетъ Изенгрима разсказомъ о жирныхъ овцахъ, козахъ, зайцахъ и т. п. (Ren. vv. 6760—6768. Reinh. vv. 923 сл.).

О происхожденіи этого разсказа и цѣлаго ряда версій было замѣчено выше (стр. 79). Здѣсь остается только точнѣе опредѣлить отношеніе другихъ литературныхъ обработокъ къ данному разсказу. Впрочемъ это необходимо сдѣлать вовсе не въ тѣхъ видахъ, чтобы доказать, что всѣ нѣмецкія обработки составляютъ подражаніе роману о Ренарѣ или даже переводъ послѣдняго (см. ниже), по мнѣнію извѣстныхъ ученыхъ. Теперь объ этомъ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ достаточно было даже замѣчаній Я. Гримма (R. F. стр сviij), чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ. Здѣсь любопытно только опредѣленіе степени этого сходства.

Въ „Рейнгартѣ" (Reinh. vv. 823—1060) передается тотъ же эпизодъ въ сокращенной формѣ, но съ сохраненіемъ всѣхъ существенныхъ подробностей.

Рейнгартъ тоже направляется къ монастырю (zu einer zelle, v. 827), гдѣ было много курицъ; онъ не поймалъ ничего, такъ какъ ему мѣшала высокая каменная стѣна. Онъ обходитъ стѣну и видитъ предъ воротами колодецъ. Далѣе какъ въ „Ренарѣ". Попавъ въ колодецъ, онъ не садится или „опирается" на камень, какъ въ „Ренарѣ", а кладетъ на него голову (dâ leiter ûf daz houbet, v. 853). Является изъ лѣса Изенгримъ „безъ хвоста". Далѣе снова какъ въ „Ренарѣ". Въ раю Рейнгарту, какъ и Ренару (Ren. v. 6710), поручена школа; но первый прибавляетъ: „я умѣю хорошо учить дѣтей" (v. 894). На вопросы Изенгрима: какъ попала волчица въ рай и почему у нея голова сожжена (т. е. онъ разумѣетъ свою тонзуру, отражающуюся въ водѣ)? Рейнгартъ отвѣчаетъ на первый вопросъ: „ко благу" (ez was ir heil, v. 906), а на второй, что она посѣтила адъ, который нельзя обойти тому, кто желаетъ попасть въ рай; „тамъ [въ аду] она потеряла шкуру и волосы" (v 914). Затѣмъ слѣдуетъ весьма значительный пропускъ сравнительно съ „Ренаромъ", и Изенгримъ прямо спрашиваетъ: что сіяетъ около Рейнгарта? и послѣдній выдаетъ отраженіе звѣздъ въ водѣ за драгоцѣнные камни и карбункулы (v. 919 сл.), тогда какъ въ „Ренарѣ"—это мнимыя свѣчки (Ren. v. 6878). Далѣе упоминаются скотъ, свиньи и жирныя козы. Изенгримъ рѣшается спуститься въ колодецъ. Затѣмъ въ двухъ словахъ говорится, что Изенгримъ по невѣжеству повернулся къ восто-

ку (wider ôstert er sih kêrte, v. 938) (1), какъ и въ „Ренарѣ“, и затѣмъ опустился въ ведрѣ. Потомъ является монахъ, который не въ силахъ втащить ведра. Замѣтивъ на головѣ избитаго Изенгрима тонзуру, настоятель изъявляетъ раскаяніе, такъ какъ принимаетъ его за кающагося (er was ein riuwære, v. 1016). „Не лишись Изенгримъ хвоста, не будь у него выбрито гуменце, — его бы повѣсилъ народъ божій“ (v. 1023). Спасшись наконецъ въ лѣсъ, Изенгримъ поднимаетъ вой, который призываетъ двухъ его сыновей и жену. Поднимается плачъ; крестникъ Рейнгарта грозитъ послѣднему; Изенгримъ старается успокоить жену: „зачѣмъ надрываете Вы свое прекрасное тѣло (v. 1054)?“ „Мнѣ жаль“, говоритъ она, „что мой мужъ долженъ оставаться теперь безъ хвоста,—какъ же мнѣ бѣдной перенести это (v. 1058 сл.)!“

Этотъ эпизодъ представляетъ больше точекъ совпаденія съ 13-й вѣтвью „Ренара“, чѣмъ съ варіантомъ, помѣщеннымъ у Шабайля (Suppl. стр. 113 сл.). Послѣдній варіантъ почти вдвое короче 13-й вѣтви, такъ какъ болѣе замѣтныя отступленія его начинаются собственно съ момента, когда Ренаръ заглядываетъ въ колодецъ. Въ немъ встрѣчается между прочимъ черта, что Ренаръ, съ цѣлью убѣдить Изенгрима въ справедливости своихъ словъ, что въ раю множество курицъ, указываетъ ему на курицу оставленную имъ у колодца.

Въ „Рейнартѣ“ (Rein. vv. 6409—39) и „Рейнке“ (Reinke vv. 5775—5827) тотъ же эпизодъ встрѣчается въ видѣ обвиненія, взводимаго на Рейнарта. Влагается разсказъ въ уста жены Изенгрима (Eerswijn); она передаетъ, что Рейнартъ заманилъ ее въ колодецъ, соблазнивъ рыбой, которая водилась будто бы въ колодцѣ въ огромномъ количествѣ; самъ Рейнартъ съѣлъ будто бы столько рыбы, что опасался, что у него „лопнетъ животъ“ (v. 6426). Въ „Рейнке“ добавляется, что она была вытащена двумя крестьянами, которые встрѣтили ее жестокими побоями.

---

(1) Такъ значится въ оригиналѣ, напечатанномъ Я. Гриммомъ въ Sendschreiben (стр. 41), тогда какъ въ переработкѣ тотъ же стихъ имѣетъ вм. ôster —слово hôster, по поводу котораго Гриммъ (R. F. стр. 109) придумалъ цѣлый рядъ производныхъ словъ; впослѣдствіи онъ самъ долженъ былъ отказаться отъ придуманныхъ имъ объясненій (Sendschr. стр. 57 ad v. 938).

14-я вѣтвь (Ren. vv. 7027—7186), подъ заглавіемъ: De l'ours et du lou et du vilain qui monstrerent lor cus, передаетъ странный разсказъ, который по характеру мало отвѣчаетъ предыдущимъ вѣтвямъ.

Выздоровѣвшій Изенгримъ встрѣчаетъ виллана, который только что успѣлъ поднять окорокъ, свалившійся съ воза двухъ монаховъ. Изенгримъ требуетъ своей доли и вилланъ изъявляетъ согласіе. Вскорѣ является медвѣдь (Patous) и требуетъ и себѣ доли. Рѣшено повѣсить окорокъ на букѣ и явиться на слѣдующій день: Trestuit trois nos cus mosterron (v. 7086) и у кого окажется больше, тотъ захватитъ съ собой окорокъ. Вмѣсто виллана на слѣдующій день отправляется его жена, которая возвращается домой побѣдительницей.

15-я вѣтвь (Ren. vv. 7187—7382) разсказываетъ „О Ренарѣ, какъ онъ выманилъ у ворона сыръ". Это передѣлка извѣстной басни Эзопа о „Воронѣ и Лисицѣ" (Halm № 204. Мартыновъ № 204). Осложненія состоятъ въ слѣдующемъ.

На букъ, подъ который улегся Ренаръ, опускается воронъ (Tiecelin), унесшій сыръ у старухи. Польщенный похвалами, которыя Ренаръ воздаетъ его голосу, воронъ начинаетъ усердно каркать, дѣлаетъ неосторожное движеніе и сыръ выскользаетъ изъ лапъ (li piez destre li desserre, v. 7293). Желая поймать и ворона, Ренаръ заявляетъ, что у него повреждена нога; онъ проситъ поэтому, чтобы воронъ унесъ поскорѣе сыръ, отъ котораго слишкомъ сильно пахнетъ. Воронъ опускается и Ренаръ бросается на него. Воронъ успѣваетъ ускользнуть съ утратой четырехъ перьевъ, оставшихся въ зубахъ Ренара.

16-я вѣтвь (Ren. vv. 7383—7520): „О священникѣ Мартэнѣ и волкѣ Изенгринѣ" передаетъ извѣстный мотивъ о волкѣ въ ямѣ. Чтобъ отплатить Изенгриму за растерзаніе многихъ овецъ, священникъ роетъ для него яму, прикрываетъ ее и для приманки привязываетъ ягненка. Изенгримъ попадается. Является священникъ и грозитъ Изенгриму дубиной. Изенгримъ не задумывается и схватываетъ дубину въ зубы; оба прилагаютъ всѣ усилія вытащить другъ у друга дубину. Вдругъ земля на краю ямы поддается и священникъ попадаетъ въ яму. Священникъ съ испугу начинаетъ пѣть псалмы, читать молитвы и наклоняется, а Изенгримъ вскакиваетъ къ нему на шею и выскакиваетъ изъ ямы.

входятъ олень (Brichemers), медвѣдь (Bruns) и кабанъ (Baucent). Олень считаетъ недостаточнымъ свидѣтельство одной обвиняемой, медвѣдь наоборотъ указываетъ на важное положеніе Изенгрима, который заслуживаетъ полнаго довѣрія, кабанъ наконецъ старается опровергнуть возраженія медвѣдя и присоединяется къ мнѣнію оленя. Другой олень (Platiaus), бывшій тоже въ числѣ совѣтниковъ, указываетъ на обстоятельство поруганія волчатъ и требуетъ денежной пени, чтобы не повторялись подобные случаи. Медвѣдь считаетъ немыслимымъ защищать Ренара, извѣстнаго негодяя, и разсказываетъ, какъ послѣдній обманулъ его. Ренаръ передушилъ у одного виллана множество курицъ. Вилланъ (Costant Desnoes) разставляетъ всюду западни, готовитъ собакъ. Чтобъ имѣть возможность снова забраться къ виллану, Ренаръ обращается къ медвѣдю, который „былъ великъ и бросался въ глаза". Соблазнивъ медвѣдя медомъ, Ренаръ забирается съ нимъ къ виллану и вопреки уговору бросается сначала въ курятникъ, гдѣ поднимается страшный шумъ. Народъ сбѣгается, а издѣвающійся надъ медвѣдемъ Ренаръ уноситъ съ собой курицу. Всѣ набрасываются на медвѣдя и сильно израненный онъ съ трудомъ спасается въ лѣсъ. Медвѣдь указываетъ далѣе, что не онъ одинъ имѣетъ причины жаловаться; на Ренара жаловались воронъ, пострадавшій котъ и даже его кума, синица, съ которой онъ желалъ поцѣловаться. Кабанъ находитъ, что ради праведнаго суда должна быть выслушана и противная сторона, съ чѣмъ соглашается и обезьяна (Cointeriaus). Послѣ препирательства послѣдней съ медвѣдемъ, олень (Brichemer) рѣшаетъ, что отъ Ренара слѣдуетъ потребовать клятвы въ соблюденіи мира. Чтобъ избавить царя отъ хлопотъ, его мѣсто на судѣ будетъ заступать песъ Ронель (Roonel). Царь отправляетъ барсука (Grinbert) объявить Ренару рѣшеніе—явиться для произнесенія клятвы въ воскресеніе. Ренаръ изъявляетъ полную готовность. Между тѣмъ Изенгримъ отправляется къ Ронелю, сообщаетъ ему о его назначеніи предсѣдателемъ на судѣ и проситъ, чтобъ онъ повелъ дѣло на гибель Ренара. Ронель обѣщаетъ прикинуться мертвымъ; Ренаръ же долженъ будетъ надъ его зубами произнести клятву; кромѣ того онъ обѣщаетъ держать въ засадѣ больше сорока штукъ своихъ товарищей. Въ назначенный день является Изенгримъ съ своей огромной партіей и Ренаръ съ своими приверженцами, въ числѣ во-

торыхъ оказывается между прочимъ барсукъ, бѣлка и др. Олень приглашаетъ Ренара дать клятву. Вдругъ Ренаръ обнаруживаетъ измѣну и отступаетъ. Олень удивляется, но Ренаръ возражаетъ, что „никто не можетъ дать клятвы и принести надлежащей жертвы, если онъ сначала не поѣлъ немного“ (v. 9143). Онъ предлагаетъ медвѣдю и коту отправиться съ нимъ къ сосѣднему виллану (Frobert); тамъ семь мѣсяцевъ откармливались три гуся; кромѣ того тамъ много меду. Медвѣдь и котъ вскакиваютъ чрезъ открытое окно въ кладовую (un lardier), а Ренаръ запираетъ окно и издѣвается надъ ними. Слишкомъ громкія жалобы медвѣдя и кота призываютъ народъ. Избитый медвѣдь и котъ, лишившійся хвоста, едва спасаются бѣгствомъ, тогда какъ Ренаръ уноситъ съ собой гуся и снова издѣвается надъ пострадавшими, когда они появляются вблизи его крѣпости. Медвѣдю Ренаръ поручаетъ заявить оленю, что не можетъ дать клятвы. Преслѣдующая толпа поселянъ, набрасывается вскорѣ и на остальныхъ звѣрей и каждому изъ нихъ приходится плохо. Когда затѣмъ Ренаръ готовъ исполнить договоръ и приближается къ святилищу, онъ вдругъ заявляетъ оленю, что видитъ то, чего онъ, олень, не видитъ. Измѣну открываетъ и барсукъ, который требуетъ отъ оленя, чтобъ онъ приказалъ разступиться толпѣ, которая напираетъ на него со всѣхъ сторонъ. Ренаръ пользуется свободнымъ проходомъ и обращается въ бѣгство; въ погоню за нимъ пускаются всѣ собаки; Ренаръ, сильно истерзанный собаками, спасается наконецъ въ свою крѣпость. Изенгримъ призываетъ всѣхъ звѣрей въ свидѣтели, что Ренаръ снова обманулъ его; онъ не обращаетъ вниманія на возраженіе барсука, что Ренаръ бѣжалъ, открывъ измѣну со стороны Изенгрима и его приверженцевъ, и рѣшается снова принести жалобу царю въ томъ, что Ренаръ не желалъ дать клятвы.

Пока достаточно вкратцѣ замѣтить, что общая связь въ данной вѣтви слишкомъ явно нарушается эпизодомъ о похожденіи медвѣдя, кота и Ренара въ кладовой. Нить разсказа сразу прерывается въ тотъ моментъ, когда все клонится къ развязкѣ. Притомъ вставочный эпизодъ связывается съ главнымъ разсказомъ самымъ страннымъ образомъ: Ренаръ передъ клятвой желаетъ поѣсть! Еще неожиданнѣе заканчиваетъ этотъ эпизодъ. Перечисляются извѣстные звѣри,— въ томъ числѣ и Ронель,—которые подвергаются побоямъ со

стороны толпы, и вдругъ разсказъ принимаетъ совершенно иной тонъ: говорится о желаніи Ронеля обмануть Ренара, который однако остерегается этого и заявляетъ оленю, что онъ видитъ то, чего тотъ не видитъ, т. е. видитъ обманъ. Ясно, что эти слова примыкаютъ непосредственно къ первому приглашенію оленя произнести клятву. Дисгармонія, производимая этимъ эпизодомъ въ 19-й вѣтви, является главнымъ побужденіемъ, заставляющимъ извѣстныхъ ученыхъ устранять этотъ эпизодъ или приводить его въ связь съ другими варіантами. Іонкблутъ (Étude стр. 317) совершенно основательно относитъ его къ интерполяціямъ.

20-я вѣтвь (Ren. vv. 9649—11958) носитъ заглавіе: „Какъ Ренаръ обманулъ медвѣдя Брюна на медѣ". Въ началѣ этой бранши упоминается имя автора Пьера (Perroz).

Весной, когда расцвѣталъ боярышникъ и распускались розы, незадолго до Вознесенія, царь левъ (Noble) пригласилъ всѣхъ звѣрей ко двору ради суда. Всѣ звѣри не замедлили явиться, исключая Ренара. Изенгримъ толкуетъ о позорѣ жены, о поруганіи дѣтей и объ отказѣ Ренара дать клятву. Царь находитъ, что изъ такихъ пустяковъ не стоило бы поднимать такого шума (Onques de si petit domage Ne vi-ge fere si grant rage, v. 9701). Медвѣдь полагаетъ, что въ видахъ сохраненія мира, который недавно всѣ поклялись соблюдать, царь долженъ судить Ренара; медвѣдь даже самъ готовъ быть посломъ, чтобы вытребовать Ренара ко двору. Быкъ (Bruianz) находитъ, что Ренаръ обижалъ многихъ и поэтому странно, что непремѣнно Изенгримъ приноситъ жалобу по поводу столь обще извѣстной исторіи. Барсукъ тоже смягчаетъ вину Ренара, говоритъ, что если Ренара побуждала любовь, то на это не слѣдовало бы подавать жалобы и чернить жену, какъ поступаетъ Изенгримъ. Волчица вслѣдствіе этого считаетъ необходимымъ сдѣлать заявленіе, что она невинна, что она готова прибѣгнуть къ суду божьему,—къ испытанію при помощи холодной воды или раскаленнаго желѣза, и прибавляетъ: Ренаръ „не безчестилъ моего тѣла" (Ne fis de mon cors puterie, v. 9828). Оселъ (Fromont) „возрадовался въ своемъ сердцѣ, потому что тотчасъ всему повѣрилъ, что Изенгримъ не рогоносецъ; ахъ, говорилъ онъ, если бы... моя ослица была такъ же вѣрна (v. 9834 слл.)!" Барсукъ проситъ царя пощадить Ренара и вызывается привести его ко двору. Къ этому мнѣнію присоединяется и заяцъ (Li

Connins). Послѣ препирательствъ между вороной, царемъ и Изенгримомъ, царь заявляетъ, чтобы никто не отваживался нарушать мира. Вдругъ ко двору является пѣтухъ Шантеклэръ, курица Пинте, „которая несетъ большія яйца“ (v. 9974), и три ея сестры; на носилкахъ приносятъ они курицу, умерщвленную Ренаромъ. Пинте разсказываетъ, какъ Ренаръ постепенно умерщвлялъ ея родныхъ; съ горя она падаетъ въ обморокъ; съ ней за одно падаютъ въ обморокъ и ея сестры, такъ что „дамъ“ приходится отливать водой. Сочувствуя ихъ горю, царь реветъ, а заяцъ со страху получаетъ лихорадку (ср. выше стр. 103). Царь приказываетъ медвѣдю и быку приступить къ отпѣванію усопшей; послѣдней воздвигаютъ эпитафію и на гробѣ мученицы заяцъ получаетъ исцѣленіе отъ лихорадки, а Изенгримъ отъ ушной болѣзни. Между тѣмъ медвѣдь, отправленный посломъ къ Ренару, сообщаетъ послѣднему приказъ царя. Ренаръ соблазняетъ медвѣдя сотовымъ медомъ, ведетъ его къ расклиненному дубу, заставляетъ просунуть въ щель морду и вытаскиваетъ клинья. Крики приближающихся поселянъ вынуждаютъ медвѣдя сдѣлать послѣднее усиліе: онъ освобождается изъ щели, оставивъ въ жертву шкуру съ морды и съ переднихъ лапъ. Царь въ бѣшенствѣ; онъ отправляетъ посломъ кота (Tyberz). Дурная примѣта грозитъ коту: съ лѣвой стороны у него пролетѣла ворона, когда онъ стоялъ у дверей Ренара. Дѣйствительно, Тиберъ, соблазненный жирными мышами и крысами, идетъ съ Ренаромъ въ домъ священника и попадаетъ въ силокъ, поставленный Мартинэ, сыномъ священника и его „наложницы“ (une putain, v. 10556). Кота жестоко бьютъ, онъ въ ярости бросается священнику между ноги и кастрируетъ его (Li a trenchié un des pendanz, v. 10598). „Когда жена увидѣла свою большую потерю“ (v. 10599), — она упала въ обморокъ. Котъ пользуется критическимъ положеніемъ, перегрызаетъ веревку и спасается бѣгствомъ. Царь отправляетъ наконецъ барсука и вручаетъ ему грамоту съ своей печатью, грамоту, въ которой царь грозитъ Ренару висѣлицей, если послѣдній не явится для оправданій. Ренаръ рѣшается отправиться. Не зная, что его ожидаетъ впереди, онъ рѣшаетъ исповѣдоваться. Онъ сообщаетъ Гринберу, что обвиненія, взводимыя на волчицу, основательны, и перечисляетъ затѣмъ всѣ козни, которыя онъ устраивалъ Изенгриму: благодаря Ренару Изенгримъ по-

палъ въ волковню (vv. 10764—68; ср. выше стр. 165), въ капканъ (ср. выше стр. 164), въ кладовую, изъ которой, объѣвшись, не могъ выбраться (vv. 10772—76; ср. выше стр. 149); Ренаръ же подбилъ Изенгрима ловить рыбу въ проруби (vv. 10777—78), выдавалъ отраженіе луны въ колодцѣ за сыръ (см. выше стр. 78), заставилъ Изенгрима изъ-за рыбы прикинуться мертвымъ на дорогѣ (стр. 59[5]), постригъ его въ монахи (vv. 10786—90; ср. выше стр. 90). Далѣе Ренаръ передаетъ о томъ, какъ заманилъ кота въ силокъ и какъ навлекъ побои на союзниковъ Изенгрима, ожидавшихъ отъ него присяги (см. br. 19). Гринберъ отпускаетъ ему грѣхи (moitié romanz, moitié latin, v. 10833) и Ренаръ на слѣдующее утро прощается съ женой и дѣтьми. По дорогѣ Ренаръ предлагаетъ своему спутнику направиться къ амбару, гдѣ Ренаръ замѣтилъ курицъ, но барсукъ вовремя удерживаетъ его. Несмотря на храбрую самозащиту Ренара и заступничество барсука, царь приказываетъ повѣсить Ренара, на которомъ каждый старается выместить обиды, — даже заяцъ бросаетъ въ него камнями. Тогда Ренаръ проситъ у царя пощады и обѣщаетъ отправиться за море въ качествѣ паломника (voil la Croiz prendre, v. 11133). Барсукъ присоединяется къ его просьбѣ и царь наконецъ прощаетъ Ренара. На правомъ плечѣ крестъ у Ренара, которому вручаютъ также посохъ и повязку. Царица проситъ пилигрима молиться за нее и дарить ему кольцо. Ренаръ пускается въ путь, схватываетъ по дорогѣ зайца, поднимается на холмъ, откуда громогласно предлагаетъ царю взять данное имъ тряпье обратно. Ускользнувшій между тѣмъ заяцъ мчится къ царю и сообщаетъ объ измѣнѣ Ренара. Царь грозитъ повѣсить всѣхъ, если не поймаютъ Ренара; всѣ пускаются въ погоню, но Ренаръ успѣваетъ скрыться въ свою крѣпость. — Начинается осада (v. 11369 слл.), въ продолженіи которой Ренаръ часто находитъ случай трунить надъ осаждающими и перечислять всѣ козни, которыя онъ имъ устраивалъ. Однажды осаждающіе сильно устали и крѣпко уснули; Ренаръ забирается къ нимъ въ лагерь и привязываетъ каждаго изъ нихъ къ дереву. „Затѣмъ онъ обращается къ царицѣ, тамъ, гдѣ она лежала навзничь" и пользуется случаемъ (Entre les janbes li entra, v. 11533). Съ просонья она принимаетъ Ренара за мужа, но, проснувшись и увидѣвъ ошибку, она поднимаетъ крикъ. Звѣрей,

тщетно пытающихся освободиться, развязываетъ улитка (Dant Tardif), которую Ренаръ забылъ связать. Ренаръ схваченъ, преданъ на поруганіе звѣрямъ и, съ петлей на шеѣ, ждетъ своей участи. Царицѣ становится жалко Ренара; она обращается къ барсуку, даетъ ему письмо, обладающее свойствомъ предохранять отъ смерти, и назначаетъ Ренару свиданіе. Барсукъ совѣтуетъ Ренару исповѣдоваться и объявить свою волю. Ренаръ снова проситъ о помилованіи и обѣщается вступить въ монастырь. Появленіе жены Ренара и предложеніе богатаго выкупа смягчаетъ гнѣвъ царя; царь объявляетъ ему прощеніе. Изенгримъ крайне недоволенъ этимъ, какъ вдругъ, къ его радости, является мышь (Chauve) съ жалобой на Ренара, задушившаго ея мужа (Pelez li Raz). Снова подпимается страшный шумъ, всѣ противъ Ренара, который, недолго думая, спасается на дерево. Царь приказываетъ принести топоры. Ренаръ схватываетъ камень (une grant roche, v. 11933) и бросаетъ его царю въ голову; пока всѣ суетятся около раненнаго царя, Ренаръ обращается въ бѣгство. Восемь дней лѣчился царь, пока не выздоровѣлъ, „а Ренаръ такъ таки и ускользнулъ“ (v. 11957).

Приведенная вѣтвь представляетъ рядъ точекъ соприкосновенія съ прежними поэмами. Такъ, въ „Изенгримѣ“, въ Ecbasis и въ 20-й вѣтви всѣ звѣри вызваны ко двору; всѣ являются, исключая Ренара; въ отсутствіе послѣдняго волкъ жалуется или клевещетъ на Ренара. Всѣ три поэмы говорятъ о объявленномъ мирѣ, съ той только разницей, что въ Ecbasis о мирѣ говорится не въ самомъ эпизодѣ о болѣзни льва, а въ рамкѣ. Далѣе, въ Ecbasis выводится барсъ, сочувствующій Ренару и отправляющійся къ нему; въ 20-й вѣтви барса вполнѣ замѣняетъ барсукъ; въ „Изенгримѣ“ о такомъ другѣ прямо не упоминается, но на самомъ дѣлѣ онъ существуетъ: роль его раздвоилась между козломъ и бараномъ, которые защищаютъ интересы Ренара. Во всѣхъ поэмахъ лиса представляется врагомъ волка. Въ Ecbasis мелькомъ говорится о троекратномъ вызовѣ обвиняемаго; въ 20-й вѣтви черта эта послужила къ развитію цѣлаго ряда самостоятельныхъ эпизодовъ; словомъ, намекъ первой поэмы какъ бы реализуется во второй. Затѣмъ поэмы расходятся, такъ какъ мѣняются сюжеты.

Измѣненіе сюжета въ 20-й вѣтви впрочемъ только кажущееся. Едва ли можетъ возникнуть сомнѣніе, что весь

процессъ, излагаемый въ „Ренарѣ", не болѣе какъ развитіе именно мотива о троекратномъ вызовѣ ко двору въ связи съ защитительными рѣчами козла и барана и вслѣдъ затѣмъ съ оправдательной рѣчью Ренара въ „Изенгримѣ". Слѣдовательно необходимо допустить, что сюжетъ древнихъ поэмъ раздробился и каждая частица развивалась самостоятельно. Притомъ два сюжета обращали на себя вниманіе по преимуществу: разсказъ о болѣзни льва и о судѣ надъ Ренаромъ. Всѣ остальные разсказы поглащались этими двумя сюжетами и упоминались въ нихъ эпизодически.

Развитіемъ втораго сюжета, т. е. о судѣ, является именно 20-я вѣтвь. Такъ какъ сюжетъ этотъ самъ по себѣ заключалъ въ себѣ неисчерпаемый матеріалъ, то другіе сюжеты, которые могли претендовать на такую же самостоятельность, должны были отдѣлиться и продолжать свое существованіе независимо, или—одинъ разсказъ долженъ былъ взять перевѣсъ надъ другимъ, если оба разсказа удерживались рядомъ. Дѣйствительно, въ позднѣйшихъ поэмахъ замѣчается постоянно преобладаніе то разсказа о больномъ львѣ, то разсказа о судѣ. Послѣдній является для данной группы основой, къ которой присоединялся съ теченіемъ времени рядъ добавочныхъ мотивовъ.

Весьма важнымъ моментомъ въ разсказѣ о судѣ является мотивъ о поруганіи чести волчицы Ренаромъ. Мотивъ этотъ постоянно является завязкой всѣхъ поэмъ о судѣ и ему придается главное значеніе; онъ проникъ въ позднѣйшія поэмы непосредственно изъ „Рейнарда" (см. выше стр. 186 слл.).

20-я вѣтвь, главнымъ образомъ первая ея половина, т. наз. 20^a, послужила образцомъ для другихъ вѣтвей (см. ниже) и поэмъ. Переработкой 20^a вѣтви является между прочимъ и „Рейнартъ", что въ данный моментъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію (см. ниже). Здѣсь необходимо опредѣлить вкратцѣ отношеніе „Рейнарта", а за нимъ и его переработки,—„Рейнке", къ данной вѣтви.

Прологъ изъ 40 стиховъ въ „Рейнартѣ" составленъ конечно авторомъ послѣдняго, Виллемомъ; въ „Рейнке" пролога не полагается (рѣчь о глоссѣ впереди). Весна. Вознесеніе замѣнено Троицей. Царь левъ (Nobel) (1) призываетъ

(1) О значеніи этого имени см. J. Grimm R. F. стр. ccxxxij. Вообще о значеніи именъ различныхъ животныхъ см. тамъ-же стр

звѣрей ко двору. Рейнартъ не является вслѣдствіе сознанія своихъ преступленій. Рѣчи льва, медвѣдя и быка въ „Ренарѣ“ опущены въ „Рейнартѣ“ и послѣ жалобы Изенгрима слѣдуетъ жалоба собачки (Cortois; Wackerlôs, по „Рейнке“), обвиняющей Рейнарта въ томъ, что онъ отнялъ у нее колбасу; котъ (Tibeert; Hinze) немедленно заявляетъ, что колбаса принадлежала собственно ему, слѣдовательно жалоба собачки неосновательна (R e i n. vv. 98—125. R e i n k e vv. 69—92). Бобръ (Pancer; pantêr — барсъ, по „Рейнке“) разсказываетъ, какъ онъ спасъ зайца (Cuwaert; Lampe) изъ лапъ Рейнарта, взявшагося обучить послѣдняго грамотѣ и символу вѣры; Рейнартъ готовъ былъ перегрызть зайцу горло (R e i n. vv. 126—169. R e i n k e vv. 93—141). Въ оправданіе Рейнарта барсукъ, возражая Изенгриму, разсказываетъ, какъ послѣдній обманулъ Рейнарта, добывшаго рыбу (см. выше стр. 59 [вар. 𝔊 и 𝔇]) и окорокъ, отъ котораго онъ предложилъ ему только веревку (R e i n. vv. 217—231. R e i n k e vv. 199—226). Рѣчи въ „Ренарѣ“, касающіяся поруганія чести волчицы, „Рейнартъ“ снова опускаетъ и прямо переходитъ отъ защиты барсука, толкующаго о томъ, что Рейнарту нельзя ставить въ вину любовь къ волчицѣ, что онъ живетъ какъ отшельникъ, съ годъ какъ не ѣстъ мяса и т. п., — къ появленію пѣтуха (Canticleer; Hennink) съ мертвой курицей (R e i n. vv. 282—420. R e i n k e 293—404). Жалуется не курица, какъ въ „Ренарѣ“, а пѣтухъ, котораго Рейнартъ, подъ видомъ отшельника, обманываетъ царской грамотой, возвѣщающей о мирѣ. Объ испугѣ и исцѣленіи зайца не упоминается. Послѣ отпѣванія царь обращается за совѣтомъ къ дружинникамъ (te sinen houden, v. 466). Рѣшено отправить посломъ медвѣдя. Послѣдній спасается подъ конецъ отъ жестокихъ побоевъ тѣмъ, что

---

ccxij сл.; кромѣ того слѣдуетъ присоединить ук. выше (стр. 27) изслѣдованіе Л ю б б е н а и можно отмѣтить еще слѣдующія статьи: H. L e o въ Zs. f. deutsch. Alterth. III [1843] 186 (по поводу именъ Chanteclin, Salaura и Karchofas); H o e f e r въ Germania (Пфейффера) II [1857] 168 (по поводу именъ кота). Нѣсколько любопытныхъ указаній встрѣчается м. пр. и въ слѣд. статьяхъ, хотя онѣ и не имѣютъ прямаго отношенія къ даннымъ поэмамъ: O. K e l l e r Ueb. d. Bedeutung einiger Thiernamen im Griech. u. Lat. Vortrag. Graz 1878. W. S c h o t t Ueb. ein Tiernamen въ Abh. d. K. Akad. d. Wiss. zu Berl. 1876 (отд. отт. 1877).

бросаетъ нѣсколькихъ бабъ въ рѣку, въ томъ числѣ и попадью (Julocke; Jutte min maget, по Рейнке, v. 756). Испуганный священникъ восклицаетъ: „кто ей можетъ помочь, я дамъ тому на круглый годъ полное прощеніе и отпущеніе отъ всякаго грѣховнаго дѣянія“ (v. 833; въ Рейнке v. 760 присоединяются еще двѣ бочки пива). Всѣ бросаются къ попадьѣ, а медвѣдь спасается вплавь. Царь снова созываетъ совѣтъ и посломъ отправляется котъ. Третій посолъ — барсукъ, но царь не вручаетъ ему грамоты. Рейнартъ прощается съ женой и дѣтьми до исповѣди, которая происходитъ въ полѣ. Въ числѣ проступковъ Рейнартъ упоминаетъ, что насолилъ выдрѣ (чѣмъ?) и коту (Rein. vv. 1452. 1463. Reinke vv. 1390. 1403), провелъ медвѣдя (v. 1461 ‖ v. 1399), обижалъ пѣтуха (v. 1466 ‖ v. 1408), оскорблялъ царя и царицу (v. 1471 сл. ‖ v. 1413 сл.), заставилъ Изенгрима звонить въ колоколъ, привязавъ его ноги къ веревкѣ (v. 1479 сл. ‖ v. 1419 сл.; ср. выше br. 9), выжегъ (кипяткомъ?) на головѣ его тонзуру (v. 1497 ‖ v. 1445), заставилъ его ловить рыбу въ проруби (см. выше стр. 74), повелъ его въ кладовую (см. выше стр. 149). Пока волкъ въ кладовой, Рейнартъ уноситъ со стола священника жареннаго пѣтуха, котораго впрочемъ бросаетъ, такъ какъ онъ былъ очень тяжелъ и кромѣ того Рейнарта усердно преслѣдовалъ ограбленный (v. 1529 слл. ‖ v. 1475 слл.). Затѣмъ Рейнартъ упоминаетъ, какъ онъ завелъ Изенгрима, соблазнивъ его курицами, на чердакъ, откуда Изенгримъ свалился внизъ и снова былъ избитъ (v. 1604 ‖ v. 1534), и, наконецъ, какъ онъ „спалъ съ своей теткой“ (Haersint; Giremot), женой Изенгрима (v. 1645 слл. ‖ v. 1583 слл.). Проходя мимо „монастыря черныхъ монахинь“, Рейнартъ бросается на пѣтуха, такъ что „перья полетѣли“. Рейнартъ оправдывается также храбро и считаетъ всѣ обвиненія, взводимыя на него, клеветой. Рѣчь царя, укоряющая Рейнарта, помѣщена вслѣдъ за привѣтственной рѣчью Рейнарта и до его оправданій, а не по произнесеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ въ „Ренарѣ“. Затѣмъ вкратцѣ передается, что начались дебаты и посыпались прекрасныя рѣчи и что Рейнарта рѣшено было повѣсить.

Далѣе въ „Рейнартѣ“ (Rein. vv. 1883 слл. Reinke vv. 1827 слл.) сохраняются только самыя общія черты оригинала, — все остальное является неотъемлемой собственностью Виллема.

Родственники Рейнарта съ горя покидаютъ дворъ. Котъ, медвѣдь и Изенгримъ хлопочутъ изъ за веревки и торопятся привести въ исполненіе приговоръ. Пока воздвигаютъ висѣлицу, Рейнартъ проситъ царя позволить ему всенародно сознаться въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Онъ разсказываетъ о томъ, какъ рано стали развиваться въ немъ кровожадные инстинкты, какъ онъ сошелся съ Изенгримомъ и какъ они вмѣстѣ пускались на грабежи, причемъ Рейнартъ оказывался всегда обдѣленнымъ. Это его впрочемъ не огорчаетъ, тѣмъ болѣе, что онъ всетаки обладаетъ несмѣтнымъ кладомъ. Царь допытывается: откуда у него кладъ? Рейнартъ сообщаетъ, что съ кладомъ связанъ былъ заговоръ противъ царя. Царица въ испугѣ и царь въ безпокойствѣ. Рейнартъ сообщаетъ, что его отецъ открылъ однажды сокровище короля Эрменриха (Hermelinc; Emerik) и сталъ столь заносчивымъ, что затѣялъ вмѣстѣ съ котомъ, медвѣдемъ, волкомъ и барсукомъ заговоръ съ цѣлью умерщвленія царя и возведенія на престолъ медвѣдя. Однажды барсукъ былъ навеселѣ и открылъ планъ заговора женѣ Рейнарта (v. 2280 слл.; по „Рейнке“ барсукъ сообщаетъ тайну сначала своей женѣ, а та уже передаетъ ее женѣ Рейнке, v. 2182 слл.). Рейнартъ былъ увѣренъ, что медвѣдь будетъ кровожаднымъ царемъ (причемъ въ видѣ примѣра разсказываетъ одну изъ передѣлокъ басни Эзопа [Halm № 76. Мартыновъ № 166] о аистѣ, царѣ лягушекъ) и поэтому рѣшился слѣдить за отцемъ, чтобы выслѣдить гдѣ скрытъ кладъ и чтобы похищеніемъ послѣдняго уничтожить всѣ планы въ зародышѣ. Рейнартъ подстерегаетъ наконецъ отца, открываетъ мѣсто, гдѣ зарытъ былъ кладъ, а при помощи жены переноситъ послѣдній въ другое мѣсто. Вслѣдствіе потери сокровища союзникамъ нельзя было выплачивать жалованія и отецъ Рейнарта повѣсился съ горя. При содѣйствіи царицы, царь прощаетъ Рейнарта съ условіемъ, что онъ выдастъ кладъ. Рейнартъ описываетъ пустыню и березу, подъ которой зарытъ кладъ, а такъ какъ царь сомнѣвается въ правдивости его словъ, то трусливый заяцъ долженъ подтвердить существованіе описываемой мѣстности; Рейнартъ сожалѣетъ, что нѣтъ собачки (Rijn; Rin), которая подтвердила бы его показаніе (пропущено въ „Рейнке“). Царь требуетъ, чтобы Рейнартъ повелъ его къ этому мѣсту. Рейнартъ объявляетъ, что онъ отлученъ папою отъ церкви за то, что уговорилъ Изенгрима бѣжать

изъ монастыря, и долженъ поэтому предварительно отправиться въ Римъ и вымолить прощеніе. Царь согласенъ, объявляетъ звѣрямъ, что простилъ Рейнарта, требуетъ, чтобы всѣ оказывали ему почести и впредь не дерзали жаловаться на него. Воронъ (Tiecelijn) сообщаетъ печальную вѣсть о помилованіи волку, медвѣдю и коту (пропущено въ „Рейнке"). Котъ спасается бѣгствомъ, а волкъ и медвѣдь отправляются къ царю и къ царицѣ и дерзко возобновляютъ свои обвиненія; по приказу царя, волка и медвѣдя связываютъ и въ узахъ послѣдніе проводятъ всю ночь (сокращается въ „Рейнке"). На утро Рейнартъ, при содѣйствіи царицы, добивается того, что медвѣдю вырѣзываютъ изъ спины кусокъ шкуры на сумку для него; обувью для Рейнарта служитъ шкура, содранная съ переднихъ лапъ волка и съ заднихъ лапъ волчицы, надъ которой Рейнартъ еще злобно издѣвается. На слѣдующее утро баранъ (Belijn; Bellin), капелланъ царя, вынужденъ служить напутственный молебенъ (een gheles) для Рейнарта, повѣсить ему на шею сумку и вручить посохъ. Всѣмъ звѣрямъ, за исключеніемъ связанныхъ волка и медвѣдя, приказано провожать Рейнарта. На пути Рейнартъ проситъ царя, чтобы онъ не провожалъ его дальше, проситъ звѣрей молиться за него и сладкими рѣчами упрашиваетъ зайца и барана проводить его еще немного. Добравшись до дому, Рейнартъ зазываетъ къ себѣ зайца, душитъ его и пожираетъ съ своей семьей. Недовѣрчиваго барана Рейнартъ успокоиваетъ на счетъ долгаго отсутствія зайца и вручаетъ ему сумку, куда кладетъ голову зайца, выдаваемую имъ за письма къ царю; баранъ долженъ заявить, что письма эти составлены по его наущенію. Во избѣжаніе царскаго гнѣва Рейнартъ удаляется съ своей семьей въ пустыню (послѣднее въ „Рейнке" опущено; тутъ Рейнке, слѣдуя совѣту жены и расчитывая на крѣпость своего замка, рѣшаетъ не покидать родины уже въ первомъ разговорѣ съ женой [v. 2951 слл.]). Между тѣмъ баранъ является ко двору. Царь приказываетъ своему секретарю (clerc) Ботсарту (¹) прочесть мнимыя письма и принуж-

(¹) Botsaert—какое то неизвѣстное животное; по обработкѣ (R e i n. II v. 3365) царскій секретарь носитъ имя Бокарта (Bokaert), которымъ по «Рейнке» (v. 3115 слл.) является бобръ, по имени Bôkert или Bøkert. Повидимому имени Botsaert отвѣчаетъ въ итальянск. обработкѣ названіе Busnardo (R a i n. v. 57), относительно котораго высказалъ извѣстныя догадки М а р т и н ъ Heidelb. Jahrb. 1870 стр. 162.

денъ самъ обвинять себя въ легковѣріи и въ утратѣ дружбы волка и медвѣдя. Леопардъ (Firapeel; по Рейнке просто lûpârdus или lûpârt) предлагаетъ царю въ видахъ примиренія выдать оскорбленнымъ барана и все его потомство на вѣчныя времена. Обиженные изъявляютъ согласіе. Въ честь волка и медвѣдя, прибавляетъ обработка (Rein. II v. 3476) и „Рейнке", царь продлилъ придворныя празднества на 12 дней.

Этимъ заканчивается произведеніе Виллема и первая книга „Рейнке".

Истокомъ 20^a вѣтви является и первая половина „Райнардо" (Rain. vv. 1—401). Обработка эта иногда дословно отвѣчаетъ br. 20^a, но передаетъ ее въ весьма сокращенномъ видѣ. Теца (Rain. стр. 7 слл.) вкратцѣ передаетъ и содержаніе „Райнардо" и въ примѣчаніяхъ къ тексту весьма подробно указалъ всѣ черты сходства съ „Ренаромъ"; тѣмъ не менѣе здѣсь необходимо выдвинуть тѣ черты, которыя непосредственно опредѣляютъ отношеніе „Райнардо" къ оригиналу и другимъ обработкамъ.

Весна не упоминается, а прямо говорится, что на Вознесеніе царь созвалъ всѣхъ „звѣрей домашнихъ и хищныхъ" (v. 4), намѣреваясь чинить судъ и расправу. Звѣрей собирается тьма и всѣ жалуются на Райнальдо (объ отсутствіи его умалчивается). Лезангрино обвиняетъ послѣдняго въ поруганіи чести его жены (Lesengra) въ Malpertuso, замкѣ Райнальдо (ср. Ren. v. 9680 сл.). Царь находитъ это тяжкимъ преступленіемъ (въ противоположность „Ренару"). Жалуется пѣтухъ [1] (какъ въ „Рейнартѣ", а не курица, какъ въ „Ренарѣ") на искалѣченіе и умерщвленіе курицы. И это обвиненіе царь находитъ тяжкимъ и приказываетъ объявить Р. въ опалѣ (какъ въ Ecbasis; ср. выше стр. 179). Р. защищаетъ его „товарищъ", барсукъ (Gilberto), который берется привести его черезъ трое сутокъ на судъ. Царь беретъ опалу назадъ и отправляетъ барсука (о посольствѣ медвѣдя и кота умалчивается). Посолъ является къ замку, который „15 дверей имѣетъ для входа и 15 для выхода" (v. 94), вызы-

---

(1) Мартинъ (Heidelb. Jahrb. 1870 стр. 162) не безъ основанія предполагаетъ, что имя пѣтуха въ формѣ un Chantacler (v. 11 и др.) представляетъ уже переходъ собственнаго имени въ нарицательное, какъ Renart превратился въ un renard.

ваетъ „кума“ (v. 102) и передаетъ ему взводимыя на него жалобы и гнѣвъ царя. Р. въ смущеніи, такъ какъ сознаетъ, что достоинъ висѣлицы. Барсукъ устраняетъ всѣ опасенія Р., между прочимъ и опасеніе предъ народной яростью, которая можетъ ему помѣшать даже начать оправданіе. Р. рѣшается наконецъ пуститься въ путь, хотя и сомнѣвается, что вернется изъ суда цѣлымъ и невредимымъ. Звѣри встрѣчаютъ путниковъ громкимъ крикомъ, требуя смерти Р. Послѣдній въ испугѣ, но барсукъ ведетъ его къ царю и рекомендуетъ его какъ вѣрнаго вассала. Царь грозно допрашиваетъ Р. (Bestia malvasia . . ., v. 197), который считаетъ себя правымъ. Лезангрино повторяетъ свою жалобу, царь беретъ его сторону, а барсукъ защищаетъ Р., находя, что скорѣе слѣдовало бы повѣсить Изенгрима и сжечь его недостойную (la putana, v. 235) супругу, такъ какъ обѣ высказываютъ явную ложь: какъ могъ Р. изнасиловатъ волчицу, когда она такъ сильна, что съ ней и 14 человѣкъ не справятся? если же все произошло по соглашенію, то нечего жаловаться (ср. Reinh. v. 1390 сл. и 432 [выше стр. 184]). Послѣ недовѣрчиваго замѣчанія царя, возражаетъ жена Лезангрино, объясняющая свой позоръ тѣмъ, что она попала въ тѣснину. На вопросъ царя возражаетъ Р., оправдывается и царь прощаетъ ему этотъ проступокъ; но вдругъ выступаетъ пѣтухъ и повторяетъ свою жалобу; царь находитъ обвиненіе вѣскимъ и грозитъ Р. гибелью. Р. указываетъ царю, что онъ долженъ предварительно выслушать обѣ стороны и оправдывается главнымъ образомъ тѣмъ, что пѣтухъ „не нашей религіи: мы звѣри, а онъ—птица; онъ умѣетъ отлично летать“ (Che i no è de nostra religion. Nu semo bestie et el è osello: El sa volar e ben e bello, v. 355 слл.) (¹). Съ условіемъ соблюдать миръ царь прощаетъ Р., который обязанъ притомъ жить не грабежомъ, а трудами рукъ своихъ.

Во всѣхъ этихъ обработкахъ отчетливо сохранилась основа вѣтви 20ª, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и цѣлый

(¹) Послѣднее оправданіе чрезвычайно близко подходитъ къ оправданію Рейнарта, доказывающаго, что онъ не могъ поймать вороны: Hoe soudic haer comen so na? Want si vlieghet, ende ic ga (Rein. v. 4197 сл.); или: Wô scholde ik er jummer komen sô nâ? Wente sê vlêgen unde ik gâ (Reinke v. 4418 сл.)!

рядъ самостоятельныхъ чертъ, принадлежащихъ нерѣдко всецѣло составителямъ этихъ новыхъ поэмъ.

Въ „Райнардо" сокращаются до крайности различныя подробности, причемъ изчезаютъ и болѣе крупныя черты. Такъ, опущена исповѣдь Райнальдо передъ барсукомъ. Зародышемъ исповѣди вообще слѣдуетъ очевидно признать интимную бесѣду лисы съ барсомъ въ Ecbasis (см. выше стр. 179). Но пропускъ довольно крупныхъ чертъ не мѣшаетъ тому, что удерживаются иногда сравнительно мелкія черты. Напр., при описаніи путешествія барсука къ Райнальдо упоминается, что послѣдній былъ на охотѣ и принесъ въ свой замокъ 7 курицъ, каплуна и пѣтуха (v. 96 слл.). Эта черта опять таки отвѣчаетъ вообще тому мѣсту въ Ecbasis (въ ук. м.), гдѣ лиса угощаетъ своего друга барса.

Но несмотря на всѣ эти сокращенія и видоизмѣненія и въ „Райнальдо" сохраняется все тотъ же основной мотивъ, — идея суда. Очень можетъ быть, что импульсомъ къ этой идеи и послужила одна изъ басенъ Эзопа (ср. выше стр. 44); когда же впослѣдствіи присоединился весьма видный мотивъ о поруганіи чести волчицы, мотивъ, который подъ вліяніемъ зарождавшихся рыцарскихъ идей, — съ какой бы точки зрѣнія послѣднія не подходили къ нему, — долженъ былъ достигнуть полнаго развитія, то мотивъ о судѣ могъ считать свое существованіе вполнѣ упроченнымъ. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ болѣе раннихъ поэмахъ о похожденіяхъ Ренара съ волчицей еще не упоминается. Во всякомъ случаѣ идея суда развилась на средневѣковой почвѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя упускать изъ виду, что если эта идея и достигла полнаго развитія только въ позднѣйшихъ поэмахъ, то однако и предшествовавшія имъ поэмы доставили значительную долю мотивовъ, способствовавшихъ дальнѣйшему росту этой идеи. Такъ, напр., уже въ Ecbasis сплетни на лису, воздвиганіе висѣлицы волкомъ, бѣганіе барса за виновницей, совнаніе этой вины, оправданіе предъ царемъ, — все это уже живо напоминаетъ атмосферу уголовнаго процесса, камеру судьи.

Переходимъ къ слѣдующимъ вѣтвямъ романа о Ренарѣ.

21-я вѣтвь (Ren. vv. 11959—12508) носитъ заглавіе: „Какъ Ренаръ сталъ красильщикомъ".

Царь повелѣлъ провозгласить: кто схватитъ Ренара, тотъ въ правѣ немедленно его повѣсить. Ренаръ спасается

бѣгствомъ и обращается съ мольбой къ Богу, чтобы онъ предохранялъ его отъ всякихъ бѣдствій и сдѣлалъ неузнаваемымъ; онъ ударяетъ себя сильно въ грудь, крестится и направляется въ деревню за добычей. Онъ влѣзаетъ въ открытое окно въ домъ красильщика, дѣлаетъ прыжекъ и попадаетъ вдругъ въ чанъ съ желтой краской. Красильщикъ готовъ уже нанести ему ударъ, но Ренаръ обѣщаетъ его научить, какъ смѣшивать краску съ золой. Красильщикъ вытаскиваетъ его, а Ренаръ, посмѣявшись надъ нимъ, бросается въ лѣсъ. Близь дороги встрѣчается онъ съ Изенгримомъ. Послѣ нѣкотораго размышленія Ренаръ рѣшается заговорить съ нимъ, перемѣнивъ свой говоръ. Онъ обращается къ нему съ привѣтствіемъ: Godehelpe! и объявляетъ Изенгриму, который крестится, разглядывая невиданнаго звѣря, что онъ изъ Бретани, что по имени онъ Galopins, а по профессіи — жонглёръ, котораго, къ несчастію, вчера ограбили, избили и лишили скрипки. Ренаръ перечисляетъ рядъ пѣсенъ, которыя онъ умѣетъ пѣть (v. 12149 слл.). Изенгримъ спрашиваетъ: не видалъ ли онъ злодѣя Ренара? причемъ описываетъ его козни. Затѣмъ Изенгримъ выражаетъ желаніе взять его ко двору въ качествѣ жонглёра и обѣщаетъ добыть ему скрипку. Онъ ведетъ его къ дому виллана, забирается ночью въ открытое окно и передаетъ Ренару скрипку, тогда какъ послѣдній немедленно вытаскиваетъ подпорку у окна и оно падаетъ внизъ. Стукъ поднимаетъ всѣхъ на ноги. Пока вилланъ вздуваетъ огонь Изенгримъ „схватываетъ его за задъ“ (v. 12326), но самъ подвергается кастраціи со стороны собаки. Онъ спасается наконецъ бѣгствомъ и достигаетъ своей берлоги. Онъ входитъ съ чернаго крыльца и привѣтствуетъ домашнихъ тихимъ голосомъ. Волчица „была весела: бросается къ нему на шею, цѣлуетъ его сотню разъ“ (v. 12381); послѣ ужина она обнаруживаетъ еще болѣе нѣжности и Изенгримъ вынужденъ прибѣгнуть ко лжи (Une nonein velee... me fist prendre, v. 12430). Волчица въ отчаяніи; не желаетъ и слышать о немъ (Qant il ne puet la chose fere..., v. 12481) и покидаетъ его.

Относительно окрашиванія лисы въ желтую краску и о связи этой черты съ восточными разсказами было замѣчено выше (стр. 86; ср. стр. 188).

Что касается эпизода о кражѣ скрипки, то въ сущности онъ представляется не болѣе какъ однимъ изъ сильно видо-

измѣненныхъ варіантовъ о волкѣ въ кладовой (см. выше стр. 149). И здѣсь волкъ забирается въ комнату и путь ему отрѣзывается; вся разница, что вмѣсто обычнаго окорока, который прельщаетъ волка, здѣсь приводится скрипка, соотвѣтственно роли жонглёра, принятой на себя Ренаромъ. Что дѣйствительно разсказы эти тожественны, — доказываетъ между прочимъ то, что многія черты даннаго эпизода совершенно отвѣчаютъ разсказу о волкѣ въ кладовой въ 10-й вѣтви (Ren. vv. 4301—4589). Въ послѣднемъ, напр., разсказѣ вилланъ просыпается отъ шума, поднятаго волкомъ (v. 4486 слл.), и въ данномъ разсказѣ вилланъ просыпается отъ шума (v. 12316 слл.); въ первомъ разсказѣ на сцену выступаетъ жена (v. 4522) и во второмъ (v. 12319); въ первомъ вилланъ поворачивается къ волку спиной, чтобы вздуть огонь (v. 4502. 4513 сл.), и во второмъ (v. 12324), причемъ волкъ „схватываетъ его за задъ“ (Par la nache du cul l'a pris, v. 4519. Par les naches le prent deriere, v. 12326), затѣмъ бросается къ отворенной двери (Quant Primaut choisi l'uis ouvert, v. 4545. Quant Ysengrin vit l'uis overt, v. 12343) и т. п. Слѣдовательно и данный разсказъ необходимо отнести къ мотиву о волкѣ въ кладовой.

Мотивъ о несчастіи, постигшемъ волка и волчицу, занесенъ въ данную вѣтвь изъ иной категоріи разсказовъ, стоящихъ внѣ предѣловъ животнаго эпоса.

22-я вѣтвь (Ren. vv. 12509—12986) передаетъ о томъ, „Какъ Ренаръ сталъ жонглёромъ; она примыкаетъ непосредственно къ предыдущей вѣтви, какъ необходимо заключить уже по одному началу (Or vos dirai... la contenance..., v. 12509).

Получивъ скрипку, Ренаръ выучивается на ней играть и послѣ долгихъ странствованій приходитъ къ женѣ. Послѣдняя между тѣмъ собирается выйти замужъ за молодаго барсука Понсэ (Poncet, v. 12531; Poinciax, v. 12615; даже Grinbert, v. 12527), такъ какъ котъ сообщилъ о томъ, что видѣлъ, какъ Ренара повѣсили. Ренару приходится узнать, что Понсэ уже давно находился въ связи съ его женой. Ренаръ, приглашенный на свадьбу рѣшается ему отомстить. На свадьбу стекается множество звѣрей; между прочимъ является и жена Изенгрима, Эрсанъ (Hersent). Послѣ ужина всѣ расходятся и остаются только Ренаръ, замышляющій планъ мести, и Эрсанъ, принимающаяся стлать постель для

жениха. Ренаръ заявляетъ жениху, что если онъ желаетъ, чтобъ у него былъ сынъ, то онъ, съ босыми ногами и со свѣчкой въ рукахъ, долженъ отправиться къ могилѣ мученицы—именно курицы (Coupée),—которую нѣкогда зарѣзалъ Ренаръ. Въ дѣйствительности тамъ разставлены были силки и поставлена была западня. Неосторожный женихъ попадается въ западню, а Ренаръ поднимаетъ его на смѣхъ и предоставляетъ на жертву собакамъ. Возвратившись къ женѣ, Ренаръ уличаетъ ее въ измѣнѣ, бьетъ ее, бранитъ Эрсанъ и выгоняетъ обѣихъ изъ своего дома. Изгнанныя „дамы" вскорѣ затѣваютъ между собой ссору, предметомъ которой является ихъ предосудительное поведеніе, и вступаютъ въ рукопашную. Отшельникъ, проходившій мимо, узнаетъ причину ихъ ссоры и примиряетъ ихъ не только между собой, но и съ мужьями. Ренаръ въ заключеніе разсказываетъ женѣ о своихъ похожденіяхъ.

Мотивъ о свадьбѣ лисы напоминаетъ одну русскую сказку[1] (Аө. I² № 18), гдѣ лиса сватается за кота, угощаетъ въ своей норѣ и выходитъ замужъ, причемъ у нихъ начинается „пиръ да веселье". Впрочемъ данныхъ этихъ пока мало, чтобы имѣть возможность сказать нѣчто положительное о взаимномъ отношеніи этой сказки къ упомянутому эпизоду.

Что касается молитвы, произносимой на могилѣ мученицы, причемъ молящійся попадаетъ въ силки, то черта эта отвѣчаетъ извѣстному мотиву о ложной клятвѣ (см. выше стр. 164), который видоизмѣнился сообразно новымъ условіямъ разсказа.

23-я вѣтвь озаглавлена слѣдующимъ образомъ: „Здѣсь начинается поломничество Ренара, и какъ онъ отправился въ Римъ". Передается разсказъ о звѣряхъ-странникахъ, разсмотрѣнный выше (стр. 128). Въ дополненіе къ сдѣланнымъ замѣчаніямъ о звѣряхъ - странникахъ необходимо еще замѣтить, что первоначальнымъ источникомъ этого мотива является очевидно разсказъ Сукасаптати, гдѣ тигръ обращается въ бѣгство вслѣдствіе того, что ему грозятъ съѣсть его. Съ этимъ разсказомъ и его истоками придется познакомиться ниже при разборѣ 25-й вѣтви.

24-я вѣтвь (Ren. vv. 13465—15308) передаетъ разсказъ о „Боѣ Ренара съ Изенгримомъ".

Царь левъ созываетъ звѣрей ко двору. Всѣ являются, исключая Ренара. Является и Изенгримъ „рогоносецъ" (v.

13490). Всѣ поднимають Изенгрима на смѣхъ, что онъ безъ хвоста (Son cul aporte descovert, v. 13492) и съ огромной тонзурой на головѣ. Изенгримъ становится предъ царемъ на колѣни и жалуется на Ренара. И царь смѣется надъ Изенгримомъ, но отправляетъ однако барсука (Grimbert) за Ренаромъ. Между тѣмъ при дворѣ всѣ веселятся, пляшутъ и поютъ, но многіе заняты и мыслью по поводу обвиненія Р. и даже запасаются адвокатами. Является Р. и привѣтствуетъ царя, который обращается къ нему съ грозной рѣчью и перечисляетъ его проступки противъ Изенгрима, кота, медвѣдя, пѣтуха, ворона и синицы. Р. выказываетъ себя покорнымъ вассаломъ, оправдывается, указываетъ царю на свои заслуги, указываетъ на то, какъ онъ ходилъ изъ-за него въ Римъ, Салерно и Монпелье,—лишь бы добыть лѣкарство для излѣченія его отъ тяжкой болѣзни. Барсукъ заступается за него, но царь вновь перечисляетъ проступки Р. и разсказываетъ приключеніе съ котомъ въ домѣ священника (vv. 13734—808) и приключеніе съ медвѣдемъ, попавшимся въ расклиненный дубъ (vv. 13809—874). Кромѣ того пересказываются вкратцѣ приключенія съ синицей (v. 13880), съ курицей (v. 13899). съ ворономъ, лишившимся сыра (v. 13909), говорится о жалобѣ Изенгрима по поводу оскорбленія, нанесеннаго его женѣ Ренаромъ (Qui sa fame li a maumise Et à force desoz lui mise Si vilment et en tel maniere Com se ce fust sa chanberiere, v. 13931), разсказывается о томъ, какъ Р. заманилъ пса Ронеля въ силокъ, причемъ онъ подвергся жестокимъ побоямъ (vv. 13945—14008). Далѣе Ренару ставятся въ вину проступки, совершенные имъ съ момента появленія его въ лагерѣ непріятелей (см. выше стр. 213, въ концѣ 20-й вѣтви). Р. оправдывается, но со всѣхъ сторонъ на него немедленно взводятся новыя обвиненія; тѣмъ не менѣе Р. настаиваетъ на своей правотѣ и предлагаетъ рѣшить дѣло или судомъ Божьимъ, или поединкомъ (O par juise, o par bataille, v. 14218). Изенгримъ выступаетъ съ обвинительной рѣчью,—за которой слѣдуютъ оправданія обвиняемаго,—и уличаетъ Р. въ преступной связи съ его женой, говоритъ о своемъ пребываніи въ раю (ср. выше стр. 79), о рыбной ловлѣ, о посѣщеніи виннаго погреба (см. выше стр. 148), о обвариваніи его головы кипяткомъ ради тонзуры (ср. выше стр. 90), о неудачномъ притворствѣ съ цѣлью кражи рыбы подъ видомъ мнимо-умершаго (см.

выше стр. 59). Изенгримъ требуетъ боя и Р. принимаетъ вызовъ. Каждый изъ нихъ (согласно обычаю) представляетъ заложниковъ. Заложниками со стороны Изенгрима оказываются медвѣдь, котъ, пѣтухъ и заяцъ, а со стороны Р.— быкъ, кабанъ, ежъ и барсукъ. Чрезъ 15 дней рѣшено сойтись для поединка. Начинаются заранѣе приготовленія къ бою, причемъ Р. расчитываетъ главнымъ образомъ на свою хитрость и на свои увертки. Изенгримъ вооружается краснымъ щитомъ, а Ренаръ желтымъ; каждый изъ борцовъ захватываетъ съ собой и дубинку. Р., о б р и в ъ себѣ бороду и шею, отправляется наконецъ ко двору. Сильно безпокоится за Р. жена его; она возноситъ къ Богу теплыя молитвы за спасеніе своего супруга. И „Эрсанъ молится за своего господина, чтобы Господь оказалъ такую милость (tel onor), чтобы онъ [Из.] не вышелъ [цѣлымъ] изъ боя и чтобы Р. могъ его побѣдить“ (v. 14639). Царь поручаетъ оленю слѣдить за правильнымъ ходомъ поединка; олень избираетъ себѣ въ помощники леопарда, кабана и быка. Посовѣтовавшись съ товарищами, олень, при посредничествѣ царя, предлагаетъ помириться противникамъ, но Изенгримъ настаиваетъ на поединкѣ. Тогда царь призываетъ барана, своего капеллана, и приказываетъ ему привести къ присягѣ противниковъ: Р. клянется, что не причинялъ никому зла, а Из., что Р. далъ ложную клятву. Изенгримъ заранѣе увѣренъ въ побѣдѣ, но при первомъ же столкновеніи получаетъ такой сильный ударъ по головѣ, что не сразу въ состояніи опомниться; за вторымъ ударомъ Р. переламываетъ ему лѣвое плечо. Противники бросаютъ щиты и схватываются въ рукопашную; при помощи извѣстной хитрости (un tor d'englois... jambet li fet, v. 14979), Р. роняетъ Из. на землю, жестоко грызетъ его, бросаетъ землю въ глаза и издѣвается надъ нимъ. Но Р. нечаянно роняетъ свою дубину; Изенгримъ пользуется этимъ, чтобы схватить лапу противника въ зубы и въ свою очередь повалить его на землю. Изенгримъ обращается съ своимъ врагомъ безпощадно и оставляетъ его замертво; перваго объявляютъ побѣдителемъ, а втораго рѣшено повѣсить. Пока котъ завязываетъ глаза Р., а собака связываетъ его лапы, Р. приходитъ въ себя. Р. желаетъ исповѣдоваться. Призываютъ барана. Неожиданно появляется монахъ Бернаръ, который проситъ царя о помилованіи Р., и достигаетъ того, что царь отпускаетъ съ нимъ Р. въ монастырь. Въ монасты-

рѣ Р. быстро оправился и снова сталъ мечтать о курицахъ. Однажды одинъ буржуа приноситъ въ монастырь четырехъ каплуновъ; ночью Р. душитъ послѣднихъ и одного изъ нихъ пожираетъ; монахи вскорѣ узнаютъ проступокъ Ренара и выгоняютъ его изъ монастыря. Р. возвращается въ свой замокъ, гдѣ его встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями.

Сюжетъ 24-й вѣтви, подобно сюжету 20-й, являлся основой различныхъ обработокъ. Къ числу такихъ обработокъ относится между прочимъ и обработка „Рейнарта", извѣстная подъ именемъ „Исторіи Рейнарта". Послѣдняя представляетъ позднѣйшую переработку подлиннаго „Рейнарта" съ присоединеніемъ продолженія. Это „продолженіе" и представляется непосредственной обработкой 24-й вѣтви романа о Ренарѣ, подобно тому, какъ древній „Рейнартъ" оказывается обработкой 20^{a} вѣтви. „Рейнке" содержитъ, понятно, тотъ же сюжетъ, такъ какъ основывается на позднѣйшей обработкѣ и продолженіи „Рейнарта".

Отличительныя черты продолженія „Рейнарта" заключаются въ слѣдующемъ.

Царь устраиваетъ празднество и всѣ звѣри веселятся, пляшутъ и поютъ. (Вторая книга „Рейнке" присоединяетъ небольшое введеніе, въ которомъ звѣри высказываютъ свое недовольство Рейнке). Не является на царскій зовъ только Рейнартъ. Восемь дней уже длится торжество, какъ вдругъ является кроликъ (Lampreel) съ жалобой на Рейнарта, который сдѣлалъ на него нападеніе,—ударилъ перчаткой и ударомъ своей лапы нанесъ четыре раны въ голову. Вслѣдъ за тѣмъ является ворона съ жалобой на коварнаго Рейнарта (см. выше стр. 43). Левъ реветъ отъ гнѣва, что его провелъ Рейнартъ, собиравшійся отправиться въ Римъ, и старается свалить вину на совѣтъ жены; царь собирается его примѣрно наказать. Изенгримъ и медвѣдь радуются, но не отваживаются промолвить словечка, такъ какъ левъ слишкомъ свирѣпъ. Наконецъ рѣшается замѣтить царица: Sire, pour dieu, ne croies mie Toutes choses que on vous die, Et ne jures pas legierement! Она напоминаетъ супругу поговорку: altera**m** partem audite! совѣтуетъ оцѣнить умъ Рейнарта и принять въ соображеніе огромное число его родственниковъ (van groten gheslachte, v. 3687). Леопардъ поддерживаетъ королеву и совѣтуетъ царю потребовать Р. для оправданій, а въ случаѣ неявки—осудить его. Къ этому мнѣнію присоединяется

и Изегримъ. Царь находитъ, что проще будетъ подвергнуть Р. осадѣ и приказываетъ черезъ шесть дней быть всѣмъ готовымъ выступить въ походъ. Барсукъ немедленно отправляется предупредить Рейнарта. На дворѣ застаетъ онъ Рейнарта, только что успѣвшаго поймать двухъ молодыхъ голубей, и сообщаетъ ему объ ожидающей его участи. Рейнартъ относится къ этой вѣсти довольно равнодушно, приглашаетъ барсука въ домъ и проситъ только умалчивать объ этой исторіи передъ женой. Рейнартъ угощаетъ племянника, хвастается своими дѣтьми и совѣтуетъ всѣмъ улечься спать. Самъ онъ не спитъ и обдумываетъ планъ защиты. Утромъ Рейнартъ прощается съ женой и отправляется ко двору. Дорогой Рейнартъ снова кается въ грѣхахъ и передаетъ барсуку, что онъ виною, что медвѣдю вырѣзали кусокъ шкуры изъ спины, а волку и волчицѣ содрали шкуру съ ногъ, что онъ обманулъ царя, разсказавъ о небываломъ кладѣ и о заговорѣ, что онъ умертвилъ зайца, покушался на кролика и съѣлъ ворону. Далѣе онъ вспоминаетъ исторію, какъ онъ свелъ Из. съ кобылой (см. выше стр. 147). Барсукъ отпускаетъ ему грѣхи, а Р. въ длинной рѣчи развиваетъ свои взгляды относительно невозможности быть непогрѣшимымъ и относительно испорченности міра вообще (въ „Рейнке“ [vv. 3841—4071] рѣчь эта представляетъ болѣе или менѣе значительныя отступленія: первая ея часть ближе отвѣчаетъ на тему о несчастныхъ жертвахъ кровожадности Рейнке, а вторая половина болѣе на тему о духовенствѣ вообще и въ частности). При входѣ во дворецъ Р. смущенъ (какъ въ „Ренарѣ“, изд. Мартина, br. VI v. 30); барсукъ ободряетъ его (ср. Ren. v. 13596 сл.); бароны не отвѣчаютъ на его привѣтствіе (ср. Ren. v. 13631), а возражаетъ царь угрозой (и частью даже тѣми же словами какъ въ Ren. v. 13650 сл. и Rein. v. 4356 сл.). Рейнартъ не лестно отзывается о всѣхъ совѣтникахъ царя и замѣчаетъ, что не явился бы ко двору, если бы сознавалъ свою вину. Онъ передаетъ о своей встрѣчѣ съ мужемъ обезьяны (Mertijn; по „Рейнке“ Marten), который освѣдомлялся о причинѣ озабоченнаго вида Рейнарта. Послѣдній пользуется этимъ мнимымъ запросомъ, чтобы освѣтить съ своей точки зрѣнія приключеніе съ кроликомъ и съ вороной. Раны кролика Рейнартъ объясняетъ простой дракой кролика съ его дѣтьми изъ-за купанья, а смерть вороны тѣмъ, что, по словамъ мужа же послѣдней

ворона объѣлась. Супругъ обезьяны настаиваетъ на томъ, чтобы Рейнартъ немедленно шелъ ко двору оправдываться; обѣщаетъ самъ хлопотать, чтобы съ него была снята опала и заявляетъ, чтобы Рейнартъ, въ случаѣ несправедливаго осужденія его, Р., при дворѣ, немедленно извѣстилъ его; тогда Мартинъ обѣщаетъ выхлопотать интердиктъ на всю страну. Рейнартъ проситъ поэтому, чтобы съ нимъ поступали по правдѣ и въ случаѣ обвиненія приводили по крайней мѣрѣ свидѣтелей; съ своей стороны онъ всегда готовъ принять вызовъ на поединокъ.

Въ „Рейнке“ сюжетъ распредѣляется иначе: Рейнке, прибывъ ко двору (v. 4094 слл.), встрѣчаетъ Мартена, мужа обезьяны, который собирается въ Римъ; Рейнке вскользь упоминаетъ о обвиненіи, взводимомъ на него кроликомъ и ворономъ; далѣе Мартенъ даетъ свои обѣщанія помощи и уходитъ, а барсукъ и Рейнке вступаютъ во дворецъ. Весь разговоръ съ Мартеномъ приходится въ промежутокъ времени между приходомъ Р. ко двору (v. 4094) и вступленіемъ во дворецъ (v. 4235). Въ присутствіи царя Рейнке только вкратцѣ упоминаетъ о разговорѣ съ Мартеномъ (v. 4346—55). Далѣе слѣдуетъ разсказъ о приключеніи кролика (vv. 4356—4406) и гибели вороны (vv. 4407—20), которая будто бы подавилась рыбьими костями (v. 4412), а не объѣлась падали (aes vol maden. v. 4487), какъ въ „Рейнартѣ“; притомъ приключенія эти передаются непосредственно царю, а не приводятся какъ пересказъ, сообщенный третьему лицу. Затѣмъ слѣдуетъ вызовъ на поединокъ тѣхъ, которые его обвиняютъ, и т. д., какъ въ „Рейнартѣ“.

Вызовъ на поединокъ пугаетъ кролика и ворону и они удаляются; это сильно огорчаетъ Изенгрима и медвѣдя. Рейнартъ готовъ уже торжествовать, но царь напоминаетъ ему умерщвленіе зайца и Рейнартъ смущенно замолкаетъ; Изенгримъ и медвѣдь испытываютъ радость. Обезьяна вступается за Рейнарта (какъ въ „Ренарѣ“ барсукъ, v. 13722 слл.) и говоритъ о необходимости соблюдать правосудіе. Царь прерываетъ обезьяну замѣчаніемъ, что она защищала бы Рейнарта менѣе ревностно, если бы онъ нанесъ ей тѣ же оскорбленія, которыя онъ нанесъ ему, царю. Обезьяна возражаетъ, что всегда будетъ одинаково расположена къ Рейнарту и, въ доказательство его ума, разсказываетъ о приговорѣ, произнесенномъ Рейнартомъ по поводу спора между

змѣей (een serpent) и человѣкомъ (см. выше стр. 137 [вар. 128]). Затѣмъ она дѣлаетъ весьма не лестный отзывъ объ умѣ волка и медвѣдя, призываетъ своихъ дѣтей и многочисленныхъ родственниковъ Рейнарта и проситъ царя правосудія (trecht van den lande, v. 5179; recht na howes wet, v. 5223) для обвиняемаго.

Въ „Рейнке" планъ нѣсколько иной. Послѣ уличенія Рейнке въ умерщвленіи зайца царь уходитъ въ свои покои (v. 4524), гдѣ онъ находитъ царицу и обезьяну (v. 4531 сл.); послѣдняя разсказываетъ ему приключеніе человѣка со змѣей, говоритъ о тупоуміи волка и медвѣдя и объ умѣ Рейнке и указываетъ на многочисленный родъ послѣдняго; царь рѣшается подумать (v. 4774) и снова возвращается къ собранію (v. 4793).

Царица возражаетъ обезьянѣ, что толковали объ этомъ царю уже вчера; въ свою очередь леопартъ замѣчаетъ, что царь одинъ не можетъ чинить суда и расправы. Царь не прочь оправдать Рейнарта, если онъ въ состояніи очистить себя отъ обвиненія въ смерти зайца. Рейнартъ, ободренный участіемъ обезьяны, вдругъ восклицаетъ: „О, горе! развѣ Куварта не стало?... и гдѣ же баранъ Беллинъ?" (v. 5261) и разражается горькими жалобами по поводу невознаградимой утраты трехъ драгоцѣнностей, которыя онъ вручилъ барану для передачи царю и царицѣ.

Въ „Рейнке" восклицаніе это умѣстнѣе встрѣчается тотчасъ послѣ перваго обвиненія Рейнке въ умерщвленіи зайца (v. 4511—22); затѣмъ оно вновь повторяется почти въ тѣхъ же выраженіяхъ послѣ переговоровъ царя съ обезьяной и послѣ вторичнаго его запроса по поводу гибели зайца (v. 4815—31); размышленія же Рейнарта, почерпающаго бодрость изъ энергичнаго заступничества обезьяны (Rein, vv. 5248—60), въ „Рейнке" опущены.

Послѣ краткаго замѣчанія царя (v. 5270 слл.) и требованія обезьяны (v. 5292 слл.) Рейнартъ разсказываетъ, что драгоцѣнности эти состояли изъ золотаго кольца съ чудеснымъ трехцвѣтнымъ (краснымъ, „прозрачнымъ" [door claer] и wit, v. 5378. 5393] и зеленымъ) камешкомъ, обладавшимъ свойствомъ предохранять отъ всѣхъ невзгодъ, болѣзней, враговъ и т. п. (vv. 5317—5438; Reinke vv. 4861—4992), изъ гребня, тоже обладавшаго чудесными качествами благодаря пахучей кости (sconderbeen) барса, изъ ко-

торой онъ былъ сдѣланъ, и украшеннаго между прочимъ изображеніемъ суда Париса (vv. 5439—5564; Reinke vv. 4933—5040), и, наконецъ, изъ зеркала, обладавшаго не менѣе чудесными и цѣлебными свойствами (vv. 5565—5643; Reinke vv. 5041—72, причемъ опущенъ разсказъ о полетѣ Клеомеда на деревянной лошади, т. е. Rein. vv. 5602—28; точнѣе—„Рейнке" сокращаетъ все въ три стиха о невиданной лошади вообще [Reinke v. 5064—66]). На рамкѣ зеркала, сдѣланной изъ чудеснаго дерева, находился рядъ изображеній, именно: басня о завистливой лошади, которая предложила человѣку свои услуги на время, но должна была остаться у него навсегда (vv. 5644—84, Reinke vv. 5078—5100); басня объ ослѣ, вздумавшемъ ласкаться къ своему господину подобно собакѣ (vv. 5685—5754; Reinke vv. 5101—58), о лисицѣ и котѣ (см. выше стр. 107 сл.), о волкѣ и журавлѣ (vv. 5833—84; Reinke vv. 5213—52). Затѣмъ Рейнартъ упоминаетъ о заслугахъ своего отца, который излѣчилъ отца льва отъ тяжкой болѣзни печенью семилѣтняго волка (въ „Ренарѣ" [vv. 13713—21] объ излѣченіи царя говорится вкратцѣ и врачемъ является самъ Ренаръ). Не мудрено, если царь не помнитъ этого событія, такъ какъ оно происходило въ его, царя, молодые годы (v. 6040; двухъ лѣтъ, v. 5935. Въ „Рейнке" неудачно присоединяется, что исторія болѣзни стараго царя была изображена на рамкѣ зеркала [v. 5387 сл.], это противорѣчитъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявленію Рейнке, что онъ взялъ зеркало изъ клада своего отца (v. 4937 сл.), изъ клада, принадлежавшаго нѣкогда королю Эрменриху [v. 2138 сл.]. Левъ присоединяетъ по поводу разсказа Рейнке, что онъ не помнитъ всей этой исторіи, но помнитъ много дрязгъ [sake] Рейнке). Рейнартъ напоминаетъ, что и самъ онъ пользовался нѣкогда большими почестями, въ доказательство чего разсказываетъ о дѣлежѣ добычи (см. выше стр. 191). Затѣмъ Рейнартъ заявляетъ, чтобъ недовольные имъ выступили противъ него съ жалобой открыто. Царь вслѣдствіе этого беретъ свое обвиненіе назадъ; всѣ придаютъ вѣру разсказу Рейнарта; послѣдній собирается пуститься на поиски утраченныхъ драгоцѣнностей, причемъ проситъ содѣйствія царя. Только Изенгримъ сильно негодуетъ (ср. Rein. v. 14221 сл.), объявляетъ Рейнарта лжецомъ и злодѣемъ и въ доказательство его злобы приводитъ прикло-

ченіе волчицы на льду, гдѣ честь ея была поругана Рейнартомъ (см. выше стр. 74 [вар. 6]). Послѣдній объясняетъ все приключеніе проще (vv. 6341—6408. Reinke vv. 5703—74): волчица замерзла во льду вслѣдствіе того, что слишкомъ долго стояла въ водѣ, желая изъ алчности поймать больше рыбы (ср. Ren. 14377); онъ только старался высвободить ее (ср. Ren. 14303 слл.), причемъ обращается къ самой волчицѣ съ просьбой подтвердить правдивость его словъ. Волчица въ доказательство его коварства разсказываетъ приключеніе въ колодцѣ (ср. Ren. 14319 и выше стр. 201 и 79). Во избѣжаніе насмѣшекъ Изенгримъ предлагаетъ самому Рейнарту разсказать приключеніе въ пещерѣ обезьянъ (vv. 6454—6716. Reinke vv. 5839—6096). Оказывается, что Рейнартъ благодаря лести былъ встрѣченъ радушно и накормленъ въ пещерѣ безобразныхъ обезьянъ, тогда какъ Изенгримъ, отправившійся въ ту же пещеру по выходѣ Рейнарта, былъ благодаря грубости жестоко избитъ. Изенгримъ не желаетъ болѣе препираться съ Рейнартомъ на словахъ и вызываетъ его на поединокъ (ср. Ren. v. 14506), предлагая свою перчатку (ic biede u den hatscoe! v. 6745); съ свою очередь Рейнартъ вручаетъ свой залогъ (ср. Ren. v. 14511) царю и оба противника даютъ по два заложника въ видѣ ручательства, что явятся на слѣдующій день къ поединку: заложниками со стороны Изенгрима были котъ и медвѣдь (ср. Ren. v. 14523 сл.), а со стороны Рейнарта—старшій сынъ обезьяны (Biteluus; Moneke) и барсукъ (ср. Ren. v. 14532)[1]. Обезьяна обѣщаетъ прочесть надъ Рейнартомъ „побѣдоносный заговоръ" (een les, dat seer seghesalich es, v. 6781 сл.) „утромъ натощакъ" (mit nuchteren monde, v. 6791) и тогда онъ останется непобѣдимымъ. Она брѣетъ Рейнарту всѣ волосы „между головой и хвостомъ" (v. 6804; ср. Ren. v. 14612 сл.; „а также около груди къ животу внизъ", прибавляетъ Reinke v. 6192) и намазываетъ его масломъ; она совѣтуетъ ему побольше пить, чтобы на слѣдующій день было „много мочи" (v. 6812), которой онъ долженъ смачивать

[1] О различныхъ порядкахъ и церемоніяхъ, которыми сопровождались поединки см. замѣчанія Мартина къ v. 6745 и 6771 (Rein. стр. 404 сл.).

хвостъ и бить въ глаза волка; кромѣ того онъ долженъ прижимать уши, чтобы нельзя было ухватиться за нихъ, долженъ бѣжать всегда противъ вѣтра, поднимать пыль столбомъ и ослѣплять такимъ образомъ противника и т. п. Она произноситъ заговоръ (Rein. v. 6863: blaerde scaey alphenio casby gor fons albulfrio; Reinke v. 6225: gaudo stazi salphenio casbu gorfous as bulfrio; ср. Ren. v. 14847: Renart.... moult ol de nigromance), и Рейнартъ на разсвѣтѣ засыпаетъ. Проснувшись и съѣвъ молодую утку, принесенную выдрой, Рейнартъ отправляется на мѣсто поединка, несмотря на шутку царя по поводу гладко выбритаго тѣла, молча преклоняетъ голову предъ царемъ и царицей и вступаетъ въ „кругъ". Леопардъ (ср. Ren. v. 14661 слл.) и рысь, „стражи арены" (die crijts waerders, v. 6914), тотчасъ приносятъ реликвіи (die heileghen, v. 6914; ср. Ren. v. 14787 сл.). Сначала присягаетъ Изенгримъ, затѣмъ—Рейнартъ. Всѣ удаляются изъ „круга", исключая обезьяны, которая совѣтуетъ Рейнарту постоять за себя (Въ „Рейнке" [v. 6283 сл.] только вскользь упоминается, что обезьяна совѣтовала ему помнить наставленія). Бой начинается. Рейнартъ слѣдуетъ совѣту обезьяны, бьетъ противника своимъ мокрымъ хвостомъ, скребетъ землю и поднимаетъ пыль (v. 6975 сл. 7053 сл. 7084 и др.; ср. Ren. v. 15001 сл. 15028) и наноситъ ему раны; онъ попадаетъ даже подъ Изенгрима, но успѣваетъ снова высвободиться, лишивъ противника даже глаза. Но Изенгриму удается вторично повалить Рейнарта, причемъ лапа послѣдняго попадаетъ въ его пасть (ср. Ren. v. 15033 сл.); Изенгримъ уже готовъ торжествовать, но Р., надумавшійся во время возраженій Изенгрима, произноситъ длинную рѣчь и вдругъ схватываетъ его bi beide sijn hoden (v. 7337), которыя начинаетъ сильно давить. Изенгримъ воетъ; Рейнартъ поспѣшно вытаскиваетъ свою лапу изъ его пасти, валитъ противника на землю и таскаетъ по всему кругу. Царь велитъ прекратить бой, признавая Рейнарта побѣдителемъ и оправдывая его отъ всѣхъ обвиненій. Рейнартъ благодаритъ, говоритъ о своихъ недругахъ, всегда клеветавшихъ на него, не предвидя конца, причемъ приводитъ разсказъ о собакѣ, которой завидовали другія собаки, увидѣвъ въ ея пасти кусокъ мяса, но не замѣтивъ, что поваръ обварилъ ей спину кипаткомъ (vv. 7456—99. Reinke vv. 6616—43). Царь осыпаетъ Рейнарта милостями и дѣ-

Авторъ этой вѣтви называетъ себя: Uns Prestres de La Croiz en Brie (v. 15309).

Первая половина этой вѣтви передаетъ мотивъ объ избавленіи отъ хищнаго звѣря (см. выше стр. 114 [вар. 2]). Необходимо отмѣтить только тотъ еще фактъ, что Ренаръ въ разговорѣ съ вилланомъ упоминаетъ о приключеніи волка въ колодцѣ (vv. 15814—32), о рыбной ловлѣ (vv. 15833—39), о кражѣ рыбы (vv. 15840—49), о постриженіи въ монахи, т. е. обвариваніи головы кипяткомъ (vv. 15850—73), а самъ вилланъ припоминаетъ эпизодъ о воронѣ съ сыромъ (vv. 15884—89); упоминается также о лихорадкѣ зайца (v. 17231 сл.). Всѣ эти мотивы были уже разобраны выше (стр. 201. 72. 59. 90. 205. 103).

Вторая половина (Ren. 16900—17870) заключаетъ главнымъ образомъ разсказъ о мести Ренара. Жена Ренара утѣшаетъ послѣдняго и совѣтуетъ ему украсть ножницы у виллана; вилланъ вскорѣ замѣчаетъ пропажу. Оселъ виллана обѣщаетъ привести къ нему Ренара и его жену. Послѣдніе оба привязываются къ ослу, который прикинулся мертвымъ. Ренаръ замѣчаетъ вскорѣ, что оселъ живъ и поспѣшно отвязываетъ себя, тогда какъ жена его увлечена къ виллану. Вилланъ наноситъ неудачный ударъ мечемъ и отсѣкаетъ ногу осла, такъ что лиса спасается. Затѣмъ Ренаръ уводитъ быковъ у уснувшаго виллана и возвращаетъ ихъ только подъ условіемъ получить курицъ. Курицъ, посаженныхъ въ мѣшокъ, жена виллана замѣняетъ собакой. Наконецъ Ренаръ грозится сообщить графу, что вилланъ умертвилъ медвѣдя; испуганный вилланъ дѣлаетъ всевозможныя уступки Ренару,—умерщвляетъ своихъ собакъ и выдаетъ ему пѣтуха и 11 курицъ.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что разсказъ о томъ, какъ Ренаръ съ женой привязывается къ ослу, который обѣщается ихъ „притащить" (Traînant les vos amenrai, v. 17071), хозяину, представляетъ только видоизмѣненіе мотива, встрѣчающагося въ одномъ индѣйскомъ источникѣ. Въ Сукасаптати (Benfey Pantsch. I, 506) между прочимъ передается, что въ лѣсу женщинѣ, шедшей съ двумя дѣтьми, попадается тигръ. Не теряя присутствія духа, она обращается къ дѣтямъ и говоритъ: „раньше вы спорили между собой и утверждали, что каждый изъ васъ можетъ съѣсть по тигру",—довольствуйтесь пока этимъ. Тигръ усматриваетъ въ нихъ де-

моновъ и обращается въ бѣгство. Попавшійся ему на встрѣчу шакалъ смѣется надъ трусомъ и увѣряетъ, что женщина дрожитъ даже предъ именемъ его, шакала. Тогда тигръ проситъ его оставаться съ нимъ, а шакалъ заявляетъ, чтобъ онъ привязалъ его къ своей шеѣ. На этотъ разъ находчивая женщина уличаетъ шакала, что онъ приводитъ только одного тигра, тогда какъ обѣщалъ ей привести трехъ. Тигръ въ ужасѣ обращается въ бѣгство. Параллели къ этому разсказу и его истоки указаны Бенфеемъ (Pantsch. I, 504 слл. ср. Liebrecht въ Heidelb. Jahrb. 1869 стр. 449), который страннымъ образомъ не обращаетъ вниманія на данную черту.

Въ персидскомъ (Iken стр. 66 слл.) и турецкомъ (Rosen II, 122 слл.) Тути-Намэ въ роли труса выступаетъ левъ, а въ роли ободряющаго—обезьяна; но здѣсь нѣтъ черты о связываніи другъ друга веревкой. Черта эта встрѣчается въ другомъ разсказѣ Тути-Намэ (Rosen стр. 142), гдѣ лиса привязываетъ себя къ ногѣ тигра въ доказательство того, что она говоритъ правду.

Въ большинствѣ разсказовъ сюжетъ можетъ быть сведенъ къ слѣдующимъ общимъ чертамъ. Въ пещеру льва забирается какое нибудь слабосильное животное; при возвращеніи владѣльца, самецъ спрашиваетъ самку: отчего дѣти плачутъ? и получаетъ въ отвѣтъ, что стараго льва (или другаго хищнаго звѣря, смотря по разсказу) не ѣдятъ, а свѣжаго нѣтъ. Левъ обыкновенно скрывается; если же онъ возвращается съ своимъ совѣтникомъ, то овладѣвшій пещерой большей частью возражаетъ, что льва обѣщался ему доставить хитростью его другъ, т. е. именно ободряющій льва. Левъ немедленно обращается въ бѣгство, растерзавъ предварительно совѣтника, котораго онъ подозрѣваетъ въ измѣнѣ; обыкновенно же онъ увлекаетъ съ собой привязаннаго къ нему звѣря и послѣдній во время его бѣгства (большей частью) погибаетъ.

Едва ли нужно подробное доказательство, что первая половина этого разсказа послужила основой для извѣстнаго мотива о припугиваніи волчьей головой въ группѣ сказокъ о звѣряхъ-странникахъ (см. выше стр. 124 слл.; ср. стр. 224). Мотивы во всѣхъ варіантахъ сохраняютъ общее сходство; видоизмѣняются только внѣшнія черты и тѣ же роли распредѣляются только между другими животными.

басни, благодаря проискамъ партій стали выставлять двухъ претендентовъ на престолъ: молодаго льва и осла. Рѣшено покончить споръ испытываніемъ силъ обоихъ претендентовъ въ трехъ различныхъ состязаніяхъ. При прыганіи черезъ ручей левъ перелѣтаетъ на ту сторону, а оселъ попадаетъ прямо въ воду; но такъ какъ въ ухо осла попала рыбка, то приверженцы его даютъ этому случаю такое толкованіе, что признается побѣдителемъ оселъ. Второе испытаніе должно состоять въ поимкѣ самаго быстраго животнаго; левъ изловилъ зайца, а оселъ по лѣности и отъ жары улегся и высунулъ языкъ; воронъ спускается на мнимую падаль и схватенъ губами осла. Снова оселъ признанъ побѣдителемъ. Бѣгъ до мельницы, предложенный въ видѣ третьяго испытанія, кончается тѣмъ, что левъ, прибѣжавъ къ мѣтѣ, застаетъ тамъ другаго осла, удивляется его быстротѣ, предлагаетъ бѣжать обратно и застаетъ перваго, который по лѣности даже не двигался съ мѣста. Эта баснь превратилась въ словинскую сказку. Но такъ какъ „народныя" сказки, оказывается, легче изглаживаются изъ народной памяти, чѣмъ изъ книгъ и записей, то поэтому и данная сказка не могла удержать первоначальной стройности приведенной басни, а отчасти видоизмѣнила ее. Такъ какъ введеніе къ этой басни для народной сказки нѣсколько недоступно, то мотивъ первой замѣнился во второй тѣмъ, что оселъ доказываетъ свои притязанія на царскую власть указываніемъ на мнимую грамоту (pismo), т. е. на подкову, закрѣпляющую за нимъ эту власть. Мотивъ этотъ проникъ въ данную сказку изъ иной области сказокъ (см. выше стр. 147). Далѣе вмѣсто трехъ родовъ испытаній удержался только одинъ, особенно бросавшійся въ глаза, — ловля птицъ; черта эта подверглась притомъ несоразмѣрнымъ преувеличеніямъ: не только левъ ловитъ множество звѣрей, но и оселъ ловитъ различныхъ птицъ.

Такъ какъ въ басни Лютера начальный мотивъ является главнымъ двигателемъ и въ концѣ басни, а сказка замѣнила его въ началѣ инымъ, слишкомъ недостаточнымъ для развязки, то она воспользовалась новымъ мотивомъ о звѣрѣ, увлекаемомъ на привязи. Здѣсь волкъ привязываетъ себя ко льву; въ этой формѣ черта эта непосредственно подходитъ къ восточнымъ редакціямъ. Левъ впрочемъ пугается не замѣчаній осла, а собственно замѣчанія волка, слова ко-

тораго: oho ti je o s e l, онъ, не разслышавъ хорошенько, принимаетъ за o s e m (oho, kaj ih je o s e m!) и обращается въ бѣгство предъ такимъ количествомъ грозныхъ царей. Волкъ погибаетъ. Сказка эта во всякомъ случаѣ любопытный примѣръ перехода литературнаго источника въ народную среду.

26-я вѣтвь (Ren. vv. 17871—19768) озаглавлена: „Браншъ о Ренарѣ, какъ онъ сталъ врачемъ (Mires)". Какъ подражаніе 20-й вѣтви (см. пока J. Grimm R. F. стр. cxxxij), браншъ эта представляетъ много точекъ соприкосновенія съ послѣдней.

„Около Троицы" царь левъ (Dant Nobles) созвалъ звѣрей съ тѣмъ, какъ заявляетъ онъ впослѣдствіи (v. 18686 слл.), чтобъ осадить крѣпость непокорнаго Ренара. На зовъ царя являются всѣ звѣри, за исключеніемъ Ренара. Самъ царь приноситъ жалобу на Ренара въ неповиновеніи. Изенгримъ поддерживаетъ царя и совѣтуетъ отнять у Ренара земли и ввергнуть его въ темницу. Котъ, желая лично отомстить Ренару, совѣтуетъ сначала отправить къ Ренару пословъ. Изенгримъ принужденъ замолчать (v. 18085 слл.; ср. въ 20-й вѣтви v. 9957 слл.). Первымъ посломъ отправленъ песъ Ронель (Roonel) съ запечатаннымъ письмомъ царя (v. 18131; ср. въ br. 20 v. 10658 сл. 10665 сл. 10710 слл.). Заботливая жена тщетно напоминаетъ Ронелю приключенія съ котомъ, съ бараномъ и съ медвѣдемъ (v. 18147 слл.). Ренаръ тотчасъ пускается въ путь и ведетъ Ронеля къ винограднику, гдѣ разставленъ силокъ. Ренаръ выдаетъ силокъ за мощи (v. 18345 слл.; гробъ Saint Ylaire по v. 18804 сл.; ср. въ br. 20 v. 10152 сл. и др.); онъ становится на колѣни и молится. Ронель, въ подражаніе ему, прикладывается къ мощамъ, т. е. къ приманкѣ (къ сыру), попадаетъ въ силокъ, подвергается вскорѣ жестокимъ побоямъ и возвращается съ жалобой ко двору. Изенгримъ совѣтуетъ повѣсить Ренара, но баранъ полагаетъ необходимымъ отправить втораго посла. Въ качествѣ послѣдняго выступаетъ олень, тоже захватывающій съ собой царскую грамоту (v. 18946 сл.). Ренаръ въ страхѣ и желалъ бы исповѣдоваться (v. 19026 слл.; ср. въ br. 20 v. 10742 слл.); тѣмъ не менѣе онъ ведетъ посла „кратчайшимъ путемъ", т. е. мимо деревни; они встрѣчаются съ вилланомъ и тремя собаками, которыя жестоко грызутъ оленя и „со спины срываютъ ему такой ремень, изъ котораго можно бы сдѣлать штаны (v. 19062 сл.)". Царь гнѣвается такъ

сильно, что впадаетъ въ лихорадку, которая не покидаетъ его въ теченіи полугода. Наконецъ барсукъ по собственному побужденію отправляется къ Ренару, который обѣщаетъ ему явиться ко двору на слѣдующій день. Ренаръ собираетъ цѣлебныя травы (v. 19255 слл.), растираетъ ихъ (les bat entre deus tuiletes, v. 19278) и кладетъ въ боченокъ; на дорогѣ онъ встрѣчаетъ спящаго пилигрима, отнимаетъ и у него цѣлебныя травы (м. пр. aliboron, v. 19309) и его плащъ и является къ царю. Царь блѣденъ и сильно болитъ у него голова (vv. 19333. 19495 сл.); сначала онъ въ гнѣвѣ, но потомъ смягчается, когда узнаетъ, что изъ-за него Ренаръ исходилъ различныя земли (v. 19375 сл.) и заручился въ Салерно отъ свѣдущаго человѣка надлежащимъ цѣлебнымъ средствомъ. Ронель объявляетъ всѣ разсказы Ренара о посѣщеніи Монпелье, Салерно и т. п. вздоромъ, но котъ въ защиту Ренара приводитъ слова жены его, утверждавшей о его путешествіи въ Салерно. Царь перечисляетъ свои немощи. Ренаръ приказываетъ принести un orinal (v. 19509; ср. Rein. vv. 5959. 5980. Reinke vv. 5315. 5326), разсматриваетъ затѣмъ его содержимое на солнышкѣ и объявляетъ, что у царя „острая лихорадка" (fievre ague, v. 19525); онъ ощупываетъ его пульсъ и заявляетъ, что онъ успѣлъ явиться еще вовремя для исцѣленія царя. Ренаръ требуетъ доставленія волчьей шкуры, которую немедленно сдираютъ съ Изенгрима, вопреки его возраженіямъ; затѣмъ Ренаръ считаетъ еще необходимымъ кусокъ оленьяго рога, ремень со спины оленя и шкуру кота для согрѣванія ногъ царя. Котъ ускользаетъ. При помощи Ронеля, барсука и барана, которые безропотно должны исполнять всѣ приказы Ренара, послѣдній изготовляетъ цѣлебный напитокъ и царь выздоравливаетъ. Царь окружаетъ Ренара почестями и, когда послѣдній собрался вернуться домой, въ предупрежденіе нападенія со стороны враговъ даетъ ему въ провожатые сто „кавалеровъ" (v. 19738).

Вся эта вѣтвь весьма замѣтно распадается на двѣ части: въ первой изъ нихъ излагается въ видоизмѣненной формѣ исторія суда, во второй (отъ v. 19111) — исторія о больномъ львѣ. Спай этихъ двухъ частей такъ замѣтенъ, что Іонкблуть (Étude, стр. 202) не могъ не воспользоваться имъ для своихъ доказательствъ. Что первая часть является недосказанной достаточно обнаруживается уже тѣмъ,

что обѣщанная царемъ осада замка Ренара (v. 18708) не приводится въ исполненіе. Впрочемъ и заявленіе объ осадѣ дѣлается весьма поздно: царь предпринимаетъ ее въ виду неявки Ренара ко двору, въ виду нежеланія изъявить свою вассальную преданность (Dedanz ma cort por moi servir, v. 18698), а между тѣмъ въ началѣ той же рѣчи (v. 18686 слл.) онъ заявляетъ, что все собраніе созвано именно съ цѣлью наказанія Ренара. Стало быть послѣдній долженъ былъ провиниться ранѣе. Подобныя противорѣчія, которыя почти на каждомъ шагу встрѣчаются и въ другихъ браншахъ, доказываютъ только, что послѣднія подвергались постояннымъ передѣлкамъ.

Разсказъ о больномъ львѣ ясно обличаетъ ту же основу, которая видна въ „Изенгримѣ“ и Ecbasis (см. выше стр. 175 и 179). Во всѣхъ поэмахъ Ренаръ совершаетъ далекія путешествія; онъ непремѣнно проходитъ почти всю Италію; удерживается даже, согласно съ болѣе древнимъ „Изенгримомъ“, одинъ и тотъ же городъ, — Салерно (Iseng r. v. 171. Reinard. II v. 375. Ren. v. 19381, 19385 [и 13717]. Reinh. v. 1881) (1). Во всѣхъ поэмахъ Ренаръ прибѣгаетъ къ лѣченію при помощи волчьей шкуры; послѣдняя, очевидно, признается главнымъ средствомъ; поэтому оно и удерживается во всѣхъ поэмахъ; другія же зелья и лѣкарства являются только для маскированія затаенной злобы Ренара по отношенію къ волку и поэтому постоянно мѣняются. Словомъ, не можетъ быть сомнѣнія, какъ обличаютъ совпаденія, что всѣ поэмы развились изъ одного общаго источника (ср. выше стр. 180). Сравнительно съ Ecbasis послѣдующія поэмы представляютъ извѣстныя измѣненія въ угоду воззрѣніямъ той эпохи и вообще въ угоду духу времени: вмѣсто лысухъ, аистовъ, индѣйскихъ рыбъ и т. п. выступаютъ уже настоящіе врачи и знахари (mire sage, Ren. v. 19385), почерпавшіе свои медицинскія свѣдѣнія въ Салерно, Монпелье и т. п.

Несмотря на эти несомнѣнно общія черты сходства, разсказъ о больномъ львѣ въ данной вѣтви представляетъ еще больше точекъ соприкосновенія съ „Рейнгартомъ“. И въ

(1) Салерно упоминается м. пр., и въ разсказѣ у Pauli Schimpf u. Ernst № 494; ср. и прим.

„Рейнгартѣ“, какъ и въ нѣкоторыхъ изъ числа предыдущихъ поэмъ, исторія болѣзни льва приводится въ связь съ судомъ. „Это случилось во время всеобщаго мира (lantvride) (*), который возвѣстилъ, подъ угрозой ивовой петли (т. е. висѣлицы: bi der wide, v. 1240), левъ, по имени Vrevel (v. 1229 сл.)“. Онъ оповѣстилъ миръ изъ нужды, такъ какъ полагалъ, что боленъ при смерти. „Какъ это случилось, — это я вамъ разскажу (v. 1250)“. Левъ подошелъ къ муравейнику и потребовалъ отъ нихъ прекращенія дѣятельности (niu hiez ers alle stille stân, v. 1252); муравьи не хотѣли смириться и левъ въ гнѣвѣ разбросалъ муравьиную кучу. Когда муравьиный царь узналъ о бѣдствіи, постигшемъ его „народъ“, онъ рѣшился истить; льву уснувшему подъ липой, онъ залѣзъ въ ухо. Рейнгартъ, спрятавшійся вблизи, видѣлъ это. Муравей полѣзъ „прямо къ мозгу“ (v. 1307) льва, который вскочилъ отъ боли и считалъ свою болѣзнь наказаніемъ Божьимъ (ez ist gotes slac, v. 1319) за то, что давно не чинилъ суда и расправы. Царь созвалъ всѣхъ на судъ (hof). Явились всѣ звѣри, за исключеніемъ Рейнгарта. Сталъ требовать правосудія Изенгримъ. Царь назначилъ въ адвокаты Изенгрима медвѣдя. Послѣдній принесъ жалобу на Рейнгарта въ оскорбленіи чести жены Изенгрима. Барсукъ (Krimel) защищаетъ Рейнгарта, находитъ обвиненіе неправдоподобнымъ, такъ какъ оскорбленная „больше, чѣмъ онъ“ [Рейнгартъ] (v. 1390 сл.; ср. Rain. v. 252 сл.), и вообще удивляется (какъ и въ 20-й вѣтви), что Изенгримъ подвергаетъ публичному осмѣянію свою жену. Олень (Randolt) совѣтуетъ осадить Р. и повѣсить его. Царь и другіе звѣри присоединяются къ этому мнѣнію, исключая верблюдицы (d i e olbente), которая совѣтуетъ три раза вызвать предварительно Рейнгарта. Является пѣтухъ (Schantecler) съ жалобой (v. 1458); слѣдуетъ описаніе торжественныхъ похоронъ курицы, испуга зайца (v. 1481) и исцѣленіе послѣдняго на могилѣ курицы. Затѣмъ передается извѣстный уже эпизодъ о посольствѣ медвѣдя (v. 1511); послѣдняго замѣчаетъ извощикъ (а не лѣсничій, какъ въ „Ренарѣ“ br. 20, v. 10329, и въ его источникахъ), который тотчасъ бьетъ въ набатъ и т. обр. созываетъ народъ. Изби-

---

(*) По поводу всеобщаго м и р а въ странѣ, который объявлялся въ извѣстныя царствованія см. J. G r i m m R. W. стр. lxvij сл.

таго медвѣдя Рейнгартъ спрашиваетъ: „Куда Вы дѣвали Вашу шляпу? развѣ Вы заложили ее въ кабакѣ (umbe win, v. 1600 сл., тогда какъ Ren. v. 10414: De quel ordre volez-vos estre Qui roge chaperon avez? также въ Rein. v. 943 и Reinke v. 851)?“ Бобръ требуетъ осужденія Рейнгарта и конфискаціи его имущества; олень соглашается съ его мнѣніемъ, но слонъ настаиваетъ на исполненіи данной клятвы и требуетъ, чтобы Р. былъ вновь вызванъ въ суду. Посольство кота (Diepreht) (v. 1645 слл.) не сопряжено съ столь плачевными послѣдствіями для священника (¹); послѣдній схватываетъ серпъ (ein kippen) и въ потемкахъ перерубаетъ веревку; котъ спасается бѣгствомъ, а попадья бьетъ мужа за то, что онъ упустилъ мнимую лису; „не будь Верпбурги, его горничной, онъ распростился бы съ жизнью (v. 1722)“. По возвращеніи кота, кабанъ настаиваетъ, чтобы Рейнгартъ былъ подвергнутъ опалѣ, и Изенгримъ присоединяется къ его мнѣнію. Посломъ отправляется барсукъ. Рейнгартъ запасается „полотнянымъ плащемъ пилигрима“ (v. 1819; ср. Ren. v. 19314. Rein. 372), беретъ сумку врача (v. 1821; ср. Ren. 19302), собираетъ „различныя невѣдомыя корешки“ (mange wurz unerkant, v. 1827), м. пр. гвоздику и корицу; беретъ посохъ въ руки и отправляется ко двору. При появленіи Рейнгарта Изенгримъ, медвѣдь, котъ, пѣтухъ, воронъ (Diezelin), — всѣ возобновляютъ свои жалобы и требуютъ немедленнаго присужденія Рейнгарта къ висѣлицѣ. Рейнгартъ указываетъ царю на неприличіе, на нарушеніе придворнаго этикета столь неумѣстнымъ крикомъ со стороны придворныхъ. Всѣмъ приказано молчать. Рейнгартъ передаетъ царю поклонъ отъ знаменитаго салернскаго врача Пендина. Рейнгартъ знаетъ, что всѣ страданія царя заключаются въ головѣ (v. 1884 сл.; ср. Ren. vv. 19333. 19495). Пендинъ совѣтуетъ царю ѣсть ежедневно кашку (laetwerjen. v. 1889). Гнѣвъ царя утихаетъ. „Много терній впивалось въ мои ноги въ теченіи этихъ семи недѣль (v. 1892 слл.)“, говоритъ Рейнгартъ; онъ требуетъ еще шкуры волка (ср.

(¹) Въ «Рейнгартѣ» же Генриха Лицемѣра, т. е. въ оригиналѣ, а не въ переработкѣ вмѣсто священника встрѣчается: gebûr, gebûrman, крестьянинъ; ср. по этому поводу догадки Я. Гримма Sendschr. стр. 39 (примѣч. 1701).

Ren. v. 19554), медвѣдя и кота. Несмотря на возраженія медвѣдя и Изенгрима, который тщетно указываетъ на „остатокъ своего хвоста“ (sîn zagelstrumpf, v. 1922), всѣ лишаются своихъ шкуръ. Кромѣ того Рейнгартъ требуетъ курицу на супъ, кусокъ сала кабана и ремень изъ оленьей шкуры (ср. Ren. v. 19613); въ видѣ награды для врача Пендина онъ проситъ еще шкуры бобра. Испуганные звѣри разбѣгаются; остается только царская прислуга и приверженцы Рейнгарта,—барсукъ, верблюдица и слонъ. Рейнгартъ купаетъ царя въ ваннѣ, укладываетъ его на медвѣжьей шкурѣ, укутываетъ волчьей и надѣваетъ на его голову кошачій мѣхъ. Теплота заставляетъ муравья выползти на кошачій мѣхъ, на которомъ Рейнгартъ, при внимательномъ осмотрѣ на солнышкѣ, замѣчаетъ муравья; онъ грозитъ послѣднему смертью, но отпускаетъ его на волю, когда муравей обѣщаетъ ему тысячу замковъ. Дотронувшись до чела царя и узнавъ, что больной чувствуетъ себя почти здоровымъ, Рейнгартъ даетъ ему супъ изъ курицы и съ петрушкой, самъ съѣдаетъ курицу, а сало даетъ барсуку. Затѣмъ онъ предписываетъ царю небольшую прогулку и проситъ пожаловать слону помѣстье. Царь жалуетъ ему Богемію, гдѣ новаго повелителя жестоко бьютъ, причемъ ему наносятъ раны, „отчего онъ не выздоровѣлъ больше (v. 2116)“. Верблюдицу, которой Рейнгартъ выхлопоталъ мѣсто настоятельницы въ одномъ женскомъ монастырѣ, монашенки избиваютъ до полусмерти, „сильно безпокоятъ ее грифелями (griffeln, v. 2152; см. прим. Гримма къ этому стиху)“ и загоняютъ въ Рейнъ. Для окончательнаго исцѣленія царя Рейнгартъ предлагаетъ ему напитокъ, но вмѣсто цѣлебнаго средства даетъ царю отраву. Рейнгартъ уходитъ, подъ предлогомъ добыть другія коренья, и уводитъ съ собой барсука, которому объявляетъ, что отравилъ царя. Дорогой онъ издѣвается надъ злополучнымъ медвѣдемъ. Царь умираетъ: черепъ его разлетѣлся на три части, а языкъ согнулся девять разъ. Всѣ оплакивали его смерть и грозили Рейнгарту.

Такимъ образомъ первая половина приведеннаго эпизода по своей основѣ, по идеѣ представляетъ, какъ замѣтили уже Роте (Les romans du Renard стр. 212), Форіэль (Histoire littér. XXII, 917) и др., полную аналогію съ br. 20[a]. Вмѣстѣ съ тѣмъ совпаденія „Рейнгарта“ съ послѣдней вѣтвью при существованіи извѣстнаго разногласія заставляютъ вывести заключеніе, что браншъ 20[a] и „Рейн-

гартъ" восходятъ къ одному общему источнику, значительнымъ расширеніемъ котораго является вѣтвь 20ᵃ.

Мотивъ *о больномъ львѣ* въ 26-й вѣтви съ тѣмъ же эпизодомъ въ „Рейнгартѣ" представляетъ еще больше точекъ соприкосновенія; это указываетъ цѣлый рядъ параллелей, отмѣченныхъ выше. Но рядомъ съ этими совпаденіями не могутъ не обратить на себя вниманія довольно рѣзкія, повидимому, разногласія. Въ дѣйствительности разногласія эти только кажущіяся; по крайней мѣрѣ нельзя пренебрегать соображеніями, которыя несомнѣнно свидѣтельствуютъ въ пользу этого взгляда.

Различныя причины вызываютъ болѣзнь по 26-й вѣтви и по „Рейнгарту": въ первой царя раздражаетъ гнѣвъ, вызывающій лихорадку, во второмъ болѣзнь вызвана влѣзаніемъ муравья въ ухо. Тѣмъ не менѣе симптомы болѣзни — и въ данномъ случаѣ это весьма важно — тѣ же: царь ощущаетъ сильнѣйшую головную боль (Qu'el [la teste] me soit par pièce fendue, Ren. v. 19497), онъ блѣднѣетъ (Ren. v. 19332; ср. Reinh. v. 2026). Затѣмъ способъ лѣченія въ общихъ чертахъ совершенно тотъ же: требуются шкуры, необходимыя для согрѣванія больнаго. Разница только въ томъ, что въ „Рейнгартѣ" встрѣчается рядъ повтореній на одну и ту же тему: требуется нѣсколько шкуръ и, вообще, всѣхъ своихъ противниковъ Рейнгартъ наказываетъ. На основаніи этихъ чертъ можно сдѣлать два предположенія: или авторъ „Рейнгарта" придумалъ новую причину болѣзни и присоединилъ къ оригиналу, которому онъ слѣдовалъ, разсказъ о мести муравья, или авторъ 26-й вѣтви, слѣдовавшій тоже болѣе древней версіи, опустилъ этотъ мотивъ, считая гнѣвъ царя, по поводу оскорбленія царскихъ пословъ Ренаромъ, вполнѣ достаточнымъ для мотивировки болѣзни. Можно бы сдѣлать даже третье предположеніе, что передѣлыватель „Рейнгарта" прибавилъ отъ себя мотивъ о влѣзаніи муравья въ ухо; но послѣднее предположеніе невѣроятно уже потому, что вся обработка представляетъ скорѣе переводъ подлинника, всѣ существенныя черты котораго сохраняются; удерживаются даже такія черты, которыя встрѣчались по всей вѣроятности во французскомъ оригиналѣ, какъ доказываетъ рядъ другихъ нѣмецкихъ обработокъ, хотя черты эти древній „Рейнгартъ") замѣняетъ, считая ихъ почему либо неумѣстными. Такова, напр., замѣна священника крестьяниномъ, замѣна, встрѣчав-

шаяся выше. Но такъ какъ, вообще, сохраненіе многихъ французскихъ именъ въ древнемъ „Рейнгартѣ“, иногда и цѣлыхъ выраженій, доказываетъ, что Генрихъ слѣдовалъ весьма точно своему образцу (можетъ быть даже и представляетъ переводъ съ французскаго), то слѣдуетъ скорѣе допустить второе предположеніе, т. е. что авторъ 26-й вѣтви опустилъ подробность о причинѣ болѣзни, вызванной муравьемъ, считая, можетъ быть, этотъ мотивъ почему либо невѣроятнымъ. Впрочемъ авторъ 26-й вѣтви могъ также считать этотъ мотивъ вообще излишнимъ, и составилъ свою обработку болѣе въ духѣ мотива о судѣ; онъ счелъ поэтому свой мотивъ, повидимому, не только достаточнымъ, но и болѣе естественнымъ.

Второе разногласіе представляетъ мотивъ объ отравленіи царя. Въ 26-й вѣтви Ренаръ излѣчиваетъ царя цѣлебнымъ напиткомъ; начертаніе послѣдняго слова встрѣчается въ формѣ: la poison (vv. 19362. 19390. 19463. 19526. 19697 и др.). Такъ какъ объ отравленіи царя говорится только въ „Рейнгартѣ“, то Роте (ук. соч. стр. 211 сл. 61[1]) и дѣлаетъ предположеніе, что мотивъ объ отравленіи „могъ возникнуть просто вслѣдствіе смѣшенія словъ poison, potion и boisson . . .“ Такое предположеніе вѣроятно, тѣмъ болѣе, что въ „Рейнгартѣ“ мотивъ этотъ стоитъ собственно внѣ связи съ предшествующимъ разсказомъ, является какой-то неожиданностью. Тѣмъ не менѣе трудно допустить, чтобы „Рейнгартъ“, повидимому, точно слѣдующій франц. оригиналу, рѣшился изъ ошибочно понятаго слова создать цѣлый разсказъ; вѣроятнѣе, что въ подобной версіи разсказъ этотъ встрѣчался уже въ оригиналѣ.

Въ виду представленныхъ соображеній едва ли можно серьёзно настаивать на важности разногласій въ „Рейнгартѣ“ сравнительно съ 26-й вѣтвью. Тѣмъ болѣе нѣтъ основаній отдавать немедленно предпочтеніе „Рейнгарту“ предъ „Ренаромъ“, тотчасъ провозглашать даже сомнительную особенность „исключительной собственностью нѣмецкой саги“ (J. Grimm R. F. стр. cvij) или находить „именно такой исходъ [т. е. отравленіе царя] самымъ мѣткимъ“ (Wackernagel въ Kl. Schr. II, 297).

27-я вѣтвь (Ren. vv. 19769—20490) озаглавлена: C'est la branche come Renart parfis [закончилъ] le c. . . По словамъ автора сюжетъ этой вѣтви сообщенъ ему „умнымъ и весьма свѣдущимъ старцемъ“ (v. 19779 сл.).

Первая половина вѣтви посвящена разсказу о засѣвѣ поля, который представляетъ только незначительное видоизмѣненіе мотива о неравномъ дѣлежѣ жатвы (см. выше стр. 114 [вар. 23]). Вмѣсто дѣлежа происходитъ потрава и, т. обр., трое изъ пайщиковъ обманываютъ Ренара.

Вторая половина вѣтви (vv. 20071 сл.) передаетъ о рѣшеніи Ренара отправиться съ жалобой къ царю и о приведеніи въ исполненіе плана мести. Ренаръ застаетъ царя за страннымъ занятіемъ, находитъ произведенія его искусства неудачными и совѣтуетъ употребить въ дѣло затылокъ оленя, гребень пѣтуха и мѣхъ волка. Олень, пѣтухъ и Изенгримъ становятся поочередно жертвой злобы Ренара.

Всѣ эти виды наказанія представляютъ лишь видоизмѣненіе и осложненіе извѣстнаго уже мотива о сдираніи шкуры съ волка въ разсказѣ о больномъ львѣ. Что автору этой вѣтви были знакомы и другія вѣтви, между прочимъ бранщъ о судѣ, доказываютъ намеки на отношеніе Ренара къ женѣ Изенгрима (vv. 20369, 20039 сл.), на миръ (v. 20060) и др.

28-я вѣтвь (Ren. 20491—21976) озаглавлена: „Какъ Ренаръ и котъ Тиберъ служили вечерню и заутреню, Ричарда де Лисонъ (de Lison)“ (¹). Авторъ называетъ себя кромѣ того норманцемъ (Ren. ad v. 21969 и Chabaille стр. 221).

Ренаръ заботится о голодающей семьѣ, отправляется за добычей, спасается вскорѣ бѣгствомъ отъ аббата (Huon), его челяди и собакъ, встрѣчается съ котомъ и снова принужденъ скрываться отъ собакъ Гюйома Бакона. Котъ между тѣмъ взбирается на дерево, гдѣ его преслѣдуютъ камнями и палками, въ чемъ принимаетъ участіе и подъѣхавшій священникъ. Котъ пользуется тѣмъ, что лошадка безъ сѣдока, вскакиваетъ къ ней на спину, мчится на ней и встрѣчаетъ вскорѣ Ренара, которому онъ предлагаетъ отправиться съ нимъ въ церковь служить обѣдню. Ренаръ садится къ нему на коня и оба вступаютъ въ споръ по поводу семи искусствъ, поднимаютъ схоластическіе вопросы и, прибывъ въ деревню,

(¹) Впрочемъ по рп. 2 его имя Robert Grenon. См. по этому поводу примѣчаніе Шабайля (ук. соч. стр. 221). Относительно извѣстныхъ чертъ въ 28-й вѣтви ср. еще Іонкблутъ (Étude стр. 377 сл.)

отправляются съ своими книгами въ церковь. Послѣ долгой службы и споровъ о томъ, какая доля должна принадлежать каждому изъ нихъ въ предполагаемыхъ сборахъ, котъ находитъ два сыра и уступаетъ старый Ренару, а себѣ беретъ свѣжій. Ренаръ рѣшается мстить. Онъ напоминаетъ, что они забыли звонить къ вечернѣ и ко всенощной. Чтобъ достать веревку, онъ подставляетъ скамейку, дѣлаетъ на концѣ веревки петлю, просовываетъ въ нее голову и лапы, ухватывается зубами за веревку и начинаетъ звонить. Котъ подражаетъ ему, но, отвѣчая на вопросъ Ренара, разжимаетъ зубы и петля затягивается; Ренаръ же немедленно вытаскиваетъ еще скамейку изъ подъ ногъ кота. Звонъ поднятый котомъ, болтающимся на воздухѣ, призываетъ народъ, который награждаетъ его жестокими побоями, пока ударомъ меча не пересѣкается веревка; котъ спасается бѣгствомъ. Ренару удается еще посмѣяться надъ избитымъ котомъ; затѣмъ онъ возвращается домой съ жирнымъ гусемъ.

Многіе мотивы этой вѣтви напоминаютъ частью отдѣльныя черты, частью цѣлые эпизоды въ браншахъ 7-й и 9-й (см. выше стр. 198. 199). Весьма близко совпадаютъ разсказы о спасеніи кота, о его прыжкѣ на лошадь, затѣмъ о службѣ въ церкви, объ отыскиваніи пищи, о колокольномъ звонѣ, о появленіи народа. Совпадаютъ иногда даже мелочи: въ 9-й вѣтви первыя лица, явившіяся на звонъ, принимаютъ волка за дьявола и разбѣгаются, чтобы созвать больше народу (v. 3423 слл.), и тоже повторяется въ 28-й вѣтви (v. 21708 слл.). Вообще вторая половина послѣдней представляетъ видоизмѣненіе извѣстнаго уже мотива о в о л к ѣ-к у т и л ѣ (ср. выше стр. 148).

29-я в ѣ т в ь (R e n. vv. 21977—24344) передаетъ разсказъ о томъ, „Какъ Ренаръ спрятался между шкурами“.

Первая половина вѣтви (до v. 22824 включительно) не представляетъ ничего общаго съ романомъ о Ренарѣ. Весь разсказъ посвященъ описанію рыцарскаго замка и подробному изображенію жизни рыцаря. Описываются пріемъ гостей, пиры, сборы рыцаря на охоту, травля оленя, кабана. Между прочимъ разсказывается и о травлѣ Ренара, который два раза спасается въ замокъ и безслѣдно исчезаетъ: его находятъ наконецъ въ замкѣ прицѣпившимся рядомъ съ шкурами убитыхъ лисицъ; Ренаръ тѣмъ не менѣе спасается бѣгствомъ.

Любопытно то, что Ренаръ (v. 22028) называется нарицательнымъ именемъ (un renart), причемъ въ такой формѣ оно повторяется въ шести рпп. (𝔄𝔇𝔈𝔉𝔊𝔐), тогда какъ только въ двухъ рпп. (𝔥𝔍) встрѣчается иное чтеніе (dant Renart). Мартинъ (Examen стр. 38) полагаетъ, что предпочтительнѣе второе чтеніе, съ чѣмъ едва ли можно согласиться. Не говоря о томъ, что въ пользу перваго чтенія свидѣтельствуетъ большинство рпп., слѣдуетъ еще замѣтить, что въ данномъ разсказѣ преобладаетъ вообще нарицательное имя (goupil) надъ собственнымъ (Renart), встрѣчающимся сравнительно рѣдко. Наоборотъ, во второй половинѣ 29-й вѣтви (vv. 22825 слл.) исключительно господствуетъ собственное имя Renart (исключая vv. 23402 и 23422, гдѣ говорится о лисицѣ вообще). Это сопоставленіе кромѣ того наглядно доказываетъ, что обѣ половины не имѣютъ между собой ничего общаго и принадлежатъ, вѣроятно, различнымъ авторамъ. Это подтверждается и тѣмъ, что обѣ половины соединены между собой только внѣшнимъ образомъ. Такое подраздѣленіе необходимо еще принять на основаніи рѣзкаго отличія, выступающаго въ обѣихъ поэмахъ, по тону, по характеру, какъ замѣтилъ уже Роте (ук. соч. стр. 229): въ противоположность картинѣ рыцарскихъ нравовъ въ первой половинѣ, — во второй выступаетъ на сцену снова только міръ животныхъ, снова устраиваетъ свои козни Ренаръ.

Первый эпизодъ второй половины 29-й вѣтви посвященъ разсказу о поимкѣ Ренаромъ вороны (см. выше стр. 42). Съѣвъ ворону, Ренаръ засыпаетъ на стогу; проснувшись, онъ видитъ себя окруженнымъ разливомъ. Вскорѣ къ стогу подъѣзжаетъ виллакъ на лодкѣ. Ренаръ, притворяясь больнымъ, выманиваетъ виллана изъ лодки, самъ вскакиваетъ въ нее и уплываетъ. Замѣтивъ Изенгрима и его жену, Ренаръ натирается волшебной травой, становится вслѣдствіе этого чернымъ и неузнаваемымъ, высаживаетъ затѣмъ на островъ Изенгрима, гдѣ послѣдній попадаетъ въ западню, и, открывъ себя женѣ Изенгрима, удовлетворяетъ своей страсти. Ренаръ снова отвозитъ жену Изенгрима на берегъ, а Изенгримъ подвергается вскорѣ побоямъ и лишается ноги. За лодку Ренаръ выторговываетъ себѣ у виллана 4 каплуновъ.

Далѣе (v. 23118 слл.) Ренаръ встрѣчаетъ голоднаго пса Ронеля, который принимаетъ Ренара за дьявола и обращается въ бѣгство. Ренаръ призываетъ его назадъ, называ-

етъ себя Chufles и ведетъ Ронеля въ виноградникъ, гдѣ завлекаетъ его въ западню, соблазнивъ мясомъ, положеннымъ для приманки. Вскорѣ Ронель подвергается побоямъ и отправляется къ царю льву съ жалобой.

Вслѣдъ затѣмъ (v. 23313 слл.) Ренаръ встрѣчается съ бѣлкой (Rossel), выдаетъ себя за иностранца и проситъ доставить ему случай насытить свой голодъ. Забравшись въ курятникъ, Ренаръ схватываетъ каплуна, а бѣлка выпиваетъ яйца изъ-подъ насѣдки. Проснувшійся мальчикъ поднимаетъ всѣхъ на ноги. Ренаръ кое какъ спасается и застаетъ на дворѣ бѣлку, оплакивающую его жалкое положеніе. Ренаръ и бѣлка засыпаютъ подъ дубомъ и, проснувшись, пускаются на поиски за добычей. Не найдя ничего, Ренаръ собирается съѣсть бѣлку и схватываетъ ее за хвостъ, съ котораго сдираетъ шкуру. Бѣлка спасается бѣгствомъ и приноситъ жалобу царю, къ которой присоединяется и Ронель съ Изенгримомъ.

Царь (v. 23604 слл.) отправляетъ посломъ кота, котораго Ренаръ тоже завлекаетъ въ силокъ. Котъ, избитый лѣсничимъ, освобождается, перегрызая веревку. Вторымъ посломъ отправленъ баранъ (v. 23760 слл.); его Ренаръ ведетъ въ овесъ; вилланъ травитъ на барана собаку. Царь приказываетъ ослу (Dant Bernart l'Archeprestre), медвѣдю и кабану привести Ренара силой. Посломъ благодаря хитрости удается связать Ренара и привести ко двору. Пострадавшіе возобновляютъ жалобу. Царь грозится его сжечь или повѣсить. Ренаръ защищается, но тѣмъ не менѣе Ронель вызываетъ его на поединокъ и побѣждаетъ. Царь приказываетъ недвижимаго Ренара завязать въ мѣшокъ и бросить съ моста въ воду. Спрятавшійся барсукъ вытаскиваетъ Ренара изъ воды; послѣдній смываетъ съ себя черную краску и возвращается въ свой замокъ.

Съ перваго же взгляда тотчасъ бросается въ глаза цѣлый рядъ совпаденій, представляемыхъ 29-й вѣтвью съ другими вѣтвями. Такъ, черный Ренаръ представляетъ только подражаніе желтому въ 21-й вѣтви, что было замѣчено уже Я. Гриммомъ (R. F. стр. cxxxiij). Заманиванію Ронеля въ силокъ отвѣчаетъ разсказъ въ 26-й вѣтви. Разница только въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ приманка въ силкѣ, которой служитъ сыръ, выдается за могилу святаго, тогда какъ въ br. 29 говорится только о большомъ кускѣ мя-

са" (v. 23178). Еще болѣе замѣтны совпаденія съ разсказомъ о судѣ, т. е. съ br. 20[a], изъ которой заимствованы иногда цѣлые стихи. Не менѣе точекъ соприкосновенія представляетъ 29-я вѣтвь съ 31-й. Обзоръ почти всѣхъ параллелей представилъ Knорръ (Die zwanzigste Branche des Roman de Renart und ihre Nachbildungen, nebst einem kurzen Nachtrage zu Reinardus vulpes, von Wilh. Knorr. [Progr.] Eutin 1866. Стр. 17 сл.), вслѣдствіе чего здѣсь достаточно ограничиться указаніемъ на его трудъ.

Впрочемъ необходимо еще сдѣлать замѣчаніе, что заглавіе этой вѣтви отвѣчаетъ только первой ея части; это представляетъ во всякомъ случаѣ одно изъ подтвержденій въ пользу мнѣнія о независимости обѣихъ половинъ 29-й вѣтви.

30-я вѣтвь (Ren. vv. 24345—27782) носитъ заглавіе: „Браншъ о Ренарѣ, какъ онъ сталъ императоромъ".

Ренаръ отправляется за добычей для голодающей семьи и встрѣчается съ Изенгримомъ, который совѣтуетъ ему спасаться съ нимъ бѣгствомъ, такъ какъ за нимъ погоня. Усталый Изенгримъ засыпаетъ; Ренаръ привязываетъ его къ дереву; проходящій мимо вилланъ бьетъ его дубиной, но падаетъ. Изенгримъ грызетъ его и вилланъ поспѣшно обращается въ бѣгство. Ренаръ отвязываетъ Изенгрима, который, ничего не подозрѣвая, изъ благодарности угощаетъ его у себя. Пускаясь въ обратный путь (v. 24607 сл.), Ренаръ застаетъ надъ рвомъ тутовое дерево, но, при сбиваніи съ него ягодъ, всѣ падаютъ въ ровъ и онъ принужденъ отказаться отъ нихъ. Онъ встрѣчаетъ избитаго пса Ронеля (v. 24684 сл.) и вѣшаетъ его на дерево. Проходящій мимо царь левъ со свитой освобождаетъ его и отдаетъ на излѣченіе искусныхъ врачей. Ренаръ между тѣмъ (v. 24897 сл.) пожираетъ на дубу 4 птенцовъ коршуна, принужденъ вступить вскорѣ въ бой съ родителями, умерщвляетъ обоихъ, но и самъ остается на мѣстѣ за мертво. Проходящій мимо рыцарь, велитъ отнести мнимо-умершаго Ренара домой. Дорогой Ренаръ схватываетъ конюха зубами par les naches dou cul (v. 25038) и обращается въ бѣгство; онъ „находитъ траву, которую искалъ" (v. 25103), проглатываетъ ее и немедленно излѣчивается отъ ранъ.

Далѣе слѣдуетъ эпизодъ о дроздѣ-кормильцѣ, въ роли котораго выступаетъ воробей (см. выше стр. 154 [вар. II]). На основаніи сдѣланныхъ (въ ук. м.) замѣчанія

нельзя, конечно, считать этотъ разсказъ вмѣстѣ съ Форіэлемъ (Hist. littér. XXII, 927) плодомъ d'une inspiration singulièrement aimable.

Ренара, истерзаннаго собакой, берутъ на излѣченіе Изенгримъ и его супруга, сильно сокрушающаяся о больномъ (v. 25744 слл.).

Ренаръ овладѣваетъ (v. 25881 слл.) вслѣдствіе неожиданнаго нападенія барабаномъ и соколомъ оруженосца и ловитъ при помощи сокола утокъ. Вскорѣ онъ встрѣчается съ улиткой (Tardif), въ полномъ вооруженіи, которую Ренаръ побѣждаетъ. Царскій вѣстникъ передаетъ Ренару, „одному изъ лучшихъ друзей" (v. 26026) царя, письмо, въ которомъ царь приглашаетъ его къ себѣ. Ренаръ обѣщаетъ явиться, встрѣчается съ барсукомъ, котораго дѣлаетъ своимъ оруженосцемъ, и затѣмъ съ своимъ старшимъ сыномъ (Percehaie), который сообщаетъ о смерти своей матери, жены Ренара (Hermeline). Погоревавъ немного, Ренаръ приказываетъ своему сыну привести двухъ своихъ братьевъ ко двору царя для посвященія ихъ въ рыцари. Царь сообщаетъ между тѣмъ Ренару о вторженіи въ его страну враговъ подъ предводительствомъ верблюда, оставляетъ Ренара для защиты царицы и самъ отправляется въ походъ. Вскорѣ Ренаръ „сдѣлалъ подложное письмо" (v. 26675), въ которомъ возвѣщалось о смерти царя и поручалось Ренару взять за себя царицу. Ренаръ женится на царицѣ и провозглашаетъ себя императоромъ. Ренаръ укрѣпляется въ своемъ замкѣ и, по возвращеніи царя, оказываетъ ему открытое сопротивленіе. Начинается осада, которая ведется съ обѣихъ сторонъ съ перемѣннымъ счастіемъ. Наконецъ Ренаръ попадается въ плѣнъ, но прощенъ царемъ за то, что онъ излѣчилъ его отъ лихорадки.

Т. обр., вторая половина вѣтви, описывающая похожденія Ренара по его выздоровленіи, представляетъ тѣ же картины рыцарскихъ нравовъ, какими они изображаются въ рыцарскихъ романахъ. „Все", какъ вѣрно замѣчаетъ Роте (ук. соч. стр. 242), „что составляетъ основу и суть фабулы, совершенно устранено, опущено, стерто".

Что же касается первой половины, то большинство встрѣчающихся въ немъ мотивовъ, вопреки мнѣнію Роте (ук. соч. 240: Les aventures... sont pour la plupart neuves), представляютъ только болѣе или менѣе новое примѣненіе

старыхъ мотивовъ. Преслѣдованіе и бѣгство, неизбѣжные побои, вѣшаніе, укушеніе par les naches, цѣлебныя травы,— все это извѣстные уже мотивы, встрѣчающіеся здѣсь только въ нѣсколько иномъ сочетаніи.

Такимъ же извѣстнымъ мотивомъ въ новой оболочкѣ представляется разсказъ о желаніи Ренара добыть тутовыя ягоды, разсказъ, представляющій, понятно, передѣлку басни Эзопа о „Лисицѣ и Виноградѣ“ (см. выше стр. 47).

31-я вѣтвь (Ren. vv. 27783—28664) озаглавлена: „Какъ Ренаръ хотѣлъ съѣсть своего исповѣдника“. Начало вѣтви, составляющее какъ бы введеніе, посвящено цѣлому ряду пословицъ и той мысли, что отъ Ренара прямоты не ждать (Jà nus n'aura de lui droiture, v. 27834).

Первый эпизодъ (v. 27855 сл.) разсказываетъ, какъ Ренаръ забирается ночью въ монастырскій курятникъ, гдѣ душитъ каплуна, и какъ онъ послѣ тяжкихъ побоевъ все-таки спасается бѣгствомъ. Добравшись до берега рѣки, Ренаръ, послѣ извѣстныхъ пожеланій и богохульныхъ молитвъ (v. 28013 сл.), засыпаетъ на стогу и, проснувшись, видитъ себя окруженнымъ водой. Ренару грозитъ голодная смерть. Къ счастію Ренара на стогъ опускается коршунъ (v. 28105 сл.). Ренаръ изъявляетъ ему желаніе исповѣдоваться и перечисляетъ свои грѣхи. Онъ не прочь бы поступить въ монастырь, но считаетъ себя неспособнымъ по разнымъ причинамъ, особенно вслѣдствіе невозможности разстаться съ женой Изенгрима, причемъ Ренаръ пускается въ скандалёзное восхваленіе извѣстныхъ преимуществъ женщинъ (C... est li plus soverains sire etc. v. 28250). Коршунъ считаетъ „безгрудую старуху“ (v. 28280) недостойной его любви и находитъ въ ней рядъ недостатковъ. Ренаръ рѣшается ему отомстить. Продолжая свою исповѣдь, онъ дѣлаетъ видъ, что ужасается своихъ собственныхъ грѣховъ, падаетъ въ обморокъ и, когда коршунъ приближается къ нему, неудачно пытается его схватить. Коршунъ въ испугѣ крестится и уличаетъ Ренара въ коварствѣ, причемъ упоминаетъ, какъ онъ обманулъ извозщиковъ (ср. выше стр. 59[1]). Ренаръ продолжаетъ исповѣдь и сознается, что поѣлъ 4 птенцовъ коршуна. Исповѣдникъ признаетъ ихъ за своихъ птенцовъ (по br. 30 погибаютъ и родители послѣднихъ) и проклинаетъ Ренара, который проситъ прощенія, обѣщаетъ сдѣлаться его вассаломъ и требуетъ въ знакъ примиренія поцѣлуя. Коршунъ протягиваетъ

свой клювъ, а Ренаръ немедленно схватываетъ его и пожираетъ.

Въ первомъ эпизодѣ этой вѣтви представляется цѣлый рядъ совпаденій съ 29-й вѣтвью; отдѣльные случаи этихъ совпаденій помѣчены у Кнорра (Die 20. Branche стр. 17 сл.). Какой изъ этихъ эпизодовъ считать подражаніемъ, рѣшить трудно. Кнорръ склоняется къ мнѣнію, что данный эпизодъ въ br. 31 представляетъ только дополненный и приукрашенный разсказъ 29-й вѣтви.

Эпизодъ о Ренарѣ на стогу сѣна, окруженномъ водой, встрѣчается не только въ 29-й вѣтви, но и въ 33-й. Эпизодъ первыхъ двухъ вѣтвей восходитъ повидимому къ br. 33.

Мотивы объ исповѣди и о притворной смерти (обморокѣ) встрѣчались уже въ другихъ вѣтвяхъ.

32-я вѣтвь (Ren. vv. 28665—30362), подъ заглавіемъ: „Смерть Ренара", представляетъ подражаніе 20-й вѣтви. Ренаръ пожираетъ въ монастырскомъ курятникѣ каплуна и избавляется отъ монаха, который награждаетъ его ударами, тѣмъ, что слѣдуетъ примѣру кота по отношенію къ священнику въ br. 20ᵃ. Ренаръ встрѣчается съ зайцемъ (v. 28725 слл.), который въ рукопашномъ бою побѣдилъ скорняка; заяцъ ведетъ послѣдняго къ царю. При дворѣ празднуется день мученицы курицы (Dame Coupée). Царь радуется встрѣчѣ съ Ренаромъ, освобождаетъ виллана и задаетъ всѣмъ пиръ. Затѣмъ Ренаръ садится съ Изенгримомъ играть въ шахматы (v. 28939 слл.) подъ условіемъ извѣстной ставки (ma c..... ou mon v.., v. 28960), проигрываетъ и Изенгримъ при помощи огромнаго гвоздя: Par mi la c..... li ficha Et à l'eschequier l'atacha (v. 28971). Царица въ неописанномъ горѣ (v. 28977; ср. 10599), освобождаетъ раненаго, ухаживаетъ за нимъ. Ренаръ исповѣдуется (v. 29050), упоминаетъ о своей связи съ волчицей, съ львицей, говоритъ объ исцѣленіи льва; онъ падаетъ въ обморокъ и всѣ принимаютъ его за мертваго. Приступаютъ къ всенощной, а на слѣдующій день къ перенесенію тѣла въ церковь; гробъ ставятъ предъ алтаремъ курицы, надъ гробомъ которой творятся чудеса. Архіеп. Бернаръ, т. е. оселъ, произноситъ надгробное слово, въ которомъ прославляетъ жизнь Ренара и оправдываетъ отношенія послѣдняго къ волчицѣ и львицѣ. Затѣмъ слѣдуетъ чтеніе новыхъ молитвъ. Медвѣдь роетъ могилу; Ренара опускаютъ въ нее и, когда его начинаютъ засыпать

землей, онъ вдругъ вскакиваетъ схватываетъ пѣтуха, держащаго кадильницу, и обращается въ бѣгство. При помощи собаки одного виллана Ренаръ схваченъ. Ренаръ оправдывается, но пѣтухъ вызываетъ его на поединокъ и побѣждаетъ. Ренаръ притворяется мертвымъ и его бросаютъ въ ровъ. Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ о покушеніи на ворона (ср. выше стр. 43), который идетъ съ жалобой къ царю. Царь шлетъ за нимъ барсука и коршуна. Ренаръ заявляетъ барсуку, чтобъ онъ заявилъ царю, что его не стало. Жена Ренара ведетъ барсука къ гробу виллана по имени Renart. Царь сожалѣетъ о гибели столь доблестнаго барона.

Вся эта вѣтвь представляетъ подражаніе 20-й вѣтви (ср. Knorr ук. соч. стр. 23 слл.) или подробное развитіе отдѣльныхъ ея моментовъ. Къ числу послѣднихъ относится, между прочимъ, служба по мнимо-умершемъ Ренарѣ, образцомъ которой являются похороны курицы въ 20-й вѣтви. Иногда повторяются даже мельчайшія подробности: раненаго льва тщательно купаютъ (v. 11953 слл.) и Ренара сажаютъ въ ванну (v. 28999 слл.); и въ той и въ другой вѣтви Ренаръ желаетъ приступить къ исповѣди и получаетъ отъ исповѣдника одинаковыя предостереженія и т. п.

Помимо цѣлаго ряда совпаденій съ 20-й вѣтвью встрѣчаются и намеки на br. 30, именно на женитьбу Ренара на царицѣ, и на разсказываемое въ 26-й вѣтви исцѣленіе льва (v. 29062—66). Кромѣ того встрѣчаются черты, совпадающія съ извѣстными чертами въ br. 5, какъ обращеніе Ренара къ пѣтуха, подстрекающаго Ренара дать отвѣтъ своимъ преслѣдователямъ (v. 29782 слл.; ср. v. 1670 слл.). Описаніе боя Ренара съ пѣтухомъ (v. 29962 слл.) совершенно отвѣчаетъ описанію поединковъ съ Изенгриномъ въ br. 24 (v. 14506 слл.) и съ Ронелемъ въ br. 29 (v. 24016 слл.).

На извѣстныя черты сходства, между прочимъ и на нѣкоторыя совпаденія съ 20 вѣтвью, указалъ и Rothe (ук. соч. стр. 256 слл.).

33-я вѣтвь (Ren. vv. 1—309 у Chabaille стр. 1 слл.) носитъ заглавіе: „Какъ Ренаръ съѣлъ господина Пинсара, цаплю (le hairon), и чуть не утопилъ виллана". Въ небольшомъ вступленіи авторъ обѣщаетъ, не смотря на всѣмъ извѣстныя авантюры и разсказы Пьера де Сэнъ-Клу (de Saint-Cloot), передать еще одинъ разсказъ въ стихахъ.

„Случилось нѣкогда въ Англіи" (v. 17) отправиться Ренару на поиски за добычею. Вдругъ онъ замѣчаетъ въ рѣкѣ цаплю, охотящуюся за рыбой. Послѣ нѣкотораго размышленія Ренаръ бросаетъ связку папоротника, росшаго на берегу, въ рѣку; связка уносится теченіемъ по направленію къ цаплѣ. Послѣдняя отступаетъ, но, убѣдившись, что это простая связка травы, снова принимается за рыбную ловлю. Ту же уловку употребляетъ Ренаръ во второй разъ. Въ третій разъ Ренаръ притаивается самъ на связкѣ и, приблизившись къ цаплѣ, схватываетъ ее и, приплывъ къ берегу, душитъ. Покончивъ съ цаплей, Ренаръ засыпаетъ на стогу, а наступающая вода заливаетъ стогъ. Ренаръ спасается только тѣмъ, что вскакиваетъ въ лодку виллана, подъѣхавшаго къ стогу съ цѣлью поймать Ренара; вилланъ же, оставленный на стогу, съ трудомъ добирается потомъ до берега.

Первый эпизодъ представляетъ, можетъ быть, пріукрашенное изложеніе какого нибудь болѣе или менѣе подходящаго дѣйствительнаго наблюденія. Покрайней мѣрѣ наблюденіе, весьма близко подходящее къ данному случаю, сообщается у Кембля (ук. соч. I, 270 № 6), конечно, со ссылкой на авторитетъ 3-го лица (he had seen). Тутъ лиса ловитъ утокъ при помощи слѣдующей хитрости: она беретъ пучекъ вереску въ зубы, чтобы прикрыть голову, подплываетъ къ уткамъ и, бросивъ пучекъ, кидается на утокъ.

Эпизодъ о затопленномъ стогѣ встрѣчается въ br. 29 и въ 31. Которая изъ трехъ вѣтвей послужила основой для другихъ двухъ вѣтвей съ достовѣрностью сказать трудно; но по всей вѣроятности основой послужила данная вѣтвь, въ которой даже намекается, что въ ней излагается новый сюжетъ. Другія двѣ вѣтви вслѣдствіе цѣлаго ряда подражаній едва ли могутъ претендовать на самостоятельность и по отношенію къ данной чертѣ (ср. впрочемъ Knorr ук. соч. стр. 18).

34-я вѣтвь (Ren. vv. 310—440 у Chabaille стр. 18 слл.) носитъ заглавіе: „О колбасѣ, которая была разыграна въ мельницу" (? marelles) (1).

(1) Относительно названія этой игры mérelle (marelle) см. Burguy ук. соч. III² п. слов. matras. Лаконическое опредѣленіе этой игры у Роте (ук. соч. стр. 122¹) весьма неточно. Игра состоитъ въ слѣдую-

Разставшись съ волчицей, Ренаръ подходитъ къ кресту надъ могилой убитаго; тутъ на плоскомъ камнѣ пастухи выцарапали родъ шашечницы (un marregler). Ренаръ видитъ за игрой четырехъ игроковъ, раздѣлившихся на двѣ партіи: осленокъ (Fremiz Fremouz) и горностай (Blanz) съ одной стороны играютъ противъ кота (Tyberz) и бѣлки (Ros); они разыгрываютъ найденную ими колбасу. Вдругъ осленокъ замѣчаетъ появленіе Ренара и крикъ его: „Спасайтесь!" обращаетъ игроковъ въ бѣгство. Котъ съ колбасой взлѣзаетъ на крестъ и не обнаруживаетъ желанія подѣлиться съ Ренаромъ. Послѣдній вдругъ дѣлаетъ видъ, что поймалъ мышь; котъ невольно дѣлаетъ неосторожное движеніе, и колбаса падаетъ внизъ; Ренаръ немедленно схватываетъ ее и пожираетъ.

Къ этому длинному ряду вѣтвей присоединяются еще, согласно Мартину (Examen стр. 9), 35-я вѣтвь: „Женитьба льва" (въ рп. M, неизд.) и 36-я вѣтвь: „Ренаръ и коза" (см. выше стр. 115 [вар. C]).

Приведенныя вѣтви исчерпываютъ сюжеты животнаго эпоса въ строгомъ смыслѣ этого слова. Всѣ остальныя поэмы, къ которымъ не подходитъ уже названіе вѣтвей, помѣщены частью у Шабайля (Suppl. стр. 19 сл.), частью у Меона (въ IV томѣ). Онѣ стоятъ собственно внѣ предѣловъ животнаго эпоса, такъ какъ представляютъ всѣ признаки разложенія послѣдняго. Къ животнымъ примѣняются чисто рыцарскіе идеалы, изображаются со всѣми мелочами и во всѣхъ ихъ проявленіяхъ чисто феодально-рыцарскіе нравы или проводятся извѣстныя нравоучительныя или сатирическія тенденціи. Помимо сатиры Рютбёфа (Renart le Bestourné) (¹) и поэмы: Renart mestres de l'ostel le roy (Chabaille стр. 19 сл.), гдѣ слишкомъ 300 стиховъ посвящено разсказу о томъ, какъ Ренаръ распредѣляетъ различныя при-

---

щемъ: Стороны трехъ концентрическихъ квадратовъ, раздѣленныя пополамъ, соединены между собой (въ точкахъ дѣленія) прямыми линіями. Два игрока попеременно размѣщаютъ шашки на всѣхъ точкахъ пересѣченія такъ, чтобы три шашки одного изъ игроковъ находились на пересѣченіяхъ одной прямой; это даетъ право отнимать у противника одинъ изъ жетоновъ. У нѣмцевъ игра эта называется Mühlenspiel.

(¹) Издана эта сатира Я. Гриммомъ (R. F. стр. 445 сл.) и Шабайлемъ (Suppl. стр. 30 сл.). См. также Hist. litter. XX. [illegible].

дворныя должности (ср. выше стр. 179 сл.), какъ распѣваетъ онъ пѣсни, какъ звѣри пируютъ и т. п., слѣдуетъ вкратцѣ отмѣтить только главнѣйшія поэмы, стоящія на переходной ступени.

Le Couronnemens Renart состоитъ изъ 3398 восьми слоговыхъ стиховъ, написанныхъ во второй половинѣ XIII в. неизвѣстнымъ авторомъ, а не Marie de France, какъ предполагалъ Меонъ (Ren. I, vij сл.); послѣднее мнѣніе опровергаютъ Роте (ук. соч. 326 слл.) и Форіэль (въ Hist. littér. XXII, 936). Вся поэма во всѣхъ отношеніяхъ довольно подробно разобрана Роте (ук. соч. стр. 302—359). Издана она впервые Меономъ (Ren. IV, 1—123).

Renart le Nouvel состоитъ изъ 8048 стиховъ. Авторъ поэмы, Jacquemars Giélée de Lille, написалъ ее въ 1288 г. Издана поэма Меономъ (Ren. IV, 125 слл.). Помимо разбора, встрѣчающагося у Роте (ук. соч. стр. 360—459), необходимо еще указать на обстоятельное изслѣдованіе Удуа (Renart - le - Nouvel Roman satirique composé au XIII-e siècle par Jacquemars Giélée de Lille précéde d'une introduction historique etc. par Jules Houdoy. Paris, Lille, Bruxelles 1874).

Renart le Contrefait, заключающій въ себѣ около 50000 стиховъ, относится къ первой половинѣ XIV в. и принадлежитъ перу неизвѣстнаго автора. Содержаніе поэмы пересказано у Робера (Fables I, cxxxiij сллл.) и у Роте, который присоединяетъ и разборъ ея (ук. соч. стр. 459—514). Кромѣ того слѣдуетъ еще обратить вниманіе на статью Вольфа (Le Roman de Renart le Contrefait. Von Ferdinand Wolf въ Denkschr. d. philos.-histor. Cl. d. K. Ak. d. Wiss. XII [1862] 71—86), гдѣ (стр. 71) указана и вся литература вопроса.

Всѣ эти поэмы совершенно измѣняютъ первоначальный характеръ животнаго эпоса, всѣ онѣ тенденціозны, всѣ служатъ цѣлямъ сатиры. Правда, звѣри большей частью все тѣ же, но они не преслѣдуютъ уже личныхъ интересовъ, а стали рабами предвзятыхъ идей авторовъ. Въ первой поэмѣ (Le Cour. de R.) подвергается всестороннему обсужденію вопросъ о лукавствѣ (т. наз. renardie), господствующемъ надъ міромъ, и заключается прямая сатира на Jacobins et Freres Menours (Meneurs) (т. е. на доминиканцевъ и францисканцевъ). Во второй поэмѣ (R. le N.) преслѣдуется не толь-

ко цѣль нравоучительная и сатирическая, прилагаемая къ извѣстной фабулѣ объ осадѣ, о войнѣ между животными, но прямо вводится аллегорія, и Ренаръ, напр., хвастается своимъ домомъ, „который устроенъ изъ измѣны, изъ ненависти и зависти“, „изъ обмана былъ входъ и изъ хвастовства полъ“ (v. 1163 сл.), причемъ шесть дамъ: Злоба, Зависть, Скупость и т. д., встрѣчаютъ гостя пѣснями, приподносятъ подарки и т. п. (v. 1173 сл.). Наконецъ третья поэма представляетъ странную смѣсь самыхъ разнохарактерныхъ разсказовъ, переплетающихся съ сюжетами изъ области животнаго эпоса.

Слѣдовательно, первоначальный характеръ неразложившагося еще животнаго эпоса возможно признать только въ 36-и браншахъ романа о Ренарѣ. Въ виду многихъ мѣткихъ замѣчаній Роте (ук. соч. стр. 259 сл.) по поводу „Ренара“ вообще здѣсь можно ограничиться нѣкоторыми дополнительными замѣчаніями.

Сравнивая между собой всѣ вѣтви романа о Ренарѣ, нельзя не замѣтить, что всѣ онѣ отличаются разнообразнымъ характеромъ, всѣ находятся на различныхъ ступеняхъ развитія. Однѣ изъ нихъ напоминаютъ басни, отличающіяся только болѣе развитыми эпическими чертами, другія переходятъ въ область циничныхъ разсказовъ, третьи сохраняютъ болѣе или менѣе своеобразный характеръ. Но всѣ онѣ ясно обличаютъ развитіе изъ болѣе простыхъ основъ, которыя осложнялись только съ теченіемъ времени; иногда основы эти собирались въ группы и тогда получались болѣе полныя формы развитія. Но несмотря даже на такое сплоченіе основныхъ сюжетовъ, легко подмѣтить, что всѣ они тѣмъ не менѣе сохраняютъ характеръ разрозненности, обособленности, стоятъ внѣ всякой тѣсной связи между собой; ихъ возможно перемѣщать въ любомъ порядкѣ и единство той или другой вѣтви нисколько не нарушиться, т. е. достаточно чисто внѣшней связи для скрѣпленія ихъ между собой. Исключеніемъ являются вѣтви, развивающія мотивъ о судѣ. Въ разсказѣ о судѣ нельзя не признать внутренняго единства, извѣстной идеи. Она заключается въ отраженіи извѣстныхъ сторонъ и отношеній средневѣковой жизни, въ изображеніи извѣстныхъ бытовыхъ чертъ.

Но и разсказъ о судѣ, какъ было замѣчено выше (стр. 213. 221), развился изъ болѣе простой основы; онъ не былъ сразу

приложенъ цѣликомъ въ той формѣ, въ какой онъ существуетъ, напр., въ br. 20^{a}. Это видно между прочимъ изъ того, что въ самыхъ древнихъ поэмахъ онъ существуетъ только въ зародышѣ (см. выше стр. 214); въ нихъ обвиненія и оправданія еще весьма немногосложны, судебное слѣдствіе не получило еще формальнаго развитія. Но постепенно мотивы все осложняются, т. е. привходитъ понемногу разнообразный матеріалъ, дающій пищу обвиненію и защитѣ: присоединяются въ подновленномъ и дополненномъ видѣ различныя классическія басни, примѣшиваются извѣстные разсказы изъ бестіаріевъ, различные сказочные сюжеты или черты изъ современной жизни. Такъ какъ въ древнихъ поэмахъ, какъ въ Ecbasis и „Изенгримѣ", этихъ добавочныхъ элементовъ пока не существуетъ, а тѣмъ не менѣе ясно проглядываетъ мотивъ о судѣ, хотя и существующій только въ зародышѣ, то слѣдуетъ принять мотивъ этотъ за основной, къ которому постепенно присоединялись упомянутые добавочные элементы. Это весьма наглядно обнаруживаютъ послѣдовательныя наслоенія и осложненія, какія проявляются въ постепенномъ ходѣ развитія поэмъ о животныхъ, начиная отъ Ecbasis и переходя къ „Изенгриму", затѣмъ „Рейнарду" и, наконецъ, роману о Ренарѣ.

Нельзя обойти молчаніемъ слѣдующаго опредѣленія: „Романъ о Ренарѣ", говоритъ А. Н. Веселовскій (въ Ист. русск. слов. А. Галахова I[2], 511),—„сводный эпосъ, въ которомъ послѣдовательно накопились разсказы, представлявшіе, подъ животной личиной, отрицательную характеристику всего средневѣковаго общества". Это опредѣленіе мы позволимъ себѣ примѣнить не къ роману о Ренарѣ вообще, а именно къ разсказу о судѣ, и къ тѣмъ вѣтвямъ, въ которыхъ дѣйствительно воспроизводятся тѣ или другія стороны быта. Это ограниченіе необходимо сдѣлать въ виду того, что встрѣчаются вѣтви (напр., br. 2. 12. 15. 16. 17. 33. 34. 36) и еще чаще отдѣльные мотивы, въ которыхъ средневѣковое общество вовсе не затрогивается.

Всѣ вѣтви, входящія въ составъ романа о Ренарѣ, представляютъ очевидно передѣлки болѣе древнихъ вѣтвей, не дошедшихъ до насъ. Это необходимо заключить на томъ основаніи, что въ „Рейнгартѣ", „Рейнартѣ" и „Райнардо" отдѣльные эпизоды указываютъ на такіе источники, которые въ данныхъ браншахъ о „Ренарѣ" не существуютъ.

Между вѣтвями не существуетъ связи; она существуетъ только въ разсказѣ о судѣ. Такъ какъ многія вѣтви представляютъ развитіе сюжета о судѣ, то возникъ вопросъ: не составляютъ ли всѣ эти вѣтви одно цѣлое и кто является авторомъ этого цѣлаго? Пока только въ пяти вѣтвяхъ встрѣчались названія авторовъ: въ br. 11 (v. 4851 и 6358) и 39 (v. 4)—Pierres de Saint-Clost (Cloot); въ br. 20 (v. 9649—Perroz (dim. отъ Pierre). въ br. 25 (v. 15309)—анонимный Prestres de la Croiz en Brie и въ 28-й (v. 21966)—Richart de Lison.

Совмѣстно на оба вопроса постарался отвѣтить Іонкблутъ.

Іонкблутъ исходитъ изъ того положенія, что всѣ вѣтви романа о Ренарѣ восходятъ къ болѣе древней редакціи, представителемъ которой долженъ считаться „Рейнгартъ" (Étude стр. 65 сл.); послѣдній можетъ быть вслѣдствіе этого названъ древнимъ „Ренаромъ" (стр. 120. 239. 320 и др.). Далѣе Іонкблутъ пытается доказать, что не только три вѣтви романа о Ренарѣ (стр. 129 сл.), но многія его вѣтви (болѣе трети всего числа) принадлежатъ одному и тому же автору, именно Пьеру де Сэнъ-Клу (Pierre de Saint-Cloud). Объ этомъ можно судить по общему характеру вѣтвей и по одинаковымъ пріемамъ, каковы, напр., обращеніе къ слушателямъ (стр. 134. 177. 213. и др.), приписываніе животнымъ извѣстныхъ титуловъ (стр. 134 сл. 158 и др.), изображеніе феодальныхъ и рыцарскихъ нравовъ (стр. 172 сл. 193 и др.) и т. п. На основаніи этого критическаго пріема получается рядъ вѣтвей, которыя размѣщаются въ извѣстномъ порядкѣ и распадаются т. обр. на четыре опредѣленныя группы. Одну группу составляетъ 25-я вѣтвь (стр. 338. 280 сл.), другую—29-я вѣтвь (стр. 338. 265. 279 и др.). Двѣ другія группы слагаются изъ цѣлаго ряда вѣтвей и, съ соблюденіемъ извѣстнаго порядка въ распредѣленіи послѣднихъ, распадаются на двѣ обширныя поэмы. Одну изъ нихъ можно бы озаглавить: Les aventures de Renart, а другую: Le Plaid (стр. 338 сл.). Въ составъ первой поэмы („Приключеній Ренара") входятъ слѣдующія вѣтви: 11-я (vv. 4851—6357), 30-я (vv. 24350—24384. 24607—24896), 9-я и 10-я (vv. 2995—4832, 30-я (vv. 24899—25116), 26^a (vv. 17885—19110), 20^b (vv. 11297—11952). 26^b (vv. 19111—19708) . . . 19-я (vv. 9138—9434), 30-я

(vv. 24335 — 24606 и 25117—27780) (¹). Вторую поэму („Сидъ“) образуютъ слѣдующія вѣтви: 20ᵃ ((vv. 9649—11296), 21-я и 22-я (vv. 11959—12970), 23-я (vv. 12989—13464 и 53-я (vv. 28665—30362) (²). Кромѣ того къ первой поэмѣ слѣдуетъ, повидимому, присоединить первыя 204 стиха 8-й вѣтви, а ко второй — 13-ю вѣтвь (стр. 339. 304. 313). Авторъ этихъ поэмъ, Пьеръ де Сэнъ-Клу, бывшій клерикомъ (prestre de la Croix en Brie, стр. 292 слл.), идентиченъ съ Петромъ de Sancto Clodoaldo. Послѣдній подвергся обвиненію въ ереси, такъ какъ принадлежалъ къ числу вольнодумцевъ, отрицавшихъ значеніе таинствъ, признававшихъ наитіе св. Духа вполнѣ достаточнымъ для спасенія души, возводившихъ сладострастіе и прелюбодѣяніе въ принципъ христіанской любви и т. п. (стр. 348 слл.). Клодоальдо присужденъ былъ вмѣстѣ съ другими еретиками къ сожженію на кострѣ и избавился отъ казни тѣмъ, что успѣлъ заблаговременно удалиться въ монастырь (стр. 291). Жилъ Кладоальдо въ правленіи Филиппа Августа (стр. 295. 369 слл.) и написалъ свои произведенія ок. 1200—1209 г. (стр. 385; ср. 368. 378 сл.). — Помимо произведеній Пьера, изъ романа о Ренарѣ выдѣляется еще другая поэма неизвѣстнаго автора, слагающаяся изъ пролога (т. е. vv. 1—22), изъ br. 5, 6, 7, 15, 1¹⁻⁶ (т. е. vv. 337—530 и 531—748) и 19 (стр. 398. 386 слл.).—Наконецъ еще одну независимую поэму образуетъ слѣдующая серія вѣтвей: 2-я, 3-я, 4-я, и 24-я (стр. 400).

Результаты, добытые изслѣдованіемъ Іонкблута, весьма остроумны, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобъ они были настолько же убѣдительны. Іонкблутъ представилъ рядъ доказательствъ, которыя вовсе не говорятъ въ пользу его взгляда, а свидѣтельствуютъ только въ пользу того, что многія вѣтви „Ренара“ представляютъ между собой замѣчательное сходство. Онъ собственно доказалъ, чего не желалъ доказывать,—что извѣстныя вѣтви находятся въ прямой зависимости отъ другихъ вѣтвей. Этимъ обстоятельствомъ не замедлилъ воспользоваться Кнорръ, чтобы окончательно рѣшить вопросъ о взаимомъ отношеніи между собой извѣстныхъ вѣтвей.

(¹) Étude, стр. 328. 186. 170. 149 слл. 232 слл. 259. 275. 317, 258 слл. и др.

(²) Тамъ-же, стр. 339. 242, 231 и др.

На основаніи весьма обстоятельныхъ сопоставленій параллелей въ отдѣльныхъ браншахъ Кнорръ (Die 20. Branche стр. 3 слл.) доказываетъ, что br. 19 (стр. 4 слл.), 20^{b} (v. 11369 слл.) (стр. 9 слл.), 26 (стр. 14 слл.), 29 (стр. 16 слл.), 24 (стр. 20 слл.) и 32 (стр. 23 слл.) составляютъ подражаніе br. 20^{a}. Притомъ br. 19 повидимому слѣдовала отчасти и по br. 20^{b}. Импульсомъ къ br. 19 могли послужить vv. 9689—92 изъ 20-й вѣтви, хотя вѣроятнѣе допустить существованіе „болѣе древняго, независимаго отъ br. 20 зерна, въ которомъ разсказывалось, какъ Ренаръ долженъ былъ произносить клятву надъ зубами собаки"; „зерно" это было обработано по образцу br. 20 однимъ или нѣсколькими авторами (стр. 9). Br. 20^{a} является первоначальнымъ источникомъ; другой авторъ составилъ по ней br. 20^{b}, которая дала толчекъ къ возникновенію br. 21—22 подъ перомъ третьяго автора; впослѣдствіи всѣ три вѣтви подверглись новой переработкѣ, въ виду составить одно цѣлое (стр. 14). И для br. 26 возможно допустить болѣе древнюю основу, которая впослѣдствіи была обработана по образцу br. 20 (стр. 15), причемъ совершенно вѣрно указывается (стр. 16[1]) на несостоятельность группировки Іонкблута, вставляющаго br. 20^{b} въ br. 26 (см. выше). Двѣ половины 29-й вѣтви составлены различными авторами (стр. 16), а не однимъ авторомъ, именно Пьеромъ, какъ полагаетъ Іонкблутъ (стр. 19[2]); кромѣ того присоединяется новый моментъ,—поединокъ собаки съ Ренаромъ). Br. 24, помимо 20-й вѣтви, пользовалась и другими вѣтвями; между прочимъ поединокъ Ренара съ Изенгримомъ въ br. 24 представляетъ передѣлку поединка Ренара съ собакой въ br. 29 (стр. 23). Слѣдуя главнымъ образомъ 20-й вѣтви, br. 32 пользовалась однако и другими вѣтвями и относится къ весьма поздней эпохѣ, вслѣдствіе чего нельзя ее приписывать Пьеру (стр. 26). Наконецъ br. 20^{a} въ свою очередь является передѣлкой болѣе древняго разсказа, представителемъ котораго долженъ считаться „Рейнгартъ"; оригиналомъ же „Рейнгарта" является болѣе древняя и безъискусственная франц. редакція, служившая вмѣстѣ съ тѣмъ основой для br. 20 (стр. 38). Что же касается автора br. 20, то упоминаніе его въ 3-мъ лицѣ, притомъ употребленіе имени въ уменьшительной формѣ (Perroz, Perrin), съ явнымъ стремленіемъ къ уничиженію, и цѣлый рядъ другихъ соображеній—вовсе не могутъ служить доказательствомъ въ

пользу Пьера. Даже всевозможные доводы (Іонкблута), предусматривающіе и оправдывающіе эти несообразности, доказываютъ только возможность закрѣпленія br. 20 за Пьеромъ де Сэнъ-Клу, но далеко не обличаютъ послѣдняго дѣйствительнымъ ея авторомъ (стр. 32 слл.). Равнымъ образомъ по поводу идентичности Пьера де Сэнъ-Клу съ Петромъ де Санкто - Клодоальдо возможно говорить только о вѣроятности этого тожества,—не болѣе (стр. 36 сл.). Такъ какъ эпоха связанная съ послѣднимъ доводомъ сомнительна, то приходится довольствоваться замѣчаніемъ, что br. 20 написана не ранѣе 1146 г. и не позже 1233 (стр. 35 сл.).

Т. обр. остроумные выводы Іонкблута въ виду доказательствъ Кнорра должны были рушиться даже помимо вопроса объ авторствѣ. Доводы Іонкблута, какъ замѣтилъ и Кнорръ (ук. соч. стр. 34 сл.), тѣмъ болѣе непрочны, что онъ основывалъ ихъ на тожествѣ выраженій и оборотовъ, стихосложенія, орѳографіи и т. п., т. е. на тожествѣ такихъ особенностей, которыя невозможно приписывать исключительно одному автору, такъ какъ онѣ могутъ составлять отличительную примѣту многихъ авторовъ и даже цѣлой эпохи. Кнорръ предполагаетъ (стр. 35[19]), что Іонкблутъ исходитъ изъ предвзятой гипотезы о громадномъ объемѣ поэмъ Пьера.

Тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ случаяхъ Іонкблутъ весьма удачно группируетъ вѣтви или выдѣляетъ эпизоды. Такъ, въ br. 19 vv. 9131—9434 (ср. выше стр. 210) необходимо вмѣстѣ съ Іонкблутомъ (стр. 317) причислить къ интерполяціямъ; затѣмъ нельзя не признать замѣчательно тѣсной связи между br. 2, 3, 4 и 24 (стр. 400); тоже слѣдуетъ замѣтить относительно br. 21 и 22, пожалуй, въ связи съ br. 20, но не болѣе. Этимъ собственно и приходится ограничить уступки въ пользу доводовъ Іонкблута.

Что же касается доводовъ Кнорра, то всѣ они весьма солидны. Подъ сомнѣніемъ приходится впрочемъ оставить замѣчаніе о передѣлкѣ поединка въ br. 24 изъ br. 29, такъ какъ въ данномъ случаѣ невозможно съ достовѣрностью утверждать, какой эпизодъ является по отношенію къ другому оригиналомъ. Затѣмъ совершенно несостоятельно (ср. выше главы I и II) воззрѣніе Кнорра (стр. 37) на исконное достояніе „животной саги", въ чемъ онъ слѣдуетъ взгляду Я. Гримма.

Вопросъ о послѣдовательной связи вѣтвей между собой всегда будетъ представлять непреодолимыя трудности, такъ какъ новая находка какой нибудь рукописи или болѣе основательное сличенiе рпп. между собой въ состоянiи нарушить установленный порядокъ. Это доказываетъ между прочимъ и новое изданiе Мартина (см. выше стр. 41).

Въ первомъ томѣ Мартинъ издалъ 11 вѣтвей (по его счету), которыя заключаются въ каждой изъ трехъ рпп. 𝔄𝔅ℭ; во второмъ томѣ будутъ заключаться изолированныя вѣтви, сохранившiяся только въ рпп. одной семьи или двухъ семей, третiй томъ будетъ заключать въ себѣ варiанты (Le R. de Ren. стр. xxv). Итакъ, браншамъ въ изд. Мартина (обозначеннымъ римск. цифрами) отвѣчаютъ слѣдующiя бранши въ изд. Меона: Br. I=br. 20^a; br. I a=br. 20^b (v. 11369 слл.); br. I b=br. 21 и 22 (отброшены vv. 12985—86); br. II=br. 1 (vv. 1—22), 5, 6 (vv. 1725—2102), 15 и 1 (vv. 339—716); br. III=br. 2, 3 и 4; br. IV=br. 13; br. V=br. 18 (vv. 7737—8098. 8202—8210); br. V a=br. 1 (vv. 717—748), 19 (vv. 8248—9128. 9445—9568); br. VI=br. 24 (vv. 13465—66. 13470—89. 13547—14008. 14107—15296); br. VII=br. 31; br. VIII=br. 23; br. IX=br. 25 (vv. 15309—17384; 17591—17870); br. X=br. 26; br. XI=br. 30.

Т. обр. сочетанiе извѣстныхъ вѣтвей у Мартина нѣсколько иное, чѣмъ, напр., у Iонкблута: побуждали ли Мартина къ подобному распредѣленiю одни рпп. или и другiя соображенiя—это покажетъ, вѣроятно, обѣщанная имъ брошюра (стр. xxvj). Но и до появленiя послѣдней можно утвердительно сказать, что Мартинъ воспользовался и критическими замѣчанiями своихъ предшественниковъ. Отмѣченную выше интерполяцiю онъ выбрасываетъ, согласно Iонкблуту; ему же онъ слѣдуетъ, съ нѣкоторыми впрочемъ видоизмѣненiями, составляя br. I a, I b и отчасти II; въ распредѣленiи вѣтвей въ br. II онъ слѣдовалъ, очевидно, порядку въ рп. 𝔄 (см. Examen стр. 9 и 13 сл.). Мартинъ руководствуется и Кнорромъ (ук. соч. стр. 9), а также Я. Гриммомъ (R. F. стр. cxxvij), начиная br. I a=br. 20^b стихомъ 11369 [1].

---

[1] И у П. Парй (Nouv. étude стр. 358) встрѣчается произвольное распредѣленiе вѣтвей «подлиннаго Ренара» (le veritable R.), которое

Во всякомъ случаѣ вопросъ о послѣдовательности вѣтвей всегда останется гипотетическимъ или можетъ быть рѣшенъ только въ отрицательномъ смыслѣ, такъ какъ большинство вѣтвей вовсе не представляетъ между собою внутренняго единства.

Что касается эпохи, то слѣдуетъ замѣтить, что всѣ франц. оригиналы, какъ доказываетъ „Рейнгартъ", необходимо отодвинуть къ началу XII в.; можетъ быть ихъ слѣдовало бы перенести даже въ предѣлы XI в. Остается только сожалѣть объ утратѣ многихъ, повидимому, франц. произведенiй изъ цикла разсказовъ о Ренарѣ.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ истоковъ „древняго Ренара" является средне-верхненѣмецкiй „Рейнгартъ".

„Рейнгартъ" написанъ странствующимъ поэтомъ Генрихомъ Лицемѣромъ (der Glîchesære или Glîchezâre), родомъ эльзасцемъ. О происхожденiи и прозвищѣ Генриха подробно распространяется Я. Гриммъ (R. F. стр. cvіij сл. Sendschr. стр. 64 сл.), предполагающiй, что данное автору прозвище стоитъ внѣ связи съ его поэмой и перешло къ нему можетъ быть уже отъ предковъ. Возникъ „Рейнгартъ" около 1150 г., какъ полагаетъ Я. Гриммъ, (R. F. стр. cjx), вѣрнѣе около 1170 г., какъ утверждаютъ Вакернагель (Gesch. d. deutsch. Liter. [bes. v. E. Martin] I² [1878] 230) и Кобернштейнъ (Gesch. d. d. Nationalliter. [umgearb. v. K. Bartsch] I⁵ [1872] 158 сл.). Спецiальную статью посвятилъ автору „Рейнгарта" Вакернагель (Heinrich der Gleissner въ Kl. Schriften II, 212—233; ср. 295 слл.), а вопросамъ о „Рейнгартѣ" вообще Я. Гриммъ (R. F. стр. ciij—cxv).

„Рейнгартъ" сохранился только въ разрозненныхъ отрывкахъ, уцѣлѣвшихъ на пергаментныхъ листкахъ, помѣчен-

---

цы вкратцѣ приводимъ: 1: «Рожденiе Из. и Р.». 2: «Окороки Из.». 3: «Ферма Конст. Денò и Шантеклэръ». 4: «Р. и воронъ». 5: «Р. и синица». 6: «Р., Тиберъ и западня». 7: «Р. и хвостъ кота». 8: «Р., Тиберъ и колбаса». 9: «Т. и два священника». 10: «Р. и рыботорговцы». 11: «Из. монахомъ». 12: «Ловля угрей». 13: Le double adultère d'Hersent. 14: «Из., собранiе и клятва». 15: «Охота и дѣлежъ льва». 16: «Из. въ колодцѣ». 17: «Судъ надъ Р.».

ныхъ 1515 г. и сданныхъ Я. Гриммомъ въ Кассельскую публ. библіотеку (Sendschr. стр. 6). Отрывки эти составляють около трети всей поэмы и отвѣчають въ обработкѣ стихамъ: 588—660. 698—981. 1524—1796. 1831—1901; изданы они Я. Гриммомъ (въ Sendschreiben стр, 13 [resp. 33] слл.).

Утрата оригинала вознаграждается отчасти тѣмъ, что уцѣлѣла его обработка, предпринятая неизвѣстнымъ авторомъ въ половинѣ XIII в. Обработка эта сохранилась въ двухъ рпп.: К (Колоцская рп. [Koloczaer Codex]) половины XV в., въ Берлинѣ, и Р (Пфальцской [cod. Palatinus] или Гейдельбергской, № 341,61) (1). По рп. К обработка анонима была издана Майлатомъ и Кёффингеромъ (Koloczaer Codex altdeutscher Gedichte, hrsg. v. J. N. Graf. Mailáth u. J. P. Köffinger. Pest 1817 стр. 361—420), а затѣмъ на основаніи сличенія рп. Р. съ этимъ изданіемъ возникло изданіе Я. Гримма (R. F. стр. 25 слл.).

Обработка по отношенію къ оригиналу ограничивается тѣмъ, что сглаживаетъ различныя шероховатости слога, устраняетъ франц. слова или вообще устарѣвшія выраженія и т. п. (см. J. Grimm Sendschr. стр. 63 слл.). Слѣдовательно, обработка можетъ быть разсматриваема какъ оригиналъ. Она состоитъ изъ 2266 стиховъ, но, къ сожалѣнію, въ ней встрѣчается (послѣ v. 562) пропускъ въ 140 стиховъ, по мнѣнію Я. Гримма (Sendschr. стр. 9 сл.); пропускъ или недостающіе стихи касались эпизода о звѣряхъ-странникахъ (ср. выше стр. 132).

„Рейнгартъ" сравнительно съ разсмотрѣнными браншами „Ренара" представляетъ всѣ эпизоды въ весьма сокращенной формѣ, откуда впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы Рейн-

(1) Гёдеке (D. Dichtung im Mittelalt.², стр. 606), у котораго рп. Р помѣчена «Гейдельбергской», ссылается по поводу послѣдней на Wilken Gesch. d. bildung, beraubung u. vernichtung d. alt. heidelberg. büchersamml. стр. 421. Относительно рп. К см. м. пр. предисловіе въ ук. изд. Coloz. Cod. стр. vj слл. и ср. стр. 360. Къ какому вѣку относится пфальцкая рп.?—пособія, имѣвшіяся у насъ подъ руками, умалчиваютъ.— Обертэнъ (Hist. de la langue et de la littér. franç. au moyen âge p. Charles Aubertin. II [1878] 48 сл.), толкуя по поводу оригинала и обработки анонима, очевидно, не понималъ, что прочелъ у Я. Гримма.

гартъ“ являлся сокращеніемъ именно этихъ вѣтвей. Въ изд. рп. К онъ начинается стихами: Ditz ist fuchs Reinhart genannt, Got helf uns in sin lant; очевидно это заглавіе писца; впрочемъ и v. 10 стоитъ: Reinhart fuhs; но авторъ и тотъ же анонимъ обработки тѣмъ не менѣе даютъ поэмѣ называніе Isengrînes nôt (или arbeit, v. 1790).

Краткое введеніе (въ 10 стиховъ) обѣщаетъ разсказать истинную исторію о коварномъ Рейнгартѣ.

Первый эпизодъ (vv. 11—175) посвященъ разсказу о похищеніи пѣтуха (ср. выше стр. 96 сл.). Отступленія отъ br. 5 „Ренара“ незначительны. — Богатый крестьянинъ (v. 13 слл.; ср. Ren. v. 1275 слл.) (Lanzelîn) и его жена (Ruotzela) горюютъ о своихъ курицахъ, которыхъ имъ приходится беречь отъ Рейнгарта. Крестьянинъ, въ виду жалобъ жены, оплакивающей 10 курицъ, рѣшается соорудить палисадникъ (въ „Ренарѣ“ онъ уже существуетъ), гдѣ онъ надѣялся укрыть пѣтуха Шантеклэра и его жену (v. 37 слл.; Ren. v. 1289 слл.). Однажды, на разсвѣтѣ, Рейнгартъ подкрадывается къ палисаднику (v. 40 слл. Ren. v. 1294 слл.), крѣпкому и высокому (v. 47. Ren. v. 1298 слл.), вырываетъ зубами колъ (v. 48 сл. Ren. v. 1315 сл.) и своимъ появленіемъ приводитъ въ ужасъ курицъ (v. 56 слл. ‖ v. 1322 сл.). Далѣе слѣдуютъ увѣренія пѣтуха въ безопасности отъ всякихъ вторженій (v. 62 слл. ‖ v. 1329 слл.), пересказъ сна (v. 67 слл. ‖ v. 1390 слл.), воззваніе къ ангелу (хранителю) (v. 72 ‖ v. 1412), разговоръ съ Рейнгартомъ и похищеніе пѣтуха. Поднимаетъ тревогу не случайно появившаяся хозяйка дома (какъ въ „Ренарѣ“), а курица (Pinte) своимъ крикомъ.

Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ о приключеніи Рейнгарта съ синицей (vv. 176—216), передаваемый какъ въ Ренарѣ, но въ сокращенной формѣ (см. выше стр. 98).

Слѣдующій разсказъ (vv. 217—284) о приключеніи Ренара съ ворономъ (Diezelîn) вполнѣ аналогиченъ br. 15 „Ренара“ (см. выше стр. 205); не сообщается только, откуда воронъ добылъ сыръ, а говорится вообще, что онъ добылъ его хитростью; не упоминается также прогулка Рейнгарта, а послѣдній выводится сидящимъ уже „подъ деревомъ“ (v. 229).

Разсказъ о появленіи „охотника съ собаками (vv. 285—312), присоединяющійся въ „Ренарѣ“ къ приключенію съ синицей (ср. выше стр. 98), слѣдуетъ въ „Рейнгартѣ“ нецо-

средственно за эпизодомъ о воронѣ; кромѣ того Рейнгартъ ничѣмъ не извиняетъ своего бѣгства передъ ворономъ, а ограничивается простымъ бѣгствомъ.

Встрѣча Рейнгарта съ котомъ (Dieprecht) (vv. 313—384) сравнительно съ br. 6 (см. выше стр. 198) сильно сокращена. Послѣ любезной встрѣчи Рейнгартъ подстрекаетъ кота показать свое проворство; котъ перепрыгиваетъ чрезъ западню и толкаетъ въ нее Рейнгарта. Избавленіе послѣдняго соотвѣтствуетъ разсказу въ br. 6, но крестьянинъ оцѣниваетъ предварительно шкуру Рейнгарта въ „пять шиллинговъ или болѣе“ (v. 368; ср. выше стр. 59[2]).

Рейнгартъ (vv. 385—448), освободившись изъ западни, встрѣчается съ Изенгримомъ и предлагаетъ себя въ товарищи: „предъ Вашей силой и моей хитростью нельзя будетъ устоять“ (v. 399). Изенгримъ совѣтуется съ женой (Hersant) и своими двумя сыновьями и принимаетъ предложеніе Рейнгарта. Далѣе разсказывается объ ухаживаніи Рейнгарта за волчицей. (см. выше стр. 184).

Разсказъ о похищеніи окорока (vv. 449—498), отвѣчаетъ изложенію въ „Ренарѣ“, но начинается прямо съ момента, когда Ренаръ замѣчаетъ крестьянина, несущаго окорокъ. О связи этого разсказа съ эпизодомъ о дроздѣ-кормильцѣ было замѣчено выше (стр. 184).

Далѣе (vv. 499—550) описывается кутежъ Изенгрима, его жены и двухъ его сыновей въ монастырскомъ погребѣ (см. выше стр. 148). Тотъ же эпизодъ встрѣчается и въ „Ренарѣ“ (см. выше стр. 225), но въ болѣе сокращенномъ видѣ, такъ какъ приключеніе это упоминается Изенгримомъ въ видѣ обвиненія, бросаемаго въ лицо Ренару.

Разсказъ о встрѣчѣ Рейнгарта съ осломъ (Baldewin) сохранился только въ отрывкѣ (см. выше стр. 182).

Первая фраза послѣ отрывка начинается словами: „онъ ускользнулъ отъ своего кума“. Затѣмъ (vv. 563—634) разсказывается, что Изенгримъ истекалъ кровью и утѣшался только мыслью, что, въ случаѣ его смерти, его „милая“, „благородная“ и „добрая“ жена „не возметъ [за себя] никакого другаго мужа (v. 576)“. „Эту жалобу услыхалъ Кюнинъ (Kûnin, v. 577)“ (1), который разочаровываетъ Изенгрима за-

(1) Что это за животное,—Рейнгартъ ближе не опредѣляетъ, но догадка Я. Гримма (R. F. стр. ccxlviij и Sendschr. стр. 53 [ad v. 595])

мѣчаніемъ, что его жена отдалась Р. (ich hân zwischen ir beinen gesehen: Reinhart hât si gevrît, v. 585). Съ горя Из. падаетъ въ обморокъ и, очнувшись, заявляетъ, что выцарапалъ бы ему глаза за это извѣстіе, еслибъ имѣлъ его въ своихъ рукахъ. Вой Из. привлекаетъ его жену и двухъ его сыновей; Из. успокоивается увѣреніями своей супруги, что она уже три дня, какъ не видала Р.; она совѣтуетъ ему прекратить „вздорныя рѣчи" (veltsprâchen, v. 631; âsprâchen, по ориг.). Успокоенный Из. вскорѣ выздоравливаетъ, такъ какъ его раны зализываются (Dô wart lecket her Isengrîn... v. 632).

Вполнѣ аналогичный эпизодъ въ „Ренарѣ" не встрѣчается, но разсказъ, подходящій къ нему чрезвычайно близко, нельзя не признать въ br. 1 (vv. 337—530). Разсказъ въ „Рейнгартѣ" сравнительно съ „Ренаромъ" представляется только, по обыкновенію, весьма сокращеннымъ. Кромѣ того первая половина эпизода въ br. 1 (vv. 337—475), т. е. пересказъ объ удачномъ волокитствѣ Ренара, очевидно, выдѣлился въ „Рейнгартѣ" и присоединился къ тому эпизоду, гдѣ Р. предлагаетъ себя въ товарищи Из., а послѣдній поручаетъ свою жену его попеченіямъ. Вторая же половина эпизода въ br. 1 (vv. 476—530) отвѣчаетъ уже данному разсказу въ „Рейнгартѣ"; впрочемъ разница въ томъ, что Кюнину отвѣчаютъ волчата въ „Ренарѣ". Тутъ они пересказываютъ отцу позоръ волчицы; заявляютъ, что Ренаръ называетъ его рогоносцемъ (que vos estiez cous, v. 491); тоже выраженіе влагается и въ уста Кюнина (alter gouch, du bist cus! v. 606 ориг.). Въ „Рейнгартѣ" Из. падаетъ въ обморокъ, воетъ и плачетъ (vv. 593. 607. 611); въ „Ренарѣ" же онъ тутъ не падаетъ въ обморокъ (A bien petit qu'il ne se pasme, v. 494) и тоже воетъ и плачетъ (Il ulle et bret come desves, v. 495); въ обѣихъ поэмахъ Из. дѣлаетъ почти тѣ же упреки женѣ (Reinh. v. 611 слл. Ren. v. 496 слл.),

---

болѣе чѣмъ вѣроятна, что это обезьяна. Откуда поэтому Генте (ук. соч. стр. 19) почерпнулъ свѣдѣніе, что это «жеребецъ», — мудрено рѣшить. Впрочемъ, какъ опасно довѣриться Генте, видно м. пр. изъ того, что онъ допускаетъ даже невозможныя опечатки: вмѣсто рыся (Luchs, стр. 20), примирителя враждебныхъ партій, онъ выводитъ лису (Fuchs), не замѣчая, что т. обр. является новый соперникъ Рейнгарта.

которой съ той же легкостью удается успокоить его (Reinh. 627 слл. Ren. v. 513 слл.). Далѣе, конечно, оба эпизода расходятся, такъ какъ примыкаютъ къ инымъ разсказамъ. Но, кажется, и приведенныхъ сближеній достаточно, чтобы устранить сомнѣніе относительно тожества обоихъ разсказовъ. Въ виду того, что „Рейнгартъ" въ другихъ случаяхъ, повидимому, весьма точно слѣдуетъ франц. оригиналу, какъ можно заключить изъ уцѣлѣвшихъ вѣтвей, слѣдуетъ допустить, что подобная версія приключенія, сохранившагося только въ „Рейнгартѣ", существовала, вѣроятно, и во франц. оригиналѣ.

Вслѣдъ за этимъ эпизодомъ въ „Рейнгартѣ" передается (vv. 635 — 726), что Р. укрѣпился въ лѣсу изъ опасенія предъ пришельцами. Однажды случилось Из. проходить мимо жилища Р.; Из. слышитъ запахъ поджариваемыхъ угрей и стучится въ дверь. Р. объявляетъ себя монахомъ, который не покинетъ монастыря, такъ какъ Из. лишилъ его своей дружбы. Из. объявляетъ ему прощеніе, а Р. предлагаетъ ему даже два куска угря. Из. изъявляетъ желаніе быть поваромъ. Р. возражаетъ что онъ можетъ имъ сдѣлаться если пострижется въ монахи; тогда его поставили бы присматривать за жарким (meister über die braten, v. 687). По предложенію Р., Из. просовываетъ голову, а Р. обвариваетъ ему голову кипяткомъ. Из. жалуется на боль, но успокоивается замѣчаніемъ Р., что рай дается не даромъ, и изъявляетъ притязаніе на угрей, имѣющихся у Р. Послѣдній увѣряетъ, что рыбы больше нѣтъ, но что онъ можетъ наловить ее въ монастырскомъ пруду. Из. тотчасъ приглашаетъ Р. отправиться съ нимъ на рыбную ловлю.

Съ весьма ничтожными отступленіями тотъ же эпизодъ передается въ „Ренарѣ" (ср. выше стр. 90), гдѣ Ренаръ тоже выдаетъ себя за монаха, но выступаетъ въ семейномъ кругу.

Слѣдующій разсказъ въ „Рейнгартѣ" посвященъ рыбной ловлѣ (см. выше стр. 73 [вар. D]).

Далѣе пересказывается мотивъ о волкѣ въ раю (см. выше стр. 203).

„Война началась" (v. 1061; Ren. 8960), продолжаетъ вслѣдъ за тѣмъ Рейнгартъ (vv. 1061—1153). Рысь, „рожденная отъ обоихъ, отъ волка и лисы" (v. 1072 сл.), т. е. въ качествѣ родственницы Р. и Из., старалась помирить про-

тивниковъ. Рысь обращается къ Из.; послѣдній говоритъ: „долго было бы разсказывать, много мнѣ жаловаться [на то], что сдѣлалъ мнѣ Р. (v. 1087; Ren. v. 8961)“. Онъ указываетъ на то, что благодаря Р. онъ безъ хвоста, а главное—Р. волочился за его женой; „если бы онъ оказался не виновенъ въ этомъ, я бы простилъ ему остальное“ (v. 1093; ср. Ren. vv. 8223. 8272. 8331). Черезъ три недѣли назначено было сойтись (vv. 1082. 1096; ср. Ren. vv. 8836. 8901. 8916). Из. привелъ многихъ родственниковъ (v. 1100; Ren. vv. 9008 слл. 9035),—слона, бизона, „которые казались Р. великанами“ (v. 1104), медвѣдя, кабана и вообще животныхъ съ „большимъ тѣломъ“; у Р. же были все „звѣрьки“ и между прочимъ барсукъ Krimel (v. 1113; Ren. 9040). Из. предусмотрительно привелъ съ собой пса Рейце (Reitze), „надъ зубами котораго Р. долженъ былъ очистить себя (entschuldget hân); совѣтъ этотъ далъ г. Брунъ [медвѣдь]; они заставили Рейце лежать замертво“ (v. 1124 слл. Ren. v. 9081. 8984). Барсукъ предупреждаетъ Р. объ опасности (v. 1130. Ren. v. 9450). Рысь приглашаетъ Р. дать клятву въ томъ, что не оскорблялъ жены Из. (v. 1137. Ren. v. 9093). Р. сообщаетъ своимъ родственникамъ: „знаете ли вы, что я замѣтилъ (v. 1148; Ren. v. 9119. 9446)? Рейце живъ“. Р. обращается въ бѣгство.

Достаточно бѣгло пробѣжать всѣ параллели и отмѣченныя отступленія, чтобъ убѣдиться, что этотъ эпизодъ „Рейнгарта“, т. е. его оригиналъ, послужилъ основой для br. 19 „Ренара“. Послѣдній представляетъ только подробное развитіе почти каждой отдѣльной черты „Рейнгарта“. Любопытны притомъ отступленія въ обѣихъ версіяхъ. Въ „Рейнгартѣ“ Из. способенъ еще соображать и вмѣстѣ съ медвѣдемъ приказываетъ (sie hiezen, v. 1127) собакѣ притвориться мертвой; въ „Ренарѣ“ Изенгримъ играетъ уже совершенно пассивную роль: всѣ ему совѣтуютъ, другіе за него думаютъ. Это служитъ нагляднымъ доказательствомъ, какъ съ теченіемъ времени центръ тяжести переносится исключительно на Ренара; въ позднѣйшихъ поэмахъ Ренаръ является главнымъ героемъ.

За убѣгающимъ Р., какъ продолжаетъ „Рейнгартъ“ (vv. 1154—1238), пускаются въ погоню Из. и его жена (v. 1154. Ren. v. 555), которая значительно опережаетъ супруга (v. 1156; ср. Ren. 561. 568). „Она хотѣла загрызть своего ми-

лаго ради [доказательства] своей невинности и [снисканія] расположенія Из." (v. 1158). Р. завлекъ „свою подружку" (sîner âmîen..., v. 1162; Ren. v. 571: ... s'amie) въ свою пещеру (v. 1164. Ren. v. 569. 579); при входѣ въ нее волчица завязла „по животъ" (v. 1169. Ren. v. 576. 663); „Р. выскочилъ изъ другой дыры" (v. 1173) и обезчестилъ волчицу на глазахъ Из. (v. 1176. Ren. 681), грызшую камни отъ ярости, выслушивая насмѣшки Р. Съ Из. прибѣжали его сыновья и многіе хищные звѣри, которые могли подтвердить, „что была опозорена его [Из.] милая жена" (v. 1192). Пока Из. плачетъ, а волчицу вытаскиваютъ изъ тѣснины за заднія ноги (v. 1194. Ren. v. 686. 708: „за хвостъ"), Р. въ своемъ убѣжищѣ (v. 1201. Ren. v. 716) остритъ надъ Из. и своимъ крестникомъ, который грозитъ ему непримиримой враждой. Из. все скорбитъ о томъ, что брачная жизнь, длившаяся мирно 7 лѣтъ, нарушена (v. 1217. Ren. v. 9811). Предъ уходомъ Изенгрима Р. совѣтуетъ ему оставить свою жену: „она по праву будетъ здѣсь хозяйкой" (v. 1237); но Из. не удостоилъ его отвѣта.

Указанныя параллели ясно обнаруживаютъ, что данному эпизоду въ „Рейнгартѣ" отвѣчаетъ извѣстный эпизодъ въ br. 1 (Ren. vv. 531—748); только начало и конецъ послѣдняго представляютъ нѣкоторыя отступленія, такъ какъ прикрѣпляются къ инымъ разсказамъ. Любопытно также совпаденіе мотива, касающагося воспоминанія Из. о вступленіи въ бракъ съ женой, о блестящемъ собраніи на ихъ свадьбѣ и пр., съ эпизодомъ въ br. 20^a, гдѣ передаются тѣ же черты. Это совпаденіе съ br. 20^a, какъ и цѣлый рядъ моментовъ въ послѣдней вѣтви, аналогичныхъ съ даннымъ эпизодомъ „Рейнгарта", но вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ отступленій или несоотвѣтствіе чертъ съ „Ренаромъ" прямо указываютъ на то, что br. 20^a и „Рейнгартъ" восходятъ къ одному общему источнику.

Вслѣдъ за разсказомъ о приключеніи съ волчицей въ тѣснинѣ передается разсказъ о больномъ львѣ въ связи съ мотивомъ о судѣ (см. выше стр. 243).

Сличая весь этотъ пересказъ съ br. 20^a, нельзя не замѣтить, что онъ представляетъ значительныя отступленія; но рядомъ съ ними существуютъ и общія черты сходства, обнаруживается та же основа: созваніе суда, появленіе всѣхъ звѣрей, за исключеніемъ Р., принесеніе жалобы Изенгри-

момъ на Р. въ поруганіи чести волчицы, защита барсука, основанная на одинаковыхъ мотивахъ, совѣтъ, удѣляемый царю, относительно вызова Р. на судъ, поочередное отправленіе трехъ пословъ (медвѣдя, кота и барсука въ обѣихъ поэмахъ) и одинаковый способъ обращенія съ ними, появленіе пѣтуха и курицъ въ качествѣ обвинителей Р., гнѣвъ царя, заяцъ въ лихорадкѣ, погребеніе курицы, причемъ медвѣдь исправляетъ функціи священника, и исцѣленіе зайца на гробѣ курицы-мученицы.

Всѣ эти точки соприкосновенія опять только указываютъ на общій источникъ для br. 20^a и для „Рейнгарта". Но притомъ „Рейнгартъ" болѣе приближается къ оригиналу, представляется менѣе сложнымъ и какъ бы экстрактомъ br. 20^a, которая въ свою очередь является подробнымъ развитіемъ общаго источника.

Относительно отступленій въ „Рейнгартѣ", касающихся преимущественно причины болѣзни льва, салернскаго врача (Pendin или Bendin, v. 1874. 1886. 1981; см. о немъ J. Grimm R. F. стр. cxiij), обезьяны въ роли лазутчика и ябедника, рыси въ качествѣ посредника, отравленія льва,— итакъ, относительно этихъ отступленій слѣдуетъ замѣтить, что всѣ они такого свойства, что едва ли допускаютъ мысль о возможности произвольныхъ вставокъ и измышленій со стороны Генриха Лицемѣра, а тѣмъ менѣе анонима обработки. Въ виду рабскаго подражанія допускавшаго въ данномъ случаѣ даже перенесеніе цѣлаго ряда франц. словъ, трудно допустить на столько самостоятельности въ нѣмецкихъ переводчикахъ, чтобъ они рѣшились предпринять всѣ измѣненія на собственный страхъ. Упоминаніе клада Нибелунговъ (v. 662), на что ссылаются Я. Гриммъ (R. F. стр. cxiij) и Форіэль (Hist. littér. XXII, 904), не можетъ служить опроверженіемъ этого предположенія, такъ какъ кладъ Нибелунговъ упоминается въ такой формѣ, которую слѣдуетъ отнести къ числу идіотизмовъ,—не болѣе: „мы, монахи, не промолвимъ словечка ни за сокровище Нибелунговъ", т. е., очевидно, — ни за какія сокровища въ мірѣ. Подобныя фразы, если бы онѣ были внесены даже намѣренно, а не по необходимости, въ качествѣ неизбѣжныхъ выраженій, не даютъ еще права заключать о видоизмѣненіи сюжета. Впрочемъ и Форіэль (ук. соч. 905), помимо сдѣланнаго имъ замѣчанія, приходитъ къ заключенію, что „Рейнгартъ" слѣ-

дуетъ разсматривать, и по основѣ, и въ цѣломъ (dans son ensemble), какъ явное подражаніе франц. оригинала". Въ этомъ смыслѣ можно допустить мнѣніе Іонкблута (Étude стр. 120), считающаго „Рейнгарта", другими словами—„древняго Ренара", „переводомъ" утраченнаго франц. оригинала. Въ дѣйствительности „Рейнгарту приличнѣе названіе вольнаго перевода. Въ виду сдѣланныхъ замѣчаній необходимо, слѣдовательно, допустить утрату нѣскольких франц. произведеній, въ которыхъ встрѣчались всѣ черты, представляющіяся теперь въ „Рейнгартѣ" самостоятельными.

Обращаясь къ плану „Рейнгарта", слѣдуетъ допустить, что и порядокъ приключеній былъ прямо перенесенъ изъ франц. оригинала. Отчасти это можно заключить по рп. Я (см. Martin Examen стр. 9; ср. стр. 14), гдѣ br. 5, 6 и 15 отвѣчаютъ приблизительно порядку первыхъ приключеній въ „Рейнгартѣ".

Переходимъ къ средне-нидерландскому „Рейнарту".

„Рейнартъ" дошелъ до насъ въ оригиналѣ и въ обработкѣ: въ первомъ случаѣ Мартинъ даетъ ему названіе Reinaert I, во второмъ—Reinaert II или,—согласно заключительнымъ стихамъ самой обработки,—Reinaerts historie.

Подробное описаніе рпп. и ихъ изданій встрѣчается въ предисловіи къ изданію Мартина (см. выше стр. 43). Кромѣ того слѣдуетъ еще отмѣтить изслѣдованіе Кнорра (Reinaert de Vos und Reineke Vos. Progr. Eutin 1857 стр. 3 слл.), гдѣ трактуется и о данномъ вопросѣ.

„Рейнартъ" I сохранился только въ одной пергам. рп. a (согласно обозначенію Мартина),—Комбургской, хранящейся въ Корол. Публ. библ. (ms. poet. et. phil. fol. № 22) въ Штутгартѣ, и относящейся къ 1400 г. Первое критич. изд. принадлежитъ Я. Гримму (R. F. стр. 115 слл.); затѣмъ слѣдовали изд. Виллемса (R. de Vos, episch fabeldicht van de twaelfde en dertiende eeuw . . . van J. F. Willems. Gent 1836 [2-е изд. 1850]), Іонкблута (Van den vos Reinaerde. Groningen 1856 [къ сожалѣнію, этого изд. мы не имѣли подъ руками]) и прекрасное изд. Мартина (заглавіе см. выше стр. 43).

Въ критическомъ отношеніи важенъ латинскій переводъ оригинала, обозначаемый Мартиномъ посредствомъ I, переводъ этотъ возникшій не задолго до 1280 г., сохранился въ утрехтскомъ изд. 1473 г., открытомъ и изданномъ Кемблемъ (Reinardus Vulpes. Recudi curavit M. F. A. G. Campbell. Hagae comitis 1859). Новое критическое изданіе появилось благодаря Кнорру (R. V. Emendavit et adnotavit Guilelmus Knorr. Utini 1860). Переводчикомъ является нѣкто Бальдуинъ (Baldwinus; подробности о немъ у Campbell Rein. Vulp. стр. v. и Martin Rein. стр. xjx) (¹). Въ какомъ отношеніи находится лат. переводъ къ оригиналу, — можно опредѣлить по количеству стиховъ, которое ограничивается въ переводѣ 1851 ст., тогда какъ въ Rein. I—3476 ст.

Рп. b, Брюссельская, написанная въ первой трети XV в. писцомъ Claes van Aken, содержитъ только Ren. II и находится въ bibliothèque de Bourgogne (№ 16601) въ Брюсселѣ.

Рп. c, въ Корол. библ. (№ 814) въ Гагѣ, представляетъ только отрывокъ, относящійся къ 1475 г. и изданный Я. Гриммомъ (R. F. стр. 235 слл.).

d представляетъ отрывки, т. наз. Кулеманнскіе, стариннаго изданія, появившагося въ 1487 г. въ Антверпенѣ у Лею (Gheraert Leeu), какъ необходимо заключить на основаніи типографскихъ соображеній (см. F. Prien Zur vorgeschichte des Reinke Vos, въ Beiträge z. Gesch. d. deutsch. Spr. u. Lit. hrsg. v. H. Paul u. W. Braune VIII [1880] стр. 9). Уцѣлѣвшіе семь листовъ (in 4°), принадлежавшіе сенатору Кулеманну (Culemann) въ Ганноверѣ, хранятся въ Кембриджѣ и вновь изданы Гоффманномъ ф. Фаллерслебенъ (въ Horae belgicae XII, 7—15). Новое критическое изданіе встрѣчается въ статьѣ Прина (въ ук. м. стр. 10—16), помѣщающій и весьма подробное описаніе самихъ отрывковъ (въ ук. м. стр. 8 слл.). Уцѣлѣвшіе отрывки отвѣчаютъ слѣдующимъ стихамъ въ „Рейнартѣ" II и „Рейнке": „Р". II v. 1513—88 ‖ „Рейнке" v. 1413—1492; v. 1637—54 ‖ v. 1556—76; v. 1751—70 ‖ v. 1665—84; v. 1778—1806 ‖ v. 1692—1722; v. 1829—52 ‖ v. 1723—

(¹) Подробныя и до крайности сухія коньектуры, дополненія и т. п. представилъ E. Schulze Über Reinhardus Vulpes ed. Knorr. Ein beitrag zur Reinhartssage. Progr. Züllichau 1862.

90; всего 222 стиха. Отрывки эти обличаютъ, что все произведеніе было раздѣлено на главы и снабжено нравоучительной глоссой, составленной прозою Хинрекомъ ванъ Алькмаръ. Въ этомъ видѣ оно было переведено на нижне-нѣмецкій языкъ подъ именемъ „Рейнке“.

Для возстановленія критическаго текста въ b важны еще слѣдующія изданія.

p—прозаическая переработка Rein. II подъ заглавіемъ: Die historie van Reynart de vos и съ подраздѣленіемъ на главы, представляющимъ разногласіе съ d; она уцѣлѣла въ двухъ старинныхъ изданіяхъ: одно появилось въ Гаудѣ (Gouda y Gheraert Leeu) въ 1479 г. (in. 4°) и хранится въ К. библ. въ Гагѣ, другое перепечатано съ перваго изданія въ Дельфтѣ въ 1485 г. и хранится въ Городск. библ. въ Любекѣ; переиздано послѣднее Сулемъ (L. Suhl) въ Любекѣ въ 1783 г.

r—именно „Рейнке“, на основаніи перваго любекскаго изданія 1498 г., былъ изданъ сначала Гоффманномъ ф. Фаллерслебенъ (Reineke Vos. N. der Lübecker Ausg. v. J. 1498. M. Einl., Glossar u. Anm. v. Hoffmann von Fallersleben. Breslau 1834), затѣмъ Дюббеномъ (R. de Vos etc. v. August Lübben. Oldenburg 1867), и наконецъ Шрёдеромъ (R. de V. Hrsg v. Karl Schröder. Lpz. 1872 [=Deutsche Dichtungen des Mittelalt. hrsg. v. K. Bartsch. II Bd]) (¹); только Люббенъ издалъ „Рейнке“ въ полномъ его составѣ, т. е. вмѣстѣ съ глоссой (²).

(¹) По послѣднему изданію приводятся цитаты у насъ.

(²) Подробныя библіографическія указанія, касающіяся «Рейнарта» и «Рейнке» вообще, встрѣчаются м. пр. у Ф. А. Эберта (F. A. Ebert Allg. bibliogr. Lexicon II п слов. Reynke и т. д.), у Виллемса (Rein. de Vos стр. xlvij слл.), у Делепьера (Le R. du Renard traduit d'après un texte flamand du XII-e siècle, éd. p. Willems; par Octave Delepierre. Bruxelles 1838. Стр. 35 слл.), Потвэна (ук. соч. стр. 150 слл.), Гёдеке (D. D. im Mittelalt.² стр. 615 и 616; его-же Grundriss z. Gesch. d deutsch. Dichtung I² [1862] 107, 292). Въ ук. мѣстахъ помѣщены не только подробныя описанія изданій (какъ у Эберта), но и переводовъ на различные языки. Изъ числа переводовъ слѣдуетъ выдвинуть нѣмецкій переводъ Гейдера (Reinhart Fuchs, aus d. Mittelniederl. zum Erstenmal in das Hochdeutsche übers. v. A. F. H. Geyder Breslau 1844), гдѣ встрѣчаются любопытныя примѣчанія (стр. 209 слл.).

Для исторіи дальнѣйшаго распространенія „Рейнарта" важны еще нидерландскія народныя книги; послѣднія, вопреки мнѣнію Латендорфа (см. ниже), восходятъ къ р, именно, къ изд. 1485 г. (Martin Rein. стр. xxvj. Prien въ ук. м. стр. 41). Эти народныя книги распадаютъ на двѣ группы: 1) голландскую и 2) бельгійскую.

Голландская народная книга носитъ заглавіе (полное, напр., у Мартина Rein. стр. xxjv): Eeen seer genoeglijke en vermakelyke historie van Reynaert de Vos etc. Te Amsterdam, by d'Erve van der Putte en Bastiaan Boekhout 1778. Помимо приведеннаго изданія существовалъ и цѣлый рядъ предшествовавшихъ ему изданій.

Непосредственно изъ голландской народной книги вытекаетъ бельгійская. Древнѣйшее изд. послѣдней было недавно открыто Мартиномъ въ Фрейбургѣ (Баденскомъ) и издано подъ заглавіемъ: Das niederländ. Volksbuch Reynaert de Vos nach der Antwerpener Ausgabe von 1564 abgedr. etc. von E. Martin. Paderborn 1877. Заглавіе самаго изданія отличается только перестановкой словъ: R. de Vos, een seer ghenuechlijcke ende vermakelijcke historie etc. Te... Antwerpen, by Peeter van Keerberghen. 1564. Тамъ же появилось два года спустя второе изданіе у Christoffel Plantijn. Бельгійскія изданія отличаются тѣмъ, что всѣ намеки на католическую церковь были тщательно уничтожены и замѣнены весьма обыденными фразами (Martin Rein. стр. xxvij и его-же Das nl. Volksb. стр. jx).

Авторъ „Рейнарта" называетъ себя Виллемомъ, „который сочинилъ Мадока" (Willem, die Madoc maecte, Rein. I v. 1) (1). Предположеніе Я. Гримма (R. F. стр. cxljx сл.), что „Мадокъ" — прозвище Виллема, оказывается ошибочнымъ. Несостоятельно и мнѣніе Лео (H. Leo Madoc въ Zs. f. d. Alterth. IV, 565 сл.), усматривавшаго въ этомъ словѣ поэтическое названіе лисы на кельтскомъ языкѣ и допускавшаго подъ этимъ заглавіемъ существованіе стихотво-

---

(1) J. Verdam (Reinaerdiana въ Tijdshr. voor Nederlandsche taal-en letterkunde. 1. Aflefering 1881), какъ намъ извѣстно, къ сожалѣнію, только изъ Jahresbericht üb. d. erschein. auf d. gebiete d. germ. philol. III Jahrg. стр. 224, читаетъ приведенный стихъ слѣдующимъ образомъ: Willem die den Madoc maakte. Это во всякомъ случаѣ весьма удачная коньектура.

ренія, аналогичнаго по содержанію съ „Рейнартомъ“ и передѣланнаго Виллемомъ. Теперь возможно только утверждать, что „Мадокъ“ — заглавіе утраченнаго произведенія Виллема, которое посвящено было описанію какого то „аллегорическаго сновидѣнія“ (Martin Rein. стр. xjv. Jonckbloet's Geschichte. d. niederländ. Lit. I [1870] 139). На основаніи извѣстныхъ данныхъ возможно заключить, по мнѣнію Мартина (стр. xv), что Виллемъ получилъ духовное образованіе и занималъ гдѣ нибудь должность клерка; съ этимъ отчасти согласуется то обстоятельство, что Виллемъ написалъ „Рейнарта“ по просьбѣ „одной“ (дамы), „которая направляетъ свои помыслы на большую вѣжливость“ (v. 27).

Родина Виллема—восточная Фландрія, какъ необходимо заключить по цѣлому ряду упоминаемыхъ имъ мѣстностей и преимущественно по подробному описанію мѣстности близь (куста) Hulsterlo (vv. 2577. 2666) (J. Grimm R. F. стр. clvj сл. Martin Rein. стр. xvj сл.; ср. xv), гдѣ нѣкогда существовало и поселеніе.

Возникъ „Рейнартъ“ не задолго до 1250 г. (Jonkbloet's Gesch. d. nl. Lit. I, 98. 141. Martin Rein. стр. xviij).

Что касается автора „Исторіи Р“., то пока можно утверждать, что имя его неизвѣстно. Цѣлый рядъ остроумныхъ догадокъ извѣстныхъ ученыхъ, отожествлявшихъ автора „Рейнарта“ II то съ Виллемомъ Утенгове (Willems Rein. стр. xxjx), то съ Виллемомъ ванъ Гиллегарсберхъ (Jonckbloet's G. d. nl. Lit. I, 289 сл.), то съ какимъ нибудь авторомъ по имени Виллемъ вообще или даже съ писцомъ Класомъ ванъ Акенъ (Martin Rein. стр. xx), — оказывается совершенно несостоятельнымъ. Возможно только допустить, что онъ получилъ духовное образованіе, „но, какъ и его предшественникъ (т. е. Виллемъ), онъ едва ли былъ священникомъ, судя по многочисленнымъ рѣзкимъ нападкамъ противъ состоянія церкви (Martin въ ук. м.)“. Кажется, достаточно одного примѣра „Рейнарда“, написаннаго духовнымъ лицомъ, чтобы убѣдиться, что мнѣніе Мартина весьма шатко. Напротивъ, необходимо скорѣе допустить, что міранинъ не осмѣливался бы такъ рѣзко возставать противъ церкви, которая, вовсе не стѣсняясь, на любой площади могла воздвигнуть костры для вольнодумцевъ. Только изъ среды духовныхъ и

1688—1712) и нѣсколько подробнѣе судебное слѣдствіе, вызвавшее осужденіе („Р." I vv. 1873—89; „Р." II vv. 1900—23). Секретъ о кладѣ барсукъ передаетъ сначала своей женѣ, послѣдняя женѣ Р., а Р. узнаетъ его отъ своей жены („Р." I vv. 2280; „Р." II vv. 2304). Баранъ готовъ прочесть надъ Р. молитву, если онъ заступится за него предъ викаріемъ Losevont (Коварства-находчикомъ), епископомъ Prendeloor (Бери-злато) и деканомъ Raipamus („Р." II vv. 2955—61; „Р." I vv. 2967—71).

Помимо этихъ главныхъ отступленій, представляющихъ большей частью расширеніе „Р." I въ „Р." II встрѣчается рядъ искаженій, неточностей, устраненіе древнихъ чертъ и т. п. (см. Knorr Reinaert de Vos стр. 34 сл.)

Что „продолженіе" и переработка „Рейнарта I", т. е. вся „Исторія Рейнарта" вообще, принадлежатъ перу одного автора видно между прочимъ изъ того, что древній текстъ передѣлывается на столько, чтобы могло примкнуть вслѣдъ затѣмъ продолженіе. Кромѣ того встрѣчается рядъ именъ, которыя встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же формахъ какъ въ продолженіи, такъ и въ переработкѣ „Р." I.

Въ прологѣ къ „Рейнарту" II въ отличіи отъ „Рейнарта" I встрѣчается между прочимъ рекомендательная фраза: „внимайте: тутъ заключается много мудрости".

„Рейнартъ" II во многихъ отношеніяхъ значительно уступаетъ „Рейнарту" I. Чисто эпическій тонъ вытѣсняется нерѣдко дидактическимъ элементомъ, выступающимъ въ формѣ морализацій, длинныхъ проповѣдей, вообще замѣчается меньше объективности. Подчасъ встрѣчается аллегорія (напр., восхваленіе искусства Р. со всѣми его проявленіями [ср. выше стр. 234]), не совсѣмъ удачное измѣненіе сюжета, перенесеннаго изъ „Рейнарта" I, растянутые діалоги, вслѣдствіе чего нить разсказа иногда ускользаетъ и возникаютъ противорѣчія (ср. Martin Rein. стр. l), неправильности въ стихосложеніи и въ риѳмахъ (тамъ-же стр. lj. 423 сл.) и частое примѣненіе латинскихъ и преимущественно франц. словъ и даже цѣлыхъ выраженій (ср. выше стр. 227).

Несмотря на эти отрицательныя качества въ „Рейнартѣ" II встрѣчаются черты, которыя нельзя причислять къ недостаткамъ, хотя и трудно усматривать въ нихъ исключительно достоинства. Такъ, рядомъ съ пословицами, приводимыми даже съ избыткомъ, попадаются, сравнительно съ „Р." I, по-

выя народныя выраженія и обороты, исправляются нѣкоторыя неточности, встрѣчавшіяся въ „Р.“ I и присоединяются болѣе или менѣе удачныя самостоятельныя черты (см. Martin Rein. стр. l). „Во всякомъ случаѣ“, полагаетъ Мартинъ (ук. соч. стр. lj), „авторъ Исторіи Рейнарта стоитъ во главѣ своей эпохи“.

Относительно источниковъ „Рейнарта“ I слѣдуетъ замѣтить, что самый тщательный разборъ этого вопроса, окончательно рѣшающій зависимость „Р.“ I отъ br. 20^{a}, представленъ былъ, по словамъ Кнорра (Die 20. Branche стр. 26) и Мартина (Rein. стр. xxviij), Іонкблутомъ въ введеніи къ изданному имъ „Рейнарту“. Впрочемъ обстоятельный разборъ того же вопроса встрѣчается и у Кнорра (въ ук. м.) и у Мартина (въ ук. м.). Сличеніе пересказаннаго выше (стр. 210. 214) содержанія 20-й вѣтви и „Р.“ I обнаруживаетъ взаимное отношеніе источника къ переработкѣ, поэтому здѣсь достаточно ограничиться указаніемъ на главные моменты тожества.

Общіе моменты въ br. 20^{a} и „Рейнартѣ“ I слѣдующіе: Призывъ ко двору весной, жалоба Из., появленіе пѣтуха съ женой и ихъ жалоба, погребеніе курицы, три посла и примѣненіе одинаковаго способа предательства по отношенію къ первымъ двумъ, появленіе Р. при дворѣ, его защита и осужденіе. Далѣе: мотивъ о паломничествѣ, просьба возносить мольбы за царицу, похищеніе (умерщвленіе) зайца, осмѣяніе царя и бѣгство въ свою крѣпость; кромѣ того буквальный переводъ имени хорька Petiz-porchaz („малая добыча“, Ren. v. 11308)=Cleneheiach (Rein. v. 1860).

Изъ br. 20^{b} заимствованы слѣдующіе мотивы: мотивъ о сокровищѣ (Ren. v. 11805. Rein. v. 2237), предлагаемомъ въ видѣ выкупа или обѣщаемомъ съ цѣлью добиться свободы (заимствованіе этого мотива мыслимо впрочемъ только въ томъ случаѣ, если допустить отсутствіе вполнѣ тождественнаго съ „Рейнартомъ“ разсказа въ числѣ древнихъ, но утраченныхъ вѣтвей „Ренара“), дѣятельное участіе медвѣдя, волка и кота при исполненіи приговора надъ Р. (Ren. v. 11605 слл. Rein. v. 1900 слл.) и исповѣдь Р. (приглашеніе приступить къ ней, Ren. v. 11716); кромѣ того общее имя лисёнка (Rosseel, Rein. 1413; Rousel, Ren. v. 11729).

Существуетъ и цѣлый рядъ весьма точныхъ совпаденій частныхъ мотивовъ, изобличающихъ, что „Рейнартъ“ частью

переводилъ подлинникъ цѣликомъ, частью весьма близко придерживался его. Всѣ эти мѣста отмѣчены у Іонкблута (Van den vos Reinaerde cap V., p. lxxxviij слл.), согласно указанію Кнорра (Die 20. Branche стр. 31), который присоединяетъ дополненія. Въ видѣ примѣра достаточно ограничиться хотя бы слѣдующими стихами, изображающими моментъ поимки медвѣдя въ расклиненномъ деревѣ (Ren. v. 10305: Rein. v. 680):

Renart a les coins enpoigniez	Reinaert poghede dat hi brac
Et à grant paine descoigniez;	Die wegghen bede uter eken.
Et quant li coins furent osté,	Dien hi te voren ghinc so smeken,
La teste Brun et li costé,	Bruun bleef ghevanghen in den boom.
Furent dedenz le chesne enclos	

Моменты разногласія въ „Р.“ I и въ br. 20 выступаютъ изъ непосредственнаго сличенія сообщеннаго содержанія.

Что касается „Исторіи Р“., то основныя черты сходства съ br. 24 заключаются въ слѣдующемъ. Празднество при дворѣ, отсутствіе Р., опасенія Р. при вступленіи во дворецъ, и ободреніе со стороны барсука, неотвѣчаніе на поклонъ Р., угроза царя, оправданіе Р. въ связи съ обвиненіемъ противниковъ, заступничество со стороны родственниковъ Р. (барсука въ „Ренарѣ“, обезьяны въ „Р“. II), упоминаніе объ излѣченіи царя (въ br. 24 самъ Р. является врачемъ, въ „Р.“ II—его отецъ, исцѣляющій отца льва), обвиненіе въ поруганіи чести волчицы (въ „Р.“ II въ связи съ рыбной ловлей) и въ помѣщеніи волчицы (волка въ „Ренарѣ“) въ мнимый рай (колодецъ), какъ главныхъ пунктахъ обвиненія, вызовъ на поединокъ, представленіе заложниковъ, присяга и бой.

Этимъ ограничиваются главныя черты тожества, помимо совпаденія нѣкоторыхъ частныхъ чертъ (ср. выше стр. 233).

Любопытную особенность, сравнительно съ „Ренаромъ“ и „Рейнгартомъ“, представляетъ „Р.“ II въ томъ отношеніи, что мотивъ о болѣзни царя представляетъ существенныя отличія. Больной царь излѣчивается не волчьей шкурой, какъ во всѣхъ предыдущихъ поэмахъ, а печенью волка. Черта эта невольно напоминаетъ предложеніе волка въ „Изенгримѣ“ (см. выше стр. 175), совѣтующаго больному льву съѣсть печень козла и барана. Нельзя не обратить вниманія на

слѣдующія, притомъ частныя черты сходства. Въ „Изенгримѣ", какъ и въ „Р." II, на поклонъ Р. никто не отвѣчаетъ, но въ концѣ концовъ онъ достигаетъ высшихъ почестей,—становится первымъ сановникомъ (ср. выше стр. 176. 177). Послѣдняя черта и разсказъ о роскошномъ придворномъ пиршествѣ встрѣчается въ Ecbasis (см. выше стр. 179. 180).

Подобныя черты сходства, конечно, невозможно объяснять случайностью, тѣмъ болѣе, что о зависимости позднѣйшихъ поэмъ отъ предыдущихъ можно было убѣдиться по сдѣланнымъ уже выше замѣчаніямъ. Необходимо, слѣдовательно, сдѣлать заключеніе, что „Р." II въ основной своей части слѣдовалъ не непосредственно 24-й вѣтви въ настоящемъ ея видѣ, а какой нибудь версіи, въ которой встрѣчалась такая приблизительна группировка мотивовъ, какая обнаруживается въ „Р." II. А такъ какъ „Р." II обнарѣживаетъ явные слѣды, что образцомъ его служилъ франц. оригиналъ, то неизбѣженъ выводъ, что такой оригиналъ, въ которомъ встрѣчались всѣ эти мотивы непремѣнно существовалъ, но утраченъ. Выводъ этотъ тѣмъ болѣе неизбѣженъ, что „Р." II въ первой своей части, т. е. въ переработкѣ „Р." I, обличаетъ весьма мало самостоятельности; поэтому невозможно отнести и цѣлый рядъ новыхъ чертъ, встрѣчающихъ притомъ полныя аналогіи въ латинскихъ поэмахъ,—на долю изобрѣтательности его автора.

Т. обр. въ заключеніи можно замѣтить, что каждая изъ предшествовавшихъ поэмъ доставляла сюжеты послѣдующимъ, которыя не пренебрегали малѣйшими чертами, развивая ихъ на новые лады. Притомъ болѣе независимости и оригинальности въ такомъ развитіи завѣщанныхъ мотивовъ обнаруживаютъ францу. авторы и отчасти Виллемъ; всѣ же остальныя обработки являются въ полной зависимости отъ своихъ образцовъ.

Долгое время, вслѣдствіе незнанія дѣйствительнаго положенія вопроса, необыкновенная популярность и масса переводовъ на всевозможныхъ языкахъ отводили нижне-нѣмецкому „Рейнке" первое мѣсто; съ научной точки зрѣнія ему можетъ быть отведено только послѣднее мѣсто.

„Рейнке“ не сохранился въ рукописяхъ. Первое его изданіе появилось въ Любекѣ въ 1498 г. А такъ какъ d, т. е. Кулеманнскіе отрывки (см. выше стр. 278), изданы въ 1487 году, то, слѣдовательно, переводъ „Рейнке“, составленный по этимъ отрывкамъ, приходится, незадолго до 1498 г.

„Рейнке“ заключаетъ въ себѣ 6844 стиха, которые распадаются на 4 книги: первая состоитъ изъ 3246 стиховъ, вторая содержитъ vv. 3247—4234, третья — vv. 4235—5624 и четвертая — vv. 5625—6844. Каждая книга подраздѣлена на опредѣленное число главъ съ неравномѣрнымъ количествомъ стиховъ: первая глава содержитъ 30 главъ, вторая —9, третья—14, четвертая—13. Глосса распредѣляется неправильно: то она встрѣчается послѣ каждой изъ двухъ рядомъ стоящихъ главъ, то послѣ извѣстной группы главъ.

Какъ глосса, такъ и распредѣленіе на главы встрѣчается уже въ Кулеманнскихъ отрывкахъ; но по отрывочности послѣднихъ нельзя заключить — былъ ли оригиналъ, въ составъ котораго входили и эти отрывки, подраздѣленъ на 4 книги или нѣтъ?

Изъ двухъ предисловій, которыми снабженъ „Рейнке“, въ первомъ между прочимъ говорится (Reinke ed. Lübben стр. iij сл.): „Я, Хинрекъ ванъ Алькмаръ (Hinrek van Alckmer), наставникъ и воспитатель (tuchtlerer) благороднаго и добродѣтельнаго князя и господина, герцога Лотарингскаго, по просьбѣ моего всемилостивѣйшаго господина выбралъ эту настоящую книгу изъ иностраннаго (walscher) и французскаго языка и перевелъ на нѣмецкій языкъ во славу и хвалу Господа и во спасительное поученіе тѣмъ, которые ее будутъ читать, и раздѣлилъ я эту самую книгу на 4 части и снабдилъ каждую главу краткимъ толкованіемъ и мнѣніемъ того самого поэта, чтобы понимать настоящій смыслъ главы“.

На основаніи этого предисловія глосса, подраздѣленіе на главы и книги принадлежитъ Хинреку ванъ Алькмаръ. Такъ какъ нелѣпое мнѣніе, считавшее нидерландца Хинрека авторомъ нижне-нѣмецкаго „Рейнке“, опровергнуто уже Я. Гриммомъ (R. F. стр. clxxv), то оказывается, слѣдовательно, что переводчикъ „Рейнке“ цѣликомъ перенесъ нидерландское предисловіе, не возбуждающее никакихъ подозрѣній въ подлинности, въ свой переводъ и что

подраздѣленіе на книги дѣйствительно принадлежитъ Хинреку (ср. также Prien въ ук. м. стр. 21 сл.).

Не всѣ однако заявленія Хинрека можно принимать на вѣру: увѣреніе его въ заимствованіи изъ франц. источниковъ, понятно, ложно. Хинрекъ, какъ предполагалъ еще Я. Гриммъ (R. F. clxxvj), подвергъ „Рейнарта“ II, спустя столѣтіе, незначительной передѣлкѣ, которая „ограничивалась, пожалуй, присоединеніемъ предисловія и подраздѣленіемъ на книги и главы“.

Возникъ вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи личности Хинрека.

Основываясь преимущественно на приведенномъ предисловіи, Я. Гриммъ (въ ук. м.) предполагалъ, что Хинрекъ ванъ Алькмаръ очутился при лотарингскомъ дворѣ вмѣстѣ съ Филиппой Эгмонтской, дочерью герцога Адольфа Гельдернскаго, вышедшей замужъ въ 1485 г. за герцога Лотарингскаго Рената II. Хинрекъ сдѣланъ былъ воспитателемъ дѣтей герцога, который „въ угоду своей нидерландской супругѣ могъ заставить обучать своихъ сыновей этому языку и могъ желать новой обработки знаменитаго произведенія“, заключаетъ Я. Гриммъ (въ ук. м.). Оказывается, что сыновья Рената II умерли малолѣтними (Prien въ ук. м. стр. 3), а такъ какъ обработка Хинрека появилась въ 1487 г., то остается заключить, что Хинрекъ „обучалъ самого герцога нидерландскому языку и съ этой цѣлью вновь обработалъ Рейнарта“ (Prien въ ук. м. стр. 4); это и отвѣчаетъ вполнѣ словамъ предисловія.

Въ одной рп. открытъ еще другой Хинрекъ ванъ Алькмаръ, современникъ автора d, но онъ не имѣетъ съ послѣднимъ ничего общаго (см. Prien въ ук. м. стр. 4—7).

Тщательныя сличенія „Рейнке“ съ d по поводу подраздѣленія „Рейнке“ на книги (Prien въ ук. м. стр. 21), на главы (тамъ же стр. 30), на оглавленія (стр. 32) и разборъ вопроса о глоссѣ (стр. 38), — въ чемъ Принъ нашелъ предшественника въ лицѣ Латендорфа (Zur Kritik u. Erklärung des Reineke Vos, v. Dr. Fr. Latendorf, Progr. Schwerin 1865. Стр. 30 сл.), — ясно доказываютъ, что „Рейнке“ лишенъ всякаго самостоятельнаго значенія и находится въ полной зависимости отъ своего образца. Въ рѣдкихъ случаяхъ нижне-нѣмецкій переводчикъ d позволяетъ себѣ слегка сокращать или расширять глоссу подлинника;

иногда впрочемъ встрѣчаются мѣста (Prien въ ук. м. стр. 44 сл.), которыя приходится, повидимому, приписать исключительно переводчику.

Что касается повѣствовательнаго текста, то и въ этомъ случаѣ „Рейнке“ восходитъ непосредственно къ d, вытекающему изъ „P.“ II, (тамъ же стр. 52). Непосредственное же сличеніе отступленій въ „Рейнке“ сравнительно съ содержаніемъ въ „P.“ II (см. выше стр. 227 сл.) обнаруживаетъ, что „Рейнке“ представляетъ во многихъ случаяхъ болѣе сокращенный текстъ, чѣмъ въ „P.“ II, видоизмѣняетъ иногда планъ разсказа и перелагаетъ большинство собственныхъ именъ на нижне-нѣмецкія формы.

Остается открытымъ вопросъ: кого считать авторомъ, точнѣе — переводчикомъ „Рейнке“?

Еще Ролленгагенъ († 1609), въ предисловіи къ первому (1595) изданію своего аллегорическо-сатирическаго произведенія (Froschmeuseler) утверждалъ, что „ученый остроумный, мудрый саксъ“, Николай Бауманнъ, составилъ „Рейнке“. Заявленіе это мало по малу находило приверженцевъ, къ которымъ присоединился и Я. Гриммъ (R. F. стр. clxxiij сл.), который приводитъ подобное же извѣстіе изъ ростокской хроники Линденберга. Лищъ (Gesch. der Buchdruckerkunst in Mecklenburg bis zum Jahre 1540. Schwerin 1839), какъ значится у Кнорра (Rein. de Vos стр. 23 сл.), доказалъ, что Бауманнъ былъ (съ 1507 по 1526 г.) секретаремъ герцоговъ Мекленбургскихъ, Генриха и Альбрехта, что съ 1514 г. онъ жилъ въ Ростокѣ, гдѣ присоединился къ лицамъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ распространеніи народнаго образованія и въ расширеніи книгопечатанія. Относительно автора „Рейнке“, Лищъ не приходитъ къ положительнымъ результатамъ, а полагаетъ только, что Бауманнъ могъ быть авторомъ „Рейнке“.

Мнѣніе Ролленгагена было опровергнуто Кнорромъ (Rein. de Vos стр. 21 сл.); опроверженіе остальныхъ защитниковъ Бауманна взялъ на себя Царнке (Zur Frage nach dem Verfasser des Reineke въ Zs. f. D. Alterth. IX [1853] 374 сл.). Разбирая основательно всѣ доказательства Лища, начиная съ мнѣнія Ролленгагена, Царнке (въ ук. м. стр. 378) приходитъ наконецъ къ опроверженію всѣхъ доводовъ Лища, касающихся какъ независимости „Рейнке“, его изданій, его цѣли, такъ и біографическихъ

свѣдѣній о Бауманнѣ. Устранивъ послѣдняго, Царнке возводитъ на его мѣсто Германна Баркгузена (Barkhusen), основываясь главнымъ образомъ на типографскихъ соображеніяхъ и на времени появленія извѣстныхъ изданій (въ ук. м. стр. 380 слл.). Самъ Баркгузенъ хотя и жилъ въ Ростокѣ, находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Любекомъ, гдѣ появлялись первыя изданія „Рейнке", обладалъ типографіею, проявлялъ свою дѣятельность и на литературномъ поприщѣ, занимаясь преимущественно переводами съ иностранныхъ языковъ, и былъ секретаремъ думы (Stadtschreiber) одного изъ самыхъ значительныхъ ганзейскихъ городовъ (стр. 384 слл.); умеръ Баркгузенъ вскорѣ послѣ 1526 г.

Мнѣніе Царнке, которое мелькомъ высказывалось уже Лишемъ и затѣмъ Францемъ Боллемъ (см. Latendorf ук. соч. стр. 34), подверглось критикѣ отчасти со стороны Вихманна (C. M. Wiechmann Meklenburgs altniedersächs. Lit. I. Thl. Schwerin 1864), который, по словамъ Латендорфа (въ ук. м.), приводитъ „внѣшніе аргументы" (какъ время существованія типографіи и т. п.); но главнымъ образомъ взгляды Царнке опровергаются самимъ Латендорфомъ.

Латендорфъ обращается противъ „внутреннихъ причинъ" Царнке, именно: противъ тожества двухъ изданій „Рейнке" (1498 г. и 1517 г.) и противъ языка и способа изложенія Баркгузена, которые, по мнѣнію Царнке, вполнѣ отвѣчаютъ характеру изложенія въ „Рейнке". На основаніи обстоятельной критики изданій въ связи главнымъ образомъ съ разногласіемъ и отступленіями въ текстѣ (стр. 1—28) и на основаніи отличій въ изложеніи „Рейнке" и Баркгузена (стр. 35) Латендорфъ (въ ук. м.) приходитъ къ заключенію, что до настоящаго покрайней мѣрѣ момента „не встрѣчается ни малѣйшаго слѣда, который указывалъ бы на опредѣленную личность". Довольствуясь пока незнаніемъ его имени, остается „причислить переводчика Рейнке къ классу тѣхъ почтенныхъ мужей, которые непосредственно изъ Любека оказывали около этого времени многочисленными поэтическими и прозаическими произведеніями безъимянное и однако продолжительное, постоянное вліяніе".

Слѣдовательно, имя переводчика „Рейнке" по прежнему остается неизвѣстнымъ.

Въ виду отмѣченныхъ выше (стр. 214 слл. 227 слл.) отступленій содержанія „Рейнке“ съ „Рейнартомъ“ I и II здѣсь достаточно ограничиться дополнительными замѣчаніями. Послѣднія падаютъ главнымъ образомъ на долю сокращеній текста въ „Рейнке“, сокращеній, которыя приходится, конечно, опредѣлять, какъ и выше, по отношенію къ „Рейнарту“, главнымъ образомъ къ „Р.“ II, такъ какъ оригиналъ (d), съ котораго „Рейнке“ переведенъ, сохранился только въ скудныхъ отрывкахъ. Расширенія текста по отношенію къ „Рейнарту“ II встрѣчаются въ „Рейнке“ очень рѣдко.

Нѣсколько подробнѣе описывается (Reinke vv. 12—16) появленіе звѣрей ко двору, причемъ въ числѣ многихъ „знатныхъ лицъ (vele stolter gesellen), которыхъ всѣхъ нельзя было счесть“, явились журавль (Lütke) и сойка (Marquart) (¹). Полнѣе представляется разсказъ о кражѣ рыбы (см. выше стр. 59 сл. [вар. C и D]) и о похищеніи свиной туши (R. v. 199—219), которую Р. выбрасываетъ изъ окна, причемъ онъ подвергается нападенію со стороны собакъ и затѣмъ получаетъ для обгладыванія палку, на которой висѣла туша; въ „Р.“ II (vv. 221—238; „Р.“ I v. 217—232) лаконически говорится, что отъ (похищеннаго?) окорока Из. предложилъ Р. веревку, причемъ человѣкъ какой-то бросилъ его, Р., въ мѣшокъ (ср. также выше стр. 183). Въ эпизодѣ о волокитствѣ Р. (vv. 227—246) прибавляется нѣсколько новыхъ замѣчаній сравнительно съ „Р.“ II (vv. 239—254; „Р.“ I vv. 233—246), что Из. только срамитъ супругу своимъ обвиненіемъ, тогда какъ послѣдняя отдалась по доброй волѣ. Сцена на чердакѣ пріукрашена чертами о томъ, какъ Р. вытаскиваетъ подпорку у окна, вслѣдствіе чего послѣднее со стукомъ захлопывается и Из. съ испугу падаетъ внизъ (v. 1565 слл.), тогда какъ въ „Р.“ II (v. 1647) Р. просто сталкиваетъ волка (въ „Р.“ I v. 1632 сл. и объ этомъ умалчивается) и объ окнѣ не упоминается.

Но такихъ расширеній текста сравнительно весьма немного (²). Главнымъ же образомъ преобладаютъ различныя

(¹) Ср. F. Woeste Einige Namen des haehers въ Korrespondenzblatt des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung II (1877) № 3 стр. 64 сл.

(²) Ср. м. пр. Knoppa (Reinaert de Vos стр. 48 слл.), который приводитъ цѣлый рядъ «улучшеній» въ «Рейнке» сравнительно съ «Рейнартомъ», которыя на самомъ дѣлѣ не существуютъ. Это объясняется

сокращенія. Къ сокращеніямъ, встрѣчавшимся уже выше, можно, напр., присоединить краткое упоминаніе въ „Рейнке“ (v. 877—878), что израненный въ колодѣ медвѣдь съ трудомъ доползъ до царскаго двора; наоборотъ въ „Рейнартѣ“ II (v. 995—1005) и „Р.“ I (v. 971—981) подробно изображается, какъ медвѣдь ползъ (over sine hamen и over sinen staert), и какъ перекувыркивался вслѣдствіе невозможности наступать на переднія лапы. Значительно сокращается въ „Рейнке“ (vv. 1167—1223) разсказъ о приключеніи кота въ домѣ священника (R e i n. II vv. 1223—1321; I vv. 1199—1301), причемъ опущены и циничныя замѣчанія Р., утѣшающаго горюющую попадью.

Иногда сокращенія эти сводятся прямо къ пропускамъ. Напр., въ „Рейнке“ пропускается хвастовство медвѣдя (R e i n. I vv. 592—600; II vv. 644—652), что онъ сразу съѣлъ бы весь медъ „отсюда и до Португаліи“ (tuschen hier ende Portegael). Нѣсколько далѣе (R e i n. I vv. 603—626; II vv. 655—674) опускаются увѣренія Р., что меду хватитъ на семь лѣтъ, причемъ Р. проситъ заступничества медвѣдя и т. п. Первый пропускъ встрѣчается въ „Рейнке“ послѣ v. 576, а второй собственно сокращается въ два стиха (v. 579 сл.).

Что касается стихосложенія и грамматическихъ и діалектическихъ особенностей „Рейнке“, то о нихъ подробно распространяются въ предисловіяхъ къ изд. „Рейнке“ Л ю б б е н ъ, Ш р ё д е р ъ и отчасти Г о ф ф м а н н ъ ф. Ф а л л е р с л е б е н ъ.

Изъ огромнаго числа переводовъ и обработокъ, доставившихъ „Рейнке“ такую необыкновенную популярность, нельзя обойти молчаніемъ обработки Г ё т е. Г ё т е облекъ „Рейнке“ въ форму гегзаметра, но „не отваживался“, пользуясь восклицаніемъ Г е р в и н у с а (ук. соч. стр. 230), „отступать [отъ оригинала] даже на шагъ!“ Первое изданіе „Рейнке“ Г ё т е появилось въ 1794 г. въ Лейпцигѣ (¹).

тѣмъ, что Кнорръ могъ пользоваться только изданіемъ В и л л е м с а, гдѣ помѣщено только скудное число варіантовъ изъ «Рейнарта» II. О существованіи Кулеманнскихъ отрывковъ онъ не могъ еще подозрѣвать.

(¹) Рядъ другихъ обработокъ и переводовъ встрѣчается въ отмѣченныхъ выше (стр. 279²) мѣстахъ, посвященныхъ библіографіи «Рейнарта» и «Рейнке».

Въ замѣнъ утраченной во всѣхъ отношеніяхъ самостоятельности „нѣмецкаго“ животнаго эпоса можно, въ успокоеніе слишкомъ ревностныхъ нѣмецкихъ патріотовъ, заключить замѣчанія о „Рейнке“ словами Гёдеке. Впрочемъ приходится дѣлать скромный выборъ, такъ какъ „поэтическое возвеличеніе первобытнаго достоянія“ не подходящія сюда фразы: „Рейнке“, говоритъ онъ (D. D. im Mittelalt.² стр. 616), „доставилъ позднѣйшимъ поэтамъ матеріалъ и фонъ для ихъ искусственныхъ животныхъ произведеній и породилъ множество лучшихъ пьесъ болѣе древнихъ сборниковъ басенъ XVI в., и вдохновилъ Гёте къ его прекрасному стихотворенію, которое въ свою очередь, — подобно лучшимъ рѣзчикамъ на деревѣ XVI в., посвящавшимъ свой рѣзецъ „Рейнке“, — вызвало чудесные рисунки Каульбаха“.

Оглядываясь на длинный рядъ памятниковъ изъ области животнаго эпоса, нельзя не удивляться столь громадному числу этихъ памятниковъ, которое столь же краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о громадной популярности ихъ. Но не смотря на это громадное число дошедшихъ до насъ литературныхъ обработокъ животнаго эпоса, можно почти съ увѣренностью утверждать, что покрайней мѣрѣ половина этихъ памятниковъ не дошла до насъ, утрачена.

Это необходимо утверждать на томъ основаніи, что большинство, напр., вѣтвей о „Ренарѣ“ предполагаетъ непремѣнно существованіе болѣе древнихъ версій или оригиналовъ. Часть изъ нихъ представляла, повидимому, только болѣе простыя формы существующихъ вѣтвей, часть изъ нихъ заключала въ связи съ извѣстными уже сюжетами рядъ отдѣльныхъ мотивовъ, о существованіи которыхъ можно заключать по нѣкоторымъ намекамъ, часть, наконецъ, развивала, по всей вѣроятности, эти мотивы въ самостоятельныхъ вѣтвяхъ.

Чтобы эти замѣчанія не казались вполнѣ голословнымъ, можно привести и нѣкоторыя данныя.

О необходимости допущенія существованія болѣе древнихъ версій собственно не можетъ быть рѣчи, такъ какъ въ этомъ наглядно убѣждаетъ примѣръ „Рейнгарта“. Что же касается отдѣльныхъ мотивовъ, то необходимо указать на слѣдующіе намеки.

Въ 23-й вѣтви (vv. 13105—109) Ренаръ въ своей исповѣди отшельнику между прочимъ говоритъ: „Когда я далъ ему [Из.] клятву поступать съ нимъ честно, я изъ любви [къ нему] выдалъ за него замужъ Эрсанъ (li fis esposer Hersent), свою свояченицу“. Подобный разсказъ, отвѣчающій этому намеку, не существуетъ, а между тѣмъ не можетъ быть сомнѣнія, что онъ существовалъ.

Въ „Рейнартѣ“ больше намековъ на утраченные разсказы. Одинъ изъ нихъ, намекающій на то, что Р. причинилъ какое-то зло выдрѣ (dat ic den otter... hebbe misdaen, Rein. v. 1452; II v. 1494. Reinke v. 1390) встрѣчался выше (стр. 216); о такомъ разсказѣ ничего не извѣстно. Когда Р. собираются вѣшать, котъ напоминаетъ Изенгриму, какъ Р. былъ причиною, что двухъ его, Из., братьевъ повѣсили (Rein. v. 1918—21; II v. 1950—53). Мартинъ (Rein. стр. xxxviij) нѣсколько сомнѣвается, чтобы въ этихъ словахъ заключался намекъ на утраченное „народное сказаніе“, такъ какъ имя одного изъ волковъ „Пространный“ (Rume), другаго — „Широкобедрый“ (Widelanke) прямо указываетъ на то, что они придуманы авторомъ. Что этимъ намѣренъ сказать Мартинъ, откровенно говоря, — непонятно. Развѣ Мартинъ отрицаетъ существованіе, напр., пѣтуха въ „народномъ сказаніи“ оттого, что его величаютъ „Звонкогласый“ (Chantecler)? Наконецъ допустивъ фиктивность именъ, этимъ не устраняется возможность безъимяннаго или иноименнаго существованія этихъ волковъ въ оригиналѣ.

Заяцъ, вызванный Р. съ цѣлью подтвержденія его показанія о существованіи пустыни (ср. выше стр. 217), между прочимъ говоритъ (Rein. vv. 2678 - 80; II vv. 2690—92): „это было, прежде чѣмъ я заключилъ съ Риномъ [псомъ] прочный союзъ, который избавлялъ меня отъ многихъ хлопотъ“. Въ чемъ состояли подробности этого разсказа тоже неизвѣстно. „Рейнке“ (v. 2516 сл.) эти отношенія казались непонятны и поэтому встрѣчается слѣдующая замѣна: „Когда я изъ нужды долженъ былъ спасаться отъ пса Рина, который былъ для меня жестокъ“. Мартинъ (въ ук. м.) не только готовъ признать существованіе подобнаго разсказа, но даже подыскиваетъ параллели къ имени собаки.

Эти примѣры во всякомъ случаѣ указываютъ на рядъ утраченныхъ оригиналовъ изъ области животнаго эпоса.

Нельзя не пожалѣть объ утратѣ такой массы оригиналовъ, которые способствовали бы точному опредѣленію всѣхъ вопросовъ, касающихся литературной обработки животнаго эпоса. Тогда возможно было бы и опредѣленіе взаимнаго отношенія отдѣльныхъ его вѣтвей. Теперь этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только относительно позднѣйшихъ вѣтвей, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходится довольствоваться приблизительнымъ рѣшеніемъ вслѣдствіе отсутствія оригиналовъ.

Но не смотря па утрату многихъ оригиналовъ нельзя не замѣтить, что каждая изъ предшествовавшихъ поэмъ доставляла матеріалъ послѣдующимъ поэмамъ. Въ каждую новую поэму частью цѣликомъ переходили предшествовавшіе разсказы, частью заимствовались отдѣльныя мотивы, частью удерживались только основа, планъ, идея.

Изъ всего выше сказаннаго необходимо вывести заключеніе, что всѣ поэмы развивались постепенно и вытекали изъ одного источника. Съ теченіемъ времени потокъ постепенно увеличивался благодаря новымъ притокамъ отдѣльныхъ мотивовъ, пока не образовался весь сложный составъ литературныхъ обработокъ животнаго эпоса.

Представляемъ на прилагаемомъ чертежѣ схематическое изображеніе ([1]) главнѣйшихъ истоковъ литературныхъ обработокъ животнаго эпоса во взаимномъ ихъ отношеніи.

([1]) Линіи, отмѣченныя точками, означаютъ или частичное заимствованіе, т. е. заимствованіе извѣстныхъ мотивовъ или отдѣльныхъ чертъ, или переходъ, который неизбѣжно долженъ быть допущенъ, хотя бы и не существовало осязательныхъ данныхъ. Относительно br. 33. 1. 3. 4. 9. 10. 13. 5 не исключается возможность, что нѣкоторыя изъ нихъ сами являются оригиналами.

Развѣтвленія важнѣйшихъ литературныхъ обработокъ животнаго эпоса.

Басни Эзопа о больн. львѣ

Ecbasis X в.

(XII в.) нач. XII в.

Утраченн. оригиналы: браншъ о судѣ; браншъ о больн. львѣ; Ренара ⇄ „Изенгримъ“ нач. XII в.

„Рейнардъ“ ок. пол. XII в.

„Рейнгартъ“ Генриха Лиц. ок. 1170 г.

„Рейнартъ“ въ обраб. ок. пол. XIII в.

вт. 33

1.3.4.9.10.13

5

вт. 20ª до 1233 г.

вт. 20б

вт. 26

вт. 21.22

вт. 19

„Райнардо“

вт. 29

вт. 24

вт. 32

„Рейнартъ“ I ок. 1250 г.

„Рейнартъ“ II

Латинск. перев. изд. 1473 г.

Кульманскіе отрывки ок. 1470–80 г.

(нов. редакц.)

„Рейнке“ 1-е изд. 1498 г.

Обраб. Гёте 1794 г.

Проза 1-е изд. 1479 г. 2-е изд. 1485 г.

Антверпенск. народн. 1564 г.

Дозволено цензурою. Казань 20 іюля 1882 г.

Литографія И. Данилова.

IV.

Сатирическій элементъ въ предѣлахъ животнаго эпоса.

Общій ходъ развитія животнаго эпоса служитъ вѣрнымъ указателемъ на тѣ элементы, которые могутъ постепенно входить въ его составъ въ качествѣ новыхъ осложненій. На первыхъ порахъ возникаетъ животная сказка и возникаетъ, понятно, только съ цѣлью доставить развлеченіе. О преднамѣренности, о сатирическихъ намекахъ на религіозное или политическое состояніе или на частныя условія человѣческаго быта вообще — не может быть и рѣчи. Даже когда животная сказка превращается въ басню, она все еще не имѣетъ въ виду сатиры, а — поученіе. И поэмы, развивающіяся изъ басни, преслѣдуютъ на первыхъ порахъ обыкновенно только цѣль невиннаго развлеченія. Слѣдовательно, сатира выдѣляется сама собой и присоединяется къ общей цѣпи элементовъ животнаго эпоса въ качествѣ послѣдняго звена.

Хотя подобный ходъ развитія является, повидимому, самымъ естественнымъ, тѣмъ не менѣе высказывались и взгляды отрицательнаго свойства. Въ животномъ эпосѣ усматривали не только общую сатиру или отдѣльные сатирическіе намеки, а доискивались сатиры послѣдовательно во всей его основѣ, въ любомъ имени, въ каждой чертѣ разсказа на всемъ его протяженіи.

Такую сатиру сталъ впервые усматривать въ животномъ эпосѣ Эккардъ.

Въ предисловіи къ своему изданію этимологическаго сборника Лейбница (Illustris viri Godofr. Guilielmi Leibnitii Collectanea etymologica etc. cum praefatione Io. Georgii Eccardi. Hanoverae 1717. Стр. 34—52) и, согласно указанію Я. Гримма (R. F. стр. cclj), въ другомъ еще изслѣдованіи (Francia orientalis II [1729] 781—800)

Эккардъ, основываясь исключительно на „Рейнке", сталъ утверждать (стр. 36 слл.), что въ концѣ IX и нач. X вв. одинъ изъ вассаловъ лотарингскаго короля Святополка (Zventeboldus), Reginarius, тожественъ съ героемъ животнаго эпоса Рейнгартомъ. И замокъ послѣдняго (Malpertuis) вполнѣ отвѣчаетъ названію замка Регинарія (Durfos): стоитъ только первую часть слова истолковать по нѣмецки, вторую — по латыни и получится его буквальный переводъ (perfossus, Durchgraben). Точно такъ-же волкъ Изенгримъ отвѣчаетъ баварскому графу Иsанрику (Isanricus), вооружившемуся противъ императора Арнульфа († 899).

Дальнѣйшимъ развитіемъ и отчасти видоизмѣненіемъ этого мнѣнія является взглядъ Моне, который въ „критическихъ и историческихъ комментаріяхъ" къ „Рейнарду" видитъ въ послѣднемъ не болѣе какъ сатирическую аллегорію. Имя царя льва (Rufanus) оказывается (стр. 85 къ v. 33) анаграммой имени германскаго императора Арнульфа (Arnufus i. e. Arnulfus). Изенгримъ оказывается Святополкомъ (по Моне стр. 800: swatý wlk [sic]), побочнымъ сыномъ Арнульфа и лотарингскимъ королемъ (стр. 1 къ v. 1); подъ Рейнардомъ (въ ук. м.) необходимо подразумѣвать графа Генегаускаго (Reginarius comes Hanoniae); медвѣдь Бруно (стр. 85 къ v. 48. 49) — Гаттонъ I, архіепископъ Майнцскій; козелъ и баранъ, оселъ и гусь — все именитые графы (стр. 90. 258. 140); даже серна находитъ пріютъ въ одномъ монастырѣ (стр. 139). Рядъ намековъ въ „Рейнардѣ", прямо указывавшихъ на XII в. Моне устранялъ тѣмъ, что относилъ ихъ къ числу позднѣйшихъ интерполяцій.

На основаніи столь комичныхъ лингвистическихъ объясненій (напр., Durfos; или у Моне Reinard. стр. 139: Bertiliana — quasi Petriliana и т. п.), на основаніи крайне произвольныхъ толкованій, натяжекъ и сопоставленій извѣстныхъ моментовъ животнаго эпоса и историческихъ фактовъ, — Эккардъ и Моне усматривали въ „Рейнке" и „Рейнардѣ" явную сатиру. Нелѣпыя объясненія рано или поздно должны были вызвать возраженія. Противъ Эккарта вооружился Я. Гриммъ (R. F. стр. cclj сл.), противъ Моне выступилъ, помимо послѣдняго (R. F. стр. cclij сл.), Ренуаръ въ своей рецензіи на изд. Моне (въ Journal des Savants 1834 стр. 405—417).

Я. Гриммъ считалъ еще необходимымъ серьезно возражать противъ взглядовъ Эккарда Въ данный моментъ достаточно знать исторію происхожденія „Рейнке", исходнаго пункта доводовъ Эккарда, чтобы убѣдиться въ невозможности доискиваться такой сатиры.

Мнѣніе Моне было особенно подробно разобрано Ренуаромъ. На основаніи сопоставленія историческихъ фактовъ съ тѣми моментами изъ „Рейнарда", которые Моне считалъ знаменательными, Ренуаръ доказалъ всю искусственность его теоріи. Въ свою очередь Я. Гриммъ въ правѣ былъ подтрунивать надъ этимологическими доводами Моне, утверждая (R. F. стр. cclij***)), что, слѣдуя его примѣру, нѣкогда потомство можетъ доказывать, что издатели „Ренара" и „Рейнарда" одно и тоже лицо (Méon, Mone).

Отрицая превращеніе исторіи въ животный эпосъ, Я. Гриммъ (R. F. стр. ccljv слл.) допускаетъ тѣмъ не менѣе сатирическіе намеки на отдѣльныя личности. Такъ, въ лицѣ медвѣдя Бруно заключается можетъ быть намекъ на брата императора Оттона I († 973), занимавшаго рядъ духовныхъ должностей и между прочимъ епископскую каѳедру въ Кельнѣ, или на канцлера Генриха V († 1125) (стр. cclv); подъ волкомъ Примо можно усматривать одного анжерскаго аббата, Примальда, жившаго въ началѣ XI в. (стр. cclvj). Баранъ (по „Рейнарду") или оселъ (по „Ренару") Бернаръ представляетъ, очевидно, Бернара Клервоскаго (въ ук. м.), баранъ Іосифъ — архіепископа Турскаго (стр. cclvij) и т. п. Что же касается волка и Ренара, которые „оба набрасываютъ на себя монашескую рясу, чтобы безпрепятственнѣе грабить и умерщвлять" (въ ук. м.), то къ нимъ скорѣе всего могли быть примѣнены сатирическіе намеки на какихъ нибудь духовныхъ. Но „ихъ монашество, преимущественно волка, возникло изъ самой развивавшейся фабулы, а не вслѣдствіе сатирическаго намека" (въ ук. м.; ср. также стр. xxxv сл. xxxvij*). cxcj). Сатира на мірянъ менѣе свойственна животному эпосу, тогда какъ по отношенію къ духовнымъ она примѣнялась незамѣтно, „возникла какъ бы сама собой" и въ позднѣйшихъ обработкахъ усиливается и расширяется. Самой „умѣренной" и „мѣткой" сатирой является „безличная", напр.: канонизація курицы и чудеса, творящіяся надъ ея гробомъ (стр. cclјх).

Хотя Я. Гриммъ и вооружался противъ догадокъ своихъ предшественниковъ, но дальше догадокъ и онъ не ушелъ. Правда, у него точно подбираются имена тѣхъ лицъ на которыхъ, будто бы, направлена сатира. Но только относительно намековъ на Бернара Клервоскаго можно съ достовѣрностью сказать, что сатира имѣетъ въ виду именно его: это ясно высказывается въ „Рейнардѣ", гдѣ Бернаръ прямо называется алчнымъ (IV. v. 89) и насмѣшливо — тряпьеносцемъ (pannifer, III. v. 1170), съ намекомъ и на его рясу и на знамя крестоносцевъ, которыхъ онъ побуждалъ къ (2-му) крестовому походу.

Вообще же говоря, допущеніе двоякаго толкованія именъ доказываетъ, что подобныя гипотезы, пытающіяся извлекать изъ сомнительныхъ данныхъ положительныя,—весьма непрочны. Притомъ — если въ собственныхъ именахъ непремѣнно доискиваться сатиры — немыслимо же отрицать возможности, что имѣлась въ виду личность, которая можетъ и не значиться ни въ какихъ анналахъ. Слѣдовательно, догадки Я. Гримма только и могутъ имѣть значеніе догадокъ, за которыми, пожалуй, возможно признать извѣстную долю вѣроятности, но не болѣе.

Мнѣніе Я. Гримма о монашествѣ волка безъ всякихъ возраженій было принято нѣмецкими учеными. Гервинусъ (ук. соч. I[5], 218), Вакернагель (Kl. Schr. II, 269. 270. 275) и др. повторяли извѣстную уже фразу, что „волкъ всегда изображается монахомъ". Но именно эта фраза послужила, на ряду съ другими вопросами, причиной, вызвавшей весьма горячія возраженія со стороны Мейснера.

Мейснеръ опять таки основывается на результатахъ изученія памятниковъ искусства. Онъ указываетъ на то, что различные барельефы и вообще изображенія изъ области разсказовъ о Ренарѣ встрѣчаются въ церквяхъ на такихъ мѣстахъ, которыя прежде всего бросались въ глаза (Arch. f. d. St. d. n. Spr. u. Lit. LVIII, 254), преимущественно на креслахъ или скамьяхъ (Chorstuhl, stalle), предназначенныхъ для духовенства (LVI, 269. LXV, 232). Барельефы эти рѣзали не свѣтскія лица (LVI, 278), а клерики (LVI, 268. LVIII, 245). Все это служитъ доводомъ клерикальнаго характера этихъ изображеній (LXV, 232), доказываетъ, что басни, передаваемыя путемъ традицій, развивались въ клерикальныхъ кружкахъ (LVIII, 257). Между тѣмъ

господствуетъ мнѣніе, что всѣ изображенія, касающіяся разсказовъ о Ренарѣ, — явная сатира, если не на религію, то покрайней мѣрѣ на духовенство (LVI, 267). Но немыслимо же допустить, чтобы духовенство одобряло проявленіе сатирическихъ насмѣшекъ въ своихъ же собственныхъ церквахъ (LVI, 268), насмѣшекъ, повторявшихся въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ (LVIII, 268) и исходившихъ со стороны міранъ, знавшихъ объ испорченности своихъ духовныхъ пастырей (LVIII, 260). Словомъ, невозможно допустить, чтобы изображенія эти были сатирическими намеками. Слѣдовательно, все это не сатира (LVI, 268. LVIII, 245 сл. 248. 259. LXV, 205. 210. 219), направленная противъ религіи или духовенства (LXV, 205. 219), не насмѣшка или шутка (LXV, 210), а всѣ эти изображенія возникли съ цѣлью назиданія прихожанъ, при помощи басенъ или притчей, съ цѣлью поученія, излагаемаго образно, символически (LVIII, 248. 255. 259). Міряне же нуждались въ такомъ поученіи, такъ какъ настоящіе монахи (Бенедиктинцы, Цистерцинцы, Премонстратинцы, Картезіанцы), которые строго отличали себя отъ нищенствующихъ монаховъ (гл. обр. Доминиканцевъ и Францисканцевъ), желали предостеречь неопытныхъ прихожанъ отъ лжеучителей (LXV, 205). Эти лжеучители, противъ которыхъ направлена сатира и иронія, оказываются нищенствующими орденами (LVIII, 259. LXV, 222), именно Францисканцами и Доминиканцами (LVIII, 246). Они то изображаются всегда подъ образомъ лисы, выступающей въ качествѣ лжеучителя, дьявола (LVIII, 258 сл. LXV, 205). Лиса всегда изображается монахомъ, волкъ же — никогда (LVI, 271). Волкъ всегда изображается только подъ образомъ ученика, послушника; если онъ пытается выступать въ качествѣ монаха, то его немедленно выдаетъ тупоуміе или обжорство или онъ всегда попадаетъ въ просакъ, благодаря коварству лисы (въ ук. м.). Лиса, наоборотъ, всегда выступая въ качествѣ монаха, является постоянно проповѣдникомъ, которому прилежно внимаютъ гуси (¹). Послѣдніе обыкновенно становятся его добычей (²), такъ какъ этотъ

(¹) Meissner въ ук. м. LVI, 272 сл. 275. 276. 278. 279. LVIII, 245. 248. 254. 255. LXV, 210. 211. 218—221. 223. 226. 229.

(²) Тамъ же LVIII, 243. 248. 249. 253. 255. 258. LXV, 210. 212. 217. 219 (bis). 221 (bis).

проповѣдникъ—лжеучитель, который только съ тѣмъ и произноситъ проповѣдь, чтобы похитить гусей, т. е. погубить души вѣрующихъ. Проповѣдникъ этотъ всегда изображается въ одеждѣ нищенствующаго монаха, — съ острымъ капюшономъ на затылкѣ и перепоясанный веревкой. Противъ нищенствующихъ монаховъ, выступавшихъ сначала исключительно въ качествѣ проповѣдниковъ, сильно вооружались другіе монашескіе ордена и бѣлое духовенство, стараясь всѣми мѣрами ограничить права первыхъ; они считали своей обязанностью предостерегать прихожанъ отъ лжеучителей и отъ ихъ проповѣдей (LXV, 205). Если, слѣдовательно, извѣстный слой духовенства высказывался противъ нищенствующихъ монаховъ, немилосердно преслѣдуя ихъ во всѣхъ церквахъ сатирическими изображеніями, то этимъ далеко еще не осмѣивались религія и духовенство (LXV, 206).

Т. обр., Мейснеръ утверждаетъ, что всѣ изображенія въ церквахъ являются не сатирой на духовенство и религію, а только на нищенствующихъ монаховъ, т. е. являются символическими поученіями. Съ этимъ взглядомъ нельзя не согласиться и вполнѣ достаточно доводовъ Мейснера, чтобъ видѣть всю несостоятельность отрицательнаго воззрѣнія. Но такой постановкой вопроса сатирическій элементъ ограничивается только тѣсными предѣлами церкви, точнѣе одними только нищенствующими орденами. Предѣлы же сатиры по отношенію къ животному эпосу значительно шире и рѣшеніемъ Мейснера далеко не исчерпываются всѣ ея стороны. А между тѣмъ свои выводы Мейснеръ желаетъ сдѣлать обязательными и для исторіи проникновенія сатирическаго элемента въ предѣлы животнаго эпоса.

Не отыскивая непремѣнно личной сатиры въ животномъ эпосѣ, какъ поступали предшественники Мейснера, нельзя однако не замѣтить, что часто осмѣиваются высшіе и низшіе слои духовенства, вовсе, понятно, не принадлежащіе къ нищенствующимъ орденамъ. Достаточно, напр., вспомнить осла въ роли архіепископа въ 32-й вѣтви и его нахальное надгробное слово. Онъ исходитъ изъ того, что Ренаръ „велъ жизнь мученика и апостола“ (v. 29530), считаетъ его вполнѣ добродѣтельнымъ и съ увлеченіемъ оправдываетъ его въ такихъ грѣхахъ (v. 29542 слл.), циничное перечисленіе которыхъ только самая ѣдкая сатира могла вложить въ уста духовнаго лица. Проповѣдникъ обращается (v. 29566

сл.) притомъ съ увѣщаніемъ къ царю объявить по всему царству прощеніе въ восхваляемомъ имъ грѣхѣ; съ своей стороны онъ грозитъ всѣмъ ослушникамъ своего приказа (грѣшить) мученіями ада, а послушнымъ обѣщаетъ наслажденіе рая (A joie en paradis seront, v. 29586).

Выведеніе духовныхъ лицъ въ подобныхъ роляхъ встрѣчается весьма часто, какъ часто произносятся и подобныя же поученія, о чемъ свидѣтельствуютъ циничныя рѣчи въ устахъ коршуна, выступающаго въ роли исповѣдника въ 31-й вѣтви.

Если же обратиться къ „Рейнарду", то сатира оказывается еще рѣзче. Она направлена противъ духовенства вообще и противъ цистерцинцевъ и бѣлаго духовенства въ частности. Авторъ „Рейнарда" не знаетъ пощады ни аббатомъ (Reinard. III. 272. 279. 285 сл.), которыхъ онъ уподобляетъ волчьимъ головамъ, подносимымъ Изенгриму, ни епископамъ (II v. 507. III. v. 1153 сл.), ни Бернару, ни даже папѣ (Евгенію III). Одинъ изъ епископовъ перещеголялъ даже Римъ, такъ какъ онъ „грабитъ какъ сатана и держитъ [захваченное такъ крѣпко] какъ адъ" (III v. 1174); онъ снимаетъ шерсть и съ овецъ и съ козъ; онъ негодуетъ только, что, къ несчастію, не въ состояніи захватить больше, чѣмъ находитъ. „Клервоскій рясоносецъ" въ сравненіи съ нимъ—ничто: „онъ связываетъ мякину (connectit paleas III v. 1171), выискиваетъ узлы въ камышѣ, облупливаетъ камни, доитъ журавлей". Апостолы Петръ и Павелъ ничего не понимали (III v. 1145 сл.), папа же стрижетъ овецъ ножницами Симона волхва и, кто больше даетъ, тотъ помѣщается въ „лучшее небо". Коварный папа (IV v. 1015 сл.) продалъ сицилійскому вождю (Рожеру) христіанъ, вслѣдствіе чего изъ-за монаха (Евгенія) гибнутъ два царства (Германія и Франція). Послѣднее замѣчаніе, вложенное въ уста свиньи, Ренаръ пытается будто бы смягчить своимъ возраженіемъ, взводящимъ на папу еще болѣе тяжкія обвиненія. Между прочимъ онъ говоритъ (IV, v. 1214 сл.), что въ противномъ случаѣ сицилійскій король опасался бы прохода крестоносцевъ чрезъ свои владѣнія. Онъ поясняетъ притомъ, что „гадкая чернь" разрубала монеты пополамъ, вслѣдствіе чего разрубался и крестъ ([1]). Это было величайшее злодѣяніе, надъ которымъ

([1]) По примѣчанію Моне (Reinard. стр. 321 къ v. 1229), моне-

сильно скорбѣлъ „добрый папа". Если онъ поэтому забралъ всѣ деньги сицилійскія и у тиранновъ французскаго, англійскаго и датскаго и со всей земли, то только потому, что онъ трудился надъ спасеніемъ душъ людскихъ, хотѣлъ уничтожить этотъ грѣхъ и спряталъ деньги въ свой ящикъ; побуждаемый тѣмъ же благочестіемъ онъ готовъ бы захватить и сокровища всего міра, а вовсе не оттого, чтобъ онъ предпочиталъ металъ красный или бѣлый.

Едва ли нужно приводить еще другіе примѣры, чтобы составить себѣ понятіе о рѣзкости сатиры, господствующей въ „Рейнардѣ". Впрочемъ въ видѣ дополненія можно замѣтить, что ѣдкія нападки автора „Рейнарда" на цѣлый орденъ Цистерцинцевъ вообще Я. Гриммъ (R. F. стр. с) объясняетъ себѣ тѣмъ, что самъ авторъ былъ бенедиктинцемъ, которому всѣ нововведенія, исходившія со стороны первыхъ, въ частности со стороны Бернара Клервосскаго, должны были казаться въ высшей степени достойными порицанія. Слѣдовательно, возможность появленія рѣзкой сатиры вообще объясняется состояніемъ самой эпохи, въ которой разгоралась борьба между свѣтской и папской властью и взаимная вражда различныхъ слоевъ духовенства и ненависть ихъ другъ къ другу.

Итакъ, выводы Мейснера въ примѣненіи ко всѣмъ проявленіямъ сатирическаго элемента въ предѣлахъ животнаго эпоса оказываются недостаточными. Что же касается его замѣчанія (LXV, 206) относительно первоначальнаго примѣненія сатиры со стороны консервативнаго духовенства на реформаторскіе ордена, то оно подтверждается помѣченной выше ненавистью между Бенедиктинцами и Цистерцинцами въ „Рейнардѣ".

Относительно монашества волка мнѣніе Мейснера, въ выраженной имъ формѣ, вполнѣ основательно. Гервинусъ (ук. соч. I⁴, 218), правда, слѣдуя Я. Гримму, утверждаетъ, что „уже въ Ecbasis", волкъ является монахомъ. Едва ли такъ. Волкъ, встрѣчающій теленка, названъ въ Ecbasis (v. 95) не монахомъ, а „лѣсникомъ" (silvae tirannina), онъ поетъ гимны, „какъ въ обычаѣ монаховъ" (v. 98),

---

ты, съ изображеніемъ креста на нихъ (откуда и понынѣ названіе «крейцеры»), разрубались пополамъ, чтобы имѣть полъ крейцера.

заявляетъ, что въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не ѣлъ „сладкаго мяса“ (v. 112) и не пилъ крови, вслѣдствіе чего желаетъ вознаградить себя за продолжительный постъ. Но развѣ пѣніемъ гимновъ и лишеніемъ скоромной пищи обусловливается непремѣнно монашество? Даже допустивъ утвердительный отвѣтъ, не слѣдуетъ забывать, что рамка Ecbasis, въ которой авторъ предоставлялъ полный просторъ своей фантазіи, еще не обязательна для внутренняго разсказа, т. е. для разсказа о больномъ львѣ; въ послѣднемъ разсказѣ упоминается нѣсколько волковъ, но не въ роли монаховъ.

По поводу „Изенгрима“ и Я. Гриммъ (R. F. стр. lxvj) принужденъ сознаться, что „Изенгримъ не называется собственно монахомъ (I v. 427 сл.), а между тѣмъ только въ седьмомъ разсказѣ происходитъ его посвященіе въ монахи (см. выше стр. 186); притомъ онъ едва успѣваетъ попасть въ монастырь, какъ тотчасъ же избитъ и выгнанъ. Какъ же согласить эти противорѣчія? Очевидно только то, что на монашествѣ волка настаивать нельзя, что „волкъ“, по словамъ Мейснера (въ ук. м. LVI, 271), „пытается часто выступать въ качествѣ монаха, но это ему никогда не удается. Или его выдаетъ его тупость и прирожденное обжорство, или лиса всегда дурачитъ его“. Словомъ, онъ является (въ ук. м. LXV, 207) въ качествѣ „ученика или послушника, и притомъ всегда въ качествѣ тупаго ученика, который вовсе не годится для духовнаго званія или монастырской жизни“.

Такимъ неучемъ и непригоднымъ монахомъ или послушникомъ Изенгримъ дѣйствительно является во всѣхъ обработкахъ. Стоитъ только вспомнить сцены въ „Ренарѣ“, въ „Рейнгартѣ“ и намекъ въ „Рейнартѣ“ Виллема (ср. выше стр. 216). Слѣдовательно, остается только принять мнѣніе Мейснера.

Мейснеръ (LXV, 207) задается притомъ вопросомъ: на чемъ основывается идея о монашествѣ волка? Совершенно тѣмъ же вопросомъ интересуется Я. Гриммъ (R. F. стр. cxcj), съ тѣмъ только оттѣнкомъ, что желалъ бы знать: когда появилась эта идея?

Мейснеръ предполагаетъ, что идея эта развилась на основаніи извѣстной басни о волкѣ въ школѣ (J. Grimm R. F. стр. 333 сл.) (¹): въ школѣ волкъ на

(¹) Ср также W. Wackernagel Der Wolf in der Schule, въ Zs. f D. Alterth. VI, 285 сл.

всякое предложеніе повторить извѣстный звукъ азбуки отвѣчаетъ только: „овечка“, „ѣсть хочу“ и т. п. Я. Гриммъ же (въ ук. м.), не считая эту черту существенной принадлежностью животнаго эпоса, допускаетъ однако, что она могла возникнуть задолго до извѣстнаго ему древнѣйшаго памятника, именно — Ecbasis (его-же Lat. Ged. стр. 207**); ср. R. F. въ ук. м.).

Въ данномъ случаѣ догадка Я. Гримма основательна. Идея о монашествѣ волка вообще, а не въ примѣненіи непремѣнно къ животному эпосу, по вѣрной мысли Вебера (Ind. Stud. III, 365), восходитъ къ Индіи, гдѣ встрѣчается множество аналогій въ разладѣ религіозной жизни, „тогда какъ религіозное лицемѣріе едва ли можетъ быть разсматриваемо, какъ характеристическій признакъ вѣрующаго христіанства и духовенства запада въ эпоху первыхъ крестовыхъ походовъ“. Съ этимъ взглядомъ вполнѣ соглашается и Бенфей (Pantsch. I, 178).

Сатира на духовенство встрѣчается въ животномъ эпосѣ чаще всего. Это предпочтеніе впрочемъ невозможно объяснять вмѣстѣ съ Я. Гримомъ „незамѣтнымъ возникновеніемъ“ изъ самой природы животнаго эпоса. Это даже болѣе чѣмъ темное опредѣленіе. Причина этого предпочтенія заключается, очевидно, въ томъ, что духовенство среднихъ вв. было само по себѣ самымъ выдающимся явленіемъ, которое приковывало къ себѣ вниманіе всѣхъ. Все, что совершалось въ его средѣ ненормальнаго, должно было чутко отзывается въ другихъ слояхъ общества. Изображеніе же этихъ явленій со стороны авторовъ вполнѣ зависѣло отъ ихъ характера и душевнаго настроенія. Тотъ же авторъ „Рейнарда“, бичующій съ такимъ ожесточеніемъ испорченность духовенства, отзывается однако съ большой похвалой о двухъ духовныхъ лицахъ (Reinard. III v. 1501 слл. 1541 слл.).

Съ усиленіемъ новыхъ элементовъ или съ болѣе замѣтнымъ разложеніемъ господствующихъ усиливаются и новые мотивы сатиры. Такъ, въ „Рейнартѣ“ II, — чего нѣтъ, понятно, въ его источникѣ, — Рейнартъ заключаетъ свою исповѣдь передъ барсукомъ длинной сатирической рѣчью (vv. 4126—4263; ср. vv. 7500—49. 7654—7721), въ которой бичуетъ испорченность міра вообще, господство лжи и лести при княжескихъ дворахъ, продажность судей, говоритъ (vv. 6012—6033) о грубыхъ невѣждахъ, окружающихъ царей,

помышляющихъ только о наживѣ и въ критическую минуту покидающихъ своего господина. Съ большей еще рѣзкостью вооружается „Рейнартъ“ II противъ испорченности духовенства въ Римѣ (vv. 4532—4609). Мужъ обезьяны заявляетъ Рейнарту, что онъ, въ качествѣ епископскаго клерка, самъ поведетъ его дѣло въ Римѣ и непремѣнно добьется отпущенія грѣховъ. Тамъ „мой дядя Симонъ“ (Simoen, т. е. намекъ на симонію), пользующійся большимъ вліяніемъ; „онъ помогаетъ охотно [тѣмъ], которые нѣчто даютъ“; тамъ же Бериве (Prentout) и Подслушивай-хорошенько (Luusterwel), Изобрѣтатель-козней (Scalcvont), Дайте-мнѣ (Gheeftmi) и Хватай-скорѣй (Greepsnel). Придется немного захватить денегъ, такъ какъ „просьба съ даяніемъ отважна“. У папы нетрудно будетъ выхлопотать также интердиктъ; папа уже старъ, такъ всѣмъ управляетъ кардиналъ Valoot (см. Martin Rein. стр. xx). Онъ держитъ у себя наложницу (een concubijn), которую онъ очень любитъ: малѣйшую ея просьбу онъ тотчасъ исполняетъ; и это „моя племянница“; „она всегда исполняетъ мою просьбу“.

Такъ выражается сатира въ „Исторіи Рейнарта“.

Подобныя же сатирическія выходки встрѣчаются и въ „Ренарѣ“, но онѣ далеко не проводятся съ такой настойчивостью какъ, напр., въ „Рейнардѣ“ или даже „Рейнартѣ“ II. Сатира въ „Ренарѣ“ разбросана и прорывается только мелькомъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ быстро перейти къ основному сюжету. Напр., Ренаръ заявляетъ, что вилланъ долженъ питаться чертополохомъ; только богачи имѣютъ право на хорошую пищу (Ren. v. 28090 слл.). Когда богачъ является ко двору (Ren. v. 10205—230), всѣ тѣснятся около него, угощаютъ его лучшими блюдами, а бѣдняка не допускаютъ къ столу; онъ ѣстъ съ колѣнъ, получаетъ только кости для обгладыванія и долженъ довольствоваться всѣмъ этимъ въ своемъ углу, тогда какъ богачи утопаютъ въ изобиліи, отсылая излишки своимъ наложницамъ. „Барство (Ren. v. 6091 слл.) все готово устроить по своему желанію, ни въ чемъ не желаетъ признавать дѣлежа, все желаетъ удержать [себѣ] по своему произволу“. Судьба вообще издѣвается надъ міромъ (Ren. 27782—854) и неравномѣрно распредѣляетъ свои блага. Презрѣніе къ вилланамъ царь левъ выражаетъ между прочимъ словами (Ren. v. 6038 слл.): „лучше я коснусь до вонючей чаши съ ядомъ, чѣмъ я дотронусь до виллана“. Что касается монаховъ, то они „слишкомъ горды

(Ren. v. 27940 — 43), и народъ этотъ чрезвычайно скверняго нрава и за молитву ничего не сдѣлаетъ". Съ тѣхъ поръ (v. 28128 сл.), какъ объявился Господь, духовенство и священники — всѣ безумны". Не забытъ вопросъ и о женской злобѣ. „Женщинѣ (v. 15005 — 13) нельзя вѣрить на слово; мало женщинъ безъ коварства; благодаря женщинѣ больше сумятицы, чѣмъ мира; . . . женщина изъ всѣхъ золъ величайшее (some т. е. бремя)".

Всѣ эти проявленія сатиры невозможно, конечно, относить къ „невинной ироніи", а остается причислить къ весьма ѣдкой и притомъ личной сатирѣ, хотя личностями являются во многихъ случаяхъ цѣлыя корпораціи или слои общества, подвергающіеся бичеванію

Но помимо этой рѣзкой сатиры встрѣчается и болѣе мягкая, которую согласно опредѣленію Я. Гримма (R. F. стр. cclјx) можно отнести къ „безличной" сатирѣ. Собственно въ составъ послѣдней входятъ вопросы менѣе животрепещущіе, болѣе обыденные, т. е. покрайней мѣрѣ сдѣлавшіеся обыденными, или стоящіе на ступени будничныхъ явленій жизни. Съ подобными признаками тѣ или другія черты, встрѣчающіяся въ животномъ эпосѣ скорѣе относятся къ области пародіи и, пожалуй, ироніи.

Сюда нельзя не отнести описаніе богослуженія, совершаемаго различными животными въ извѣстныхъ браншахъ „Ренара" и его истоковъ; сюда же относятся черты о поклоненіи мощамъ, о постриженіи волка въ монахи благодаря обливанію головы его кипяткомъ и т. п. Впрочемъ нерѣдко и эти черты настолько обостряются, что простая шутка принимаетъ болѣе рѣзкій оттѣнокъ и переходитъ въ сатиру. Такой переходъ нельзя не видѣть, напр., въ предложеніи виновной волчицы прибѣгнуть къ суду божьему (Ren. v. 9794 сл.; ср 9930 слл.), или въ замѣчаніи пса, что въ деревнѣ за святыми дѣло не станетъ (assez aurez en ceste vile sains et saintes, v. 8978 слл.), чтобы замѣнить неимѣющіяся мощи, и т. п.

Вообще цѣлый рядъ чертъ, отличающихся частью сатирическимъ, частью ироничнымъ оттѣнкомъ служитъ вѣрнымъ отраженіемъ разнообразныхъ проявленій той эпохи. Въ „Ренарѣ" можно встрѣтить намеки на продажность судей (Ren. v. 8972), на лицемѣрные поцѣлуи (v. 5687) и лицемѣріе въ семейной жизни (v. 27760), нормальный ходъ которой весь-

ма часто нарушается (br. 30, 32, жалобы Из. по поводу безчестія его жены и т. п.). То представляется характеристика женскаго лукавства (v. 7107), то обличаются въ нецѣломудренной жизни монашенки (v. 12430; ср. v. 28271) или вообще набрасывается тѣнь на поведеніе женщинъ (v. 12840).

Коснувшись этихъ чертъ, слѣдуетъ указать спорный вопросъ о томъ: какъ относиться къ упоминаемымъ „женамъ священниковъ“? Іонкблутъ (Étude стр. 384) сопоставилъ уже всѣ относящіяся сюда мѣста. Остается только замѣтить, что упоминаніе съ одной стороны „женъ священниковъ“, съ другой женщинъ предосудительнаго поведенія (une putain. vv. 10556. 10628. 21057. 20880. 21893 [pute]. 21824 (meschine]) свидѣтельствуетъ въ пользу переходной эпохи, когда священникамъ было уже предписано безбрачное состояніе, но тѣмъ не менѣе удерживались еще старые порядки. Упоминаніе же наложницъ ясно показываетъ, что названіе это сознательно употребляется авторами съ цѣлью сатиры.

Т. обр., всѣ приведенныя черты служатъ вѣрнымъ отраженіемъ средневѣковой жизни, все слагается въ назидательную картину нравовъ.

Если обратить, наконецъ, вниманіе на то, въ какихъ браншахъ или поэмахъ вообще встрѣчаются сатирическія черты по преимуществу, то легко замѣтить, что послѣднія обнаруживаются въ обработкахъ болѣе поздней эпохи.

Въ древнѣйшемъ изъ сохранившихся обработокъ, именно во внутреннемъ разсказѣ Ecbasis, не сохранилось ровно ничего сатирическаго. Насколько возможно было автору, начитавшемуся Горація, Вергилія, Овидія, Пруденція и мн. др. и хваставшему своей ученостью,—онъ сравнительно довольно безъискусственно излагаетъ разсказъ о болѣзни льва. Въ этомъ разсказѣ трудно видѣть признаки какихъ либо сатирическихъ намековъ. Правда, у Вакернагеля (Kl. Schr. II, 274) рождается сильное подозрѣніе, что выраженіе автора относительно образности (per tropologiam) слѣдуетъ, „можетъ быть“, примѣнить не только къ рамкѣ Ecbasis, но и къ внутреннему разсказу. Для подобныхъ догадокъ разсказъ о больномъ львѣ не представляетъ ровно никакихъ данныхъ.

„Была ли уже такая рѣзкость сатиры въ отрывкѣ Изенгримъ“, говоритъ Гервинусъ (ук. соч. I[5], 219), „какъ въ

Рейнардѣ,—нельзя сказать, пока нѣтъ на лицо всего [„Изенгрима“]; впрочемъ можно сомнѣваться въ этомъ“.

Во первыхъ, почему „Изенгримъ“ „отрывокъ“,—это извѣстно только самому Гервинусу, хотя онъ, къ сожалѣнію, забылъ сообщить основаніе своему голословному заявленію. Странно, во вторыхъ, что Гервинусъ на основаніи 685 стиховъ „Изенгрима“ не берется положительно рѣшать вопроса: присуща ли „Изенгриму“ сатира? тогда какъ на основаніи двухъ-трехъ неудачныхъ фразъ составителей франц. вѣтвей „Ренара“, онъ заключаетъ о „бездарности“, „пошлости“ и т. д. разскащиковъ послѣдняго и самаго романа! Впрочемъ въ замѣнъ положительности дано „сомнѣніе“. На самомъ дѣлѣ „сомнѣнія“ быть не можетъ относительно отсутствія малѣйшаго сатирическаго намека въ „Изенгримѣ“. Весь интересъ сосредоточенъ только на разсказѣ, который передается въ высшей степени просто и естественно.

Полъ столѣтія спустя появляетя „Рейнардъ“ и сразу изливаетъ массу ѣдкой сатиры, точно она накоплялась въ теченіи этого времени. На характеръ этой сатиры было указано выше.

Переходя затѣмъ къ „Ренару“, не трудно замѣтить по приведеннымъ примѣрамъ, что самая ѣдкая сатира заключается въ позднѣйшихъ браншахъ, истокахъ br. 20^{a}, именно въ 29-й, 32-й и отчасти 19-й. Восходя къ br. 20^{a}, нельзя не видѣть огромной разницы между мягкой сатирой послѣдней и рѣзкими выходками истоковъ этой вѣтви.

Въ „Рейнгартѣ“ еще менѣе сатиры; нѣкоторые же историческіе намеки, которые отыскиваетъ Я. Гриммъ (R. F. стр. cxjv), — еще не сатира. Слѣдовательно, можно предположить, что истоки утраченныхъ оригиналовъ „Ренара“, относящіеся къ той же эпохѣ какъ и „Изенгримъ“, а можетъ быть и къ болѣе ранней, должны были раздѣлять съ нимъ тѣ же свойства, т. е. отличаться отсутствіемъ всякой сатиры.

Наконецъ достаточно сравненія между собой „Рейнарта“ I и II, чтобы убѣдиться, что „Рейнартъ“ II — хотя оба принадлежатъ сравнительно къ весьма поздней эпохѣ—заключаетъ въ себѣ больше и болѣе ѣдкой сатиры, чѣмъ „Рейнартъ“ I. Даже измѣнившійся въ пользу Рейнарта конецъ въ „Рейнартѣ“ II (стало быть и въ „Рейнке“), т. е. его блестящее оправданіе и окруженіе почестями, доказываетъ, что взяла верхъ исключительно сатирическая точка зрѣнія,

взяло верхъ „искусство Рейнарта“. Наконецъ сосредоточеніе главнаго интереса на одномъ Рейнартѣ доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ сталъ главнымъ и исключительнымъ героемъ. И чѣмъ поэма возникла позднѣе, какъ, напр., въ упомянутыхъ выше (стр. 260) поэмахъ чисто личнаго творчества, тѣмъ болѣе все концентрируется въ Ренарѣ.

Резюмирая вкратцѣ все вышесказанное по поводу сатирическаго элемента, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Поэмы о животныхъ преслѣдовали на первыхъ порахъ исключительно цѣль развлеченія.

2. Сатирическій элементъ вообще не свойственъ животному эпосу; гипотезы, усматривающія въ послѣднемъ изложеніе историческихъ фактовъ подъ оболочкой сатиры, несостоятельны.

3. Сатира проникаетъ въ животный эпосъ сравнительно въ весьма позднюю эпоху: въ древнѣйшихъ его памятникахъ сатира отсутствуетъ и появляется лишь въ позднѣйшихъ.

4. Личная сатира встрѣчается въ животномъ эпосѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ; преимущественно преобладаетъ сатира общая или безличная; она является отраженіемъ средневѣковой жизни.

5. Назиданіе при помощи отдѣльнаго момента изъ области животнаго эпоса вообще имѣли въ виду (помимо басенъ) только изображенія извѣстныхъ отраслей искусства; впослѣдствіи и животнымъ поэмамъ придавалось назидательное значеніе и присоединялись нравоучительные глоссы.

6. Волкъ не изображается въ животномъ эпосѣ монахомъ; роли волка подъ личиной монаха изобличаютъ его неспособность къ этому званію или представляютъ его тупоумнымъ послушникомъ. Идея о монашествѣ волка вообще обязана своимъ происхожденіемъ востоку.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 64, слѣдуетъ прибавить: . . . изъ бестіаріевъ, при посредствѣ басни Лютера (см. ниже стр. 239), . . .

Къ стр. 81 слл. Въ подтвержденіи нашего взгляда на независимое возникновеніе только извѣстной категоріи разсказовъ, сходныхъ только въ основныхъ своихъ моментахъ, приводимъ одну сказку, встрѣчающуюся у трансильванскихъ саксонцевъ и опущенную нами изъ виду. Въ ней передается (Haltrich ук. соч. стр. 34 сл. № xxvij), что медвѣдь, волкъ, лиса и заяцъ отправляются въ качествѣ пѣвчихъ на ярмарку, не уплачиваютъ свой долгъ въ гостинницѣ, хозяинъ которой вмѣстѣ съ скорнякомъ собираются снять съ нихъ шкуры. Дряхлаго медвѣдя и трусливаго зайца имъ удалось вскорѣ пригвоздить къ стѣнѣ; волкъ же, выламавъ ставни, обращается съ лисой въ бѣгство. Пока хозяинъ гостинницы и скорнякъ бросаются закрывать ставни, медвѣдь и заяцъ срываются съ гвоздей, вслѣдствіе чего у нихъ понынѣ короткіе хвосты. Т. обр., мы находимъ новый примѣръ, что одно и тоже явленіе куцости поражало въ одинаковой степени младенческій умъ человѣка, но вызывала не одинаковое объясненіе,—лучшее доказательство въ пользу независимости происхожденія разсказовъ.

Къ стр. 109. По поводу состязанія съ ракомъ и происхожденіи этого разсказа ср. м. пр. Вебера въ Ind. Studien III, 365**).

Къ стр. 117 (къ группѣ № 5). Почти на дняхъ вышла въ свѣтъ книга, имѣвшаяся въ виду уже довольно давно: Litauische Volkslieder und Märchen aus dem preuss. u. russ. Litauen ges. von A. Leskien u. K. Brugman. Strassburg 1882. Въ числѣ сказокъ встрѣчаются и двѣ животныя сказки. Одна изъ нихъ (стр. 352 № 1 нѣмецк. перевода) передаетъ мотивъ объ избавленіи человѣка отъ хищнаго звѣря.

Крестьянинъ пашетъ у опушки лѣса. Лежавшій въ кустахъ медвѣдь заявляетъ вдругъ, что съѣстъ его быковъ. Является лиса и, заручившись обѣщаніемъ цѣлаго мѣшка съ курицами, берется выручить крестьянина. Убѣжавъ въ лѣсъ, она прибѣгаетъ къ извѣстной уже хитрости. т. е. заявляетъ о облавѣ, спрашиваетъ нѣтъ ли хищныхъ звѣрей, допытывается, что лежитъ въ кустахъ, и сомнѣвается, чтобы выкорчеванный пень имѣлъ сучья. Догадливый медвѣдь очень развязно проситъ обрубить ему ноги; повидимому, онъ не довольствуется такой услугой и требуетъ за вторымъ разомъ воткнуть въ него топоръ. Когда дѣло приближается къ расплатѣ. мужикъ сажаетъ въ мѣшокъ двухъ собакъ; остальное пересказывается, какъ въ вар. АБ.

Къ этой сказкѣ, какъ и ко всѣмъ сказкамъ вообще, присоединены примѣчанія „г. докторомъ Вольнеромъ", какъ значится въ предисловіи. Примѣчанія эти ничѣмъ не отличаются отъ примѣчаній, дѣлаемыхъ къ сказкамъ вообще, не исключая и примѣчаній Р. Кёлера, т. е. приводится длинный рядъ сказокъ сходныхъ, констатируется фактъ сходства, которое въ состояніе констатировать и неграмотный, — и только. Указать на взаимное отношеніе этихъ сказокъ, на генетическую ихъ связь, на пути перехода,—все это, конечно, не дѣло примѣчаній и поэтому благоразумно обходится молчаніемъ.

Поэтому весьма оригинальнымъ и довольно смѣлымъ должно казаться замѣчаніе Вольнера (стр. 516): „довольно вѣроятно [только вѣроятно?!], что разсказчику была извѣстна русская версія", причемъ добавляется, что „въ самомъ дѣлѣ" одна бѣлорусская сказка [у насъ вар. Г] „во многихъ пунктахъ совпадаетъ съ нашей литовской". Это замѣчаніе вызвано примѣчаніемъ Бругмана (стр. 353[3]), что въ оригиналѣ слова nàtibi vòst представляютъ порчу русскаго выраженія: „на тебѣ хвостъ". Т. обр. смѣлость Вольнера объясняется этой указкой, безъ которой, конечно, онъ не отважился бы на такой подвигъ, какъ наглядно обличаютъ всѣ остальныя примѣчанія.

Но и помимо искаженнаго выраженія необходимо было бы заключить, что литовская сказка заимствована у русскихъ. Передается она съ тѣми признаками непослѣдовательности и отчасти неестественности, которыя свойственны всѣмъ заимствованнымъ сказкамъ. Такъ, утраченъ мотивъ о

проклинаніи быковъ и вообще не мотивируется желаніе медвѣдя съѣсть послѣднихъ; затѣмъ не мотивируется, почему медвѣдь не исполняетъ своей угрозы, не упоминается, что медвѣдь удалился, такъ какъ не въ его же присутствіи лиса дѣлаетъ предложеніе извести его; наконецъ, неестественно предложеніе медвѣдя обрубить ему лапы. Далѣе слѣдуютъ совпаденія и преимущественно съ вар. Г: мотивъ о мнимой барской охотѣ, перебѣганіе лисы съ одного мѣста на другое, допросы лисы, гибель медвѣдя, выдаваемаго за колоду (пень), мѣшокъ съ двумя собаками, облающими собственными именами (Рыжая и Пѣгая, по литовск. сказкѣ, Сѣрка и Бѣрка, по вар. Г), разговоръ лисы съ своими членами (глаза, ноги, хвостъ). Т. обр. всѣ эти черты ясно примыкаютъ къ вар. Г. Но такъ какъ съ другой стороны вмѣсто волка въ Г выступаетъ медвѣдь, какъ вар. Д𝔄𝔈, съ которыми встрѣчаются и другія совпаденія, то, очевидно, литовская сказка возникла на основаніи посредствующаго звена между вар. Г съ одной стороны и Д𝔄𝔈 съ другой. Любопытно и то, что черты, изгладившіяся въ вар ГД, уцѣлѣли въ литовск. сказкѣ и вполнѣ совпадають съ вар. 𝔄. Такое совпаденіе обнаруживаетъ все начало сказки: мужикъ пашетъ (ср. вар. 𝔄), медвѣдь, залегшій въ кустахъ (en un buisson avait boté, Ren. v. 15392. 15397. 15459), требуетъ выдачи воловъ (Ren. v. 15477) и т. д. Эти новыя дословныя совпаденія въ связи съ отмѣченными раньше (см. выше стр. 117 сл.) не только заставляютъ обратить вниманіе на это сходство (см. выше стр. 118). но вынуждаютъ къ заключенію, что разсказъ этотъ заимствованъ именно съ запада и шелъ путемъ, намѣченнымъ уже выше (въ ук м.). Притомъ нѣкогда, т. е. въ моментъ передачи сказанія на Русь, если можно такъ выразиться, передаваемый разсказъ сохранялъ почти всѣ черты вар. 𝔄, которыя только съ теченіемъ времени, при неустойчивости устной передачи породили рядъ произвольныхъ сочетаній; къ числу послѣднихъ долженъ быть отнесенъ разсказъ легшій въ основу и приведеннаго литовскаго варіанта.

Къ стр. 122 (къ группѣ № 5). Такъ какъ бѣгло сдѣланное указаніе на то, что изъ басни Эзопа „Лисица и Дровосѣкъ" развилась, вѣроятно, пятая группа сказочныхъ мотивовъ, можетъ показаться недостаточнымъ, то слѣдуетъ остановиться здѣсь вкратцѣ на этомъ вопросѣ.

Въ упомянутой басни Эзопа разсказывается, что лисица, спасающаяся отъ преслѣдованія охотниковъ, встрѣчаетъ дровосѣка и обращается къ нему съ просьбой спрятать ее. Дровосѣкъ указываетъ ей на свою избу, гдѣ лисица прячется въ углу. Вслѣдъ затѣмъ являются охотники и пускаются въ распросы. Дровосѣкъ отговаривается невѣдѣніемъ, но рукой указываетъ на мѣсто убѣжища лисы. Охотники, не замѣтивъ его жеста, удаляются. Вскорѣ лиса покидаетъ свое убѣжище и молча удаляется. Дровосѣкъ укоряетъ ее въ неблагодарности, но получаетъ въ отвѣтъ отъ лисы, что она благодарила бы его только въ томъ случаѣ, еслибъ его поступки (жесты) согласовались съ его словами.

Въ данномъ случаѣ вся первая половина басни довольно близко отвѣчаетъ главнымъ моментамъ пятой группы животныхъ сказокъ. И въ послѣдней на медвѣдя (волка) наводитъ страхъ мнимое появленіе охотниковъ; онъ старается спрятаться отъ нихъ при помощи крестьянина (пахаря); послѣдній, дѣйствительно, дѣлаетъ видъ, что прячетъ медвѣдя, уступая его просьбамъ; на вопросы лисы, которая въ данной группѣ сказокъ выступаетъ въ роли охотниковъ, крестьянинъ тоже даетъ рядъ отрицательныхъ отвѣтовъ. Только конецъ представляетъ, повидимому, отступленіе, такъ какъ въ одномъ случаѣ лиса уходитъ цѣлой, а въ другомъ медвѣдь погибаетъ. Но въ басни важна была мораль, и потому лиса поучаетъ лицемѣрнаго дровосѣка, въ сказкѣ же необходимъ былъ болѣе подходящій къ народнымъ воззрѣніямъ и понятіямъ конецъ, и потому медвѣдь погибаетъ. Въ сущности конецъ басни и сказки сводятся къ одной же идеѣ: звѣрь измѣннически преданъ.

Т. обр., въ возникновеніи этой группы сказокъ на основаніи данной басни едва ли можетъ быть сомнѣніе. И сказки и баснь представляютъ цѣлый рядъ совпаденій, которыя слишкомъ очевидны, тогда какъ другія сказки, развившіяся на основаніи той же басни обнаруживаютъ подчасъ значительно больше отступленій. Таковы м. пр. сказки, встрѣчающіяся у Бенфея (Pantsch. I, 210).

Та же басня встрѣчается и у Waldis III, 44; ср. и прим.

Къ стр. 132. По поводу выраженія: „Въ „Рейнгартѣ“, какъ сокращенной передѣлкѣ франц. оригинала...“, во избѣ-

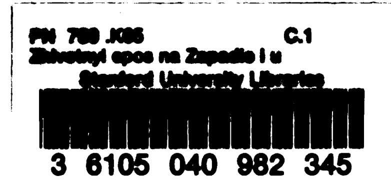
жаніе недоразумѣній, ссылаемся на отдѣлъ, посвященный разбору „Рейнгарта“ (см. ниже стр. 268).

Къ стр. 136 (къ группѣ № 7). Въ указанномъ сборникѣ Лескина и Бругмана (стр. 353 № 2) другая животная сказка передаетъ мотивъ о Лисѣ-судьѣ. Человѣкъ освобождаетъ изъ подъ бревна змѣя, заручившись обѣщаніемъ награды. Судьями являются собака, лошадь и лиса. За избавленіе лиса выговариваетъ себѣ гуся, но, по совѣту жены, крестьянинъ беретъ въ одну руку гуся, въ другую ружье и убиваетъ лису. И въ этой сказкѣ изгладились извѣстные мотивы: не говорится, зачѣмъ лиса ведетъ змѣя къ прежнему мѣсту, а лиса прямо велитъ человѣку поднять бревно и улечься змѣю. Литовская сказка примыкаетъ посредственно къ вар. А съ одной стороны и къ вар. Б съ другой. О происхожденіи этихъ сказокъ вообще было указано выше (стр. 137).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

стр.	IV^{6}	слѣдуетъ:	лишнимъ
—	VIII_{1}	—	312
—	20_{10}	—	1—9),
—	24_{15}	—	Ле Фауэ;
—	27^{14}	—	Alld.
—	46_{16}	—	van
—	58^{12}	—	Popular
—	58^{20}	—	[1870]
—	64_{6}	—	20)
—	64_{4}	—	очевидно,
—	75^{4}	—	clers
—	80_{7}	—	ласица
—	86_{6}	—	«[Шакалы]
—	93_{15}	—	[Reynard
—	$100_{2—1}$	—	Goedeke
—	111^{8}	—	(Chabaille
—	117^{7}	—	засѣваютъ
—	$117_{16—15}$	—	восторжествовала
—	117_{10}	—	заимствованныхъ
—	127_{17}	—	всего два
—	185_{15}	—	развивающій
—	189^{4}	—	(Rein.
—	189^{7}	—	является
—	195_{12}	—	мож-
—	195_{11}	—	Мы
—	221^{16}	—	«Райнардо»
—	260^{19}	—	précédé
—	260_{8}	—	міромъ
—	263^{16}	—	Étude
—	269^{5}	—	стр.
—	269_{11}	—	«Рейн-
—	$270_{5—6}$	—	названіе
—	270_{8}	—	собаками»
—	274_{6}	—	позднѣйшихъ
—	277_{4}	—	Étude
—	281^{16}	—	Hulsterlo
—	286^{15}	—	разногласія
—	288^{5}	—	приходится незадолго
—	298_{14}	—	XII в.,
—	303^{14}	—	аббатамъ
—	303_{6}	—	говоритъ

DATE DUE			

